A 146/155

ОБЫЧНЫЙ ПОРЯДОКЪ

НАСЛѢДОВАНІЯ

У КРЕСТЬЯНЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІИ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ КЪ БУДУЩЕМУ ГРАЖДАНСКОМУ УЛОЖЕНІЮ.

В. Ф. Мухинъ.

Изданіе редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1888

Д 146/155

ф 1-80/15307

216

ОБЫЧНЫЙ ПОРЯДОКЪ

НАСЛѢДОВАНІЯ

У КРЕСТЬЯНЪ.

КЪ ВОПРОСУ ОБЪ ОТНОШЕНІИ НАРОДНЫХЪ ЮРИДИЧЕСКИХЪ ОБЫЧАЕВЪ КЪ БУДУЩЕМУ ГРАЖДАНСКОМУ УЛОЖЕНІЮ.

В. Ф. Мухинъ.

Изданіе редакціонной коммиссіи по составленію гражданскаго уложенія.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ПРАВИТЕЛЬСТВУЮЩАГО СЕНАТА
1888

2007058214

ОБЫЧНЫЙ ПОРЯДОКЪ НАСЛѢДОВАНІЯ У КРЕСТЬЯНЪ.

Имяху бо обычаи свои, и законъ отець своихъ и преданья, каждо свой нравъ.

Лаврентьевская лѣтопись.

По старой памяти,—какъ по грамотѣ.

Пословица.

Подъ именемъ обычнаго или народнаго права въ нашей юридической литературѣ понимаются обыкновенно юридическіе обычаи, дѣйствующіе въ крестьянской средѣ и опредѣляющіе, по преимуществу, юридическія отношенія, входящія въ область гражданскаго права.

Возражать противъ такого словоупотребленія, по нашему мнѣнію, нѣтъ особенной надобности съ одной стороны потому, что крестьянство дѣйствительно составляетъ большинство народонаселенія государства, а съ другой стороны сами обычаи крестьянъ безспорно представляютъ собою вполнѣ національный и самобытный продуктъ народнаго правосознанія.

Тѣмъ не менѣе при обсужденіи вопроса объ отношеніи юридическихъ обычаевъ къ законодательству нельзя упускать изъ виду, что, такъ называемое, народное право выработалось и примѣняется только среди крестьянскаго сословія, тогда какъ другіе, высшіе и болѣе образованные классы общества уже издавна привыкли къ дисциплинѣ закона, тѣмъ болѣе, что и само законодательство, по скольку оно касалось сферы част-

ныхъ отношеній, имѣло въ виду, по крайней мѣрѣ, до послѣдняго времени, главнымъ образомъ интересы и потребности привилегированныхъ классовъ.

Хотя въ исторіи нашего законодательства можно отмѣтить такую эпоху, когда оно отражало въ себѣ юридическія воззрѣнія всей народной массы безъ различія сословій, но уже съ образованіемъ Московскаго государства стало обнаруживаться рѣзкое различіе въ положеніи, такъ называемыхъ, *служилыхъ* и *тяглыхъ* людей. Съ этого времени все вниманіе законодательства сосредоточивается на служиломъ сословіи, имѣвшемъ право владѣть помѣстьями и вотчинами; тяглые же люди и въ особенности крестьянство, сначала прикрѣпленное къ землѣ, а затѣмъ подчиненное и личной помѣщичьей власти, остается надолго въ сторонѣ отъ всякаго воздѣйствія закона на его гражданскій бытъ и возникающія отсюда юридическія отношенія. Только въ минувшее царствованіе совершилось великое событіе освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, являющееся первымъ крупнымъ шагомъ къ уничтоженію вѣковой розни сословій. Цѣлый рядъ послѣдовавшихъ затѣмъ реформъ, каковы: земскія учрежденія, судебная реформа, всесословная воинская повинность, по своему общему направленію преслѣдовали достиженіе той же цѣли уничтоженія сословныхъ перегородокъ и сліянія всѣхъ классовъ общества въ однородную массу равноправныхъ гражданъ.

Будущему гражданскому уложенію, долженствующему замѣнить собою наши, во многомъ весьма устарѣвшіе, гражданскіе законы, предстоитъ идти по тому же пути, которымъ шло законодательство послѣдняго времени, и вмѣстѣ съ тѣмъ установить такія правовыя нормы, которыя отвѣчали бы современнымъ нуждамъ

и дѣйствительнымъ потребностямъ всѣхъ общественныхъ группъ, входящихъ въ составъ населенія страны.

Задача эта представляется тѣмъ болѣе трудною, что уже составители положенія 19-го февраля 1861 г. при организаціи быта новаго сословія свободныхъ сельскихъ обывателей, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ, встрѣтились съ такими своеобразными началами юридической жизни, которыя признано было полезнымъ сохранить на будущее время и даже положить до нѣкоторой степени въ основаніе всей реформы освобожденія. Такимъ образомъ за крестьянами были удержаны общинное, мірское устройство и особый судъ, руководствующійся въ рѣшеніи подвѣдомственныхъ ему дѣлъ не закономъ, а обычаями, значеніе которыхъ, въ смыслѣ самостоятельнаго источника права, было признано во многихъ статьяхъ того же положенія.

Почти одновременно съ освобожденіемъ крестьянъ началось у насъ систематическое собираніе и изученіе народныхъ юридическихъ обычаевъ (*). Съ тѣхъ поръ минула уже четверть столѣтія, и благодаря совокупной дѣятельности какъ правительства, такъ и частныхъ лицъ, направленной къ ознакомленію со строемъ народной юридической жизни, наша юридическая литература обладаетъ теперь довольно богатымъ матеріаломъ

(*) Программы для собиранія народныхъ юридическихъ обычаевъ начинаютъ появляться съ 1862 г. Онѣ указываются *Е. И. Якушкинымъ* (Обычное право. Матеріалы для библіографіи обыч. права. Ярославль, 1875 г. стр. 2—4) и *А. Ф. Поворинскимъ* (Систематическій указатель рус. литерат. по гражд. праву. 1886 г. стр. 32—33). См. также статью г. *Матвѣева* „Что сдѣлано у насъ по обыч. праву“ въ Зап. рус. геогр. общества по отд. этногр. 1867 г. т. I, стр. 645—647. Позднѣйшая программа принадлежитъ *М. Н. Харузину*. Москва 1887 г.

для сужденія о существѣ и значеніи дѣйствующихъ въ крестьянской средѣ правовыхъ обычныхъ нормъ.

Тѣмъ не менѣе вопросъ объ отношеніи народныхъ юридическихъ обычаевъ къ законодательству по сіе время все еще остается спорнымъ и недостаточно выясненнымъ. Вопросъ этотъ подвергался уже обсужденію на первомъ съѣздѣ русскихъ юристовъ, бывшемъ въ Москвѣ, въ 1875 году, причемъ съѣздъ не пришелъ ни къ какому положительному рѣшенію, хотя и призналъ желательнымъ составленіе сборника народныхъ обычаевъ и учрежденіе для собиранія и разработки ихъ особой коммисіи въ одной изъ столицъ. Изъ преній на съѣздѣ, однакоже, выяснилось, что по отношенію къ означенному вопросу между нашими юристами существуютъ два противоположныя мнѣнія, изъ коихъ одно клонится къ тому, что изученіе народной жизни и обычнаго права должно лечь въ основу законодательства или, по крайней мѣрѣ, служить ему восполненіемъ, и другое, по которому внесеніе народныхъ обычаевъ въ законъ представляется неудобнымъ и нежелательнымъ какъ потому, что обычай не даетъ общихъ юридическихъ нормъ, а составляетъ лишь проявленіе, свойственное одной какой-либо мѣстности, такъ и потому, что обычаи простонародья образуютъ собою міръ младенческаго правосознанія, пережитый уже націею въ смыслѣ высшаго культурнаго класса (*).

Эти два мнѣнія съ нѣкоторыми варіантами продолжаютъ высказываться въ нашей юридической литературѣ вплоть до послѣдняго времени. Такъ, напримѣръ,

---

(*) Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г. Москва 1882 г. Докладъ *Н. В. Калачова* „Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству“ и пренія по сему докладу, стр. 119—151.

г. *Табашниковъ* въ статьѣ подъ заглавіемъ „Желательное отношеніе будущаго гражданскаго уложенія къ обычному праву“, помѣщенной въ Журналѣ Гражд. и Уголовн. права за 1885 г. кн. 3, находитъ, что освященіе авторитетомъ закона смутныхъ, неустойчивыхъ, часто безнравственныхъ, противорѣчивыхъ и противныхъ нынѣшней культурѣ правоотношеній такъ называемаго у насъ народнаго, а въ сущности крестьянскаго обычнаго права, было бы не только вопіющею несправедливостью и величайшимъ зломъ для остальныхъ слоевъ и классовъ нашего общества, но оказало бы крайне вредное вліяніе и на самихъ крестьянъ. Такимъ образомъ, по заключенію г. Табашникова, выходитъ, что народные юридическіе обычаи не только не могутъ послужить дѣлу законодательства, но и самое существованіе обычнаго права въ смыслѣ болѣе или менѣе прочной системы правовыхъ положеній, опредѣляющихъ бытовыя отношенія въ народной средѣ, подлежитъ сильному сомнѣнію.

Совершенно противоположный взглядъ высказывается г. *Дашкевичемъ* на страницахъ Юридическаго Вѣстника за 1886 г. кн. 8, въ статьѣ „Будущее гражданское уложеніе и народные обычаи“. Полемизируя съ г. Табашниковымъ, авторъ упомянутой статьи приходитъ къ убѣжденію, что если будущее уложеніе должно быть общимъ закономъ, то въ основу работъ необходимо полагать прежде всего обычное право, которое явится самымъ прочнымъ фундаментомъ зданія; наука же и законодательства должны служить только вспомогательнымии источниками.

Въ виду столь противорѣчивыхъ взглядовъ на взаимное отношеніе писаннаго и обычнаго права едвали возможно съ достаточною точностію указать a priori предѣлы вліянія обычнаго права на разработку отдѣльныхъ

институтовъ будущаго гражданскаго уложенія, хотя попытку подобнаго рода мы и встрѣчаемъ въ рефератѣ г-жи *Евреиновой*, доложенномъ въ засѣданіи С.-Петербургскаго юридическаго общества, 12-го февраля 1883 г.

Намъ кажется, что для правильной постановки и рѣшенія вопроса о значеніи для кодификаціи существующихъ въ средѣ крестьянъ юридическихъ обычаевъ необходимо тщательно обслѣдовать положенія обычнаго права, относящіяся къ той или другой группѣ гражданскихъ правоотношеній, и сравнить ихъ какъ съ постановленіями дѣйствующаго закона, такъ и съ тѣми новыми началами, внесеніе которыхъ въ будущее гражданское уложеніе оправдывается современнымъ развитіемъ нашей общественной жизни и требованіями юридической науки.

При такомъ параллельномъ изслѣдованіи роль народнаго обычнаго права въ дѣлѣ законодательства выяснится сама собой съ подобающею для столь важнаго и притомъ спорнаго вопроса полнотою и ясностію. Подобная работа вслѣдствіе своей сложности можетъ, пожалуй, оказаться не подъ силу отдѣльнымъ лицамъ, а потому было бы весьма желательно, если-бъ въ ней приняли участіе существующія у насъ юридическія общества.

Если первый съѣздъ русскихъ юристовъ и оставилъ безъ разрѣшенія поставленный имъ вопросъ объ отношеніи обычнаго права къ законодательству, то это обусловливалось, повидимому, не столько трудностію самой задачи, сколько тѣмъ обстоятельствомъ, что народные юридическіе обычаи были тогда еще мало изслѣдованы и не приведены въ систему.

Капитальный трудъ *С. В. Пахмана* „Обычное гражданское право въ Россіи“, вышедшій въ 2-хъ томахъ

(1877—1879 г.) подъ скромнымъ названіемъ „юридическихъ очерковъ", доказываетъ, что въ народной юридической жизни мы встрѣчаемъ вообще тѣ же институты гражданскаго права, какіе существуютъ и въ дѣйствующемъ законѣ, и что только весьма немногіе изъ нихъ составляютъ исключительную принадлежность обычнаго права (общинное землевладѣніе, артель) и потому не поддаются сравненію, но требуютъ для себя самостоятельнаго разсмотрѣнія и оцѣнки.

Не предрѣшая здѣсь вопроса о тѣхъ результатахъ, къ которымъ вообще можетъ привести подобное сравнительное изслѣдованіе началъ писаннаго и обычнаго права по отношенію къ кодификаціи, нельзя однакоже не замѣтить, что внесеніе тѣхъ или другихъ положеній обычнаго права въ будущее гражданское уложеніе возможно лишь подъ условіемъ извѣстнаго однообразія и постоянства юридическихъ обычаевъ, дѣйствующихъ въ опредѣленной мѣстности и относящихся къ одному и тому же правовому институту. Условіе это равномѣрно должно относиться какъ къ тѣмъ случаямъ, когда какое-либо положеніе обычнаго права будетъ признано возможнымъ и желательнымъ установить въ значеніи общаго правила, такъ и къ тѣмъ, гдѣ опредѣленія закона, выведенныя изъ обычая, окажется полезнымъ формулировать въ видѣ особаго изъятія, касающагося однихъ крестьянъ.

Изъ сказаннаго не слѣдуетъ однако выводить заключенія, что встрѣчающееся нерѣдко въ народномъ быту разнообразіе юридическихъ обычаевъ, составляющихъ содержаніе даннаго правоваго института, могло само по себѣ служить поводомъ къ игнорированію этихъ обычаевъ. Разнообразіе юридическихъ обычаевъ не есть еще признакъ смутности и непостоянства правовыхъ

воззрѣній; часто оно вызывается самою жизнію и указываетъ или на существованіе особыхъ бытовыхъ условій, оправдывающихъ отступленіе отъ общаго правила, или на переходное состояніе въ самомъ строѣ бытовыхъ отношеній, причемъ одинъ обычныя нормы смѣняются постепенно другими, какъ болѣе соотвѣтствующими вновь возникающему порядку вещей.

Въ этомъ послѣднемъ случаѣ, т. е. когда разнообразіе юридическихъ обычаевъ является препятствіемъ для кодификаціи таковыхъ въ томъ или другомъ смыслѣ, а между тѣмъ содержащіяся въ нихъ начала глубоко коренятся въ своеобразныхъ условіяхъ народной жизни и посему требуютъ признанія со стороны закона, намъ кажется полезнымъ для сообщенія подобнымъ обычаямъ силы дѣйствующаго въ странѣ права послѣдовать извѣстному уже нашему законодательству принципу судебнаго примѣненія обычая по ссылкѣ заинтересованныхъ въ дѣлѣ лицъ. Хотя такое отношеніе обычнаго права къ закону имѣетъ свои невыгодныя стороны, тѣмъ не менѣе его необходимость оправдывается до извѣстной степени самымъ состояніемъ у насъ обычнаго права. Органическое сліяніе обычая съ писаннымъ правомъ требуетъ долговременной исторической подготовки, проявляющейся въ составленіи сборниковъ обычаевъ, въ юридической обработкѣ отдѣльныхъ институтовъ обычнаго права, въ обобщеніи мѣстныхъ обычаевъ и установленіи общихъ началъ, какъ это было, напримѣръ, во Франціи предъ изданіемъ гражданскаго кодекса. Составители послѣдняго для внесенія обычая въ законъ, насколько это согласовалось съ ихъ взглядомъ на значеніе тѣхъ или другихъ положеній обычнаго права, имѣли подъ руками богатый, хорошо разработанный и вполнѣ достовѣрный матеріалъ. Обычаи различныхъ провинцій

были изслѣдованы, записаны, кодифицированы и даже утверждены верховною властію, такъ что сборники обычнаго права въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ они дѣйствовали, были уравнены по своей силѣ съ закономъ (*). Если къ этому присовокупить существованіе обширной юридической литературы, занимавшейся разработкой, толкованіемъ и обобщеніемъ мѣстныхъ обычаевъ, которые, къ слову сказать, не были исключительною принадлежностью одного какого-либо слоя общества, то нельзя будетъ не замѣтить огромнаго различія въ состояніи обычнаго права во Франціи, накапунѣ изданія кодекса, и у насъ. Довольно сказать, что въ нашемъ распоряженіи не имѣется пока ни одного сборника юридическихъ народныхъ обычаевъ, который имѣлъ бы практическое примѣненіе въ судахъ, хотя бы одной какой-либо мѣстности. Причина этому кроется, конечно, не въ недостаткѣ юридическихъ обычаевъ, а главнымъ образомъ въ отсутствіи образованія и даже обыкновенной грамотности въ той средѣ, въ которой вырабатываются и дѣйствуютъ юридическіе обычаи. Само собою разумѣется, что при указанныхъ обстоятельствахъ внесеніе юридическихъ обычаевъ въ законъ представляетъ весьма серьезныя затрудненія и требуетъ большого вниманія и осторожности.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы переходимъ къ разсмотрѣнію занимающаго насъ вопроса объ отношеніи существующихъ у крестьянъ обычаевъ наслѣдованія къ будущему гражданскому уложенію. Отношеніе это мы постараемся выяснить чрезъ сопоставленіе юридическихъ обычаевъ, опредѣляющихъ порядокъ наслѣдованія въ крестьянскомъ быту, съ постановленіями объ этомъ

(*) Гражданское обычное право Франціи въ историческомъ его развитіи *П. Л. Карасевича*. Москва. 1875 г.

предметѣ дѣйствующаго закона. Но такъ какъ нынѣшній законный порядокъ наслѣдованія имѣетъ свои существенные недостатки, исправить которые предстоитъ будущему гражданскому уложенію, то намъ придется коснуться, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, также и тѣхъ измѣненій, которыя могутъ воспослѣдовать въ этомъ отношеніи, судя по предшествовавшимъ законодательнымъ работамъ и по сравненію съ порядкомъ законнаго наслѣдованія, установленнымъ въ важнѣйшихъ иностранныхъ кодексахъ.

Приступая къ изложенію обычнаго порядка наслѣдованія или, другими словами, къ опредѣленію круга лицъ, призываемыхъ обычаемъ къ наслѣдованію въ извѣстной постепенности, необходимо прежде всего выяснить самое основаніе, по которому тѣ или другія лица могутъ считаться наслѣдниками.

По дѣйствующему закону ближайшимъ основаніемъ права наслѣдованія служитъ, какъ извѣстно, *кровное родство* (т. X, ч. 1 св. зак. ст. 1105, 1111 и 1112. Курсъ гражд. права *К. Побѣдоносцева*. 1875 г. т. 2, стр. 280).

Что касается обычнаго права, то во взглядѣ на этотъ вопросъ нашихъ изслѣдователей народной юридической жизни мы на первыхъ же порахъ встрѣчаемъ весьма существенное разномысліе. Одни изъ этихъ изслѣдователей признаютъ главнымъ основаніемъ права наслѣдованія по обычаю, также какъ и по закону, *родство* (*С. В. Пахманъ*. Обычное гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 210), другіе же и притомъ большинство выставляютъ на первый планъ иное начало—*личный трудъ* (*).

(*) Главными поборниками принципа личнаго труда, въ смыслѣ основанія права наслѣдованія у крестьянъ, являются *П. С. Ефименко*, *И. Г. Оршанскій* и г-жа *Ефименко*. Къ нимъ примыкаетъ также и г. *Тютрюмовъ*, который въ своихъ статьяхъ по семейному и на-

Это послѣднее мнѣніе на столько своеобразно, что для его характеристики считаемъ не лишнимъ привести подлинныя слова одного изъ главныхъ основателей трудовой теоріи права наслѣдованія у крестьянъ—*П. С. Ефименко.*

«Въ самой важной части гражданскаго права, правѣ наслѣдованія, говоритъ онъ, народное воззрѣніе является и болѣе послѣдовательнымъ и болѣе справедливымъ, нежели писанный законъ. Крестьянство выработало иное основаніе для права наслѣдованія главнымъ образомъ на *трудовомъ началѣ*, въ силу котораго родственникамъ по стольку дается право на наслѣдуемое имущество, по сколько они участвовали своимъ трудомъ въ созда-

---

слѣдственному обычному праву крестьянъ вполнѣ раздѣляетъ взгляды поименованныхъ писателей какъ на семейное устройство въ крестьянскомъ быту, такъ и на выдающееся значеніе труда въ установленіи наслѣдственныхъ отношеній. (Крестьянская семья. Русская Рѣчь 1879 г. №№ 4. 7. 10. Крестьянское наслѣдственное право. Слово 1881 г. №№ 1 и 2.) Впрочемъ, г. Тютрюмовъ допускаетъ нѣкоторое вліяніе на право наслѣдованія и кровнаго родства, но дѣлаетъ это такъ неохотно и съ такими оговорками, что подобная уступка съ его стороны становится не совсѣмъ понятной. Въ упомянутыхъ выше статьяхъ, въ особенности по части наслѣдственнаго права, г. Тютрюмовъ пользовался между прочимъ и матеріаломъ, собраннымъ въ трудахъ коммиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ, но обработка имъ этого матеріала, послѣ тщательнаго изслѣдованія опаго *С. В. Пахманомъ* (Обычное гражд. право въ Россіи. 2-й т.), особеннаго интереса не представляетъ. Что же касается данныхъ, почерпнутыхъ авторомъ изъ рѣшеній волостныхъ судовъ, въ подкрѣпленіе защищаемаго имъ принципа личнаго труда, какъ главнаго основанія права наслѣдованія у крестьянъ, то таковые довольно малочисленны и кромѣ того недостаточно убѣдительны (напр. VI: 104 № 40). Другія статьи этого плодовитаго писателя по крестьянскому обычному праву будутъ указаны нами въ своемъ мѣстѣ.

ніи его» (*). Хотя въ приведенныхъ словахъ рѣчь идетъ только о неодинаковой мѣрѣ участія родственниковъ въ раздѣлѣ наслѣдства, но сторонники трудоваго начала этимъ не ограничиваются и видятъ полное торжество защищаемаго ими принципа тамъ, гдѣ къ наслѣдованію или, лучше сказать, къ раздѣлу семейнаго имущества призываются и такія лица, которыя съ прочими членами семьи не имѣютъ никакой родственной связи, каковы: пріемыши, зятья, пасынки и падчерицы по отношенію къ вотчиму и мачихѣ. «Всѣ эти лица, замѣчаетъ г-жа *Ефименко*, если только они участвовали въ общемъ семейномъ трудѣ, имѣютъ такое же право въ общемъ семейномъ имуществѣ, какъ сыновья, племянники или другіе кровные родственники,—единое одно получаютъ, потому такіе же работники были» (**). Словомъ сказать, по мнѣнію послѣдователей трудовой теоріи «все зданіе наслѣдственнаго права построено у крестьянъ изъ одного элемента, и этотъ элементъ есть личный трудъ» (***).

Не смотря однако на важное значеніе, которое имѣютъ личный трудъ и хозяйственные интересы въ сферѣ народной юридической жизни, изложенная теорія не обнимаетъ собою всѣхъ явленій наслѣдственнаго порядка въ крестьянскомъ быту и доведенная до крайнихъ предѣловъ она становится въ противорѣчіе какъ съ лежащею въ ея основѣ идеей, такъ и съ положительными фактами дѣйствительной жизни.

Сами сторонники трудовой теоріи сознаютъ, что она не вполнѣ пригодна для цѣльной и всесторонней конструкціи наслѣдственныхъ отношеній въ крестьянскомъ

(*) *П. Ефименко.* Семья архангельскаго крестьянина. Судебный Журналъ. 1873 г. Іюль—Августъ, стр. 84.

(**) *Александра Ефименко.* Изслѣдованія народной жизни. Вып. 1. Обычное право. Москва. 1884 г. стр. 156—157.

(***) *И. Г. Оршанскій.* Изслѣдованія по рус. праву обычному и брачному. С.-П.-Б. 1879 г. стр. 77.

быту. Оказывается между прочимъ, что у крестьянъ „справедливость“ и „торжество“ трудоваго начала приносятъ свои плоды главнымъ образомъ однимъ мужчинамъ, женщина же вообще мало причастна его благодѣтельному вліянію (*).

Лица женскаго пола при наличности въ семьѣ родственниковъ мужскаго пола обыкновенно не получаютъ никакой доли изъ открывшагося наслѣдства (**), хотя, по свидѣтельству тѣхъ же изслѣдователей народнаго быта, женщина въ крестьянской семьѣ трудится нисколько не менѣе, а иногда и больше мужчины(***). Далѣе оказывается, что въ такъ называемой „малой семьѣ“ жена считается наслѣдницей по мужѣ, какъ его „со-

(*) *Алекс. Ефименко*, указ. соч. стр. 158—159.

(**) *Барыковъ*. Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ. Журналъ Мин. Госуд. Имущ. 1862 г. № 9, стр. 9. *П. С. Ефименко*. Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи, стр. 64.

(***) *Алекс. Ефименко*, указ. соч. стр. 79—80. *П. С. Ефименко*. Сборникъ нар. юр. обычаевъ Арх. губ. На страницѣ 45 этого Сборника мы находимъ примѣчаніе секретаря Стат. Комитета буквально слѣдующаго содержанія: вообще на сѣверѣ положеніе женщины въ сферѣ экономической печально. Мужчины смотрятъ на себя какъ на промышленниковъ по преимуществу; поэтому, кромѣ домоводства, на женщинѣ лежитъ масса работъ по полеводству. *Сами мужчины признаютъ, что женщины работаютъ больше* ихъ и на замѣчаніе о такомъ несправедливомъ раздѣленіи труда отвѣчаютъ: „не нами заведено.“ Но мало этого; изъ того же Сборника мы узнаемъ, что въ Поморьи женщины ѣздятъ на ближайшіе *промыслы* въ море, нерѣдко отправляютъ подводную повинность и общественныя службы и даже есть такія, которыя хаживали кормщиками на Терскій берегъ (стр. 44—45). По замѣчанію г. *Постникова* (Коврола. Арх. губ. вѣд. 1865 г. № 26. ч. неоф.), крестьянская женщина несетъ всѣ трудныя работы. Не говоря уже о томъ, что она обязана круглый годъ готовить пищу, ходить за скотомъ и всѣмъ домомъ, она сверхъ того помогаетъ лѣтомъ въ уборкѣ сѣна, жатвѣ, молотьбѣ и возкѣ; зимою же прядетъ, ткетъ холстъ

трудница", а въ „большой семьѣ" она, какъ „работница", въ случаѣ смерти мужа ничего не получаетъ (*).

Очевидно, здѣсь кроется нѣкоторое недоразумѣніе. Едва ли можно допустить, чтобы народное правосознаніе, выходя изъ одной цѣльной идеи „личнаго труда", въ однихъ случаяхъ признавало трудъ правопроизводящимъ фактомъ, а въ другихъ лишало бы его почти всякаго юридическаго значенія. Несомнѣнно, что въ примѣненіи къ наслѣдственному праву трудъ не самъ по себѣ является источникомъ правъ на наслѣдство, но оказываетъ лишь извѣстное вліяніе при наличности другихъ условій, каковыми являются съ одной стороны *кровная связь*, а съ другой фактическая *принадлежность къ семьѣ*. Женщина, какъ увидимъ далѣе, вообще не признается въ крестьянскомъ быту прочнымъ членомъ семьи и допускается къ наслѣдованію только за отсутствіемъ членовъ мужскаго пола, когда семью и хозяйство продолжать некому и семейное имущество становится какъ

сукно, словомъ обшиваетъ и одѣваетъ всю семью. И не въ одной только Архангельской губ. женщина поставлена въ столь невыгодное положеніе относительно выпадающаго на ея долю труда. По словамъ свящ. *Темерова*, женщина въ Уфимской губ. едва ли не больше несетъ труда, чѣмъ мужчина (Замѣтки о гражд. юрид. обычаяхъ въ средѣ крестьянъ. Уфим. губ. вѣд. 1866 г. № 5, ч. неоф.). Тоже самое наблюдается у нѣкоторыхъ инородцевъ, живущихъ среди русскаго населенія. Совершенно иначе, нежели сыновья, говоритъ г. *Майновъ*, поставлены въ мордовской семьѣ дочери, которыя считаются прямо хорошею рабочею силою и потому какъ можно дольше не выдаются замужъ. Гдѣ кобыла не везетъ—запряги дѣвку, говоритъ Мокшанинъ, но въ то же время рѣшительно ничѣмъ не вознаграждаетъ дѣвушку за ея труды въ пользу семьи. (Записки рус. географ. Общества т. XIV, выпускъ 1. Очеркъ юридическаго быта Мордвы.).

(*) *И. Г. Оршанскій*, указ. соч. стр. 78, 80 и 81.

бы вымороченымъ, причемъ въ опредѣленіи наслѣдственныхъ правъ женщины на первый планъ выступаетъ или ближайшая кровная связь (дочь) или нравственная связь и личный трудъ въ накопленіи оставшагося имущества (жена).

Теорія трудоваго начала, какъ единственнаго основанія права наслѣдованія, не выдерживаетъ критики и не согласуется съ дѣйствительностью даже при томъ предположеніи, что народное правосознаніе, вслѣдствіе тѣхъ или другихъ причинъ, признало источникомъ права наслѣдованія преимущественно мужской трудъ, т. е. допустивъ, что примѣненіе этого начала къ наслѣдственному праву должно ограничиваться уже болѣе тѣсными рамками наслѣдованія однихъ только лицъ мужскаго пола (*).

Согласно трудовой теоріи тотъ только имѣетъ право на полученіе соразмѣрной доли имущества, кто участвовалъ личнымъ своимъ трудомъ въ накопленіи онаго.

(*) Послѣдователи народной юридической жизни, пытающіеся основать систему наслѣдственнаго права крестьянъ исключительно на экономическомъ началѣ личнаго труда, объясняютъ устраненіе отъ наслѣдованія лицъ женскаго пола тѣмъ, что будто, по народному воззрѣнію, только трудъ мужчины признается производительнымъ, женскій же трудъ непроизводителенъ, а потому женщины и не имѣютъ участія въ семейномъ имуществѣ. Такъ, неизвѣстный авторъ (А-л-ъ), весьма впрочемъ интересной статьи „Обычное право крестьянъ Архангельской губерніи“ (Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 76), написанной съ цѣлію обобщенія юридическаго матеріала, помѣщеннаго въ Сборникѣ юрид. обычаевъ И. С. Ефименко, выставляетъ между прочимъ слѣдующее положеніе (IV): „Способность быть *наживщикомъ* признается только за мужскими членами семьи, и потому, по смерти отца или въ случаѣ добровольныхъ раздѣловъ, они пользуются совершенно равною частью изъ общаго семейнаго имущества (исключительнымъ собственникомъ котораго авторъ признаетъ въ то же время отца семейства); женщина же, *какъ ненаживщица*, не

Между тѣмъ факты свидѣтельствуютъ, что и въ народномъ быту лица, къ труду неспособныя, каковы малолѣтнія, не устраняются по этой причинѣ отъ наслѣдованія, такъ что, напримѣръ, малолѣтній племянникъ, при раздѣлѣ съ дядей, получаетъ отцовскую часть и, разумѣется, не «по праву равнаго работника» (А. Ефименко, указ. соч. стр. 156), а какъ представитель своего отца, т. е. на основаніи родства. Затѣмъ, если трудъ и оказываетъ иногда вліяніе на размѣръ наслѣдственной доли, то «существованіе такого различія вовсе не доказываетъ, что право наслѣдованія основано на трудѣ, ибо различіе дѣлается не между членами семьи

имѣетъ на это никакихъ личныхъ и имущественныхъ правъ передъ семьею и при существованіи мужчинъ отъ наслѣдства вовсе устраняется.“ Не трудно замѣтить, что приведенное заключеніе построено авторомъ статьи главнымъ образомъ на мѣстномъ значеніи слова „наживщикъ“. Обращаясь къ Сборнику г. Ефименко, мы находимъ въ концѣ объяснительный указатель мѣстныхъ неудобопонятныхъ словъ, гдѣ, на стр. 292, выраженіе „наживщикъ“ объяснено такъ: *наживщикъ*-работникъ въ семьѣ, поддерживающій ее своими трудами; накопляющій, или наживающій капиталъ и имѣніе. Мы уже видѣли выше, что при обыкновенномъ хозяйствѣ женщина у крестьянъ является столь же полезною и необходимою рабочею силою въ семьѣ, какъ и мужчина. Допустивъ даже, что слово „наживщикъ“ означаетъ на мѣстномъ говорѣ промышленника (Сборникъ И. С. Ефименко, стр. 45, прим.), мы должны будемъ признать, что и въ сферѣ промышленности крестьянская женщина мало въ чемъ уступаетъ мужчинѣ. Въ той же Архангельской губ. женщины ѣздятъ на ближайшіе промыслы въ море (Сборникъ, стр. 41). Въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ существуютъ кустарные промыслы, крестьянская женщина принимаетъ въ нихъ участіе наравнѣ съ мужчиной. Изъ интересной замѣтки свящ. *Гуляева*„ Финансовая сторона крестьянской свадьбы въ селѣ Васильевомъ Макаріевѣ“ (Нижегородскій Сборникъ 1875 г. т. 5) мы узнаемъ, какое вліяніе на размѣръ *кладки* оказываетъ участіе женщины въ промыслѣ семьи. „Если невѣста, говоритъ авторъ замѣтки, выходитъ въ сосѣднія селенія къ крестьянамъ *рожественникамъ*, то цифра кладки (непревышающая обыкновенно 15 руб.) доходитъ до 40 руб. Причина возвышенія кладки та, что крестьянинъ мочальникъ, взявши къ себѣ въ домъ сноху, ста-

вообще, а между лицами, имѣющими и по обычаю *право* на наслѣдство, такъ что уменьшеніе доли или устраненіе отъ наслѣдства касается только лицъ, имѣющихъ на него право въ силу родства или принадлежности къ семьѣ на правахъ родственниковъ» (*С. В. Пахманъ*, Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 212).

Такимъ образомъ и въ отношеніи наслѣдованія лицъ мужскаго пола личный трудъ самъ по себѣ не устанавливаетъ наслѣдственныхъ правъ; поэтому то лица

вить ее къ мочаламъ. т. е. заставляетъ или подавать челнокъ, или дѣлать мочало, или надѣвать на бёрдо основу, словомъ *употребляетъ женщину на мужицкую работу*". Въ селѣ Богородскомъ, Горбатовскаго у., Нижегор. губ., извѣстномъ своимъ кожевеннымъ производствомъ и въ особенности шитьемъ рукавицъ, женщины занимаются въ семьѣ тачаньемъ рукавицъ наравнѣ съ мужчинами. Даже дѣвушки-невѣсты и тѣ не знаютъ здѣсь другаго рукодѣлія кромѣ шитья рукавицъ (*А. Мартыновъ*: Село Богородское. Нижегородскія губ. вѣд. 1863 №№ 15 и 16, ч. неоф.). Правда, многіе изъ такъ называемыхъ отхожихъ промысловъ недоступны крестьянскимъ женщинамъ, но и здѣсь найдутся такія занятія, гдѣ женщина можетъ оказаться пажившицей, каковы: наемъ въ услуженіе, для полевыхъ и огородныхъ работъ и т. п. Впрочемъ, не въ этомъ дѣло; даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ, какъ въ Малороссіи, отхожіе промыслы сравнительно слабо развиты, и тамъ наши изслѣдователи народной жизни устраняютъ женщину отъ наслѣдованія подъ тѣмъ предлогомъ, что только мужской трудъ считается производительнымъ (См. *П. Чубинскій*: Очеркъ нар. юрид. обычаевъ и понятій въ Малороссіи. Зап. рус. геогр. общ. 1869 г. т. 2. стр. 685. *Его же*: Краткій очеркъ нар. юрид. обычаевъ. Труды этнографическо-стат. экс. т. VI, стр. 31.). Произвольность и ошибочность подобнаго дѣленія труда лучше всего доказывается самимъ народомъ въ слѣдующей весьма мѣткой пословицѣ—„мужъ возомъ не навозитъ, что жена горшкомъ наноситъ" (Юрид. послов. и погов. рус. народа. *І. Платоновъ*, стр. 47.). Для объясненія наслѣдованія лицъ женскаго пола въ народномъ быту, очевидно, недостаточно однѣхъ экономическихъ и притомъ сомнительныхъ теорій, но необходимо глубже вникнуть въ юридическое положеніе женщины въ крестьянской семьѣ.

постороннія, хотя и живущія въ крестьянской семьѣ, но непринадлежащія къ ней на правахъ ея членовъ, никакихъ правъ, какъ увидимъ далѣе, на семейное имущество не имѣютъ и обыкновенно расчитываются за свой трудъ какъ годовые работники.

Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что хотя въ обычномъ правѣ, какъ и въ писанномъ, нормальнымъ основаніемъ права наслѣдованія служитъ *кровное родство*, но на ряду съ послѣднимъ въ народномъ быту придается весьма важное значеніе также фактической *принадлежности къ семьѣ*, вслѣдствіе чего, напримѣръ, лицо постороннее, но принятое въ семью и живущее въ ней, наслѣдуетъ подобно кровнымъ родственникамъ, и, наоборотъ, кровные родственники, отдѣлившіеся отъ семьи и порвавшіе съ нею всякую фактическую связь, обыкновенно вовсе устраняются отъ наслѣдованія. Что же касается личнаго труда, то при настоящихъ условіяхъ экономической жизни народа онъ является необходимымъ звеномъ, связывающимъ оба означенныя условія права наслѣдованія въ одно живое, конкретное цѣлое.

Кромѣ родства обычному праву извѣстны еще два другія основанія наслѣдованія: *бракъ* и *договоръ*. О наслѣдованіи супруговъ будетъ подробно сказано въ своемъ мѣстѣ; что же касается договорнаго наслѣдованія, то таковое въ обычномъ правѣ пріурочивается главнымъ образомъ къ наслѣдованію особыхъ членовъ семьи (пасынки, пріемыши, незаконнорожденные, зятья) и отчасти къ наслѣдованію супруговъ.

Въ трудахъ коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, представляющихъ богатѣйшій матеріалъ для изученія народныхъ юридическихъ обычаевъ (*), мы

(*) Труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ,

порѣдко встрѣчаемъ показанія крестьянъ, что вышеупомянутые особые члены семьи наслѣдуютъ лишь на основаніи и въ предѣлахъ заключаемаго съ ними пріем-

---

которые въ послѣдующемъ изложеніи мы будемъ называть для краткости просто трудами коммиссіи, составляютъ важнѣйшій матеріалъ нашей статьи. Матеріалъ этотъ, заключающійся во множествѣ рѣшеній волостныхъ судовъ и показаній крестьянъ по вопросамъ волостнаго судопроизводства и мѣстныхъ обычаевъ, признается первоклассными нашими юристами (Пахманъ. Кистяковскій, Малышевъ и др.) самымъ непосредственнымъ и достовѣрнымъ источникомъ для изученія народно-обычнаго права. Труды коммиссіи отпечатаны въ 7 объемистыхъ томахъ (1873-1874 г.). Въ послѣднемъ, седьмомъ томѣ, помѣщены „отзывы различныхъ мѣстъ и лицъ", первые же шесть томовъ, заключающіе въ себѣ упомянутый выше матеріалъ, обнимаютъ слѣдующія мѣстности: Томъ I: Тамбовская г. (всѣ 12 уѣздовъ) и одна волость Рязанской г., II: Владимірская (4 у. изъ 13) и Московская г. (11 у. изъ 13): III: Ярославская (7 у. изъ 10), Костромская (6 у. изъ 12) и Нижегородская г. (1 у. изъ 11); IV: Харьковская (4 у. изъ 10) и Полтавская г. (6 у. изъ 15): V: Кіевская (11 у. изъ 12) и Екатеринославская г. (5 у. изъ 9); VI: Самарская (6 у. изъ 7), Саратовская (8 у. изъ 10), Вологодская (4 у. изъ 10) и Новгородская г. (5 у. изъ 11). Ссылаясь на труды коммиссіи, мы, указываемъ обыкновенно только на томъ и страницу, если ссылка касается показанія крестьянъ; указанія же на номеръ или на дату, относятся къ рѣшеніямъ. Кромѣ трудовъ коммиссіи мы старались воспользоваться и другими данными объ обычномъ правѣ, разсѣянными въ разныхъ сборникахъ юрид. обычаевъ, журнальныхъ и газетныхъ статьяхъ, равно какъ и въ изданіяхъ губ. стат. комитетовъ. Свѣдѣнія, почерпнутыя нами изъ этого источника, мы приводимъ частію въ извлеченіи, частію дословно какъ для облегченія справокъ, такъ и съ цѣлью посодѣйствовать, хотя и при разработкѣ частнаго вопроса, выраженному въ литературѣ обычнаго права справедливому желанію собрать означенныя свѣдѣнія въ одно мѣсто въ виду малой доступности упомянутыхъ изданій. (*Алекс. Филиппов*. Современныя записи обычнаго права. Сѣверный Вѣстникъ, 1887 г. № 7, стр. 59).

наго договора, называемаго обыкновенно „условіемъ“ (*). Условія подобнаго рода заключаются какъ словесно, такъ и письменно (**). Письменное условіе составляется при свидѣтеляхъ, подписывается сторонами, т. е. принимателемъ и принимаемымъ, и представляется иногда къ засвидѣтельствованію въ волостное правленіе (***). Любопытнымъ образцикомъ содержанія подобнаго рода договоровъ, заключаемыхъ принимателями съ пріемышами, можетъ служить слѣдующее условіе, дословно изложенное въ одномъ рѣшеніи волостнаго суда (труды ком. IV: 159—160, № 7): „1864 г., апрѣля 27-го дня,

---

(*) I: 417. 442. 505. 518. 523; II: 53. 324. 331. 352. 360. 390. 407. 441. 453. 460. 464; IV: 69. 174. 267; VI: 46. 123. 258. 275. (пріемыши); I: 417. 442; II: 53. 284. 363. 390; VI: 46. 123. 258. 275 (пасынки); I: 48. 59; II: 460; III: 145. 161. 169. 178. 319. 323. 330. 338. 357. 397. 411. 441. 449. 454; IV: 3. 96. 119. 183. 212. 251; V: 21. 48. 68 (зятья); II: 390. 441. 453; IV: 69; VI: 267 (незаконнорожденные).

(**) II: 284. 407. 411; IV: 212. 251; V: 105 № 5; VI: 51. *Свят. Темиревъ*: „Для усыновленія берутся лица мужскаго пола возрастные и младенцы. Первые больше живутъ по взаимному письменному обязательству съ усыновителемъ, вторые окончательно зачисляются въ семейство“ (Уфим. г. в. 1866 г. № 5). *Михаилъ Харузинъ*. Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. Москва 1885 г: „При усыновленіи заключаются условія, обыкновенно словесныя, но бываютъ и письменныя. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ письменныя условія заключаются только въ томъ случаѣ, если у усыновителя есть родственники, которые по смерти послѣдняго могутъ обидѣть усыновленнаго“ (стр. 86). *П. С. Ефименко*. Сборникъ: „Мужчина принимается *вмѣсто сына* на такихъ условіяхъ. Онъ обязанъ вести хозяйство и *содержать* родителей, т. е. давать дрогъ, одѣжду и пропитаніе усыновившимъ его до конца жизни. За то послѣ ихъ смерти пріемышъ пользуется не только всѣмъ благопріобрѣтеннымъ ими движимымъ и недвиж. имуществомъ, но и находившимися въ ихъ пользованіи землями и угодьями“ (стр. 53).

(***) IV: 159 № 7.

мы, нижеподписавшіеся, госуд. крест. Хар. г., Куп. у., Покровск. в., хутора Глотова, Павелъ Худобинъ и временно обязанный крест. помѣщика, штабсъ-капитана Клепацкаго, Федоръ Лукьяновъ Кравченко, заключили сіе условіе въ слѣдующемъ: 1) я, Худобинъ, принимаю его, Кравченка, къ себѣ вмѣсто сына, и по смерти меня и жены должно остаться ему все мое имущество; въ случаѣ же онъ, К., не проживетъ пятнадцати лѣтъ, то долженъ отойти безъ всякаго моего вознагражденія, а если по истеченіи пятнадцатилѣтняго срока отойдетъ, то я обязываюсь отдать со всего моего имущества третью часть, а въ случаѣ докормитъ до смерти, то все имущество. 2) Я, Кравченко, добровольно согласился жить у него, Х., и повиноваться во всемъ какъ отцу, въ чемъ и подписуемся" (*). Приблизительно такого же

(*) *Свящ. Темперовъ*: „Къ усыновленнымъ въ совершенномъ возрастѣ общества себя ставятъ такъ, какъ требуютъ письменныя обязательства, заключаемыя между усыновленными и усыновителями" (Уфим. г. в. 1866 г. № 5). Въ Архан. г. если пріемышъ не исполнитъ обязательства, а принявшій не пожелаетъ имѣть его долѣе у себя въ домѣ, то послѣдній обязанъ выплатить первому *погодки*, т. е. заработанныя деньги по взаимному соглашенію (*П. С. Ефименко*. Сборникъ, стр. 53). *М. Харузинъ* приводитъ интересный договоръ, заключенный между принимателями, мужемъ и женою, и отцемъ принимаемаго. По этому договору приниматели обязались воспитать малолѣтняго пріемыша, оженить его и въ томъ случаѣ, если онъ почтетъ ихъ, какъ родителей, оставить ему, послѣ своей смерти, все имущество. Съ своей стороны отецъ пріемыша вручаетъ по договору принимателямъ амбаръ, пару воловъ, 10 овецъ съ тѣмъ, что въ случаѣ смерти пріемыша означенное имущество должно остаться безъ возврата въ пользу принимателей (Свѣдѣнія, стр. 86). *Князь Н. Костровъ*. Юридическіе обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ. Томскъ. 1876 г: „Кромѣ усыновленія малолѣтнихъ, существуетъ еще усыновленіе или принятіе въ домъ совершеннолѣтнихъ. Какой-нибудь не имѣющій дѣтей крестьянинъ, а чаще отставной солдатъ съ женою берутъ себѣ кого-либо въ домъ

рода условія заключаются въ народномъ быту между тестемъ или тещею съ одной стороны и зятемъ—примакомъ съ другой. Эти договоры имѣютъ своимъ предметомъ либо опредѣленіе юридической судьбы приданаго, на случай смерти жены зятя, либо передачу, подъ извѣстными условіями, всего имущества и хозяйства тестя, при жизни послѣдняго, въ распоряженіе и завѣдываніе зятя (III: 382, IV: 410), а иногда и то и другое вмѣстѣ (*). Нерѣдко подобные договоры совершаются письменно въ формѣ односторонихъ распоряженій подъ названіемъ духовныхъ завѣщаній. Въ трудахъ коммисіи помѣщено нѣсколько такихъ договорныхъ завѣщаній (I: 576. 673; IV: 410; V: 426). Въ нихъ зять назначается наслѣдникомъ и ему передается тестемъ или тещею все имущество и хозяйство съ тѣмъ, чтобы онъ кормилъ ихъ до смерти, а при жизни повиновался имъ и почиталъ, какъ родителей. Кромѣ того на зятя возлагается уплата за тестя податей; иногда онъ обязывается также содержать дочерей тестя и выдать ихъ замужъ. Въ случаѣ неисполненія зятемъ принятыхъ на себя обязательствъ, онъ лишается предоставленныхъ ему по договору правъ на имущество тестя (I: 576). Съ своей стороны зять выговариваетъ себѣ по договору опредѣленную часть имущества тестя, которую онъ долженъ получить въ случаѣ выхода своего изъ семьи вслѣдствіе несогласій или по другимъ причинамъ (**).

Такимъ образомъ договорное начало наслѣдованія

„вмѣсто сына“ съ тѣмъ, чтобы онъ хозяйничалъ до ихъ смерти; послѣ же смерти получилъ въ собственность все ихъ имущество. О такомъ пріемѣ составляется особый актъ, который записывается въ явочную книгу волостнаго правленія“ (стр. 31).

(*) *П. С. Ефименко.* Приданое по обычному праву крест. Арх. губ. Зап. рус. геогр. общ. 1873 г. т. 3, стр. 26, № 2.

(**) III: 234. 244; VI: 123.

въ крестьянскомъ быту предоставляетъ договаривающимся возможность свободнѣе и точнѣе опредѣлить взаимныя свои отношенія какъ личныя, такъ и по имуществу. До послѣдняго времени оно имѣло еще и другое практическое значеніе. Приписка къ семейству, замѣняющая въ податномъ сословіи усыновленіе, допускалась лишь въ отношеніи такихъ лицъ, у которыхъ родителей нѣтъ въ живыхъ (*К. Побѣдоносцевъ.* Курсъ гражд. права. т. 2, стр. 187). Между тѣмъ у крестьянъ нерѣдко бываетъ, что въ качествѣ пріемышей принимаются въ семью и такія лица, у которыхъ родители еще живы. Поэтому, хотя усыновленіе въ подобныхъ случаяхъ и должно было бы считаться недѣйствительнымъ, тѣмъ не менѣе пріемышъ, заключившій съ принимателемъ условіе о наслѣдованіи, не теряетъ пріобрѣтенныхъ имъ черезъ это наслѣдственныхъ правъ, такъ какъ таковыя возникли не изъ принадлежности его къ семьѣ принимателя, а изъ заключеннаго съ послѣднимъ договора. Въ настоящее время эта практическая сторона договорнаго наслѣдованія въ крестьянскомъ быту болѣе уже не имѣетъ того значенія, такъ какъ закономъ 5 января 1882 г. крестьянамъ и мѣщанамъ предоставлено право приписывать къ своимъ семействамъ лицъ, принадлежащихъ къ мѣщанскому или ремесленному сословіямъ и состоящію сельскихъ обывателей, съ согласія какъ *родителей приписываемаго*, когда они извѣстны, такъ и его самого, если онъ достигъ четырнадцатилѣтняго возраста.

Предбрачные договоры между супругами о наслѣдованіи, повидимому, рѣже встрѣчаются въ народной жизни и также носятъ характеръ односторонихъ завѣщательныхъ распоряженій. Напримѣръ, женихъ обязывается, если состоится бракъ, передать, въ случаѣ своей смерти, будущей женѣ все имущество, какое ему

достанется по раздѣлу съ братьями; или невѣста заключаетъ договоръ о предоставленіи будущему мужу, въ случаѣ смерти своей по совершеніи брака, всего своего имущества съ тѣмъ однако, что послѣ смерти мужа означенное имущество должно достаться сыну ея отъ перваго брака (I: 555; II: 586, № 7).

И такъ, предъидущее изложеніе показываетъ, что договорное начало наслѣдованія имѣетъ не маловажное значеніе въ народномъ быту. Между тѣмъ нашъ дѣйствующій законъ, подобно римскому праву, вовсе не допускаетъ распоряженій на случай смерти путемъ договора, хотя дошедшіе до насъ старинные юридическіе акты свидѣтельствуютъ, что начало договорнаго наслѣдованія не было совершенно чуждо нашему древнему праву (*).

По замѣчанію г. *Побѣдоносцева* (Курсъ, т. 2, стр. 156. прим.) нашъ законъ устраняетъ отъ завѣщанія всякое понятіе о договорномъ наслѣдованіи. Завѣщаніе есть актъ односторонней воли, который можетъ быть уничтоженъ по произволу завѣщателя во всякое время (т. X, ч. 1, ст. 1010 и 1030). Несмотря однако на всю безусловность этого правила, договорное начало наслѣдованія успѣло тѣмъ не менѣе проникнуть въ нашъ сводъ изъ литовскаго статута и по отношенію къ двумъ губерніямъ, Черниговской и Полтавской, мы встрѣчаемъ постановленіе, ограничивающее въ извѣстномъ случаѣ произволъ лица въ отмѣнѣ сдѣланнаго имъ на случай смерти распоряженія. Именно, въ ст. 522, т. X, ч. 1 сказано, что въ означенныхъ губерніяхъ совершившій въ пользу другаго запись на владѣніе имѣніемъ послѣ своей смерти, не вправѣ при жизни послѣдняго совершить запись въ пользу третьяго лица; въ

(*) См. *К. Неволинъ.* Исторія росс. гражд. законовъ, т. 1, стр. 108, прим. 287; *И. Г. Оршанскій*, указ. соч. стр. 66.

противномъ случаѣ послѣдующая запись уничтожается, а первая остается въ силѣ. Въ проектѣ гражданскаго уложенія 1814 г., подъ вліяніемъ, можетъ быть, законовъ Остзейскаго края, о которыхъ будетъ сказано вслѣдъ засимъ, договоры о наслѣдованіи допущены уже въ смыслѣ общаго правила, хотя и съ нѣкоторыми болѣе или менѣе существенными ограниченіями какъ относительно лицъ, имѣющихъ право вступать въ подобные договоры, такъ и относительно нѣкотораго рода имуществъ (*).

Въ сводѣ мѣстныхъ узаконеній Остзейскихъ губерній институтъ договорнаго наслѣдованія развитъ весьма подробно и опредѣленно.

Здѣсь подъ наслѣдственнымъ договоромъ разумѣется такая сдѣлка, въ силу которой одинъ контрагентъ предоставляетъ другому право на будущее послѣ себя наслѣдство (ст. 2481). Этимъ договоромъ не устанавливается для наслѣдника никакого немедленнаго права на настоящее имущество наслѣдодателя (ст. 2491), который поэтому не лишается вообще возможности располагать имуществомъ на время жизни; не дозволяются только дареніа посмертныя (ст. 2493). Заключенный договоръ не можетъ быть отмѣненъ односторонним образомъ, но прекращается въ случаѣ смерти назначеннаго въ договорѣ наслѣдника прежде наслѣдодателя (ст. 2492, 2495. 2497). Договоромъ о назначеніи наслѣдника не устраняется дѣйствіе законныхъ ограниченій относительно распоряженія наслѣдственнымъ имуществомъ. причемъ въ Курляндіи требуется также соблюденіе правила объ обязательной долѣ (ст. 2485. 2486).

Что касается иностранныхъ законодательствъ, то

(*) *С. В. Пахманъ.* Исторіи кодификаціи гражд. права. т. 1, стр. 457.

одни изъ нихъ, какъ напр. Саксонское уложеніе (ст. 2542—2559), содержатъ въ себѣ постановленія о наслѣдственныхъ договорахъ, сходныя съ Остзейскими законами, другія же, напротивъ, значительно стѣсняютъ примѣненіе договорнаго начала къ наслѣдованію и допускаютъ заключеніе наслѣдственныхъ договоровъ только между супругами (Австр. улож. ст. 602, 1249—1254) или также въ ихъ пользу со стороны третьихъ лицъ по предбрачному договору (Франц. гражд. кодексъ, ст. 1086 и 1093).

Не вдаваясь здѣсь въ обсужденіе вопроса о томъ, насколько возможно и желательно введеніе въ наше законодательство принципа договорнаго наслѣдованія, по причинѣ близкой связи этого вопроса съ существующимъ въ нашемъ законѣ различіемъ между благопріобрѣтенными и родовыми имуществами, мы ограничимся лишь замѣчаніемъ, что понятіе договорнаго наслѣдованія, какъ оно сложилось въ народно-обычномъ правѣ подъ вліяніемъ особыхъ условій хозяйственнаго быта крестьянъ, во многомъ отличается отъ положеній писаннаго права. Въ послѣднемъ посредствомъ договора о наслѣдованіи имѣется въ виду будущее предоставленіе наслѣднику имущества наслѣдодателя, въ обычномъ же правѣ это условіе существеннаго значенія не имѣетъ. Напротивъ того, весьма часто имущество поступаетъ въ распоряженіе и завѣдываніе наслѣдника еще при жизни наслѣдодателя. Далѣе, договорное наслѣдованіе въ крестьянскомъ быту является равносильнымъ принятію въ семью, чего вовсе не предполагается въ писанномъ правѣ. Разница въ положеніи пріемыша и лица, заключившаго наслѣдственный договоръ, съ точки зрѣнія наслѣдственнаго права, состоитъ по народному обычаю лишь въ томъ, что первый наслѣдуетъ въ силу общихъ о порядкѣ на-

слѣдованія правилъ, второй же на основаніи и въ предѣлахъ заключеннаго съ нимъ договора. Личныя отношенія между наслѣдодателемъ и наслѣдникомъ по договору совершенно аналогичны въ крестьянскомъ быту съ отношеніями пріемыша къ пріемному отцу, причемъ и самые договоры о наслѣдованіи нерѣдко являются въ то же самое время и актами усыновленія. Болѣе точнымъ образомъ опредѣляются въ нихъ только взаимныя имущественныя отношенія между принимателемъ и принимаемымъ на тотъ конецъ, если условія наслѣдственнаго договора будутъ нарушены контрагентами. Такъ какъ въ обычномъ правѣ договорное наслѣдованіе вызывается почти исключительно особымъ складомъ семейной обстановки (зятья-вдовцы) и хозяйственными соображеніями, то поэтому мы не встрѣчаемъ здѣсь никакихъ особыхъ ограниченій какъ по отношенію къ завѣщаемому имуществу, такъ и относительно лицъ, имѣющихъ право заключать наслѣдственные договоры. Посему, напримѣръ, воспрещеніе проекта гражд. улож. 1814 г. вступать въ наслѣдственные договоры лицамъ, имѣющимъ дѣтей или восходящихъ родственниковъ, слѣдуетъ признать несвойственнымъ обычному праву. Можно даже сказать, что пріемъ зятя въ домъ при сыновьяхъ въ большинствѣ случаевъ совершается въ народномъ быту на основаніи пріемнаго условія, коимъ и опредѣляются наслѣдственныя права принимаемаго.

Теперь слѣдовало бы приступить къ разсмотрѣнію самого порядка наслѣдованія, принятаго въ народномъ быту, но предварительно считаемъ не лишнимъ сказать нѣсколько словъ объ *организаціи* крестьянской семьи, насколько это необходимо для болѣе полнаго уясненія началъ обычнаго права наслѣдованія.

Многіе изслѣдователи юридическаго быта крестьянъ различаютъ два типа крестьянской семьи: *большую* и

малую (*). Но это дѣленіе, указывая лишь на количественный составъ семьи, само по себѣ никакого теоретическаго основанія не имѣетъ и вноситъ скорѣе путаницу въ юридическое понятіе семьи, усматривая послѣднюю тамъ, гдѣ въ дѣйствительности существуетъ только хозяйственная общность имуществъ, принадлежащихъ нѣсколькимъ отдѣльнымъ, самостоятельнымъ семьямъ, вслѣдствіе чего подобнаго рода союзъ развѣ въ смыслѣ хозяйственной общности можетъ быть названъ семьей искусственной.

Поэтому правильнѣе подраздѣлить всѣ извѣстныя намъ формы хозяйственныхъ союзовъ (*), носящія въ крестьянскомъ быту генерическое наименованіе семьи, на двѣ главныя категоріи: семью *натуральную, естественную* и семью *искусственную*. Естественная семья у крестьянъ, какъ и въ общепринятомъ смыслѣ, является союзомъ лицъ, соединенныхъ между собою общимъ происхожденіемъ отъ одной пары, сосредоточивающей въ себѣ семейный авторитетъ, семейную власть. По своему составу естественную семью можно подраздѣлить на *простую*, состоящую изъ родителей и не вступившихъ въ бракъ дѣтей, и *сложную*, когда между дѣтьми есть женатые и замужнія съ ихъ потомствомъ. Означенное дѣленіе съ точки зрѣнія обычнаго наслѣдствен-

---

(*) *П. С. Ефименко.* Сборникъ, стр. 15; *А. Ефименко*, указ. соч. стр. 61 и слѣд.; *Оршанскій*, указ. соч. стр. 78 и слѣд.; *П. Матвѣевъ.* Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи, стр. 13 и 14. Кромѣ большой и малой семьи г. Матвѣевъ различаетъ еще „малую семью смѣшаннаго типа".

(**) *С. П. Пахманъ.* Об. гражд. право: „семья, со всѣми наполняющими ея жизнь правоотношеніями, есть какъ бы одна изъ формъ хозяйственнаго быта" (т. 2, стр. 1). *П. Костровъ:* „значеніе семьи въ крестьянскомъ быту Сибири настолько же кровное, насколько хозяйственное" (стр. 29).

наго права имѣетъ то значеніе, что на фонѣ сложной семьи складывается особый типъ наслѣдованія вдовы неотдѣленнаго сына (невѣстки, снохи), переходящій затѣмъ по аналогіи и въ искусственную семью.

Искусственная семья въ свою очередь представляетъ двѣ формы хозяйственнаго общенія, смотря по тому, преобладаетъ ли въ ней родовое или экономическое начало.

Первый видъ искусственной семьи можно назвать *сводною* семьей (*). Это есть соединеніе двухъ или нѣсколькихъ самостоятельныхъ семействъ въ одно хозяйственное цѣлое. Члены такой семьи, хотя и подчиняются одному авторитету, но власть представляющаго оный лица основывается здѣсь не на естественномъ фактѣ происхожденія отъ него прочихъ членовъ семьи, а на договорѣ или обыкновеніи. Сводная семья возникаетъ въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти естественнаго главы семьи—отца сыновья и ихъ потомки остаются жить въ общемъ хозяйствѣ, не производя раздѣла семейнаго имущества. Главою такой семьи, въ значеніи распорядителя общаго хозяйства („большака"), обыкновенно бываетъ старшій въ родѣ, именно: старшій братъ или дядя (**). Если подобная семья распадается, то, конеч-

---

(* Выраженіе „сводное семейство" встрѣчается и въ рѣш. вол. судовъ (I: 189, № 44).

(** I: 3. 12. 15. 21. 36. 38. 48. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 124. 130. 134. 142. 160. 174. 175. 185; III: 234. 245. 301. 405. 411. 449. 454; V: 516. 525. 532. 541; VI: 92; VII: 599. *И. Костровъ*: „По смерти старшаго въ семействѣ, власть его, по установившемуся обычаю, переходитъ къ старшему взрослому неотдѣленному сыну... Если взрослыхъ сыновей въ семействѣ нѣтъ, но есть неотдѣленный братъ умершаго старѣйшины семьи (что бываетъ, впрочемъ, довольно рѣдко), то власть старшаго въ семьѣ переходитъ къ нему" (стр. 31, 32).—*В. Преображенскій*. Описа-

но, здѣсь не можетъ быть рѣчи о наслѣдованіи, а лишь о раздѣлѣ общаго имущества, принадлежавшаго сообща нѣсколькимъ отдѣльнымъ семьямъ. Но такъ какъ

ніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. СПБ. 1854 г.—„по смерти хозяина, домъ и хозяйство, т. е. право распоряжаться собственностію семейства, переходитъ къ старшему въ семействѣ. Старшимъ въ семействѣ считается старшій братъ умершаго. Сынъ умершаго при дядѣ не имѣетъ этого права... Если послѣ умершаго хозяина братьевъ не останется, то наслѣдуетъ хозяйство старшій сынъ; если же дѣти малолѣтны, то наслѣдуетъ жена умершаго и управляетъ хозяйствомъ до совершеннолѣтія старшаго сына“ (стр. 91).—*Ѳ. К—въ.* О народныхъ юрид. обычаяхъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ (Труды Казанскаго Ст. Комит. вып. 1. Казань, 1869 г.): „по смерти родоначальника или въ случаѣ неспособности его за старостію лѣтъ управлять домомъ, вся власть и права, какими онъ пользовался, переходятъ къ старшему въ родѣ по лѣтамъ. Выборъ падаетъ на другое лицо, младшее, только при явной неспособности поручить управленіе домомъ старшему... По смерти родителей братья нерѣдко дѣлятся между собой“ (стр. 22).—*Свящ. А. Архангельскій.* Село Давишино, Ярославской губ., Пошехонскаго у. (Этногр. сборникъ рус. геогр. общ. вып. 2. 1854 г.): „гдѣ нѣтъ отца, тамъ, съ общаго согласія членовъ семейства, выбираются въ большаки или дядя, или одинъ изъ братьевъ, смотря по разуму, опытности и расторопности, такъ что иногда младшій лѣтами беретъ преимущество надъ старшими безъ обиды для нихъ“ (стр. 47).—*М. В. Бравинъ.* Село Оленино и селенія, составляющія Оленинскую волость, Горбатовскаго у., Нижегород. губ. (Нижегородскій Сборникъ, т. V.): „главою семьи, старшимъ или хозяиномъ считается только одно лицо—отецъ или старшій братъ, когда отца уже нѣтъ въ живыхъ“ (стр. 169).—*Свящ. Борисовскій.* Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ Нижегородскаго у. (Нижегородскій Сборникъ, 1870 г. т. 3): „въ случаѣ смерти родоначальника, отца, власть управленія семьей принадлежитъ вдовѣ-матери, съ домохозяйствомъ и расходами старшему сыну“ (стр. 317).—*П. Данильченко.* Народ. юрид. обычаи, записанные въ Литинскомъ у., Подольской г. (Этногр. свѣдѣнія о Подольской г. вып. 1. Каменецъ-Подольскъ, 1869 г.): „Послѣ смерти родителей старшій сынъ заступаетъ мѣсто отца... Вообще передъ

общее владѣніе имуществомъ и образуется послѣ смерти лица, оставившаго наслѣдство, то поэтому права на раздѣляемое имущество опредѣляются прежде всего

смертію отецъ указываетъ и завѣщаетъ семейству, кто послѣ его смерти долженъ заступить его мѣсто, а если распоряженія не сдѣлано, то избраніе старшаго опредѣляется семейнымъ совѣтомъ, но въ семъ послѣднемъ случаѣ обыкновенно бываетъ и раздѣлъ между сонаслѣдниками оставшагося послѣ родителей наслѣдства" (стр. 3).—*В. Горбуновъ.* Сѣверо-восточная часть Городищенскаго у. (Памятная книжка Пензенской губ. за 1870 г.): „если старикъ—отецъ семейства умираетъ,—право его (распоряжаться имуществомъ) переходитъ къ старшему сыну. Вдова-старуха удерживаетъ за собою только распорядительную власть въ домашнемъ хозяйствѣ" (стр. 144). -*М. Арнольдовъ.* Отъ Симбирска до Нагаткина (Симб. губ. вѣд. 1868 г., № 46): „послѣ смерти отца, мать теряетъ значеніе хозяйки. Роль ея занимаетъ жена старшаго сына, а распоряженіе домомъ переходитъ къ старшему сыну." -*Свящ. Т. Успенскій.* Очеркъ югозападной половины Шадринскаго у. (Пермскій сборникъ, 1859 г. кн. 1): „Каждое семейство повинуется одному изъ своихъ членовъ, большаку . . . Отъ большака зависятъ всѣ хозяйственныя распоряженія по дому. Гдѣ нѣтъ отца, тамъ выбирается въ большаки дядя, или одинъ изъ братьевъ, смотря по разуму и расторопности, такъ что младшій лѣтами беретъ иногда преимущество надъ старшимъ, безъ обиды для послѣдняго" (стр. 31).—*П. Дерюженевъ.* Описаніе села Сосновки (Памятная книжка Самарской г. за 1863—1864 г.): „глава семейства или старшій членъ въ семействѣ есть отецъ, а за смертію его—старшій братъ" (стр. 122).—*П. Лядовъ.* Юрид. народ. обычаи Шуйскаго у. (Ежегодникъ Владимірскаго губ. ст. комит. т. 1, вып. II. 1877 г.): „власть старшаго переходитъ иногда, минуя мать, къ старшему сыну. Но это бываетъ тогда, когда мать или очень больна, или слабохарактерна. По этой же причинѣ первенство въ семействѣ переходитъ иногда вмѣсто старшаго брата къ младшему, когда старшій неспособенъ управлять хозяйствомъ. Впрочемъ, нынѣ, когда раздѣлы семействъ сдѣлались такъ часты, большія семейства сдѣлались очень рѣдки" (стр. 81). -*П. С. Ефименко.* Сборникъ: „*На хозяйство* благословляетъ глава семейства . . . Но бываетъ и такъ, что набольшій избирается семьей изъ старшихъ ея членовъ

размѣромъ тѣхъ долей, какія каждому участнику въ общемъ владѣніи принадлежатъ по праву наслѣдованія. (*С. В. Шахманъ.* Обыч. гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 298.)

по лѣтамъ, опытности и способности къ управленію . . . Но если старшій въ семьѣ человѣкъ не бойкій, не распорядительный, то хозяйство переходитъ къ тому изъ младшихъ, кто пооборотливѣе и посмышленѣе" (стр. 46). —*П. Чубинскій.* Очеркъ (Зап. р. геогр. общ. 1869 г. т. 2): „мать (послѣ смерти отца) почти всегда сохраняетъ роль какъ бы попечительницы въ случаѣ нераздѣльнаго владѣнія; у нея даже взрослые сыновья спрашиваютъ согласія въ случаѣ продажи или залога земель" (стр. 700). Въ казацкихъ общинахъ на Дону право распоряженія оставшимся послѣ отца имуществомъ обыкновенно переходитъ къ вдовѣ-матери.—*И. Тимощенковъ.* Общественный бытъ и народные обычаи Казанской станицы (Труды обл. войска Донскаго ст. комит., вып. 2, Новочеркаскъ. 1874 г.): „если отецъ умираетъ, то власть въ семьѣ переходитъ къ матери" (стр. 168).—*И. Никулинъ.* Народные юрид. обычаи донскихъ казаковъ 2-го округа (Донская газета, 1876 г.): „по смерти старшаго въ родѣ право распоряженія оставшимся послѣ него имуществомъ переходитъ къ его женѣ, матери семейства, а въ случаѣ смерти обоихъ къ старшему сыну. Часто старшій сынъ при жизни своей матери распоряжается имѣніемъ, какъ хочетъ, и лишь изъ уваженія къ матери спрашиваетъ совѣта" (№ 43).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „по смерти отца его мѣсто заступаетъ мать. Мать, по словамъ казаковъ, можетъ, подобно отцу, отказать дѣтямъ въ раздѣлѣ . . . . По смерти родителей братья у казаковъ живутъ нераздѣльно весьма рѣдко. Пока не раздѣлились, хозяиномъ считается старшій братъ" (243 и 244).—*Неизвѣстный авторъ* статьи: О юрид. обычаяхъ нѣкоторыхъ слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ (Донскія областныя вѣдомости 1875 г.—жители малороссы): „власть всецѣло принадлежитъ отцу; если же онъ умираетъ, то власть переходитъ къ матери. Послѣ ея смерти въ семействѣ распоряжается старшій сынъ или братъ" (№ 38).—Считаемъ не лишнимъ привести какъ здѣсь, такъ и въ послѣдующемъ изложеніи нѣкоторыя данныя о юридическихъ обычаяхъ осѣдлыхъ инородцевъ, живущихъ среди русскаго населенія во многихъ губерніяхъ Поволжья (мордва, черемисы, чуваши, вотяки, татары).

Такимъ образомъ въ сводной семьѣ родственники одинаково близкіе къ лицу, послѣ смерти котораго происходитъ раздѣлъ, получаютъ и равныя доли. Вообще раздѣлъ въ сводной семьѣ бываетъ или *поголовный*, когда дѣлятся, напр., братья, изъ коихъ каждый получаетъ на

Сосѣдство ли, съ русскими или одинаковыя экономическія условія быта были тому причиною, во всякомъ случаѣ юридическія обычаи этихъ инородцевъ сходны во многихъ отношеніяхъ съ обычаями нашихъ крестьянъ. *В. Майновъ.* Очеркъ юрид. быта мордвы: „при смерти хозяина существуетъ нѣкоторая разница въ обычаяхъ Эрзи и Мокши (два племени, на которыя дѣлится этнографами мордва), такъ к къ у первой тотчасъ послѣ смерти отца вступаетъ въ отправленіе обязанностей „кудазыръ'а" (большака) старшій изъ братьевъ, тогда какъ у второй беретъ въ руки дѣла тотъ, кто поумнѣе изъ семейскихъ, и только по прошествіи номинальнаго срока семья можетъ приступить къ выбору новаго главы" (стр. 160).—*А. Изюмовъ.* Обычаи горныхъ черемисъ (Памятная книга Казанской губерніи на $18^{68}/_{69}$ годъ): „послѣ смерти отца власть его переходитъ къ брату, живущему съ нимъ вмѣстѣ, къ старшему сыну, а иногда и къ матери, если она имѣетъ вліяніе и если дѣти, оставшіяся послѣ отца, въ малыхъ лѣтахъ" (стр. 66).—*Н. Н—чъ.* Народные юрид. обычаи у татаръ Казанской губ. (Труды каз. ст. комит. 1869 г. вып. 3): „по смерти отца главенство, по установившемуся обычаю, переходитъ къ старшему въ родѣ, т. е. къ брату умершаго или его сыну, а за непмѣніемъ ихъ къ матери" (стр. 26).—*Михаилъ Харузинъ.* Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда, Вятской губ. Москва. 1883 г.: „главенство переходитъ по старшинству. По смерти большака или „кузета" (по вотски), мѣсто его занимаетъ не старшій его сынъ, а слѣдующій за нимъ братъ его (кузета), т. е. дядя дѣтей умершаго. Въ случаѣ неспособности старшаго послѣ кузета къ хозяйству (пьяница, мотъ), кузетъ, умирая, оставляетъ завѣщаніе, въ которомъ назначаетъ кого-нибудь изъ родичей на свое мѣсто (такія завѣщанія обыкновенно словесныя). Свободный выборъ кузета членами союза изъ своей среды неизвѣстенъ Сарапульскимъ вотякамъ . . . У черемисовъ власть большака также переходитъ къ старшему въ родѣ" (стр. 6 и 7).

себя и на свою семью равную часть съ прочими (*), или *поколѣнный*, если, за смертію братьевъ, раздѣлъ производится между ихъ дѣтьми, т. е. двоюродными братьями, которые получаютъ отцовскія доли (**), либо между дядей и племянниками, причемъ послѣдніе, сколько бы ихъ ни осталось послѣ смерти отца, получаютъ всѣ вмѣстѣ половину имущества, т. е. отцовскую долю (***).

(*) I: 33 № 6—„все наличное имѣніе, какъ движимое, такъ и недвижимое, какое окажется, такъ равно весь скотъ, платье мужское и хлѣбъ купленный и отцовскій душевой братья (трое) обязаны раздѣлить на три равныя части, согласно мѣстному обычаю, на землѣ же некупленной хлѣбъ раздѣлить по ревизскимъ душамъ.“—617 № 28, 760 № 14, 779 № 14; II: 35 № 8, 189 № 86, 289 № 36—„все имущество братья должны раздѣлить на три части; одну долженъ получить Ф., а двѣ О. и А.“—VI: 119 № 39—„такъ какъ А. и Ф. суть родные братья и по существующему крестьянскому обычаю должны все имущество раздѣлить пополамъ“ - 566 № 5.—*И. Костровъ*: „если братья не желаютъ сохранить общность имущества, оно дѣлится поровну“ (стр. 44).—*М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „при дѣлежѣ старшій братъ обязанъ, не руководствуясь личными соображеніями, дать всѣмъ (братьямъ) поровну“ (стр. 241).—*См. Майновъ*. Очеркъ. стр. 175. У мордвы нежепатый сынъ также получаетъ равную часть съ прочими братьями, т. к. онъ считается представителемъ будущей семьи („пакарьпэ“).

(**) I: 459 № 4.

(***) I: 56 № 4, 317 № 2, 431 № 27 (1868 г.); II: 83 № 13; III: 42 № 42; V: 258 № 2.—*И. Костровъ*: „Если одинъ изъ братьевъ, жившихъ нераздѣльно съ отцомъ, умеръ еще при жизни послѣдняго, то при раздѣлѣ братьевъ, племянникамъ выдѣляется часть, какая слѣдовала бы умершему брату“ (стр. 44).—*П. С. Ефименко*. Сборникъ: „дѣти умершихъ братьевъ пользуются полными долями своихъ отцовъ, т. е. племянники получаютъ части наравнѣ съ дядями“ (стр. 64).—О юрид. об. нѣкот. слоб. Черк. и Міуск. округовъ: „въ дѣлежѣ дѣти умершихъ братьевъ получаютъ равную часть съ дядею“ (Донскія област. вѣдомости. 1875 г. № 26).—*Е. Соловьевъ*. Юрид. формы отношеній между членами семьи въ Тетюшскомъ у.—„если у брата остаются только дѣти (т. е. не

Лица малолѣтнія имѣютъ право на равную долю съ совершеннолѣтними (*), такъ что малолѣтній племянникъ, при раздѣлѣ съ дядей, получаетъ ту же часть, какъ и дядя (**).

Но смотря однако на близкую связь раздѣла общаго имущества съ раздѣломъ наслѣдства между этими понятіями есть существенное различіе. „Предметъ раздѣла наслѣдства, замѣчаетъ *С. В. Пахманъ*, составляетъ лишь то имущество, которое осталось послѣ умершаго, между тѣмъ при раздѣлѣ общаго имущества предполагается, что составъ наслѣдства можетъ измѣниться; ибо нѣтъ необходимости, чтобы наслѣдники произвели раздѣлъ тотчасъ послѣ смерти наслѣдодателя, и во все

остается жены) и притомъ малолѣтнія, и кромѣ того между ними есть сыновья, то они до совершеннолѣтія остаются на попечительствѣ брата, а потомъ, придя въ зрѣлый возрастъ, получаютъ все оставшееся послѣ отца; получаютъ также и то, что оказалось приращеніемъ имущества, произведеннымъ попечителемъ“ (Казанскія губ. вѣд. 1875 г. № 26).

(*) V: 525. 539; IV: 646.—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „если послѣ родителей остается нѣсколько дѣтей, изъ коихъ нѣкоторыя малолѣтнія, то старшій братъ, сдѣлавшись хозяиномъ, долженъ въ цѣлости сохранить оставшееся имущество .... Старшій братъ при меньшихъ братьяхъ есть только охранитель наслѣдства въ цѣлости“ (стр. 697).—У Мордвы, говоритъ Майновъ, если дѣлежъ происходитъ между тремя женатыми сыновьями съ дѣтьми, однимъ нежонатымъ сыномъ, однимъ дядей и двумя дѣтьми, оставшимися сиротами по смерти одного изъ женатыхъ сыновей, то все имущество дѣлится на шесть частей. (Очеркъ, стр. 175.)

(**) I: 218 № 8, 319 № 17, 459 № 1 (1868 г.).—*Е. Соловьевъ*: „если у брата остаются дѣти и притомъ малолѣтнія, и кромѣ того между ними есть сыновья, то они до совершеннолѣтія остаются на попеченіи брата, а потомъ, придя въ зрѣлый возрастъ, получаютъ все оставшееся послѣ отца; получаютъ также и то, что оказалось приращеніемъ имущества, произведеннымъ попечителемъ“ (Каз. губ. вѣд. 1875 г. № 26).

время общаго владѣнія составъ оставшагося имущества можетъ увеличиться или уменьшиться; вмѣстѣ съ тѣмъ такому же измѣненію могутъ подвергнуться и доли каждаго наслѣдника, смотря по участію въ общемъ хозяйствѣ трудомъ и капиталомъ“ (Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 298).

Указанное различіе между раздѣломъ общаго имущества и раздѣломъ наслѣдства сознается и крестьянами, какъ это можно заключить изъ слѣдующихъ примѣровъ. Вдова солдатка просила о выдѣлѣ довѣремъ Н. на ея сына З. половины имущества на томъ основаніи, что при раздѣлѣ отвѣтчика съ братомъ К. на долю сына просительницы рѣшено было выдѣлить изъ имѣнія „во всемъ равную часть“. Упомянутый раздѣлъ состоялся въ 1858 г., а десять лѣтъ спустя все общее имущество и строеніе дяди Н. съ племянникомъ З. сгорѣло. Волостной судъ, принимая во вниманіе, что З., какъ несовершеннолѣтній, не могъ быть настоящимъ работникомъ въ домѣ своего дяди, строеніе же все сгорѣло, а изъ скота, бывшаго при раздѣлѣ, произошелъ упадокъ, постановилъ: выдѣлить просительницѣ изъ наличнаго имущества отвѣтчика, оставшагося послѣ раздѣла, за исключеніемъ сгорѣвшаго, прожитаго и вновь устроеннаго безъ участія ея сына, половину страховой суммы, въ которую сгорѣвшее строеніе было застраховано, ржи 10 мѣръ и 2 чет. овса (II: 346 № 19). Въ другомъ случаѣ вол. судъ присудилъ раздѣлить между братьями общее недвижимое имѣніе, доставшееся имъ, надо полагать, по наслѣдству отъ отца, на двѣ равныя части, а то имущество, которое было нажито однимъ изъ братьевъ собственнымъ трудомъ, послѣ ухода другаго брата изъ дому въ зятья, призналъ, какъ собственность перваго, неподлежащимъ раздѣлу (*).

(*) I: 529 № 101; см. также I: 200 № 17; 267 № 23.

Тѣмъ не менѣе въ народномъ быту не всегда и не во всѣхъ отношеніяхъ соблюдается строгое разграниченіе между раздѣломъ наслѣдства и раздѣломъ общаго имущества. Это смѣшеніе двухъ разнородныхъ понятій главнымъ образомъ отражается на наслѣдованіи лицъ женскаго пола. Близкое внѣшнее сходство сводной семьи съ естественною какъ въ организаціи, такъ и въ порядкѣ раздѣла семейнаго имущества, въ случаѣ распаденія той и другой семьи, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ то обстоятельство, что участіе въ раздѣлѣ общаго имущества лицъ женскаго пола приравнивается иногда къ участію ихъ въ раздѣлѣ наслѣдства, такъ что право ихъ на долю въ общемъ имуществѣ сводится къ праву этихъ лицъ на наслѣдство въ естественной семьѣ. Впрочемъ, подобное уклоненіе, какъ увидимъ далѣе, не составляетъ въ настоящее время общаго правила, а скорѣе является исключеніемъ и обыкновенно, при распаденіи сводной семьи, лица женскаго пола, за отсутствіемъ мужчинъ въ той естественной семьѣ, съ которой они связаны происхожденіемъ или бракомъ, получаютъ всю долю имущества, которая причиталась бы по раздѣлу мужскимъ представителямъ означенной семьи, если-бъ они были налицо.

Другой видъ искусственной семьи представляетъ такъ называемая *артельная* семья, ибо самое устройство и порядокъ ликвидаціи имущества въ такой семьѣ близко напоминаютъ излюбленную народомъ форму трудовой ассоціаціи—артель. Кровное родство въ артельной семьѣ почти совсѣмъ стушевывается, и на первый планъ выступаютъ интересы чисто экономическаго свойства. Къ управленію домомъ и хозяйствомъ прилагается выборное начало, вслѣдствіе чего нерѣдко роль домохозяина, по выбору прочихъ членовъ семьи, исполняетъ не старшій въ родѣ и даже не старшій по лѣтамъ, а

болѣе расторопный и способный къ наживѣ имущества. Въ случаѣ распаденія артельной семьи происходитъ не раздѣлъ общаго имущества, доставшагося по наслѣдству, какъ въ сводной семьѣ, а дѣлежъ заработка, такъ что имущество дѣлится не поколѣнно, а по числу наличныхъ взрослыхъ работниковъ, причемъ родство не оказываетъ никакого вліянія. Зятья и другіе свойственники, живущіе въ домѣ, пріемыши, получаютъ равныя съ прочими членами семьи доли. Само собою разумѣется, что въ разсматриваемомъ семейно-хозяйственномъ союзѣ ни малолѣтніе, ни лица женскаго пола въ раздѣлѣ общаго имущества не участвуютъ и переходятъ жить въ которую-нибудь часть раздѣлившагося семейства (См *Барыковъ*. Обыч. наслѣд. у госуд. крестьянъ).

Не смотря однако на явную привязанность въ народѣ къ артельной организаціи труда, только что описанная форма семейно—хозяйственнаго устройства столь глубоко расходится съ коренными началами семейнаго быта и естественнымъ стремленіемъ каждой личности къ хозяйственной самостоятельности, что существованіе ея въ крестьянской средѣ можно объяснить себѣ не иначе, какъ воздѣйствіемъ постороннихъ причинъ, каковыми съ одной стороны являлось крѣпостное право вообще, а съ другой спеціальныя постановленія закона, воспрещавшія семейные раздѣлы у государственныхъ крестьянъ въ частности. Въ самомъ дѣлѣ свѣдѣнія наши объ артельной семьѣ, какъ они изложены выше, относятся къ дореформенному быту государственныхъ крестьянъ.

Въ настоящее время, когда послѣ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости протекла уже четверть столѣтія, существовавшія въ прежнее время формы крестьянскаго семейно-хозяйственнаго устройства должны были значительно измѣниться, благодаря

въ особенности тому обстоятельству, что положеніемъ 19 февраля крестьянамъ было предоставлено право самимъ вѣдать семейные раздѣлы (ст. 51, п. 5). Съ тѣхъ поръ число послѣднихъ росло съ каждымъ годомъ и въ настоящее время достигло крайнихъ предѣловъ, такъ что семья, въ значеніи хозяйственнаго союза, ограничивается теперь въ большинствѣ случаевъ тѣсными рамками естественной семьи въ ея простѣйшей формѣ (*).

(*) I: 3. 48. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 124. 130. 134. 142. 160. 174. 185. 201. 211; IV: 113. 183. 212; V: 492. 512. Докладъ *Высочайше* утвержд. ком. для изслѣдованія нынѣш. полож. сельск. хоз. и сельск. производ. 1873 г. Прилож. 1, стр. 253: „семейные раздѣлы съ каждымъ годомъ увеличиваются и дошли до того, что не только два брата, но даже отецъ съ сыномъ дѣлятся на разныя хозяйства. Иногда раздѣлившіяся семьи живутъ въ одной избѣ, такъ что, повидимому, раздѣла между ними не было, въ дѣйствительности же онѣ все подѣлили и живутъ совершенно какъ чужіе.“—*Ѳ. К—въ:* „по смерти родителей братья нерѣдко дѣлятся между собою“ (стр. 22).—*Свящ. Селезневъ.* Народ. юрид. обычаи, сущест. въ Зарайскомъ у., Рязанской губ. Рязань. 1871 г.:—„когда умираетъ старшій или отъ старости дѣлается неспособнымъ управлять домомъ, то родные братья или двоюродные скоро приступаютъ къ раздѣлу“ (стр. 11).—*Арнольдовъ:* „раздѣлы и отдѣлы въ послѣднее время усилились“ (Симб. г. в. 1868 г. № 46).—*И. Лядовъ.* (Ежегодникъ Владимірскаго губ. ст. комит. т. 1, вып. II, 1877 г.) Юрид. об. крест. Шуйскаго у: „нынѣ, когда раздѣлы семействъ сдѣлались такъ часты, большія семейства сдѣлались очень рѣдки“ (стр. 81).—*П. Иваѣвъ.* Слобода Уточка: „по смерти отца очень рѣдко случается, чтобы сыновья жили вмѣстѣ, не раздѣлившись.“ (Воронежскія г. вѣд. 1866 г. № 21.)—*С. Темперовъ:* „у крестьянъ (Бирск. и Уфимск. у.) сильно бросается въ глаза дробленіе семействъ.“ (Уфим. г. в. 1866 г. № 5.)—*В. Тарновскій.* Юридическій бытъ Малороссіи (Юрид. записки, изд. П. Рѣдкинымъ, 1842 г. т. 2): „женатый сынъ очень часто отдѣляется отъ отца . . . Два женатые брата никогда почти не уживаются вмѣстѣ и стараются скорѣе раздѣлиться“ (стр. 35—36. Тарновскій описываетъ бытъ свободныхъ земледѣльцевъ.).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „по смерти родителей

Этотъ фактъ служитъ краснорѣчивымъ доказательствомъ того, что артельная семья, существовавшая при прежнихъ строгихъ порядкахъ относительно раздѣловъ, въ сущности была явленіемъ, искусственно выращеннымъ на почвѣ обычнаго права, и не имѣла достаточной опоры въ народномъ сознаніи. Хотя въ трудахъ коммисіи и можно еще встрѣтить слабые отголоски артельнаго устройства семьи въ нѣкоторыхъ показаніяхъ крестьянъ (*), но сравнительная малочисленность и неопредѣленность этихъ показаній, въ связи съ отсутствіемъ всякихъ слѣдовъ артельной семьи въ рѣшеніяхъ вол. судовъ, даетъ основаніе заключить, что эта форма семейно-хозяйствен-

---

братья у казаковъ живутъ нераздѣльно весьма рѣдко" (стр. 214). —*П. Чубинскій.* Очеркъ: „по смерти родителей дѣти почти постоянно раздѣляются" (стр. 699).—*Его же*, Краткій очеркъ и проч. (Труды этногр. стат. экспед. т. VI): —„дробимость семействъ и хозяйствъ доходитъ до послѣднихъ предѣловъ и ограничивается семьею въ ея тѣсномъ значеніи, т. е. мужемъ, женою и дѣтьми" (стр. 31). —*М. Харузинъ.* Очерки юрид. быта народностей Саранульскаго у., Вятской губ: „въ настоящее время здѣсь сильно сказывается стремленіе къ раздѣламъ. Сожитіе большими семьями, дѣйствительно, становится все рѣже . . . У Тептярей Сарап. у. еще недавно было, да и теперь еще сохранилось сожительство большими семьями, но и у нихъ господствуетъ нынѣ стремленіе къ раздѣламъ. Точно то же и у Черемисовъ. У Татаръ уже издавна повелся обычай, согласно которому сынъ, какъ только женится, отдѣляется отъ отца, и живетъ своимъ хозяйствомъ" (стр. 5 и 9).

(*) Показанія эти даны въ слѣдующихъ волостяхъ: въ Усьманской и Демшинской вол. Усьманск. у., Тамб. губ.—„пасынки, пріемыши и незаконнорожденныя дѣти участвуютъ въ наслѣдствѣ наравнѣ съ родными и законнорожденными;—единое одно получаютъ, *потому что такіе же работники были*" (I: 541. 560); въ Новоивановской вол., Павлоград. у., Екатеринос. губ.—„имущество дѣлится всегда по числу работниковъ" (V: 545);—въ Золот. вол., Камыш. у., Сарат. г.—„имущество дѣлится по рабочимъ и малолѣтніе наслѣдники при этомъ не принимаются въ расчетъ" (VI: 649).

паго союза въ крестьянскомъ быту отжила свое время и едва ли можетъ возникнуть снова безъ особыхъ внѣшнихъ къ тому побужденій (*).

(*) Кромѣ прямаго воспрещенія раздѣловъ безъ разрѣшенія подлежащаго начальства (т. XII св. зак. уст. сельск. суд. ст. 486), нераздробляемость крестьянскаго хозяйства поддерживалась въ прежнее время, хотя косвеннымъ образомъ, уставомъ рекрутскимъ (т. IV свода зак. кн. 1), по которому членамъ нераздѣленнаго семейства присвоивались извѣстныя льготы по отбыванію рекрутской повинности, какъ это видно изъ ст. 907 означеннаго устава, причемъ въ 3 п. указанной статьи было постановлено: „не давать изъятія отъ рекрутства ни брату, ни родственнику отданнаго въ службу крестьянина, если послѣ поступленія сего послѣдняго на службу семейство его раздѣлилось законнымъ порядкомъ: съ чѣмъ вмѣстѣ всѣ бывшія дотолѣ рекрутскія послуги семейства по общимъ правиламъ уничтожаются и ни въ какой расчетъ болѣе не пріемлются." Въ томъ же рекрутскомъ уставѣ можно найти особое опредѣленіе и для союза родственниковъ и принятыхъ въ семью членовъ, ведущихъ общее, нераздѣльное хозяйство. Это опредѣленіе, равно какъ и самое названіе союза, напоминаетъ отчасти артельную семью. Именно, законъ говоритъ о *союзѣ взаимности*, подъ которымъ разумѣется такая семья, члены которой „живутъ вмѣстѣ, или хотя и въ разныхъ домахъ, но торгуя или иначе промышляя, имѣютъ нераздѣльное хозяйство, другъ за друга подати платятъ, повинности отправляютъ, и общими силами всѣмъ принадлежащимъ къ ихъ семьѣ лицамъ доставляютъ средства къ содержанію" (ст. 814, § 2 и 1 прим. къ 1 п. означ. ст.). Интересны также постановленія рекрут. устава о томъ, кто считается *работникомъ* въ семьѣ. На основаніи 1 прим. къ 906 ст. устава, не считаются работниками въ семействѣ между прочимъ лица, имѣющія отъ роду менѣе 18 и болѣе 60 лѣтъ, а также тѣ, которыя страдаютъ различнаго рода физическими недостатками (слѣпые, глухонѣмые), увѣчьями (безрукіе, безногіе) или лишены умственныхъ способностей. Не отсюда ли ведетъ свое происхожденіе порядокъ раздѣла въ артельной семьѣ, по которому, какъ мы видѣли выше, право на долю въ общемъ имуществѣ имѣютъ только взрослые работники, а несовершеннолѣтніе никакой части не получаютъ? Въ крестьянскомъ быту убогіе и недужные (одержимые падучею болѣзнью) до сихъ поръ еще устраняются

Не смотря на указанныя различія, встрѣчающіяся въ народномъ быту формы семейно-хозяйственныхъ союзовъ представляютъ между собою значительную аналогію. Возникая изъ одной общей ячейки, простой натуральной семьи, онѣ принимаютъ специфическій ея характеръ, такъ что снаружи сводная и естественная семья, при компактности и однородности состава той и другой, являются, какъ рабочія хозяйственныя единицы, почти вполнѣ тождественными (*). Разница открывается главнымъ

иногда отъ наслѣдованія подъ предлогомъ, что хозяйства вести не могутъ и остаются во всю жизнь на попеченіи родственниковъ (см. труды эксп. въ зап. русск. край, т. VI: 315 № 125; труды коммисіи т. II: 341 № 1 Contra рѣш. Иван. в. с., т. II: 11 № 40, по которому судъ раздѣлилъ вырученныя чрезъ продажу рекрутской квитанціи деньги между наслѣдниками умершаго владѣльца, двумя дочерьми (по $^1/_8$) и глухонѣмымъ сыномъ, учредивъ надъ послѣднимъ опеку). Слѣдуетъ замѣтить, что нынѣ дѣйствующій уставъ о воинской пов. 1874 г. по характеру заключающихся въ немъ постановленій, повидимому, стоитъ внѣ всякаго отношенія къ той или другой семейно-хозяйственной организаціи крест. быта. По крайней мѣрѣ, такое разъясненіе устава мы встрѣчаемъ въ цирк. мин. внутр. дѣлъ, мая 21 и 30, 1874 г. №№ 30 и 32, гдѣ сказано: при назначеніи льготъ по семейному положенію принимать въ расчетъ семейство призываемаго (какъ союзъ кровный, а не рабочій) изъ родителей, если они живы, и всѣхъ ихъ дѣтей, безотносительно къ тому, живутъ ли всѣ эти лица вмѣстѣ или отдѣльно и принадлежатъ ли они къ одному обществу или сословію или къ разнымъ. Затѣмъ не придавать семейнымъ раздѣламъ никакого значенія, а равно не считать членами семейства призываемаго ни дядей его, ни племянниковъ, ни двоюродныхъ братьевъ, ни другихъ еще менѣе близкихъ родственниковъ. (*Махотинъ*. Сборникъ постановленій о воинской повинности, стр. 28.)

(*) Вотъ какимъ образомъ, судя по рѣшеніямъ вол. судовъ, складываются отношенія членовъ сводной семьи. Младшій братъ жалуется на старшаго, что послѣдній, будучи „старшимъ членомъ въ семействѣ“, отказываетъ просителю въ одеждѣ, обуви и пропитаніи. Постановлено: обязать старшаго обходиться благосклонно

образомъ въ имущественномъ разложеніи означенныхъ союзовъ.

Самъ законъ, когда дѣло касается крестьянской семьи, въ значеніи хозяйственнаго цѣлаго, относится

и не отказывать въ жизненныхъ потребностяхъ младшему брату, котораго считать обязаннымъ не ослушаться законныхъ требованій старшаго брата и помогать ему въ домашнихъ и полевыхъ работахъ безъ всякаго упорства (I: 217 № 1). Изъ другихъ рѣшеній видно, что старшій братъ („большій") можетъ договорить младшаго въ работники и получать вмѣсто него наемную плату (I: 479 № 2; 701 № 12). По жалобѣ старшаго брата младшій за нерадѣніе по хозяйству и недоставленіе въ домъ денегъ за время отлучекъ на промыселъ подвергается наказанію съ воспрещеніемъ отлучекъ безъ дозволенія старшаго брата (III: 353 № 83). Сравнивая эти отношенія съ тѣми, которыя существуютъ по обычному праву между родителями и дѣтьми (см. *С.В. Пахманъ*. Об. гражд. пр., т. 2, стр. 144, 149, 152, 154, 168), нельзя не замѣтить въ нихъ большого сходства, хотя, разумѣется, подобная зависимость младшихъ членовъ отъ старшаго въ сводной семьѣ можетъ поддерживаться только искусственно, ибо основаніемъ сводной семьи во всякомъ случаѣ является *соглашеніе*; вотъ почему и вол. суды при возникновеніи несогласій между братьями почти всегда допускаютъ раздѣлъ.—*Свящ. Селезневъ*: „пока живъ старшій домохозяинъ, то о раздѣлѣ никто и говорить не смѣетъ, но когда умираетъ старшій, то родные братья или двоюродные скоро приступаютъ къ раздѣлу" (стр. 11).—*Свящ. Котырло*. Юрид. об. при бракахъ и раздѣлахъ (Могилевск. губ. в. 1868 г.): „если въ семействѣ два или три брата женатыхъ, то одинъ изъ нихъ или два отдѣляются, особенно если въ семействѣ пѣтъ согласія" (№ 5).—*П. Никулинъ*: „послѣ смерти отца, братья, сыновья умершаго, въ случаѣ *нежеланія* сохранить общность имущества, дѣлятся" (Допск. газ. 1876 г. № 43). –*М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „пока не раздѣлились, хозяиномъ считается старшій братъ. Но онъ не можетъ, подобно отцу, воспрепятствовать желанію остальныхъ братьевъ раздѣлиться и при дѣлежѣ обязанъ всѣмъ дать поровну" (стр. 244).—*Майновъ*: „братъ отъ брата, племянникъ отъ дяди и дядя отъ племянника могутъ требовать раздѣла" (стр. 177). —*П. П—чъ*: „по смерти отца главенство переходитъ къ старшему

безразлично къ тому, кто оказывается въ дѣйствительности представителемъ таковой, отецъ ли, въ качествѣ естественнаго главы семейства, или другое лицо; въ обоихъ случаяхъ положеніе подобнаго представителя, какъ по отношенію къ прочимъ членамъ семьи, такъ и по отношенію къ сельскому обществу, очерчивается въ законѣ однимъ общимъ терминомъ—„домохозяина“(*).

До послѣдняго времени и въ литературѣ обычнаго права не было установлено точнаго разграниченія между упомянутыми двумя видами хозяйственной общности: естественною и искусственною или сводною семьей. Послѣдняя обыкновенно смѣшивалась съ сложною формою естественной семьи подъ однимъ общимъ именемъ *большой* семьи, а *малой* семьѣ придавалось то значеніе, которое въ предъидущемъ изложеніи отведено для простой семьи (**). хотя подобное дѣленіе не можетъ

въ родѣ, т. е. брату умершаго или его сыну, но вліяніе ихъ уже не таково, какъ родоначальника, ибо прочіе члены семьи смотрятъ на нихъ нѣсколько иначе и вообще стараются раздѣлиться. Когда семейные *не желаютъ* сохранить общность имущества, оно дѣлится поровну между сыновьями (Труды Каз. губ. стат. ком., вып. 3. стр. 26—27).

(*) Т. V, св. зак. изд. 1857 г. Уст. о подат., ст. 69. 104 („хозяинъ“); т. XII, св. зак. изд. 1857 г. Уст. сельск. суд., ст. 486 („старшій въ семействѣ“); т. IX, св. зак. изд. 1876 г. Особ. прилож. Общ. пол. ст. 47. 106; Мѣст. полож. великоросс., ст. 245. 250. Мѣст. полож. малоросс. ст. 94. 95. 110—112 („домохозяинъ“); т. IX. св. зак. изд. 1876 г. ст. 736. 745 („домохозяинъ“).

(**) „Въ вдѣшней, т. е. въ Арханг. губ., говорятъ г. *Ефименко*, нельзя замѣтить такого усиленнаго стремленія къ сохраненію *большихъ* семей, т. е. складывающихся изъ нѣсколькихъ семействъ, *братьевъ при отцѣ, племянниковъ при дядѣ*“ (Сборникъ, стр. 45). Подобное же смѣшеніе естественной семьи со сводомъ семей встрѣчается у *П. Г. Оршанскаго* (Указ. соч. стр. 75. 76. 78—80) и у

считаться правильнымъ даже съ точки зрѣнія количественнаго состава членовъ семьи въ томъ и другомъ случаѣ (*С. В. Пахманъ.* Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 139).

Результатомъ означеннаго смѣшенія является та неопредѣленность по вопросу о наслѣдованіи въ обычномъ правѣ, замѣчаемая въ сочиненіяхъ писателей, придерживающихся трудоваго начала, вслѣдствіе которой оказывалось невозможнымъ опредѣлить съ достаточною ясностію, въ какихъ случаяхъ открывается у крестьянъ наслѣдство, и въ какихъ происходитъ раздѣлъ общаго имущества (*).

г-жи *Ефименко* (Указ. соч. стр. 61—62). Г-нъ *Матьевъ* пытается уже выдѣлить естественную семью изъ свода семей (Очерки, стр. 13 и 14), но у него остается невыясненнымъ, какое значеніе можетъ имѣть это обособленіе естественной семьи по отношенію къ праву наслѣдованія.

(*) Такъ напр. г. *Ефименко* въ одномъ мѣстѣ своего Сборника говоритъ, что отецъ, если онъ старшій хозяинъ, имѣетъ право на имущество дѣдово, какъ на свое (стр. 46—47); въ другомъ, что при дѣлежѣ наслѣдства послѣ отца сыновья получаютъ равныя доли (стр. 64), а въ третьемъ, что послѣ смерти домоуправителя (родопачальника тожъ), такъ и другихъ членовъ, имѣющихъ право на часть общаго имущества, наслѣдства не открывается. Имущество продолжаетъ быть принадлежностью дома и безграничнѣ всей оставшейся семьи, пока не бываетъ раздѣла и пока есть еще неотдѣленные сыновья или женщины ихъ потомства (?). Сборникъ, стр. 47—48. *Г. Оршанскій* (указ. соч. стр. 75—76), выходя изъ понятія артельной семьи, повидимому, вовсе не допускаетъ наслѣдованія въ крестьянскомъ быту въ силу защищаемаго имъ принципа, что по народному воззрѣнію „только участіе въ общемъ трудѣ даетъ право на участіе въ раздѣлѣ продуктовъ этого труда“ (стр. 84). По словамъ г-жи *Ефименко* „наслѣдованіе у крестьянъ въ большинствѣ случаевъ (?) имѣетъ видъ семейнаго раздѣла“ (указ. соч. стр. 153). Г-нъ *Матьевъ* замѣчаетъ, что наслѣдства

Выдѣленіе искусственной семьи, какъ формы хозяйственнаго союза, изъ круга собственно семейныхъ отношеній, намѣченное впервые точнымъ образомъ *С. В. Пахманомъ* (Об. гражд. право, т. 2, стр. 138), составляетъ въ сферѣ обычнаго права важный шагъ къ уясненію наслѣдственныхъ отношеній. Можно сказать, что только съ этого момента представляется возможнымъ поставить вопросъ о народно-обычномъ правѣ наслѣдованія на надлежащую почву и подъискать для него болѣе или менѣе удовлетворительное рѣшеніе.

Въ писанномъ правѣ подъ понятіемъ наслѣдованія разумѣется юридическое преемство, продолженіе гражданской личности наслѣдодателя. Это понятіе въ свою очередь вытекаетъ изъ представленія о лицѣ, какъ держателѣ извѣстной имущественной сферы, составляющей его личную собственность. Въ числѣ правъ, принадлежащихъ такому лицу, заключается и право распорядиться имуществомъ по своему усмотрѣнію на случай смерти (завѣщаніе). Когда-бы означеннаго права не

у крестьянъ въ смыслѣ положительнаго закона нѣтъ (Очерки, стр. 23), но изъ дальнѣйшаго изложенія видно, что высказанное имъ положеніе относится собственно только къ своду семей, т. е. къ тѣмъ случаямъ, гдѣ и по закону нѣтъ наслѣдованія, а лишь раздѣлъ общаго имущества (т. X, ч. 1, ст. 1313). Открывается ли наслѣдство въ малой семьѣ, г. Матвѣевъ умалчиваетъ, хотя признаетъ выдѣлъ сыновей только съ согласія отца, замѣняющаго собою корпоративныя права членовъ семьи (?), равно какъ допускаетъ и духовныя завѣщанія, которыя въ сводной семьѣ, по его мнѣнію, немыслимы (стр. 21—23). *Г. Барыковъ*, описавъ артельный порядокъ раздѣла семейнаго имущества, указываетъ въ то же время, что если наслѣдство идетъ съ боку, изъ другаго дома, то оно дѣлится по линіямъ и степенямъ (указ. соч. стр. 9); но гдѣ, на какой почвѣ вырабатывается эта послѣдняя система наслѣдованія, изъ его сочиненія не видно.

существовало, т. е. еслибъ оно не признавалось за лицомъ, то, конечно, индивидуальная свобода личности въ распоряженіи имуществомъ вообще была бы значительно стѣснена, хотя отъ этого нисколько не умаляется право владѣльца имущества располагать онымъ по своему усмотрѣнію въ теченіи жизни (родовое имущество). Другое дѣло, когда независимо отъ стѣсненія воли лица относительно выбора преемниковъ по имуществу, свобода распоряженія таковымъ подвергается различнымъ ограниченіямъ непосредственно въ интересахъ тѣхъ самыхъ лицъ, которыя по условіямъ быта считаются необходимыми преемниками владѣльца имущества, и когда ограниченія эти клонятся не только къ обезпеченію существованія означенныхъ преемниковъ, но и къ сохраненію какъ объема, такъ даже и самой формы той хозяйственно-имущественной сферы, въ которой вращалось лицо, въ качествѣ ея представителя. При такихъ условіяхъ право личной собственности владѣльца на имущество дѣлается сомнительнымъ и подобно тому, какъ изъ за деревьевъ не видно лѣса, такъ, благодаря различнымъ ограниченіямъ, трудно становится распознать личную собственность, въ смыслѣ права владѣльца считать вещь (въ обширномъ значеніи) своею и располагать ею, какъ своею.

Правовой бытъ нашего крестьянства именно представляетъ для изслѣдователя цѣлый рядъ такихъ условій, при которыхъ право владѣльца имущества распоряжаться таковымъ по своему усмотрѣнію стѣсняется до крайней степени въ интересахъ членовъ его семьи. Изъ этого, конечно, не слѣдуетъ выводить заключенія, что народному быту было совершенно чуждо понятіе объ исключительной, личной собственности. Подобно писанному праву собственность личная и другіе ея виды, общая

собственность, собственность юридическаго лица, признаются и обычаемъ. Но помимо указанныхъ формъ собственности наукѣ права извѣстенъ еще особый видъ, такъ называемой. *семейной собственности*. Этотъ архаическій типъ собственности нѣкогда существовалъ и у насъ въ Россіи, какъ общее явленіе. По мнѣнію г. *Цитовича*, въ періодъ Русской Правды господствующею формою отношеній по имуществу составляла принадлежность онаго не отдѣльному лицу, а цѣлой семьѣ (Исходные моменты въ исторіи русскаго права наслѣдованія. Харьковъ 1870 г. стр. 98—99). Земледѣльческій бытъ на степени патуральнаго хозяйства, простота и незначительность имущественнаго оборота и почти отсутствіе кредита,—вотъ та почва, на которой возникаетъ семейная собственность, причемъ семья и хозяйство (домъ) являются синонимами для обозначенія того топографическаго центра, въ которомъ накопляется имущество. Самая однородность состава семьи, представляющей собою совокупность лицъ, по своему происхожденію прямо идущихъ отъ лица или лицъ, стоящихъ во главѣ семейства, способствуетъ упроченію воззрѣнія, что „каждый изъ членовъ семьи, въ особенности членовъ продолжателей ея, т. е. мужчинъ, потому именно, что онъ членъ, имѣетъ участіе въ имуществѣ, принадлежащемъ семьѣ“ (*П. П. Цитовичъ*, указ. соч. стр. 133). Къ этому остается еще добавить, что земледѣльческая форма труда, требующая для успѣшности дѣла соучастія многихъ лицъ, препятствуетъ образованію личной, отдѣльной собственности, такъ какъ экономическая сторона семьи, хозяйство, слагается вообще при содѣйствіи всѣхъ членовъ семьи.

Переходя отъ этихъ, такъ сказать, общихъ соображеній объ условіяхъ возникновенія и характерѣ се-

мейной собственности къ нынѣшнему быту крестьянъ, нельзя не замѣтить, что, помимо общиннаго устройства и землевладѣнія, экономическій строй этого быта и самая организація крестьянской семьи представляютъ въ общемъ почти тѣ же элементы, какіе необходимы для того, чтобы понятіе семейной собственности получило перевѣсъ надъ идеею личной собственности въ сферѣ семейныхъ отношеній. Въ литературѣ обычнаго права вопросъ о существованіи у крестьянъ семейной собственности не составляетъ новизны. *И. Г. Оршанскій* полагаетъ даже, что общая собственность семьи есть основной догматъ крестьянскаго правосознанія (указ. соч. стр. 69). Но дѣло въ томъ, что какъ Оршанскій, такъ и другіе изслѣдователи народнаго юридическаго быта вовсе не различаютъ семейной собственности отъ общей собственности, принадлежащей нѣсколькимъ нераздѣленнымъ семьямъ, подобно тому, какъ не различаютъ они естественной семьи отъ сводной, наслѣдованія отъ раздѣла общаго имущества. Поэтому совершенно правъ съ своей точки зрѣнія *С. В. Лахманъ*, возражая защитникамъ коллективной собственности, что общность семейнаго имущества, какъ начало юридическое, хотя и существуетъ въ крестьянскомъ быту, но только не при жизни отца семейства, а послѣ его смерти, когда наслѣдники, не производя раздѣла, остаются жить въ общемъ хозяйствѣ (Об. гр. право, т. 2, стр. 10). Это возраженіе, однакоже, утрачиваетъ свою силу, коль скоро, въ противоположность общей собственности, въ значеніи долеваго права участниковъ на опредѣленное имущество, будетъ поставлено понятіе о семейной собственности, которое хотя и имѣетъ сходство съ общею собственностію, возникающею послѣ смерти главы семейства, такъ какъ въ томъ и другомъ

случаѣ существуетъ у крестьянъ общее хозяйство и пользованіе имуществомъ, но въ то же время сохраняетъ и свои отличительныя особенности.

Основаніемъ семейной собственности является не договоръ, въ смыслѣ дѣйствительнаго или предполагаемаго соглашенія нѣсколькихъ самостоятельныхъ представителей семей вести общее хозяйство, какъ при общей собственности въ сводной семьѣ, но фактъ принадлежности къ извѣстной семьѣ въ силу прямаго происхожденія (natura или jure) всѣхъ членовъ семьи отъ лицъ, стоящихъ во главѣ семейства и сосредоточивающихъ въ себѣ семейный авторитетъ по самой природѣ вещей. Далѣе, участіе каждаго члена семьи въ семейномъ имуществѣ не есть долевое участіе, какъ при общей собственности, ибо оно не зависитъ отъ количества затраченнаго труда и капитала, но опредѣляется одинаково, разъ навсегда, внѣшнею нормою—обычаемъ, и проявляется во всемъ своемъ объемѣ лишь послѣ смерти главы семейства; стало быть, въ наслѣдованіи, которое съ этой точки зрѣнія можно назвать разложеніемъ семейнаго имущества, бывшаго при жизни отца семейства единымъ, цѣльнымъ, на нѣсколько отдѣльныхъ самостоятельныхъ имуществъ, смотря по числу нисходящихъ линій, на которыя распалась данная семья. Наконецъ, различіе общей собственности отъ семейной проявляется еще и въ томъ, что выбытіе изъ общенія, хотя бы одного изъ соучастниковъ, непремѣнно предполагаетъ раздѣлъ имущества, такъ какъ подлежащая выдѣлу уходящему участнику доля общаго имущества должна быть приведена въ соотношеніе со всей остальной имущественной массой. Между тѣмъ выходъ изъ семьи одного изъ ея членовъ, кромѣ главы семейства, не влечетъ за собою необходимо раздѣла семейнаго имущества.

Напротивъ того, самый выдѣлъ части этого имущества отдѣляющемуся члену семьи вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія главы семейства. Выбывающій можетъ получить больше или меньше слѣдуемой ему части семейнаго имущества или вовсе ничего не получить, это для понятія семейной собственности безразлично; важно только то, что отдѣлившійся отъ семьи навсегда теряетъ право на участіе въ семейномъ имуществѣ.

Самъ *С. В. Пахманъ* признаетъ, что въ народномъ юридическомъ быту существуетъ двойственность началъ по отношенію ко всѣмъ институтамъ гражданскаго права. Съ точки зрѣнія семейныхъ отношеній двойственность эту можно понимать въ томъ смыслѣ, что въ крестьянской семьѣ господствуетъ или общность имущества, или раздѣльность, причемъ, по мнѣнію С. В. Пахмана, помянутая двойственность свидѣтельствуетъ о переходномъ состояніи обычнаго права и борьбѣ новыхъ воззрѣній съ отживающими началами стараго времени (Об. граж. право, т. 2, стр. 19).

Въ этихъ словахъ для изслѣдователя народнаго обычнаго права открывается какъ бы два пути, изъ которыхъ одинъ будетъ состоять въ изученіи семейно-имущественныхъ отношеній съ точки зрѣнія общности семейнаго имущества (семейная собственность), а другой въ раскрытіи началъ частной собственности и принципа раздѣльности имущества между родителями и дѣтьми. Самъ авторъ „Обычнаго гражд. права въ Россіи“ избралъ второй путь и въ результатѣ своего изслѣдованія приходитъ къ заключенію, что въ настоящее время въ крестьянскомъ быту юридическія отношенія между членами семьи представляются почти въ томъ же видѣ, какъ и по праву писанному, съ нѣкоторыми лишь уклоненіями, обусловленными общимъ хозяйствомъ (указ.

соч. т. 2, стр. 163), т. е. что имущество въ крестьянской семьѣ принадлежитъ на правѣ собственности главѣ семейства—отцу, причемъ остальные члены семьи по отношенію къ этому имуществу получаютъ лишь право пользованія (?), хотя могутъ имѣть и отдѣльную собственность, которою родители распоряжаться не вправѣ (тамъ же, стр. 142, 164).

Не придавая особеннаго значенія борьбѣ между старыми и новыми возрѣніями, характеризующей будто бы современное переходное состояніе обычнаго права, мы попытаемся, насколько возможно, освѣтить первый путь изслѣдованія. Встрѣчаемые на этомъ пути факты, по нашему мнѣнію, доказываютъ, что и въ настоящее время семейная собственность, въ значеніи самостоятельнаго юридическаго института, не только не миоъ и не отживающее явленіе, но имѣетъ глубокіе корни въ народномъ сознаніи и заслуживаетъ столь же серьезнаго вниманія, какъ и частная собственность (*).

(*) Г-нъ *Мальшевъ*, повидимому, полагаетъ, что общность семейнаго имущества у крестьянъ могла имѣть мѣсто только при прежнихъ несвободныхъ условіяхъ народнаго быта. Теперь же, когда крестьянамъ предоставлено пріобрѣтать въ частную собственность движимыя и недвижимыя имущества, а также отчуждать оныя, отдавать ихъ въ залогъ и вообще распоряжаться ими (общ. полож. о крест. ст. 33, 36), семейная общность имущества не имѣетъ подъ собой почвы и образованіе общей собственности возможно лишь на тѣхъ основаніяхъ, какія представляются для сего и въ законѣ (Отзывъ о соч. С. В. Пахмана, стр. 38—40). По нашему мнѣнію, приведенныя выше 33 и 36 ст. общ. пол., подобно нѣкоторымъ другимъ статьямъ того же положенія (21—25. 30), имѣютъ въ виду одно лишь опредѣленіе общихъ условій правоспособности вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости крестьянъ уравнительно съ прочими сословіями въ государствѣ, но ни мало не касаются принятыхъ въ крестьянской средѣ обычаевъ, регулирующихъ семейно-имущественныя отношенія. Было бы печаль-

Изъ предъидущаго изложенія слѣдуетъ, что семейная собственность по существу своему не можетъ принадлежать кому-либо одному изъ членовъ семейства и въ этомъ смыслѣ она есть *общая*, и всякое имущество, входящее въ составъ семейной собственности, есть имущество *семейное*.

Такое понятіе семейной собственности отражается въ нѣкоторыхъ показаніяхъ крестьянъ, данныхъ членамъ волостной коммисіи (*); но яснѣе и чаще оно выступаетъ въ рѣшеніяхъ вол. судовъ.

нымъ недоразумѣніемъ, если-бъ вол. суды прониклись буквальнымъ примѣненіемъ 33 ст. общ. пол. и, не справляясь съ интересами семьи, стали признавать всякую продажу или залогъ имущества (даже въ кабакѣ, чему бываютъ примѣры) со стороны домохозяина дѣйствительными. Но счастію подобная тенденція не успѣла еще проникнуть въ крестьянскую среду, и мы видимъ, что вол. суды довольно ревниво охраняютъ семейную собственность отъ узурпаторскихъ покушеній на нее мѣстныхъ домовладыкъ.

(*) V: 533—„ имущество составляетъ собственность всей семьи въ лицѣ старшаго въ семьѣ; 539:—„ отдѣльной собственности члены одной семьи не имѣютъ." VI: 83—„ отдѣльной собственности у членовъ одной семьи не бываетъ;" 649:—„ все имущество, пріобрѣтаемое отдѣльными членами семейства, считается общимъ имуществомъ семьи"; 646—„члены семейства отдѣльной собственности не имѣютъ." IV: 651, § 14. Сводъ юрид. обыч. Полт. губ.— „женатый сынъ неотдѣльный, живущій при отцѣ, служитъ только его помощникомъ въ хозяйствѣ, но всякое его личное пріобрѣтеніе, исключая одежды, вносится *въ общее хозяйство*". *П. Костровъ:* „всякій заработокъ того или другаго члена семьи идетъ въ массу имущества, составляющаго общее достояніе семьи" (стр. 30).—*П. Даниленко:*„ всякое имущество, пріобрѣтенное родителями, составляетъ собственность семейства: члены семьи только тогда могутъ имѣть свою особую собственность, если они отдѣлены" (стр. 5):—О юрид. об. нѣкот. слободъ черк. и міуск. округовъ:—„ какіе бы доходы семья не получала, всѣ они поступаютъ въ собственность семьи. Отдѣльной собственности у членовъ

Имущество отца и *неотдѣленнаго* сына называется *общимъ* во многихъ рѣшеніяхъ, касающихся выдѣла овдовѣвшей снохѣ части семейнаго имущества, причемъ подобный выдѣлъ обсуживается совершенно независимо отъ согласія на то свекра (I: 381 № 12, 407 № 7, 413 № 8 и др.).

Та же природа общности семейнаго имущества проявляется и въ другихъ случаяхъ. Напримѣръ, сынъ жалуется, что отецъ хочетъ продать рекрутскую квитанцію, купленную на «домашнія» деньги. Отецъ заявилъ, что квитанцію онъ пріобрѣлъ самъ безъ всякой помощи сына. Свидѣтели показали, что до настоящаго времени отецъ всегда былъ доволенъ сыномъ за высылку денегъ. Вол. судъ признаетъ квитанцію пріобрѣтенною на *«семейныя деньги»*. и постановляетъ: *считать квитанцію общею принадлежностью семейства, безъ согласія кого квитанція не должна быть продаваема* (т. II: 354 № 10; см. также т. I: 170 № 29: отецъ заявляетъ, что сынъ до отдѣла купилъ на «семейныя деньги» шерсти 20 пудъ) (*).

семьи не бываетъ" (Донск. обл. вѣд. 1875 г. № 27).—*В. Майновъ:* „кромѣ кое-какихъ бездѣлушекъ, какъ, напр., свадебныхъ подарковъ, ни одинъ членъ семьи не можетъ имѣть своего личнаго имущества, т. к. „пчела ѣстъ медъ изъ улья, а не изъ своего мѣшка"; все, что принадлежитъ семьѣ, принадлежитъ отчасти и ему, но за то и все, что принадлежитъ ему, должно быть общесемейскимъ" (стр. 162).

(*) Г-нъ *Малышевъ* (Отзывъ, стр. 39) неправильно толкуетъ приведенное рѣш. вол. суда въ томъ смыслѣ, что имъ отмѣняется самовольная продажа *чужого* имущества, ибо судомъ вовсе не констатировано, чтобы квитанція была куплена на деньги сына или составляла его личную собственность. Продажа воспрещена лишь по отсутствію согласія семейства, т. к. квитанція признана семенною собственностію, а не сына и не отца или кого-либо изъ членовъ семьи въ частности.

Въ другомъ случаѣ отецъ жалуется, что сынъ *не выдѣляетъ ему части общаго имущества*. Судъ, въ виду преклонныхъ лѣтъ отца, отказываетъ ему въ просьбѣ о выдѣлѣ и обязываетъ сына прокармливать отца (II: 82 № 12). Подобные иски со стороны отцовъ о выдѣлѣ дѣтьми части семейнаго имущества, повидимому, не рѣдки въ крестьянскомъ быту и какъ нельзя лучше доказываютъ, что по народному взгляду имущество семьи не составляетъ личной собственности отца (II: 529 № 16; VI: 109 № 78). Изъ одного рѣшенія между прочимъ видно, что отецъ имѣетъ право „ оставленнымъ собственно для своего пропитанія имуществомъ“ (т. е. послѣ выдѣла имъ сыновей) распорядиться свободно, безъ вѣдома отдѣленнаго сына (IV: 92 № 2). Отсюда a contrario можно заключить, что до раздѣла отецъ не вправѣ даже распоряжаться семейнымъ имуществомъ исключительно по своему усмотрѣнію и пріобрѣтаетъ это право на общемъ основаніи только при выдѣлѣ на свой пай отдѣльнаго имущества.

Далѣе можно привести цѣлый рядъ такихъ рѣшеній, касающихся семейно-имущественныхъ отношеній. которыя съ точки зрѣнія личной собственности представляются крайне неясными, но получаютъ вполнѣ опредѣленный смыслъ и значеніе, коль скоро мы взглянемъ на дѣло съ другой стороны. т. е. выходя изъ понятія семейнаго имущества.

Неотдѣленный сынъ на исповѣди приказываетъ, чтобы послѣ смерти женѣ его была выстроена бобыльская избушка и дано двѣ четверти ржи на продовольствіе. Судъ находитъ подобное завѣщаніе правильнымъ и рѣшаетъ: взять у свекра для постройки снохѣ избушки лѣса 100 деревъ и одну четверть ржи на продовольствіе (II: 335 № 23. См. также труды этногр.

стат. экспед. въ зап. рус. край, т. VI, стр. 310 № 116: судомъ утверждено дух. завѣщаніе неотдѣленнаго сына въ пользу жены). Отецъ взыскиваетъ съ сына по условію четырехъ душевой оброкъ за свою семью; судъ, «принимая во вниманіе, что отецъ и сынъ живутъ вмѣстѣ и слѣдовательно вмѣстѣ должны нести повинности», признаетъ обязательство (роспись) сына объ уплатѣ оброка недѣйствительнымъ и постановляетъ: распредѣлить оброкъ поровну между отцомъ и сыномъ (III: 166 № 3). Далѣе, отецъ обязывается судомъ къ уплатѣ долга умершаго неотдѣленнаго сына, который сдѣланъ имъ безъ вѣдома отца, на томъ основаніи, что у послѣдняго осталось «все наслѣдственное имѣніе» (VI: 151 № 23). Въ случаѣ упорства со стороны отца въ уплатѣ долга, судъ, руководствуясь мѣстнымъ обычаемъ, предписываетъ сдѣлать имуществу отца опись и таковое раздѣлить, «ибо имѣніе есть родовое», т. о. общее, и долгъ взыскать чрезъ продажу имущества; вѣроятно, той части онаго, которая по раздѣлу причитается на долю сына (VI: 125 № 10). Отвѣтственность за утрату принадложащаго умершей женѣ неотдѣленнаго сына приданаго передъ ея родственниками падаетъ на всѣхъ членовъ семьи, такъ какъ приданое поступаетъ «въ общую пользу всего семейства». Въ случаѣ, еслибы мужъ умершей отдѣлился отъ семейства, означенная отвѣтственность разлагается примѣрно слѣдующимъ образомъ: мужъ отвѣчаетъ въ одной части, а оставшіеся въ семьѣ его отецъ съ другимъ неотдѣленнымъ сыномъ уплачиваютъ двѣ части (I: 217 № 4).

Но съ особенною яркостію и наглядностію обрисовывается народное воззрѣніе на значеніе семейной собственности въ слѣдующемъ рѣшеніи вол. суда, постановленномъ по просьбѣ сына о выдѣлѣ отцомъ иму-

щества, которое поэтому мы позволимъ себѣ привести здѣсь почти дословно. Волостной судъ, принимая во вниманіе, что проситель, со времени возвращенія своего со службы, постоянно жилъ при домѣ въ теченіи пяти лѣтъ и доселѣ, какъ человѣкъ трудолюбивый, поддерживаетъ хозяйство по преклонности лѣтъ отца и *несовершеннолѣтію* другаго брата, постановилъ: *раздѣлить наличное имущество тяжущихся на три части*; на долю просителя отдѣлить 6 мѣръ ржи, 2 овцы и одного поросенка, а лошадь, какъ необходимую принадлежность въ хозяйствѣ, *считать «мѣстною» у всѣхъ трехъ лицъ* (возникновеніе общей собственности въ отличіе отъ личной и семейной). *Отдѣленное просителю имущество должно быть неотъемлемою его собственностію.* Сверхъ сего предоставить просителю право жить въ существующемъ домѣ вмѣстѣ съ отцомъ и меньшимъ братомъ, *пока не пожелаетъ отойти отъ нихъ, такъ какъ избы пріобрѣтены для семейства особенно его трудами* (I: 219 № 12).

Это рѣшеніе воспроизводитъ въ миньятюрѣ все существо семейной собственности; только вмѣсто нормальнаго распаденія семейнаго имущества, производимаго смертію главы семейства, мы имѣемъ здѣсь частный случай судебнаго раздѣла. Всѣ члены признаются участниками семейнаго имущества и при распаденіи семьи получаютъ равныя доли, не исключая несовершеннолѣтнихъ (*). Часть семейнаго имущества, полученная выбывшимъ изъ семьи членомъ, становится *отдѣльнымъ*

(*) Во избѣжаніе недоразумѣній замѣтимъ здѣсь вообще, что, говоря о членахъ семьи, мы всегда разумѣемъ только лицъ мужскаго пола. Положеніе членовъ семьи женскаго пола въ обычномъ правѣ совсѣмъ особое и будетъ выяснено при дальнѣйшемъ изложеніи.

имуществомъ, на которое прочіе оставшіеся въ семьѣ члены никакого притязанія имѣть не могуть. Не забыть также и трудъ – этотъ важнѣйшій факторъ крестьянскаго хозяйства, но значеніе его очерчивается въ рѣшеніи суда не столько въ смыслѣ основанія для полученія большей или меньшей доли при раздѣлѣ семейнаго имущества, сколько въ значеніи нравственной обязанности, вызываемой общими интересами и потребностями цѣлой семьи.

Намъ остается еще упомянуть объ одномъ правилѣ народно-обычнаго права, которое признается и сторонниками принципа личной собственности въ семейномъ быту крестьянъ, но почему-то оставляется ими безъ всякаго поясненія.

Мы приведемъ это правило такъ, какъ оно читается на стр. 267 «Обычнаго гражд. права въ Россіи» (т. 2): «лично сноха (т. е. жена неотдѣленнаго сына) права наслѣдованія не имѣетъ, но если у нея есть дѣти, въ особенности сыновья, то сноха можетъ (т. е. имѣетъ право) потребовать у свекра или у свекрови *отцовскую часть* на дѣтей».

Объяснить это правило съ точки зрѣнія личнаго права собственности главы семейства на семейное имущество одвали возможно, такъ какъ право представленія начинаетъ дѣйствовать только съ момента смерти собственника имущества, причемъ лица, представляющія умершаго, «наслѣдуютъ не родителю своему, а прямо тому предку, послѣ коего открывается наслѣдство» (*К. Побѣдоносцевъ*. Курсъ гражд. права, т. 2, стр. 284).

Трудно согласовать это правило и съ ученіемъ о выдѣлѣ, такъ какъ выдѣлъ и въ обычномъ правѣ обыкновенно зависитъ отъ усмотрѣнія главы семейства; полученіе же снохою на дѣти мужниной доли имуще-

ства не обусловливается согласіемъ на то свекра. Дѣло однако же объясняется просто, если мы взглянемъ на этотъ вопросъ съ точки зрѣнія семейной собственности. Зависимость лицъ, составляющихъ контингентъ семьи, отъ представителей семейнаго авторитета не одинакова; одни изъ этихъ лицъ подчинены власти главы семейства непосредственно въ силу прямаго происхожденія отъ него, таковы сыновья; другія же только посредственно, таковы внуки. Послѣдніе при жизни отца не имѣютъ права требовать выдѣла отъ дѣда, ибо ихъ отецъ прямо подчиненъ власти своего родителя. Но когда умираетъ отецъ, означенное препятствіе теряетъ свою силу; родительская власть прекращается со смертію подчиненнаго ей лица, и дѣти умершаго или ихъ мать, въ качествѣ представительницы, получаетъ право требовать выдѣла, такъ какъ принадлежавшая умершему доля въ общемъ семейномъ имуществѣ непосредственно переходитъ къ его потомкамъ. Выдѣлъ въ этомъ случаѣ имѣетъ значеніе раздѣла, потому что размѣръ выдѣляемой части не зависитъ здѣсь отъ усмотрѣнія главы семейства, и внуки получаютъ ту именно долю семейнаго имущества, которую могъ бы получить ихъ отецъ, когда бы вмѣсто него умеръ дѣдъ.

Приведенныхъ данныхъ, повидимому, достаточно, чтобы существованіе въ народномъ юридическомъ быту семейной собственности не подвергалось особому сомнѣнію.

Намъ слѣдовало-бы теперь разсмотрѣть юридическія отношенія, возникающія между участниками семейной собственности, т. е. между членами семьи, но такъ какъ это не имѣетъ столь тѣсной связи съ занимающимъ насъ вопросомъ о порядкѣ обычнаго наслѣдованія, то мы ограничимся бѣглымъ обзоромъ лишь тѣхъ изъ этихъ отношеній, которыя по самому свойству своему ближай-

нимъ образомъ связываются съ понятіемъ семейной собственности, и въ заключеніе скажемъ нѣсколько словъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы противъ общности семейнаго имущества съ точки зрѣнія личной собственности.

Въ обычномъ правѣ распоряженіе семейнымъ имуществомъ, по общему правилу, принадлежитъ главѣ семейства—отцу (*). Но въ крестьянскомъ быту это право рас-

(*) II: 151 № 39:—„отецъ имѣетъ право распорядиться всѣмъ *пріобрѣтеннымъ со семействомъ имуществомъ*; 156: —„отецъ полный хозяинъ въ домѣ. Сыновья при жизни отца никакой *отдѣльной* собственности не имѣютъ и только съ его благословенія могутъ отдѣлиться"; 93:—„по принятому обычаю отецъ управляетъ полновластно всѣмъ хозяйствомъ".—*И. Костровъ:* „что касается до имущества, *составляющаго общее достояніе семьи*, то отецъ полный хозяинъ и распоряжается имъ, какъ ему угодно" (стр. 30). —*Ѳ. К-въ:* „родоначальникъ имѣетъ въ семействѣ неограниченную власть. Ему принадлежитъ непосредственное *управленіе* всѣмъ домомъ" (стр. 21). —*И Даниленко:* „старшимъ въ семьѣ признается отецъ" (стр. 3). —*И. Дорожневъ:* „глава семейства или старшій членъ въ семействѣ есть отецъ" (стр. 122).—*И. Лядовъ.* Юрид. нар. обычаи крест. Шуйскаго у: „обязанность главы семейства или старшаго заключается обыкновенно въ томъ, что онъ заготовляетъ все необходимое для продовольствія семьи и уплачиваетъ за нее всѣ лежащія на ней повинности, а потому каждому члену семьи назначаетъ сообразныя занятія, принимаетъ отъ нихъ заработанныя ими деньги и расходуетъ ихъ всегда почти безконтрольно" (стр. 82). —У Мордвы, по замѣчанію г. *Майнова*, значеніе отца, какъ главы семьи, значительно усиливается тѣмъ, что на немъ лежали всегда, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ лежатъ еще и до сей поры, обязанности жреца. Поэтому власть отца-хозяина очень сильна, и все находится въ его волѣ. Большакъ распоряжается имуществомъ семьи вполнѣ безконтрольно, хотя на самомъ дѣлѣ этотъ контроль и существуетъ въ лицѣ прочихъ членовъ семьи. Продать или купить домъ или землю большакъ ни въ какомъ случаѣ не рѣшится, не посовѣтовавшись съ семейскими (Очеркъ, стр. 137, 158, 161).—*В. Маницкій.* Очеркъ юрид. быта Чувашъ Ядринскаго, Козмодемьянск. и

пораженія имѣетъ скорѣе значенія *управленія* общимъ семейнымъ имуществомъ и носитъ характирическое названіе „большины". Такое отношеніе главы семейства (большака) къ имуществу семьи, само собою разумѣется, не можетъ быть вполнѣ безконтрольно, хотя многое, конечно, зависитъ здѣсь отъ степени уваженія и почета, которымъ окружена родительская власть, по народнымъ воззрѣніямъ, въ той или другой мѣстности. Вообще же можно сказать, что какъ общее управленіе, такъ и отдѣльныя распоряженія большака признаются обязательными и имѣющими непреложную силу для остальныхъ членовъ семьи лишь до тѣхъ поръ, пока они не идутъ въ разрѣзъ съ интересами семьи (*). Поэтому если распоряженія

Чебоксарск. уѣздовъ: „власть въ семьѣ распорядительная принадлежитъ отцу" (Казанскія губ. вѣд. 1868 г. № 93).—*Н. Н—чъ*: „во главѣ семейства (у татаръ) стоитъ всегда отецъ, имѣющій въ немъ неограниченную власть; ему принадлежитъ право завѣдыванія и распоряженія имуществомъ; онъ же получаетъ всѣ заработки отъ членовъ семьи и наблюдаетъ за образомъ ихъ жизни" (стр. 26).

(*) Что управленіе семейнымъ имуществомъ должно согласоваться съ интересами семьи и не можетъ быть вполнѣ произвольно, то это доказывается весьма извѣстнымъ въ народномъ быту фактомъ передачи отцомъ большины кому-либо изъ членовъ семьи вслѣдствіе преклонности своихъ лѣтъ и сознанія неспособности своей къ дальнѣйшему завѣдыванію хозяйствомъ, какъ того требуютъ семейные интересы.—*Н. Костровъ*: „Иногда старшій въ семьѣ по лѣтамъ, отецъ, чувствуя себя въ невозможности быть матеріально полезнымъ семейству, передастъ власть свою старшему сыну и самъ подчиняется ему, ограничивая все свое вліяніе на него одними совѣтами" (стр. 29).—*М. В. Бравинъ*: „вообще власть отца или матери держится въ крестьянской семьѣ только до раздѣла или, вѣрнѣе, до той поры, пока старики въ силахъ работать" (стр. 162). —*Свящ. А. Борисовскій*: „отецъ, глава семейства, управляетъ домомъ большею частію до 60 лѣтъ, послѣ чего сдаетъ управленіе, равно завѣдываніе расходами и самую сумму старшему

главы семейства влекутъ за собою ущербъ семейному имуществу, то не только подобныя распоряженія признаются недѣйствительными, но и самая большина отбирается отъ домохозяина и передается кому-либо изъ другихъ членовъ семейства.

Въ рѣшеніяхъ вол. судовъ мы встрѣчаемъ рядъ случаевъ, изъ коихъ видно, что домохозяинъ не вправѣ ни закладывать, ни продавать, ни инымъ образомъ отчуждать семейнаго имущества безъ вѣдома и согласія его домашнихъ, въ особенности, если подобныя дѣйствія не согласны съ интересами семьи.

Приведемъ нѣкоторыя изъ этихъ рѣшеній.

Сынъ жалуется, что отецъ растранваетъ хозяйство, таскаетъ со двора, что попадетъ, и закладываетъ за вино. Судъ рѣшаетъ: отобрать отъ залогопринимателей заложенныя вещи и удалить отца отъ управленія домохозяйствомъ, передавъ таковое сыну (II: 276 № 14).

Выше мы указали случай недѣйствительности продажи отцомъ рекрутской квитанціи, пріобрѣтенной на семейныя деньги, безъ согласія прочихъ членовъ семьи; теперь же приведемъ подобный случай, относящійся къ продажѣ дома. Дѣло возникло по жалобѣ покупщика, который заявилъ, что крестьянинъ Г. продалъ ему избу за 50 руб. и получилъ 5 руб. въ задатокъ,

---

сыну" (стр. 317).—*Свящ. Темировъ*: „родительская власть въ крестьянскомъ быту имѣетъ свои предѣлы. Она существуетъ дотолѣ, пока отецъ не состарѣется, и пока дѣти не отдѣлятся отъ него. Когда отецъ начнетъ старѣть и падать силами, тогда старшій въ семействѣ принимаетъ всѣ права его въ хозяйствѣ безъ всякаго вмѣшательства власти. Такая смѣна бываетъ столько изъ добровольной уступчивости отца и изъ сознанія того, что онъ не можетъ трудиться для семейства, столько же изъ опасенія не допустить ошибки или ущерба въ хозяйствѣ по слабости своихъ силъ" (Уфимск. г. вѣд. 1866 г. № 5).

но въ настоящее время отъ продажи отказывается и избы ему не даетъ. Разобравъ дѣло, судъ постановилъ: „жалобу просителя оставить безъ послѣдствій, какъ бездоказательную и кляузную; и хотя бы онъ имѣлъ на это какое къ тому доказательство, но и тогда, какъ покупалъ у пьянаго человѣка, особенно въ кабакѣ, и *безъ согласія семейныхъ*, удовлетворенія получить не могъ бы" (I: 468 № 8). Продажа недвижимаго имущества вообще не разрѣшается домохозяину, когда у него есть малолѣтнія дѣти; на этомъ основаніи вдова неотдѣленнаго сына, имѣющая малолѣтнихъ дѣтей, вправѣ требовать, чтобы свекоръ не продавалъ избы и усадьбы, такъ какъ таковыя „должны принадлежать по наслѣдству внукамъ" (I: 422 № 3). Равнымъ образомъ отдѣленный сынъ можетъ воспрепятствовать отцу продавать хозяйственныя постройки, когда у послѣдняго есть еще живущія съ нимъ несовершеннолѣтнія дѣти (II: 78 № 54).

Если одни изъ сыновей совершеннолѣтніе, а другіе несовершеннолѣтніе, то въ случаѣ продажи отцомъ недвижимаго имущества (усадьбы) вол. судъ разрѣшаетъ совершеннолѣтнимъ выдѣлиться отъ отца съ полученіемъ слѣдующаго имъ по раздѣлу пая, а за частію малолѣтнихъ поручаетъ паблюсти старостѣ, дабы таковая не могла быть отчуждена отцомъ, прежде нежели дѣти достигнутъ совершеннолѣтія (V: 166 № 39).

Общество воспрещаетъ домохозяину продажу имущества и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣти хотя и совершеннолѣтнія, но по своимъ занятіямъ живутъ на сторонѣ и не могутъ своевременно предупредить продажу и вообще принять мѣры противъ растраты отцомъ имущества (II: 591 № 10) (*).

(*) Выше мы привели рѣшеніе вол. суд. (II: 78, № 54), въ

Отецъ не вправѣ также передавать имущество лицу, не принадлежащему къ составу семьи, хотя бы имѣлъ

которомъ отцу, имѣвшему несовершеннолѣтнихъ дѣтей, была воспрещена продажа хозяйственныхъ построекъ. По поводу этого рѣшенія г-нъ *Малышевъ* замѣчаетъ: „изъ самаго участія представителей сельскаго общества въ этомъ процессѣ видно, что *здѣсь дѣло шло не о какихъ-либо правахъ дѣтей на воспрещеніе продажи отцомъ собственнаго имущества, но о вмѣшательствѣ сельскаго общества въ продажу усадьбы*, потому что самъ законъ признаетъ за обществомъ, при мірскомъ выкупѣ усадебныхъ земель, право такого вмѣшательства (Отзывъ, стр. 39). Замѣчаніе это, однакоже, не можетъ, по нашему мнѣнію, относиться ни къ разсматриваемому случаю, ни къ остальнымъ приведеннымъ нами случаямъ воспрещенія отцу продажи недвижимаго имущества при наличности дѣтей. Что касается подлежащаго случая, то „вмѣшательство сельскаго общества“ выразилось лишь въ томъ, что односельцы продавца, крестьянина Ж., показали, *что у Ж. имѣется несовершеннолѣтній сынъ и три дочери, а потому продавать строеніе ему дозволять не слѣдуетъ*. т. е. какъ разъ приводится тотъ мотивъ, противъ котораго возражаетъ г. Малышевъ. Та же причина служитъ основаніемъ и прочихъ указанныхъ въ текстѣ случаевъ воспрещенія продажи отцомъ недвижимаго имущества. Не совсѣмъ правъ, какъ кажется, г. Малышевъ и съ формальной стороны, т. е. съ точки зрѣнія закона. Ст. 35 общ. полож. не дозволяетъ крестьянину уступать *безъ согласія міра* право на участіе въ общемъ владѣніи собственностію, пріобрѣтенною обществомъ только *постороннему лицу*, не принадлежащему къ обществу, членамъ же одного и того же общества подобная переуступка, по смыслу 37 ст. общ. полож., не воспрещается. Отсюда слѣдуетъ, что вмѣшательство общества какъ въ комментируемомъ г. Малышевымъ случаѣ, такъ и въ остальныхъ приведенныхъ нами случаяхъ могло бы имѣть мѣсто, еслибъ покупщикомъ явилось лицо, не принадлежащее къ составу сельскаго общества. Между тѣмъ подобнаго мотива въ указанныхъ рѣшеніяхъ вол. суда нѣтъ. Напротивъ, продажа воспрещается безусловно, даже когда не имѣется на лицо самой сдѣлки, а есть только намѣреніе или простое предположеніе о возможности продажи имущества (II: 78 № 54, 591 № 10). Наконецъ, въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ дѣйствительно происходитъ пере-

основаніе быть недовольнымъ сыномъ. На судѣ отецъ заявилъ, что онъ намѣренъ передать усадьбу будущему своему зятю, мѣщанину У., такъ какъ сынъ не оказываетъ ему ни въ чемъ пособія. Судъ, находя, что виновницей несогласія между отцомъ и сыномъ является мачиха, рѣшилъ: „не дозволять отцу отчуждать отъ усадьбы сына, *такъ какъ онъ есть первый наслѣдникъ по немъ*, со внушеніемъ, что не имѣетъ права отдавать сію усадьбу мѣщанину (V: 327 № 8) (*).

дача имущества *лицу постороннему*, тамъ вол. суды, воспрещая таковую, кромѣ общаго мотива недѣйствительности передачи— нарушенія правъ членовъ семьи —обыкновенно приводятъ и другое основаніе, намѣченное въ самомъ законѣ (V: 327 № 8).

(*) По еловамъ г. *Чубинскаго* въ Малороссіи семейное имущество слагается изъ „дідизны“ и „батьківщины“. Оба эти вида семейной собственности Чубинскій называетъ затѣмъ отцовскимъ имуществомъ, въ отличіе отъ имущества матери (матерызна), которое, какъ нѣчто особое, противуполагается имъ семейному имуществу. Дідизна, говоритъ онъ, есть то имущество, которое пришло путемъ наслѣдства, т. е. наслѣдственное, семейственное имущество или, такъ сказать, родовое. Батьківщину же составляетъ имущество, полученное въ даръ отъ родныхъ при заключеніи брака, а также пріобрѣтенное общимъ семейнымъ трудомъ отца и сыновей. Отецъ имѣетъ право распоряжаться дідизною какъ онъ хочетъ, но только въ предѣлахъ семьи: можетъ дать одному сыну больше, другому меньше, *а можетъ даже и вовсе не давать*; но ни въ какомъ случаѣ отецъ не можетъ продавать дідизную землю въ другой родъ, если у него есть сыновья. Таковы свѣдѣнія о семейномъ имуществѣ, дідизнѣ и батьківщинѣ, сообщаемыя г. Чубинскимъ въ „Очеркѣ нар. юрид. обыч. и пон. въ Малороссіи“, помѣщенномъ въ Запискахъ рус. геогр. общества по отд. этногр. 1869 г. т. 2. (стр. 690, 691, 692, 693, 696). Въ другомъ очеркѣ народ. юрид. обычаевъ, появившемся въ 1872 г. и напечатанномъ въ VI т. трудовъ эт. стат. экспед. въ зап. рус. край, г. Чубинскій уже отступаетъ нѣсколько отъ прежнихъ своихъ положеній. Семейное имущество оказывается состоящимъ изъ дідизны и матерызны, а о батьківщинѣ вовсѣ не упоминается. Что касается дідизны, то

Наконецъ, при выдѣлѣ отцомъ сыновей, онъ можетъ, какъ показали крестьяне одной мѣстности, дать любимому сыну большую часть имущества, но не въ правѣ

таковая должна быть непремѣнно раздѣлена между сыновьями, какъ покорными, такъ и непокорными. Отецъ, говоритъ г. Чубинскій во второмъ своемъ Очеркѣ, имѣетъ право дать и не дать части которому-нибудь изъ своихъ сыновей; но это онъ можетъ сдѣлать только съ тѣмъ имуществомъ, которое пріобрѣлъ самъ, а съ „дідызною“ онъ не имѣетъ права поступить такимъ образомъ: *она должна быть раздѣлена по равной части* (стр. 42). Насколько вѣрны всѣ эти сообщаемыя г. Чубинскимъ свѣдѣнія, мы рѣшить не беремся, но считаемъ необходимымъ замѣтить, что подобнаго дѣленія семейнаго имущества на дідызну и батьківщину мы не встрѣчали ни въ рѣшеніяхъ вол. судовъ, напечатанныхъ въ трудахъ волостной коммисіи (т. IV и V, губ. Харьковская, Полтавская, Кіевская), ни въ рѣшеніяхъ вол. судовъ, собранныхъ самимъ г. Чубинскимъ и помѣщенныхъ въ упомянутомъ выше VI томѣ трудовъ этногр.—стат. экспедиціи. Равнымъ образомъ мы не нашли указываемаго г. Чубинскимъ подраздѣленія семейнаго имущества въ другихъ сочиненіяхъ, описывающихъ бытъ малорусскихъ крестьянъ. (*Тарновскій*, Юрид. бытъ Малороссіи. Наблюденія мироваго посредника о нѣкоторыхъ юрид. обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губ. Основа, 1862 г. Бытъ малорусскаго крестьянина. Этногр. сборникъ геогр. общ. вып. 3. 1858 г.) Что касается „материзны“, то это имущество, какъ и вездѣ, составляетъ *отдѣльную собственность* жены, за исключеніемъ развѣ даннаго въ приданое скота, который поступаетъ въ общее пользованіе семьи. Съ этимъ въ сущности согласенъ и самъ г. Чубинскій, не смотря на то, что во второмъ очеркѣ онъ помѣщаетъ материнское имущество въ составѣ семейнаго имущества и разсматриваетъ въ обоихъ очеркахъ имущественныя отношенія супруговъ съ точки зрѣнія товарищества (спілка). Приводимый г. Чубинскимъ подробный перечень имуществу, коимъ жена можетъ распоряжаться по своему усмотрѣнію, безъ согласія мужа, различіе во взаимныхъ наслѣдственныхъ правахъ мужа и жены и даже самое раздѣленіе между ними хозяйственныхъ работъ („чоловіче діло“ „жіноче діло“) доказываютъ лучше всего, что въ имущественныхъ отношеніяхъ супруговъ никакой „спілки“, въ смыслѣ юридическаго общенія, не существуетъ.

отдать все, если у него есть еще и другіе сыновья (III: 376).

Кромѣ этихъ, такъ сказать, частныхъ ограниченій права распоряженія главы семейства имуществомъ семьи, возможны, какъ было выше замѣчено, и случаи совершенной утраты этого права. Въ крестьянскомъ быту подобные случаи представляютъ даже довольно обыденное явленіе и вызываются дурнымъ поведеніемъ, нерадѣніемъ о хозяйствѣ, растратою семейнаго имущества, а иногда просто преклонностію лѣтъ домохозяина. При наличности указанныхъ обстоятельствъ, члены семьи вправѣ требовать устраненія главы семейства отъ распоряженія имуществомъ (большины) и передачи хозяйства другимъ лицамъ, какъ напр. женѣ устраняемаго хозяина или кому-либо изъ его сыновей, обыкновенно, впрочемъ, старшему (*).

Хотя устраненіе главы семейства отъ управленія имуществомъ возможно и независимо отъ недовольства и жалобъ со стороны прочихъ членовъ семьи, по непо-

---

(*) III: 148 № 19—по жалобѣ на крест. Е., который вслѣдствіе непрезвой жизни довелъ имѣніе до раззоренія, вол. судъ постановилъ: Е. отъ большины и управленія кошельковой суммой устранить и передать все имѣніе въ распоряженіе сына его А. См. также I: 3. 342 № 30. 606; II: 156. 264 № 30. 276 № 14. 281 № 34. 489. 603; III: 228 № 59. 244. 302 № 1; IV: 25; V: 383; VI: 100 № 18 (отецъ былъ лишенъ судомъ большины за то, что покупался въ пьяномъ видѣ на цѣломудріе снохи), 122. 384. Въ приложеніи ко 2 тому Об. гражд. права *С. В. Пахманъ* приводитъ извлеченія изъ рѣшеній вол. судовъ Сергач. и Балахн. у., Ниж. губ. (1861—1870 г.), сообщенныя ему извѣстнымъ нашимъ изслѣдователемъ обычнаго права *П. А. Муллови́мъ*. При случаѣ мы тоже будемъ ссылаться на эти рѣшенія и одно изъ нихъ приводимъ здѣсь: сынъ, жалуясь, что отецъ пьянствуетъ и раззоряетъ хозяйство, просилъ отобрать отъ отца большину и предоставить ему. Рѣшено: большину передать сыну (Балах. у., Смольк. в. 1866 г., т. 2, стр. 391).

средствепному усмотрѣнію общины (общ. полож. о крест. ст. 188, п. 3), однако едва ли будетъ справедливо объяснять подобнаго рода случаи одними лишь интересами общины или интересами общаго семейнаго хозяйства (*).

Что касается интересовъ общины, то нарушеніе ихъ проявляется главнымъ образомъ въ накопленіи за домохозяиномъ недоимки въ уплатѣ податей и повинностей. Въ этомъ случаѣ община противъ нерадиваго домохозяина принимаетъ свои особыя мѣры, которыя, какъ видно изъ безчисленныхъ рѣшеній вол. судовъ по этому поводу, обыкновенно сводятся къ краткой резолюціи: дать такому-то столько-то розогъ. Очень можетъ быть, что члены семьи домохозяина не считаютъ его нерадивымъ и не предвидятъ благопріятныхъ послѣдствій отъ внушеній общинной власти, но у послѣдней существуютъ свои взгляды, свои требованія и интересы и свои мѣры для охраненія таковыхъ, которыя могутъ и не совпадать съ интересами членовъ семьи провинившагося домохозяина.

По отношенію къ интересамъ общаго семейнаго хозяйства слѣдуетъ замѣтить, что интересы эти существуютъ и въ сводной семьѣ, какъ хозяйственномъ союзѣ. Здѣсь также возможны злоупотребленія и растрата имущества со стороны завѣдующаго хозяйствомъ большака. Однако замѣна его кѣмъ-либо изъ другихъ членовъ сводной семьи практикуется у крестьянъ, судя по рѣшеніямъ вол. судовъ, весьма рѣдко, по крайней мѣрѣ въ настоящее время, такъ какъ въ разсматриваемомъ случаѣ при указанныхъ обстоятельствахъ почти всегда существуетъ другой выходъ. Члены сводной семьи, недовольные поведеніемъ или распоряженіями большака, всегда имѣютъ право требовать раздѣла общаго имущества.

(*) С. В. Пахманъ. Об. гражд. право, т. 2, стр. 140 и 163.

Другое дѣло въ естественной семьѣ, личный составъ которой нерѣдко вовсе не благопріятствуетъ раздѣлу. Возможенъ ли раздѣлъ, когда семья состоитъ напр. изъ мужа, жены и малолѣтнихъ дѣтей или изъ взрослыхъ сыновей и старика отца, котораго нужно прокармливать. Поэтому въ естественной семьѣ самый простой и натуральный способъ прекращенія злоупотребленій главы семейства по управленію общимъ имуществомъ будетъ состоять въ передачѣ большины кому-либо изъ прочихъ членовъ семьи. Но такая перемѣна въ управленіи не вытекаетъ непосредственно изъ интересовъ общаго хозяйства, ибо въ такомъ случаѣ указанная мѣра съ большимъ удобствомъ могла бы быть примѣнена и къ сводной семьѣ. Съ нашей точки зрѣнія устраненіе домохозяина отъ распоряженія имуществомъ и хозяйствомъ въ случаѣ злоупотребленій является прежде всего логическимъ послѣдствіемъ общности семейнаго имущества, и лишь въ этомъ смыслѣ можно сказать, что оно объясняется интересами общаго семейнаго хозяйства, которое по отношенію къ естественной семьѣ можно разсматривать какъ экономическую сторону правоваго понятія семейной собственности.

Въ связи съ общимъ ограниченіемъ полномочія главы семейства въ управленіи хозяйствомъ, соединяющимся съ утратою «большины», можно поставить существующее въ обычномъ правѣ ограниченіе свободы *завѣщательныхъ распоряженій*, такъ какъ въ обоихъ этихъ случаяхъ власть домоначальника въ распоряженіи семейнымъ имуществомъ преломляется не въ частности, но относительно всей подчиненной ему имущественной сферы.

Личный произволъ, который соединяется въ писаномъ правѣ съ понятіемъ завѣщанія, какъ выраженія

чисто субъективной воли лица о посмертной юридической судьбѣ его имущества, не можетъ, конечно, получить особеннаго простора тамъ, гдѣ имущество считается собственностію не отдѣльнаго лица, стоящаго во главѣ семейства, а принадлежностью цѣлой семьи, какъ это обыкновенно признается обычаемъ. Этимъ объясняется, почему на вопросы членовъ волостной комиссіи относительно духовныхъ завѣщаній крестьяне нѣкоторыхъ мѣстностей показали, что о подобныхъ актахъ они даже и не слыхали (IV: 91; V: 499), что завѣщаній у нихъ вовсе не бываетъ (*),—«не въ обычаѣ»,— а если и встрѣчаются, то лишь въ рѣдкихъ случаяхъ (**). Духовное завѣщаніе, какъ оно понимается народомъ, есть въ большинствѣ случаевъ только освященіе главою семьи тѣхъ имущественныхъ правъ, которыя принадлежатъ членамъ семейства на семейное имущество по самому рожденію или по принадлежности къ семьѣ. Завѣщанія, какъ «родительскія благословенія», весьма распространены въ народномъ быту и пользуются большимъ уваженіемъ; это -«святой законъ», нарушеніе котораго считается великимъ грѣхомъ, вслѣдствіе чего и споры по такимъ завѣщаніямъ доходятъ до суда рѣдко (***).

(*) I: 48. 59. 71. 124. 160. 174. 175. 185. 235; II: 284. 441. 453; III: 301. 411; IV: 25; V: 52. 120. 393. 499.

(**) I: 3. 15. 85. 95. 130. 134. 142. 726; II: 112. 135. 256. 370. 376. 382. 407. 417. 430; III: 161. 169. 189. 315. 319. 330. 338. 357. 405. 441. 449. 454; IV: 119. 144. 174. 183. 211. 522; VI: 712. 723.

(***) I: 541. 579. 751; II: 602; III: 309; V: 176. 278. 284. 290. 294. 299. 418; VI: 54. 258. 262. 322. 409. 419. 448. *П. Ефименко.* Сборникъ: „духовныя завѣщанія имѣютъ священное значеніе въ глазахъ родныхъ и исполняются семьей безъ споровъ и ссоръ" (стр. 73).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „неисполненіе предсмертной воли родителей считается тяжкимъ грѣхомъ: это значитъ не давать покоя родителямъ въ гробѣ и тревожить ихъ кости" (стр. 238).—

Съ подобнымъ характеромъ «благословенія» завѣщаніе, само собою разумѣется, не можетъ выступать за предѣлы того тѣснаго круга лицъ, который образуется семьею умирающаго. «Отказывать по духовному завѣщанію имущество пользя помимо родныхъ, помимо семейства» (III: 117. 129. 145. 153. 161. 169. 178), и самыя завѣщанія составляются только тѣми, у кого пѣтъ дѣтей (I: 288). Такимъ образомъ воля завѣщателя относительно выбора лицъ, между которыми онъ желаетъ распредѣлить имущество, ограничивается въ обычномъ правѣ кругомъ необходимыхъ наслѣдниковъ, т. е. такихъ наслѣдниковъ, назначеніе которыхъ не зависитъ отъ личнаго произвола завѣщателя, но опредѣляется внѣшнею нормою—обычаемъ. Встрѣчающіяся въ народѣ письменныя духовныя завѣщанія, которыя хотя и излагаются обыкновенно не самими крестьянами, а лицами изъ другихъ слоевъ общества, чаще всего членами мѣстнаго церковнаго причта (*),

---

Свящ. Т. Успенскій: „устное завѣщаніе отца имѣетъ такую же обязательную силу, какую имѣютъ всѣ распоряженія его по дѣламъ семейнымъ при жизни“ (Перм. сбор. 1859 г. кн. 1 стр. 34).— *В. Тарновскій*: „завѣщанія словесныя всегда уважаются“ (стр. 42). — *И. Чубинскій*. Краткій очеркъ: „по народнымъ понятіямъ духовное завѣщаніе не подлежитъ никакимъ спорамъ, что въ немъ сказано, то свято“ (стр. 56).

(*) I: 212. 285. 417. 425. 434. 442. 451. 456. 487; II: 53. 165. 178. 205. 219. 323; III: 13. 21. 31. 51. 58. 67. 74. 84. 117 и др. —духовное завѣщаніе пишется обыкновенно со словъ умирающаго священникомъ; V: 176—„завѣщатель, чувствуя приближеніе смерти, обыкновенно кличетъ сосѣдей ближайшихъ, да старосту и грамотнаго человѣка: священника, дьяка, пономаря, учителя, кого придется“. Въ трудахъ коммиссіи помѣщено нѣсколько текстовъ письменныхъ духовныхъ завѣщаній, изъ коихъ многія составлены при участіи лицъ мѣстнаго церковнаго причта (I: 556. 558. 629 и др.).

тѣмъ не менѣе не отступаютъ отъ указаннаго начала и повторяютъ тѣ же воззрѣнія на распредѣленіе имущества, какія складываются на почвѣ обычныхъ семейныхъ отношеній и отражаются въ такъ называемыхъ „устныхъ памятяхъ“ и „родительскихъ благословеніяхъ“.

Въ чемъ же проявляется воля умирающаго въ крестьянскомъ быту, если преемники семейнаго имущества заранѣе уже намѣчены обычаемъ? Можно сказать, что завѣщательный распорядокъ имущества въ обычномъ правѣ есть только нѣсколько запоздавшій раздѣлъ этого имущества главою семьи при жизни (*).

На сколько воля послѣдняго по отношенію къ распредѣленію имущества между членами семьи имѣетъ значеніе при раздѣлѣ, на столько же она проявляется

(*) *Н. Даниличенко*: „для устраненія семейныхъ раздоровъ при раздѣлѣ имущества между дѣтьми, отецъ приглашаетъ свидѣтелей, родственниковъ и даже священника. Подобный раздѣлъ признается *завѣщаніемъ* и послѣднею волею отца“ (стр. 4).— *П. Ефименко*. Сборникъ: „завѣщанія имѣютъ, по большей части только распорядительное значеніе, т. е. посредствомъ ихъ имущество только распредѣляется между наслѣдниками, чтобы впослѣдствіи при дѣлежѣ предотвратить ссоры“ (стр. 71).—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „завѣщаніемъ распредѣляютъ только части между наслѣдниками . . . Оно есть не что иное, какъ тотъ раздѣлъ, который произошелъ бы послѣ смерти, согласно существующимъ обычаямъ, хотя бы завѣщатель и не оставилъ завѣщанія“ (стр. 700).— *В. Майновъ*. Очеркъ: „всякій родитель имѣетъ право завѣщать имущество одному или нѣсколькимъ изъ всѣхъ наслѣдниковъ, даже такому, который никакихъ правъ на наслѣдство не имѣетъ, но на народной памяти никогда ничего подобнаго не случалось, такъ какъ за что же бы онъ обидѣлъ остальныхъ своихъ наслѣдниковъ: иное дѣло, когда старикъ, умирая, еще разъ передъ смертію повторитъ во всеуслышаніе свою волю, какъ слѣдуетъ распредѣлить остающееся послѣ него имущество правильнѣе и ровнѣе—это послѣднее распоряженіе дѣлается всегда и считается священнымъ“ (стр. 190).

и въ завѣщательномъ распоряженіи. Случаи раздѣла отцомъ семейнаго имущества между дѣтьми при своей жизни, съ оставленіемъ себѣ нѣкоторой части на прожитокъ, не рѣдкость въ народномъ быту, и характеръ подобныхъ раздѣловъ даетъ намъ понятіе о содержаніи устныхъ памятей или словесныхъ завѣщаній (*), которыя, не смотря на усиленіе грамотности и вліяніе

(*) Обрядъ совершенія устныхъ памятей состоитъ въ томъ, что умирающій призываетъ всѣхъ наличныхъ наслѣдниковъ, ближайшихъ сосѣдей, иногда священника и старосту, затѣмъ благословляетъ весь свой родъ (т. е. семью) и разсказываетъ подробно, кому что взять послѣ его смерти (I: 751; VI: 409). Устныя памяти иногда записываются кѣмъ-либо изъ присутствующихъ. Какъ на образчикъ содержанія устныхъ памятей можно указать слѣдующій документъ безъ названія, помѣщенный на стр. 190 V тома трудовъ коммиссіи: „я, нижеподписавшійся, такой то, будучи *при старости лѣтъ и во избѣжаніе могущихъ произойти споровъ послѣ моей смерти за имущество* между моими сыновьями О. и М., постановилъ себѣ въ обязанность при жизни своей раздѣлить моихъ сыновей слѣдующимъ образомъ: 1) старшему сыну, солдату О., опредѣляю усадебную землю между усадьбами П. и Р. съ тѣмъ, что до возврата изъ службы О. будетъ его жена пользоваться только $^1/_3$ частію усадебной градки и такой же частію лѣска безплатно, а по возвратѣ О. долженъ онъ завладѣть этою всею усадьбою. 2) На жилой осѣдлости вся часть усадьбы съ двумя избами и застройками будетъ принадлежать, по моей смерти, *меньшому моему сыну* М., а осѣпная повѣтка О. 3) По возвратѣ О. со службы опредѣляю ему полдесятины пахатной земли во всѣ три смѣны, а остальная должна по моей смерти оставаться за М.“ Далѣе въ п. 4 и 5 упоминается, что О., получая, по возвращеніи со службы, назначенную ему часть имѣнія, обязывается и подати платить по размѣру отведенной ему земли. Для постройки избы М. долженъ дать О. 15 деревъ или уплатить стоимость ихъ. Въ 6 и послѣднемъ пунктѣ говорится: „по возвратѣ О., опредѣляю ему овцу и хотя таковой по смерти моей и не будетъ, то долженъ дать М.“ Слѣдуетъ подпись. При составленіи акта присутствовали три свидѣтеля.

закона (*), все таки остаются и по настоящее время преобладающимъ типомъ распоряженій на случай смерти въ крестьянской средѣ (**).

Цѣль подобныхъ распоряженій является сама собою. Наиболѣе справедливое, уравнительное распредѣленіе между остающимися членами семьи составныхъ частей семейнаго имущества—вотъ все, къ чему сводится

(*) Мы имѣемъ въ виду *Высочайше* утв. 9 марта 1866 г. полож. главнаго крест. комитета, коимъ предоставлено крестьянамъ право свидѣтельствовать свои дух. завѣщанія какъ о движимомъ, такъ и о недвижимомъ имуществѣ, цѣною не свыше 100 руб. въ волостныхъ правленіяхъ. Съ этихъ поръ сельскія власти въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ для дѣйствительности дух. завѣщаній стали признавать явку таковыхъ въ вол. правленіи безусловно необходимой (I: 204. 224. 261. 434. 454, 456; II: 229. 323. 331. 363. 602; III: 21. 31. 51. 58. 67. 74. 79. 91. 201; V: 60. 334. 419).

(**) I: 254. 280. 499. 517. 727; III: 381. 387; VI: 41. 205. 222. 258. 262. 267. 293. 301 (завѣщ. бываютъ только словесныя); I: 12. 313. 326. 541. 579; III: 220. 234; IV: 3. 234; V: 127. 278. 284. 290. 396; VI: 3. 29. 44. 46. 51. 83 (большею частію словесныя). *Н. Костровъ:* „духовныя завѣщанія (отказное письмо) бываютъ какъ письменныя, такъ и словесныя,—впрочемъ, первыя довольно рѣдко“ (стр. 45).—*М. Харузинъ.* Съѣдѣнія: „на случай смерти казаки дѣлаютъ распоряженія обыкновенно словесныя“ (стр. 237). –*П. Ефименко.* Сборникъ: „дух. завѣщанія чаще изустныя, чѣмъ письменныя“ (стр. 71).—*П. Чубинскій.* Краткій очеркъ: „часто бываютъ и словесныя завѣщанія, сдѣланныя при свидѣтеляхъ“ (стр. 55).—*В. Майновъ:* „вслѣдствіе неграмотности духовныя завѣщанія совершенно отсутствуютъ“ (стр. 190).—Письменныя дух. завѣщанія, по показанію крестьянъ, совершаются обыкновенно зажиточными людьми, слѣд. когда оставляемое имущество значительно. Это подтверждается также текстами имѣющихся въ трудахъ коммисіи письменныхъ завѣщаній, изъ коихъ во многихъ обозначена стоимость завѣщаемаго имущества: I: 557 (600 руб.), 577 (700), 609 (1500); II: 499 (275); IV: 35 № 2 (1095), 66 № 2 (115), 337 (3000), 353 (100), 367 (95), 405 (2000); V: 321 № 1 (100).

назначеніе завѣщательнаго произвола въ обычаѣ; за этими предѣлами начинаетъ дѣйствовать семейное начало съ его кореннымъ институтомъ семейной собственности.

Намъ остается теперь сказать нѣсколько словъ о тѣхъ возраженіяхъ, которыя могутъ быть сдѣланы противъ существованія начала семейной собственности въ быту крестьянъ, хотя съ нашей точки зрѣнія возраженія эти имѣютъ значеніе не столько отрицанія семейной собственности, сколько относятся къ выясненію оборотной стороны этого понятія, связанной съ представленіемъ о выдѣленности изъ семьи, вслѣдствіе чего самое разсмотрѣніе означенныхъ возраженій является въ нашемъ изложеніи какъ бы дополненіемъ предшествовавшаго очерка семейно-имущественныхъ отношеній въ крестьянскомъ быту.

Первое возраженіе соединяется съ понятіемъ о *выдѣлѣ*.

Возможенъ ли, спрашивается, выдѣлъ, если семейное имущество не составляетъ частной собственности главы семейства, а есть общая принадлежность цѣлой семьи.

Мы уже имѣли случай замѣтить выше, что семейная собственность не предполагаетъ долеваго участія членовъ семьи въ семейномъ имуществѣ до наступленія момента естественнаго разложенія семьи, такъ что при жизни главы семейства никто изъ членовъ семьи не можетъ указать на какую-либо долю семейнаго имущества, которая должна была бы быть выдѣлена ему по праву. Слѣдовательно, съ этой стороны понятіе семейной собственности не находится въ противорѣчіи съ тѣмъ правиломъ обычнаго права, въ силу котораго какъ самый выдѣлъ, такъ и размѣръ выдѣляемой части общаго

семейнаго имущества вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія главы семейства (*).

(*) I: 234. 313. 317. 524. 560. 573. 606. 624. 642. 752; III: 18 № 3. 49 № 49. 309; IV: 9. 29. 325; V: 141. 177. 419; VI: 19. 29. 46. 54. 122. 348. 352. 408 и др. *П. Костровъ*: „относительно раздѣловъ въ крест. семействахъ можно принять за общее правило, что раздѣлы при жизни родителей зависятъ отъ воли сихъ послѣднихъ“ (стр. 34).—*В. Преображенскій*: „кому что дастъ отецъ, тотъ тѣмъ и доволенъ“ (стр. 92).—*М. Арнольдовъ*: „отдѣлъ сыновей происходитъ по волѣ родителей и вознагражденіе отдѣленному назначаетъ самъ отецъ“ (Симб. губ. вѣд. 1868 г. № 46).—*Свящ. Темировъ*: „если бы родитель нашелъ нужнымъ дать отдѣленному сыну менѣе, чѣмъ сколько должно по количеству и качеству всего имущества, то на такой раздѣлъ суда не бываетъ“ (Уфим. г. в. 1866 г. № 5).—*П. Никулинъ*: „раздѣлы имѣній при жизни родителей зависятъ отъ ихъ воли“ (Донск. газ. 1876 г. № 43).—*М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „размѣръ награжденія (при отдѣлѣ) зависитъ отъ воли родителей и отъ степени ихъ благосостоянія... Отецъ воленъ дать при раздѣлѣ какую ему угодно часть сыну: если онъ однимъ изъ сыновей недоволенъ, то дастъ ему меньше, чѣмъ другимъ . . .“ (стр. 234—235).—*П. Ефименко*. Сборникъ: „если раздѣлъ имущества производится при жизни отца, то выдѣлъ частей дѣлается по его усмотрѣнію, смотря по дѣятельности и заслугамъ отдѣляющагося; воля его—что кому дать“ (стр. 60).—*В. Майновъ*: „воля отца при дѣлежѣ представляетъ собою вполнѣ обязательный для всѣхъ и каждаго законъ. . . . Отецъ властенъ въ случаѣ непокорности того или другаго члена семьи и желанія, высказаннаго послѣднимъ, удалиться изъ семьи, отпустить такого смутьяна ни съ чѣмъ, развѣ только оставить на немъ носильное платье“ (стр. 179).—*Неизв. авторъ*. О юрид. об. нѣкот. слободъ Черк. и Міуск. окр.: „отецъ можетъ совершенно лишить сына части“ (Донск. областн. вѣд. 1875 г. № 38).—У *татаръ* „раздѣлы бываютъ *общіе* только по смерти родителя, *частные* же (т. е. отдѣлы) при его жизни. Въ послѣднемъ случаѣ сынъ получаетъ часть имущества *по усмотрѣнію отца*. Въ тѣхъ случаяхъ, когда, при неимѣніи родителей отдѣляется братъ отъ брата, или племянникъ отъ дяди, раздѣлы совершаются по обоюдному согласію, а если его не послѣдуетъ, то чрезъ муллу по шаріату. Лицо, принявшее

Далѣе по народно-обычному праву понятіе выдѣла изъ семьи не соединяется безусловно съ полученіемъ выдѣляющимся той или другой части имущества, какъ въ дѣйствующемъ законѣ (*).

Выдѣлъ въ обычномъ правѣ есть прежде всего выходъ члена семьи изъ подъ семейнаго авторитета, а при такомъ пониманіи выдѣла становится безразлично, кому принадлежитъ выдѣляемое имущество, главѣ ли семейства, на правѣ частной собственности, или оно составляетъ достояніе цѣлой семьи. Стоитъ только взмотрѣться въ юридическое положеніе отдѣленныхъ и неотдѣленныхъ дѣтей въ обычномъ правѣ (**), чтобы

св. крещеніе до раздѣла имущества, лишается права наслѣдства въ имѣніи“ (*Н. Н—чъ*, стр. 28).

(*) Сводъ зак. т. X, ч. 1 ст. 994: „родители и восходящіе родственники властны выдѣлять дѣтей своихъ и потомковъ, *назначая имъ часть изъ своего имущества.*“

(**) Отдѣленные сыновья находятся въ полной независимости отъ родителей (IV: 651 § 16; VII: 488); не получивъ доли имущества, они освобождаются отъ дачи родителямъ содержанія (III: 38 № 8), а равно и въ томъ случаѣ, когда родители могутъ еще работать сами или вообще имѣютъ средства къ жизни (II: 161 № 62). Отецъ не въ правѣ потребовать обратно выдѣленнаго имущества (III: 352 № 80). Такое имущество поступаетъ въ полное распоряженіе выдѣленнаго. Отецъ не въ правѣ вступаться какъ въ это имущество, такъ и въ то, которое пріобрѣтено самимъ отдѣленнымъ сыномъ (I: 219 № 12, 457 № 3, 476 № 4; III: 352 № 80; V: 300 № 1). Отдѣленный сынъ не обязанъ уплачивать лежащихъ на семьѣ податей (IV: 149 № 13), если о томъ не послѣдовало особаго соглашенія при выдѣлѣ (II: 278 № 5, 290 № 54); онъ не отвѣчаетъ за родительскіе и семейные долги (II: 152 № 65, 160 № 38; IV: 664 § 14; VI: 551 № 7), когда о томъ не было особаго условія (I: 170 № 29) или если уплата долговъ и повинностей не будетъ возложена на него судомъ въ смыслѣ карательной мѣры за самовольный отдѣлъ (II: 82 № 21, 646 № 24; III: 76 № 2). Отдѣленные сыновья не участвуютъ въ раздѣлѣ

придти къ убѣжденію, что по народнымъ воззрѣніямъ выходъ изъ семьи не есть простая случайность и что

наслѣдства (III: 442; VI: 48). Словомъ сказать, положеніе отдѣленныхъ членовъ семьи представляетъ полную противоположность съ неотдѣленными дѣтьми. Въ дополненіе къ изложенному, намъ остается привести свѣдѣнія о юридическихъ послѣдствіяхъ выдѣла, встрѣчающіяся въ сочиненіяхъ по обычному праву. *И. Костровъ*: „отдѣленный сынъ распоряжается своимъ имуществомъ, какъ ему угодно . . . Вообще за выдѣломъ кого-либо изъ семьи прекращаются уже всякія имущественныя отношенія его къ другимъ неотдѣленнымъ членамъ, равно какъ и къ родителямъ“ (стр. 35).—*В. Преображенскій*: „отдѣленные отъ семейства, даже самовольно, не пользуются правомъ наслѣдства“ (стр. 94—95).—*О. К—въ*: „въ семействахъ, живущихъ отдѣльно, мужъ и жена пользуются хозяйствомъ совершенно самостоятельно и удѣляютъ отцу съ матерью на содержаніе въ рѣдкихъ случаяхъ и то сколько имъ заблагоразсудится“ (стр. 21).—*Даниленко*: „члены семьи только тогда могутъ имѣть свою особую собственность, если они отдѣлены и пріобрѣли имущество—на своемъ господарствѣ“ (стр. 5).—Свящ. *М. Макаровъ*. Юрид. обычаи жителей Шенкурскаго уѣзда, Тулгасскаго прихода: „наслѣдство, состоящее изъ движимаго и недвижимаго имущества, послѣ смерти родителей дѣлится на однихъ сыновей и дочерей неотдѣленныхъ, а отдѣленныя дѣти ничего не получаютъ“ (Арханг. губ. в. 1868 г. № 44). -*Свящ. Темперовъ*: „со времени отдѣла отецъ покачиваетъ съ отдѣленными дѣтьми все и относится къ нимъ какъ къ равноправнымъ . . . Отдѣленный сынъ теряетъ право на отцовское наслѣдство“ (Уфим. г. в. 1866 г. № 5). -*П. Ефименко*. Сборникъ: „отдѣленные, какъ сыновья, такъ и другіе родственники, лишаются права на полученіе частей изъ дѣлимаго имущества“ (стр. 65).—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „послѣ смерти отца семейства, отцовское имущество, т. е. дідизна и батьківщина, идетъ неотдѣленнымъ сыновьямъ. Совершенно отдѣлившійся сынъ теряетъ право на наслѣдство послѣ смерти родителей“ (стр. 693).—Вслѣдствіе глубокаго уваженія, которымъ пользуется родительская власть у донскихъ казаковъ, положеніе здѣсь отдѣленныхъ членовъ семьи далеко не такъ независимо, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, хотя станичные суды и стараются положить предѣлъ родительскому самоуправству. По словамъ г. *Тимощен-*

самое различіе между отдѣленными и неотдѣленными дѣтьми далеко не исчерпывается тѣмъ, какое существуетъ въ законѣ (*).

Съ выходомъ изъ семьи въ обычномъ правѣ соединяются весьма важныя юридическія послѣдствія, отражающіяся прежде всего въ томъ, что выдѣлившійся, какъ вышедшій изъ подчиненія семейной власти, перестаетъ быть членомъ семьи, а стало быть и участникомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ, причемъ обыкновенно прекращается и его общее сожительство съ

кова, надъ членами семьи, живущими отдѣльными домами, власть старшаго отца или матери бываетъ такая же, какъ и надъ живущими въ одномъ домѣ. Отецъ или мать не только вникаютъ во всѣ домашнія дѣла отдѣльно живущихъ своихъ дѣтей, наказываютъ ихъ въ случаѣ оплошности, но даже могутъ брать у нихъ изъ имѣнія что имъ угодно или идти къ нимъ жить (стр. 168). „Бываетъ, замѣчаетъ *г. Никулинъ*, что послѣ отдѣла сына на особое жительство отецъ по какому-нибудь на него неудовольствію грозитъ и силится отнять у него данное при раздѣлѣ имущество.“—„Прежде у насъ отецъ сына до трехъ разъ раззорялъ, говорили *г. Харузину* казаки Кепинской станицы: отдѣлитъ, бывало, отецъ сына; только что онъ разживется, а старикъ поссорится съ нимъ, да и отыметъ все назадъ; нынѣ этого нельзя“ (Свѣдѣнія, стр. 214). Это подтверждаетъ и г. Никулинъ, который вмѣстѣ съ тѣмъ приводитъ примѣры изъ практики станичнаго суда, доказывающей, что судъ къ подобнымъ поступкамъ родителей относится неодобрительно и приказываетъ не касаться выдѣленнаго сыну имущества (Донск. газета, 1876 г. №№ 40 и 43).—У мордвы отдѣлившіеся и вышедшіе изъ семьи члены ни въ какомъ случаѣ не могутъ участвовать въ дѣлежѣ общесемейнаго имущества, такъ какъ они или уже получили то, что имъ слѣдовало, или отходомъ своимъ прямо показали желаніе разорвать свои отношенія къ семьѣ и впредь не имѣть съ нею никакого дѣла (*В. Майновъ*. Очеркъ, стр. 178—179).

(*) По своду законовъ различіе между отдѣленными и неотдѣленными дѣтьми имѣетъ значеніе лишь по отношенію къ участію въ наслѣдованіи; другихъ же послѣдствій въ законѣ не указано.

семьей. Получилъ ли отдѣлившійся отъ семьи какую-либо часть общаго семейнаго имущества или не получилъ (*), ушелъ ли онъ изъ дому по своей волѣ или съ согласія отца, или же, наконецъ, просто былъ удаленъ изъ дому за свою нравственную негодность—все это для понятія выдѣла съ точки зрѣнія обычнаго права не имѣетъ существеннаго значенія. Важно лишь то, что разъ выдѣлившійся считается навсегда выдѣленнымъ и по общему правилу теряетъ право на участіе въ семейномъ имуществѣ какъ вообще, такъ и по отношенію къ тому моменту, когда это участіе дѣлается основаніемъ права наслѣдованія.

Столь широкое значеніе выдѣла въ народномъ быту захватываетъ и то понятіе онаго, съ какимъ выдѣлъ является въ писанномъ правѣ, какъ предвареніе наслѣдованія, ибо съ выходомъ изъ семьи предполагается отказъ со стороны выдѣлившагося отъ участія въ раздѣлѣ наслѣдства, въ особенности когда выдѣлъ сопровождается выдачею части семейнаго имущества, какъ это обыкновенно и бываетъ въ крестьянскомъ быту (**).

Разница между закономъ и обычаемъ въ данномъ случаѣ состоитъ въ томъ, что по закону отказъ отъ на-

(*) I: 560—„если отецъ при жизни выдѣляетъ сыновей, то награждаетъ ихъ, глядя потому, кто какъ изъ нихъ его уважалъ: можетъ и ничего не дать; на то его отцовская воля.“—204, 624 и др. См. также прим. на стр. 78. Случаи отдѣла сыновей безъ награжденія имуществомъ—„съ однимъ крестомъ,“ какъ видно изъ практики вол. судовъ, не такъ рѣдки (III: 48 № 71, 55 № 35, 85 № 15, 150 № 30; IV: 149 № 13, 422 № 15).

(**) I: 163 № 9: „. . . и отъ наслѣдства совершенно устранить, такъ какъ *онъ уже при отдѣлѣ отъ покойнаго родителя получилъ полное наслѣдство.*“—II: 278 № 5—на жалобу отца, что сынъ, проживая въ самовольномъ раздѣлѣ, не платитъ за его душу оброка и податей, отвѣтчикъ заявилъ, что онъ „*при отдѣлѣ отъ отца получилъ малое наслѣдство.*“

слѣдства прямо не предполагается (т. X, ч. 1, ст. 998 и 1002), и самый выдѣлъ влечетъ за собою лишь обязанность учета (т. X, ч. 1, ст. 998 и 1003. *К. Победоносцевъ.* Курсъ гражд. права, т. 2, стр. 404), тогда какъ въ обычномъ правѣ выдѣленный долженъ довольствоваться тѣмъ, что имъ получено, не требуя для себя ничего болѣе (III: 49 № 49).

Но этимъ значеніемъ предварительнаго наслѣдованія не исчерпывается еще роль выдѣла въ обычномъ правѣ. При слабомъ развитіи завѣщательнаго начала, которое, какъ мы видѣли выше, сводится въ крестьянскомъ быту главнымъ образомъ къ распредѣленію имущества между ближайшими, необходимыми наслѣдниками, личная воля завѣщателя относительно лишенія того или другаго члена семьи права на участіе въ раздѣлѣ семейнаго имущества естественно не могла получить въ обычаѣ особеннаго значенія. Между тѣмъ высокій авторитетъ семейной власти и чувство обыкновенной нравственности вызываютъ необходимость такой мѣры, которая давала бы главѣ семейства возможность устранить извѣстнаго члена семьи отъ участія въ раздѣлѣ имущества въ наказаніе за его строптивость или нравственную негодность вообще. Этою то мѣрою и служитъ между прочимъ въ народно-обычномъ правѣ выдѣлъ изъ семьи (*),

(*) V: 281 № 6, 478 № 6—глава семейства въ правѣ удалить изъ дому непокорнаго сына безъ всякаго награжденія имуществомъ; V: 177—„выдѣляетъ отецъ обыкновенно старшихъ женатыхъ сыновей, чтобы отъ бабьихъ ссоръ бѣды не приключилось; холостыхъ никогда не выдѣляетъ, *развѣ только пьяницу и безпутнаго и тогда даетъ ему какую-нибудь малость и прогоняетъ*“; VI: 408—„выдѣляется отцомъ обыкновенно женатый сынъ или *буйный задорливый* сынъ; даетъ отецъ при выдѣлѣ, сколько захочетъ, и никакихъ по сему предмету жалобъ не принимается.“ Въ одномъ изъ завѣщаній сказано: „имѣю я двухъ сыновей X. и П; *за непочтеніе послѣдняго я отдѣляю за таковые грубые поступки*, и про-

который вмѣстѣ съ тѣмъ дѣлаетъ такимъ образомъ излишнимъ необходимость опредѣленія особой категоріи случаевъ *лишенія наслѣдства по недостойности* (*), какъ это имѣетъ мѣсто въ писанномъ правѣ (**).

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что между понятіемъ семейной собственности и выдѣломъ въ томъ широкомъ значеніи, какое ему присвоивается въ обычномъ правѣ, въ сущности нѣтъ никакого противорѣчія. Таковое возникаетъ скорѣе въ обратномъ случаѣ, т. е. когда мы будемъ разсматривать семейное имущество, какъ частную собственность главы семейства, ибо факты дѣйстви-

---

силъ меня, какъ родителя, отдѣлить его; я, по вздуманію своего, отдѣлилъ его и выдѣлилъ ему изъ имѣнія малое количество" (I: 620). Иногда, говоритъ *П. А. Муллов*ъ, распоряженія о выдѣлѣ дѣтей, хотя исполняются при жизни родителя, носятъ названіе завѣщаній. Изъ одного рѣшенія видно, что отецъ за неповиновеніе и грубость отдѣлилъ сына „по завѣщанію своему" (*С. В. Пахман*ъ. Об. гражд. право, т. 2, стр. 393 № 18).

(*) Указанія, что отъ наслѣдованія послѣ отца устраняются сыновья непокорные, лѣнивые, бродяги, встрѣчаются въ трудахъ коммисіи чрезвычайно рѣдко (V: 81. 91. 108—отзывы крестьянъ). Въ рѣшеніяхъ вол. судовъ подобныхъ примѣровъ намъ вовсе не попадалось. Въ завѣщаніяхъ также рѣчь идетъ обыкновенно только объ устраненіи отъ наслѣдованія *отдѣленныхъ* сыновей (I: 663. 692; II: 499; III: 48 № 71; V: 241 № 1. *Труды эт. ст. экс.* т. VI, стр. 311 № 118. *Харузинъ*. Свѣдѣнія, стр. 240).

(**) Novel. CXV. cap. 3 quae sunt justae exhaered. liber. causae. Австр. улож. ст. 768, Саксонск. улож. ст. 2575, 2576; Итальянск. улож. ст. 725. Во Французскомъ гражд. улож. лишенія наслѣдства не существуетъ. Въ Остзейскихъ законахъ случаи лишенія наслѣдства заимствованы изъ римскаго права (ст. 2015). Въ сводѣ законовъ вовсе не содержится правилъ о лишеніи наслѣдства; только въ ст. 1566 улож. о наказ. упоминается, что за вступленіе въ бракъ противъ рѣшительнаго запрещенія родителей дѣти лишаются права наслѣдовать по закону въ имѣніи того изъ родителей, котораго они оскорбили своимъ неповиновеніемъ.

тельной жизни показываютъ, что въ народномъ быту выдѣлъ имущества сыну можетъ послѣдовать и безъ согласія отца (*). Подобнаго рода случаи объясняются сторонниками личной собственности опять таки интересами общины, которая допускаетъ принудительный выдѣлъ сыновей для обузданія произвола главы семейства, могущаго въ извѣстныхъ случаяхъ повести къ упадку и раззоренію хозяйства (**). Но съ этимъ объясненіемъ едва ли можно вполнѣ согласиться. Во первыхъ потому, что раздѣльность имущества, по народному разумѣнію, не приноситъ особенной пользы хозяйству, а скорѣе вредъ (***). Во вторыхъ, противъ злоупотребленій главы семейства по управленію имуществомъ, имѣющихъ своимъ послѣдствіемъ разстрой-

(*) I: 219 № 12, 651 № 32, 730 № 2; III: 394 № 8; IV: 31 № 19, 43 № 31, 603 № 90, 652 § 19; V: 4 № 2, 166 № 39, 302 № 24; VI: 41, 54, 370 февр. 17; 371 февр. 19, 579 № 8. Даже у казаковъ сходъ приказываетъ отцу дать сыну, если не полную часть, то что-нибудь необходимое на обзаведеніе, когда окажется, что отецъ прогналъ сына изъ дому безъ вины со стороны послѣдняго (*П. Никулинъ*. Допск. газета 1876 г. № 40).

(**) *С. В. Пахманъ*. Обыч. гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 179. Срав. также: *П. Скоробогатый*. Очерки крестьянскаго суда, стр. 40—43.

(***) II: 156—„пока сынъ живетъ при отцѣ, исправнѣе уплачиваются и подати“. Раздѣлы, по отзывамъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, имѣютъ большое вліяніе на ихъ обѣдненіе и считаются настоящимъ бѣдствіемъ (II: 205; III: 189. 195. 211). *И. Исаіевъ*. Слобода Уточка: „сами Утяпцы знаютъ, что въ дѣлежахъ хорошаго нѣтъ; вмѣсто прежняго довольства на долю раздѣлившихся достается нужда, а часто полное раззореніе (Воронежск. губ. вѣд. 1866 г. № 21). См. также интересный бытовой очеркъ *П. Костылева*, До раздѣла и послѣ раздѣла, въ которомъ высказывается народный взглядъ на вредныя послѣдствія раздѣловъ (Арх. губ. вѣд. 1869 г. № 27 и 28). *Харузинъ*. Свѣдѣнія, стр. 232 и 233. *Майновъ*. Очеркъ, стр. 166 и 173.

ство хозяйства, въ народно-обычномъ правѣ существуютъ другія мѣры, именно лишеніе домохозяина большины и передача таковой кому-либо изъ членовъ семьи, какъ о томъ было уже сказано выше (*). Наконецъ, въ третьихъ, мотивомъ большинства рѣшеній, *касающихся выдѣла сыновей помимо отцовской воли*, служатъ семейныя несогласія, возникающія преимущественно *подъ вліяніемъ неродныхъ матерей, а не растрата отцомъ имущества* (**).

Колебанія въ практикѣ вол. судовъ по вопросу о выдѣлѣ объясняются, какъ намъ кажется, антагонизмомъ между двумя началами: семейною собственностью, при которой каждый членъ семьи признается участникомъ въ общемъ семейномъ имуществѣ, и абсолютнымъ принципомъ отеческой власти, въ силу которой дѣти обязаны жить вмѣстѣ съ родителями и не отдѣляться безъ ихъ согласія. Если притѣсненія и несправедливые поступки отца съ сыномъ побуждаютъ иногда волостную юстицію вмѣшиваться въ семейныя отношенія и дѣй-

---

(*) II: 603—„если сынъ жалуется на отца, проситъ себѣ выдѣла, и окажется, что отецъ пьяница, больно распутный и хозяйство опускаетъ, то были случаи, что все хозяйство передавали сыну;“ III: 369—„крестьяне признаютъ возможнымъ вмѣсто выдѣла передачу всего имущества и хозяйства сыну, если отецъ поведенія нетрезваго, растрачиваетъ имущество, запускаетъ хозяйство и жестоко обращается съ дѣтьми.“

(**) I: 651 № 32, 730 № 2; IV: 31 № 9, 603 № 90; V: 302 № 24 (причина несогласій—мачиха); III: 394 № 8 (выдѣлъ допущенъ по обвиненію отца въ спохачествѣ); VI: 579 № 8: въ этомъ рѣш. судъ обязалъ отца выдѣлить сына вслѣдствіе растраты отцомъ имущества, но какъ бы въ объясненіе, что можно обойтись въ данномъ случаѣ и безъ выдѣла, тутъ же прибавляетъ: „а если отецъ послѣ раздѣла имущества будетъ приводить его въ разстройство, то у него все его отобрать и передать сыну а ему выдавать для продовольствія мѣсячину.“

ствовать вопреки семейному авторитету, разрѣшая дѣтямъ жить отдѣльно отъ отца, то нѣтъ основанія лишать дѣтей при этомъ права на полученіе части имущества, признаваемаго общимъ и нажитаго при ихъ же содѣйствіи (I: 219 № 12, 651 № 32), тѣмъ болѣе, что въ аналогическомъ случаѣ выхода изъ семьи по причинѣ несогласій пріемыша либо зятя-примака вол. суды обыкновеннно обязываютъ домохозяина выдѣлить уходящему нѣкоторую часть имущества (*). Само собою разумѣется, что общинная власть обращаетъ также вниманіе и на нравственныя качества лица, требующаго выдѣла. Если о выдѣлѣ проситъ человѣкъ трезвый и трудолюбивый, то тѣмъ охотнѣе разрѣшается выдѣлъ, такъ какъ хорошія качества новаго домохозяина ручаются въ исправномъ съ его стороны отбываніи податей и повинностей, которыя по раскладкѣ придутся на его долю (**).

(*) I: 396 № 15, 414 № 23, 580; IV: 55 № 4, 180 № 24, 248, 481 № 28; V: 101 № 5, 348 № 16, 383, 540 № 18; VI: 243 № 29, 270 № 4, 637 № 1, 502 № 22. *Н. Костровъ*: „нерѣдко бываетъ, что самъ пріемышъ, проживъ у воспитателя годъ или два, уходитъ отъ него, а иногда воспитатель прогоняетъ его отъ себя. Въ послѣднемъ случаѣ, если пріемышъ былъ уже въ такихъ лѣтахъ, что могъ исполнять домашнія работы, воспитатель обязанъ уплатить ему за все время пребыванія у него въ домѣ ту плату, какой стоитъ наемный работникъ“ (стр. 34).—Въ Архангельской губ. приниматель, не желающій имѣть долѣе у себя въ домѣ пріемыша, обязанъ выплатить послѣднему „погодки“, т. е. заработанныя деньги по взаимному соглашенію (*П. Ефименко*. Сборникъ, стр. 53). Практика волостныхъ судовъ по вопросу о выдѣлѣ пріемышамъ имущества пріемными родителями разобрана весьма подробно *С. В. Пахманомъ* во 2 томѣ обыч. гражд. права, стр. 194—196, 205—207.

(**) I: 219 № 12; II: 143—„если сынъ распутный, слабый, то онъ оставляется при отцѣ, и выдѣлъ не разрѣшается, но если наоборотъ отецъ слабъ, а сынъ человѣкъ трезвый и рабочій, то

Второе возраженіе, которое можетъ быть сдѣлано противъ общности семейнаго имущества, состоитъ въ томъ, что *у членовъ семьи, живущихъ вмѣстѣ, бываетъ отдѣльное имущество, коимъ глава семейства распоряжаться не вправѣ.*

Признавая вполнѣ справедливость фактической стороны этого возраженія, мы не можемъ однако согласиться съ дѣлаемымъ отсюда выводомъ, что будто этимъ доказывается раздѣльность имущества родителей и дѣтей по обычному праву въ томъ видѣ, какъ это признается закономъ (*).

Существованіе отдѣльныхъ имуществъ среди семейной общности въ нашемъ народно-обычномъ правѣ представляетъ нѣкоторую аналогію съ образованіемъ историческимъ путемъ различныхъ видовъ peculia (adventitium, castrense и quasi castrense) въ римскомъ правѣ съ тѣмъ, однакоже, различіемъ, что возникновеніе послѣднихъ въ римской юридической жизни было допущено въ отступленіе отъ противоположнаго начала, т. е. какъ изъятіе изъ догмы объ исключительной имущественной правоспособности римскаго paterfamilias.

Переходя отъ аналогіи къ дѣйствительности, посмотримъ, какія именно формы отдѣльныхъ, частныхъ имуществъ обособляются въ обычномъ правѣ изъ общей массы семейной собственности и настолько ли таковыя противорѣчатъ послѣдней, чтобы совмѣстное и одновременное существованіе обоихъ видовъ собственности было совершенно немыслимо.

I) Право на отдѣльное имущество признается обы-

вол. судъ разрѣшаетъ ему отойти отъ отца, а иногда передаетъ ему все отцовское имущество (т. е. большину) съ условіемъ, чтобы давалъ отцу прокормленіе и содержаніе."

(*) *С. В. Пахманъ.* Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 163 и слѣд.

чаемъ за лицами женскаго пола, входящими въ составъ семьи. Имущество это образуется главнымъ образомъ изъ приданаго, приносимаго ими съ собою въ семью, и частію изъ личныхъ заработковъ (*). Такъ какъ по

(*) III: 219. 244; IV: 453 № 3; V: 492; VI: 93. 645. 648. 655 (приданое составляетъ отдѣльную собственность жены); III: 219. 233. 244 (жена вправѣ распоряжаться приданымъ по своему усмотрѣнію). См. также рѣш. IV: 194 № 37; V: 223 № 23. 364 № 3; VI: 249 № 59. *Н. Костровъ*: „все приданое считается собственностью жены“ (стр. 24).—*Ѳ. К—въ*: „приданое преимущественно заключается въ одной только одеждѣ и бѣльѣ“, и въ семъ случаѣ оно „составляетъ полную собственность жены; приданымъ этимъ ни мужъ, ни кто другой никогда не распоряжаются“ (стр. 20).—*Свящ. Борисовскій*: „приданое составляетъ исключительную собственность жены“ (стр. 216).— *В. Ю. (Юрловъ)*. Замѣтки о народ. юрид. обычаяхъ. Описаніе пригород. сел. Симбир. уѣзда: „приданое невѣсты считается совершенно неприкосновеннымъ въ общей массѣ имущества; приданое это поступаетъ по замужествѣ въ полное владѣніе жены, но не мужа“ (Симбирск. губ. в. 1868 г., № 70).—*Свящ. С. Чучкинъ*. О народ. юрид. обычаяхъ, сущест. въ подгород. г. Михайлова, Рязанск. г., Козловской, Щетинской и Прудской слободахъ: „приданое есть собственность жены, а не семейства, и мужъ не имѣетъ права распоряжаться имъ, хотя это не всегда соблюдается. Мужъ нерѣдко вынуждаетъ у жены дозволеніе распорядиться ея добромъ, напр. овцами (разумѣется данными въ приданое), которыхъ онъ иногда употребляетъ въ пользу семейства“ (Рязанск. губ. в. 1871 г., № 70).—*Свящ. М. Макаровъ*: „приданое (кромѣ скота и денегъ) составляетъ собственность только жены“ (Арх. губ. в. 1868 г. № 42).—*П. Матвѣевъ*. Очерки: „женщина не есть дольщица имущества семьи... Женщинѣ дозволяется имѣть свое отдѣльное имущество-коробью“ (стр. 14).—*Е. Соловьевъ*. Юрид. формы отнош. членовъ семьи въ Тетюшск. уѣздѣ: „приданое со стороны отца невѣсты дается незначительное; остальное же приданое дѣлаетъ женихъ и оно болѣе или менѣе значительно, смотря по средствамъ жениха. Приданое, сдѣланное невѣстѣ женихомъ, поступаетъ въ ея собственность, такъ что, по выходѣ ея замужъ, мужъ не имѣетъ никакого права на приданое“ (Казанск. губ. вѣд.

народному воззрѣнію женщины не считаются въ строгомъ смыслѣ дольщицами семейнаго имущества, ибо семьи продолжать не могутъ, а приносимое ими съ собою въ домъ имущество вышло изъ другой семьи, въ кото-

---

1875 г. № 26).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „приданое, исключая домашній скотъ и деньги, составляетъ собственность только жены.." (стр. 41).—*П. Чубинскій.* Очеркъ: „кромѣ скрыни, которая составляетъ собственно приданое, послѣ свадьбы родители и родственники обѣихъ сторонъ обыкновенно дарятъ молодымъ разныя вещи, а также скотъ... Подаренные послѣ брака предметы мужъ можетъ продать или промѣнять по своей волѣ, безъ согласія жены; скрыня же находится въ распоряженіи одной только жены. Земля, поступившая въ видѣ приданаго, принадлежитъ исключительно женѣ" (стр. 691).—*И. Тимощенковъ:* „все принесенное невѣстою имущество принадлежитъ собственно ей; она распоряжается имъ по своему усмотрѣнію" (Труды донск. ст. ком., вып. 2, стр. 173).—*П. Никулинъ:* „все, что бываетъ положено на каравай, т. е. подарено, считается собственностію жены и поступаетъ въ часть приданаго. Имѣніе жены, какъ отдѣльная ея собственность отъ мужа, заключается въ платьѣ и скотѣ, подаренномъ на каравай и отцомъ при выданьѣ. Пока живутъ въ семьѣ, ладятъ, имѣніе жены, скотъ, составляетъ все общее, а въ случаѣ разлада, жена забираетъ все принесенное съ собою и даже кладку, подаренную ей женихомъ" (Донск. газета, 1875 г. № 81).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „имущественныя отношенія супруговъ регулируются у казаковъ правиломъ: жена—хозяйка своего добра" (подробности см. на стр. 193—198).—*В. Майновъ:* „принесенная женщиною въ домъ „коробья" или „паркъ" составляетъ ея неотъемлемую собственность и ни въ какомъ случаѣ въ раздѣлъ между членами семьи не поступаетъ" (стр. 177).—*Н. Н-чъ:* „приданое жены, которое у татаръ дѣлается на деньги, полученныя съ жениха (калымъ), составляетъ собственность жены и на него никто, ни мужъ, ни его семейные, никакого права не имѣютъ" (стр. 25).—*М. Харузинъ.* Очеркъ юрид. быта народностей Сарапульскаго у., Вятской губ.: „выходя замужъ, дѣвушка получаетъ въ приданое домашній скотъ, птицу и т. под.; все это поступаетъ въ ея исключительное владѣніе, и остальные члены семьи могутъ пользоваться этимъ имуществомъ не иначе, какъ съ ея

рую оно въ извѣстныхъ случаяхъ и возвращается по принадлежности, то поэтому признаніе за лицами женскаго пола права имѣть отдѣльное отъ семьи имущество не только не противорѣчитъ понятію семейной собственности, но является логическимъ послѣдствіемъ онаго: лицо, не имѣющее участія въ общемъ семейномъ имуществѣ, не обязано въ принципѣ и вносить что-либо въ оное.

II) Неимѣніе родителями права распоряжаться и такъ или иначе пользоваться *выдѣленнымъ* ими дѣтямъ имуществомъ не можетъ служить подтвержденіемъ раздѣльности имущественныхъ правъ родителей и дѣтей въ крестьянскомъ быту (*) и ничего не говоритъ противъ общности семейнаго имущества, ибо разъ выдѣленное имущество болѣе уже не принадлежитъ семьѣ и дѣлается собственностію того, кому оно выдѣлено. Поворотъ такого имущества обратно въ семью по односторонней волѣ родителей не допускается (III: 353 № 80 и прим. 2 на стр. 79). Выдѣленіе изъ общей семейной собственности отдѣльныхъ имуществъ представляется въ данномъ случаѣ столь-же естественнымъ и логически необходимымъ, какъ и возникновеніе изъ одной семьи, путемъ дальнѣйшаго прироста, новыхъ самостоятельныхъ семей.

довоженія" (стр. 7).—У чувашъ приданый скотъ поступаетъ въ общее пользованіе семьи. Вдова послѣ смерти мужа, въ случаѣ выхода своего изъ семьи, получаетъ приданый скотъ обратно съ приплодомъ или возвративъ за него извѣстную долю холыма или заслуживъ работой въ теченіи года (*В. Магницкій.* Очеркъ юрид. быта чувашъ. Казанск. губ. вѣд. 1868 г. № 93).—У малороссовъ, живущихъ въ слободахъ Міуск. и Черкас. округовъ области войска донскаго, приплодъ отъ даннаго въ придапое скота принадлежитъ семьѣ, прочее же имущество, принесенное женою въ домъ мужа, признается ея собственностью (Донск. обл. вѣд. 1875 г. № 27).

(*) *С. В. Пахманъ,* т. 2, стр. 165.

III) Существованіе отдѣльной собственности у *неотдѣленныхъ дѣтей* (сыновей) возможно въ слѣдующихъ двухъ случаяхъ:

Первый случай имѣетъ мѣсто тогда, когда имущество достается дѣтямъ по наслѣдству послѣ матери. Имущество это, будучи отдѣльнымъ въ семьѣ при жизни самой матери, не утрачиваетъ характера отдѣльности и по переходѣ его къ дѣтямъ. Оно не смѣшивается съ общимъ семейнымъ достояніемъ еще и потому, что, состоя обыкновенно изъ приданаго, имущество это, въ случаѣ смерти дѣтей въ юномъ возрастѣ, должно быть возвращено туда, откуда нѣкогда пришло, т. е. въ семью матери (IV: 56 и 12; V: 300 № 5). Въ весьма многихъ мѣстностяхъ выработался даже особый порядокъ перехода материнскаго имущества по наслѣдству къ дѣтямъ; оно идетъ *предпочтительно* къ дочерямъ, т. е. къ лицамъ женскаго пола, которыя, какъ уже выше замѣчено, стоятъ въ крестьянской семьѣ въ имущественномъ отношеніи на особомъ положеніи. Отсюда понятно, почему право распоряженія главы семейства подобнымъ имуществомъ стѣсняется въ весьма значительной степени и почему родственникамъ умершей матери предоставляется обычаемъ весьма широкое право надзора за такимъ имуществомъ (*). Такимъ образомъ первый случай возникновенія у неотдѣленныхъ дѣтей частной собственности по самой природѣ своей не противорѣчитъ существованію семейной общности имущества, и отсюда нельзя еще заключать о сходствѣ семейно-имущественныхъ отношеній въ обычномъ и писанномъ правѣ. Образованіе въ разсматриваемомъ случаѣ

(*) I: 26 № 10; II: 20 № 4; VI: 376 № 13. Об. гр. право, т. 2, стр. 400—рѣш. Балах. в. с., сообщ. *П. А. Муллови́мъ*. *П. Ефименко*. Приданое по обыч. праву крест. Арх. губ., стр. 64.

отдѣльнаго имущества аналогично съ признаніемъ имущественной самостоятельности за лицами женскаго пола; разница заключается лишь въ томъ, что въ одномъ случаѣ обособленіе имущества возводится къ личности владѣльца, а въ другомъ пріурочивается прежде всего къ происхожденію имущества.

Второй случай возникновенія отдѣльной собственности у неотдѣленныхъ членовъ семьи возможенъ тогда, когда у послѣднихъ имѣются посторонніе для хозяйства семьи заработки, заставляющіе членовъ семьи жить внѣ дома, на сторонѣ. При земледѣльческомъ хозяйствѣ, требующемъ для успѣшности дѣла значительнаго числа рабочихъ рукъ, семья нуждается во всѣхъ своихъ членахъ и побуждаетъ ихъ держаться вмѣстѣ, причемъ самый трудъ каждаго отдѣльнаго члена семьи является какъ бы повинностью на пользу всего семейства и обусловливается общностью имущественныхъ интересовъ (I: 219 № 12). Каждый членъ семьи обязанъ трудиться и въ качествѣ члена семьи имѣетъ право на участіе въ общемъ семейномъ имуществѣ.

Это значеніе труда, въ смыслѣ повинности на пользу цѣлой семьи, выдвигается еще болѣе, благодаря особымъ условіямъ организаціи крестьянскаго быта. Глава семьи, отвѣчающій за исправное отбываніе всѣхъ податей и повинностей, лежащихъ на крестьянскомъ хозяйствѣ, пріобрѣлъ въ глазахъ народа и законное право требовать отъ каждаго члена семьи посильной помощи для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей, въ чемъ бы эта помощь не состояла (*). Право это, однакоже, не вытекаетъ непосредственно изъ родитель-

(*) I: 81 № 3; II: 170 № 34, 238 № 54; III: 148 № 12, 166 № 3; IV: 251 № 67, 651 № 12 и 13; IV: 251 № 67. Изъ содержанія перечисленныхъ

ской власти, а основывается на семейномъ началѣ, т. е. на общности интересовъ семьи и на круговомъ ручательствѣ ея членовъ другъ за друга.

Исключительно земледѣльческій строй хозяйства не можетъ всегда удовлетворять всѣмъ нуждамъ семьи. Недостаточное количество земли, дурное ея качество, неурожаи и другія причины побуждаютъ изыскивать новые источники доходовъ и средствъ къ существованію помимо земледѣлія. Отсюда, такъ называемые, *отхожіе промыслы* въ крестьянскомъ быту, заставляющіе членовъ семьи оставлять домъ на болѣе или менѣе продолжительное время. Членъ семьи, уходящій на сторону для заработковъ, еще неотдѣленный юридически, но уже фактически разобщенный съ семьей, естественно пріобрѣтаетъ большую имущественную самостоятельность; но связь его съ семьей тѣмъ не менѣе не прерывается, и обязанность его доставлять свои заработки въ домъ не прекращается (*).

рѣшеній видно, что отецъ имѣетъ право возлагать на *неотдѣленныхъ сыновей* тѣ или другія работы; за нерадѣніе по хозяйству судъ, по жалобѣ отца, наказываетъ сына розгами. Подати отецъ и сынъ, живя вмѣстѣ, должны уплачивать общими силами; за неоказаніе помощи отцу въ уплатѣ податей сынъ подвергается наказанію. Отецъ можетъ отпустить сына на заработки и требовать себѣ заработанныхъ денегъ. Въ наказаніе за лѣность и безпутную жизнь отецъ вправѣ отдать сына въ работники. Такъ въ одномъ случаѣ отецъ, жалуясь, что сынъ ведетъ нетрезвую жизнь, ничего не пріобрѣтаетъ въ домъ, отчего подати останавливаются, выразилъ желаніе отдать сына, даже вмѣстѣ съ женою послѣдняго, въ работники. Судъ рѣшилъ: предоставить отцу порядить-сына со сохою въ работники. Въ случаѣ смерти неотдѣленнаго сына, вступившаго въ обязательство съ вѣдома отца, послѣдній имѣетъ право возложить исполненіе обязательства на другихъ живущихъ съ нимъ сыновей, по своему усмотрѣнію.

(*) II: 170 № 34; III: 254 № 20. *И. Костровъ:* „всякій зара-

Впрочемъ, при затруднительности контроля надъ чистымъ заработкомъ такого члена семьи, получающимся за вычетомъ расходовъ на содержаніе и по производству самаго промысла, размѣръ высылаемой въ семью помощи опредѣляется въ крестьянскомъ быту, какъ это можно заключить изъ нѣкоторыхъ рѣшеній вол. судовъ, сообразно съ фактическою обстановкою каждаго даннаго случая (II: 591 № 10; VI: 543 № 6).

Отсюда для неотдѣленнаго члена семьи открывается возможность скопить отдѣльное, лично ему принадлежащее имущество. Но подобные случаи, судя по крайней мѣрѣ по рѣшеніямъ вол. судовъ, напечатаннымъ въ трудахъ вол. коммисіи, встрѣчаются въ народномъ быту довольно рѣдко. Это объясняется, быть можетъ, тѣмъ,

---

ботокъ того или другаго члена семьи идетъ въ массу имущества, составляющаго общее достояніе семьи" (стр. 13).—*Ѳ. К-въ:*„ проживая въ городѣ на заработкахъ, члены семьи не имѣютъ права переходить отъ одного хозяина къ другому безъ вѣдома старшаго въ семьѣ, равно какъ заключать условія найма безъ его согласія. Домохозяинъ входитъ въ сношенія съ подрядчиками или хозяевами рабочихъ, и каждая копѣйка, утаенная младшимъ членомъ семьи, издержанная для себя лично или для жены и дѣтей, помимо старшаго въ семействѣ, считается воровствомъ. За то хозяинъ въ семьѣ отвѣчаетъ за всю семью при платежѣ повинностей, ведетъ расходъ на содержаніе и одежду меньшихъ членовъ семьи" (стр. 169).—*М. Арнольдовъ:* „заработокъ каждаго члена семьи идетъ на всю семью, если семейство еще не раздѣлилось" (Симб. г. в. 1868 г. № 46).—*П. Никулинъ:*„ заработокъ, получаемый какимъ-нибудь членомъ семьи, поступаетъ на общій расходъ по распоряженію старшаго въ семьѣ" (Донская газ. 1876 г. № 40).—*В. Майновъ:*„ весь заработокъ членъ семьи обязанъ цѣликомъ принести семьѣ, ничего не утаивая. Сколько бы времени такой отходчикъ ни пробылъ на заработкахъ, онъ ни въ какомъ случаѣ не теряетъ своего права на общесемейное достояніе; даже если бы онъ долго не писалъ домашнимъ, то и тогда они исключатъ его изъ семьи лишь въ томъ случаѣ, когда получатъ свѣдѣніе о его смерти" (стр. 162).

что съ возвращеніемъ неотдѣленнаго члена семьи въ домъ, сбереженія его, кромѣ развѣ нѣкоторыхъ вещей, какъ напр. одежды, снова поступаютъ въ общую пользу семьи, или же тѣмъ, что такой членъ семьи стремится выдѣлиться и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ (*).

(*) Въ трудахъ вол. ком. мы находимъ всего лишь одно показаніе крестьянъ Покровск. в., Алекс. у., Екатериносл. г., въ которомъ проглядываетъ раздѣльность имущества между родителями и неотдѣленными дѣтьми: „все, что сынъ пріобрѣтаетъ на собственныя, заработанныя имъ самимъ деньги, заявили крестьяне, составляетъ его личную собственность, хотя бы онъ и жилъ въ одномъ домѣ съ отцомъ“ (V: 517). Это единичное свидѣтельство не можетъ, однакоже, имѣть серьезнаго значенія въ виду многочисленныхъ показаній крестьянъ прямо противоположнаго свойства (см. прим. на стр. 55 и 94) и практики вол. судовъ, доказывающей, что обыкновенно все пріобрѣтаемое неотдѣленнымъ членомъ семьи какъ дома, такъ и на сторонѣ поступаетъ въ распоряженіе главы семейства на нужды всей семьи (I: 81 № 3, 219 № 12; II: 151 № 39; V: 2 № 2, 231 № 15). Приводимые *С. В. Пахманомъ* рѣшенія вол. судовъ, въ подтвержденіе раздѣльности имущества родителей и дѣтей (неотдѣленныхъ), едва ли говорятъ въ пользу означеннаго принципа. Возьмемъ, напримѣръ, рѣшеніе, приведенное въ самомъ текстѣ на стр. 165 Обыч. гражд. права (т. 2) и изложенное слѣдующимъ образомъ:„ сынъ требовалъ лошадь отъ отца, такъ какъ она была куплена на собственныя его деньги; но судъ, согласно заявленію отца, что лошадь куплена не на деньги сына, а на собственныя деньги отца, въ искѣ сыну отказалъ.“ Изъ дѣла же между тѣмъ видно, что спорная лошадь въ числѣ другихъ была куплена въ то время, *когда отецъ и сынъ жили вмѣстѣ, въ одномъ семействѣ.* Жалоба сына на невозвращеніе отцомъ лошади была оставлена судомъ безъ послѣдствій не оттого, по нашему мнѣнію, что судъ призналъ лошадь купленною на *собственныя деньги отца* (этого выраженія въ самой резолюціи суда нѣтъ), а потому что сынъ, предъявившій искъ уже послѣ отдѣла отъ отца, не доказалъ, что лошадь была пріобрѣтена имъ на *свои* деньги, а не на тѣ, которыя„ ему давалъ отецъ,“ когда они жили въ одномъ семействѣ. При выдѣлѣ же сына отецъ имѣлъ право дать сыну ту или другую лошадь, изъ купленныхъ

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что, не смотря на возможность образованія среди семейной общности отдѣльныхъ имуществъ, принадлежащихъ тѣмъ или другимъ членамъ семьи на правѣ личной собствен-

---

на семейныя деньги, находившіяся въ его распоряженіи, но могъ и ни одной не дать (VI: 86 № 9). То же можно замѣтить и по отношенію къ выводу изъ другаго рѣшенія (II: 339 № 68):—„ отецъ не вправѣ присвоивать себѣ денегъ, принадлежащихъ сыну“ (т. 2, стр. 166). Здѣсь также споръ возникъ уже послѣ отдѣла сына изъ-за „денегъ, даваемыхъ заимообразно разнымъ лицамъ, жившимъ раздѣльно въ одномъ семействѣ“, т. е. по поводу общей семейной собственности. Отецъ, раздѣлившись съ сыномъ, не отдалъ ему части денегъ, полученныхъ съ должниковъ, а сынъ съ своей стороны задержалъ овецъ, также „бывшихъ нераздѣльными во время жительства въ общемъ семействѣ“. Судъ, чтобы примирить отца съ сыномъ, порѣшилъ: съ отца по всѣмъ расчетамъ долговъ взыскать въ пользу сына 15 руб., а отъ сына отобрать въ пользу отца 9 овецъ и ягненка. Далѣе, въ пользу раздѣльности имущества между родителями и дѣтьми С. В. Пахманъ (т. 2, стр. 166) приводитъ такое положеніе: „за кражу дѣтскаго имущества вол. суды подвергаютъ родителей, по жалобѣ дѣтей, наказанію, напр. аресту“. Въ рѣшеніи, изъ котораго сдѣланъ означенный выводъ (VI: 630 № 10), рѣчь идетъ скорѣе о *растратѣ*, нежели о *кражѣ* отцомъ имущества, хотя самый фактъ взятія отцомъ у сына денегъ, безъ вѣдома послѣдняго, и названъ кражею. Это видно изъ того, что вол. судъ постановилъ устранить отца отъ завѣдыванія имуществомъ съ передачею управленія хозяйствомъ сыновьямъ, ничего не упомянувъ при этомъ о возвращеніи отцомъ украденныхъ денегъ. Весьма вѣроятно, что распоряженіе „большиной и кошельковой суммой“ уже ранѣе всего принадлежало фактически одному изъ сыновей, именно тому, у котораго отецъ взялъ тайно деньги и пропилъ. Случаи добровольной передачи отцомъ большины сыну бываютъ въ народномъ быту, и въ трудахъ коммисіи встрѣчаются даже иски о возвращеніи большины обратно отъ сына къ отцу (VI: 238 № 13). Присвоеніе имущества, явное или тайное (кража), едва-ли можетъ имѣть мѣсто при существованіи и въ предѣлахъ общей семейной собственности. Укажемъ на слѣдующій примѣръ: сынъ жаловался, что отецъ захватилъ

ности, *основною формою семейно-имущественныхъ отношеній въ крестьянскомъ быту является тѣмъ не менѣе общая семейная собственность.*

принадлежащій ему сундукъ, въ которомъ были спрятаны деньги. Судъ рѣшилъ: сундукъ осмотрѣть при старостѣ и буде окажутся въ немъ въ тайномъ мѣстѣ деньги, то передать таковыя отцу—*„какъ онѣ пріобрѣтены способомъ цѣлаго семейства“*, а сына за непочтеніе и неповиновеніе посадить подъ арестъ (V: 231 № 15). Что касается тѣхъ рѣшеній, на которыя ссылается С. В. Пахманъ (I: 667 № 2; II: 125 № 24; VI: 522 № 9) въ доказательство, что дѣти не въ правѣ распоряжаться имуществомъ, принадлежащимъ въ *собственность* родителямъ (т. 2, стр. 167—168), то подтверждая первую половину приведеннаго тезиса, рѣшенія эти трудно истолковать въ пользу второй его половины, т. е. дѣти не могутъ поступаться такъ или иначе безъ вѣдома и согласія родителей семейнымъ имуществомъ, но изъ этого не слѣдуетъ и изъ самыхъ рѣшеній не видно, чтобы имущество принадлежало родителямъ на правѣ частной собственности.

Что касается литературы обычнаго права, то и здѣсь указанія на существованіе у неотдѣленныхъ членовъ семьи личной собственности встрѣчаются весьма рѣдко. По словамъ г. *Пикулина*, у казаковъ „братья, т. е. сыновья отдѣльной собственности въ семьѣ не имѣютъ и пріобрѣтать не могутъ; только развѣ за время службы своей, кто успѣетъ нажить что-нибудь изъ денегъ или платья, вещей и т. под., что и почитается неотъемлемою собственностію того, кто пріобрѣлъ это“ (Донская газета, 1876 г. № 40). Правда, г. *Анимелле* (Бытъ бѣлорусскихъ крестьянъ. Этнограф. сборникъ рус. географ. общества. 1854 г. вып. 2, стр. 242—250) и г. *Ефименко* (Сборникъ, стр. 48) упоминаютъ случаи возникновенія у членовъ семьи, живущихъ вмѣстѣ, отдѣльной собственности,—первый подъ названіемъ „собины“, а второй—„захребетной суммы“, но свѣдѣнія эти относятся, повидимому, къ сводной семьѣ („если живетъ вмѣстѣ нѣсколько братьевъ или дядей съ племянниками“ и т. д. П. Ефименко), а не къ естественной. Сводная же семья, какъ уже извѣстно изъ предъидущаго, основывается на договорѣ, а потому легко возможно и весьма естественно, если то или другое имущество, не входящее въ составъ условленной общности, становится здѣсь отдѣльнымъ или частнымъ имуществомъ пріобрѣвшаго оное члена семьи.

Все предшествовавшее изложеніе было направлено къ болѣе точному разъясненію основаній народно-обычнаго права наслѣдованія, для чего намъ пришлось войти въ разсмотрѣніе семейной организаціи въ крестьянскомъ быту и тѣхъ обычныхъ нормъ, коими регулируются имущественныя отношенія между членами семьи. Изслѣдованіе этихъ отношеній, не отличаясь спеціальнымъ характеромъ, не могло быть поэтому по своей формѣ строго догматическимъ, тѣмъ болѣе, что многіе, относящіеся сюда вопросы до сихъ поръ еще представляются спорными. Задача нашихъ изысканій въ области обычнаго семейнаго права заключалась главнымъ образомъ въ раскрытіи основнаго начала семейно-имущественныхъ отношеній въ народной жизни, каковымъ и является, по нашему мнѣнію, принципъ общей семейной собственности въ отличіе отъ личной, отдѣльной собственности, достающейся, по народнымъ понятіямъ, въ удѣлъ лицамъ женскаго пола, которыя хотя и входятъ въ составъ крестьянской семьи, но не считаются въ строгомъ смыслѣ ея членами. Какія же послѣдствія, спрашивается теперь, возникаютъ отсюда для права наслѣдованія.

Послѣдствія эти заключаются въ слѣдующемъ:

I) При существованіи общей семейной собственности, собственно говоря, не можетъ быть рѣчи объ открытіи наслѣдства въ томъ смыслѣ, какъ это понимается въ писанномъ правѣ. Происходитъ только распаденіе семейнаго имущества на столько отдѣльныхъ частей, сколько изъ нѣдръ распавшейся семьи возникаетъ или можетъ возникнуть новыхъ самостоятельныхъ семей, являющихся вмѣстѣ съ тѣмъ естественнымъ продолженіемъ прежней семьи. Если и можно говорить здѣсь о наслѣдованіи по началамъ обычнаго права, то развѣ въ томъ смыслѣ,

какъ это понимали римскіе юристы по отношенію къ наслѣдованію послѣ смерти главы семейства, такъ называемыхъ, sui heredes (*), т. е. въ смыслѣ *пріобрѣтенія членами семьи свободнаго распоряженія имуществомъ каждымъ въ своей долѣ* (**).

II) Понятіе общей семейной собственности отражается на существующей въ обычномъ правѣ системѣ наслѣдованія. Въ народной юридической жизни можно подмѣтить два различные порядка наслѣдованія: одинъ послѣ лицъ мужскаго пола и другой послѣ лицъ женскаго пола, чего нѣтъ, по общему правилу, ни въ нашемъ законѣ (ст. 1133 т. X, ч. 1 составляетъ исключеніе), ни въ иностранныхъ законодательствахъ, большинство которыхъ кромѣ того признаетъ полную равноправность половъ и по отношенію къ мѣрѣ наслѣдованія (***).

(*) In suis heredibus evidentius apparet continuationem domini eo rem perducere, ut nulla videatur hereditas fuisse, quasi olim hi domini essent, *qui etiam vivo patre quodammodo domini existimantur.* Unde etiam filiusfamilias appellatur sicut paterfamilias: sola nota hac adjecta, per quam distinguitur genitor ab eo, qui genitus sit. *Itaque post mortem patris non hereditatem percipere videntur, sed magis liberam bonorum administrationem consequuntur.* D. XXVIII. 2 de liber et post. hered. inst. Paulus, de suc. sui her.

(**) Выраженія „наслѣдованіе“, „наслѣдство“, свойственны праву обычному наравнѣ съ писаннымъ, хотя значеніе ихъ въ томъ и другомъ не всегда одинаково (I: 363 № 9, 319 № 17; II: 61 № 19; IV: 21 № 2; V: 230 № 7); поэтому въ дальнѣйшемъ изложеніи мы будемъ пользоваться этими терминами какъ для обозначенія распаденія семейнаго имущества послѣ смерти главы семейства въ частности, такъ и для выраженія посмертнаго перехода имущества вообще.

(***) Въ римскомъ правѣ при существованіи еще агнатической семьи нисходящіе наслѣдовали безъ различія пола и дѣлили наслѣдство между собою поголовно. Съ постепеннымъ уравненіемъ

Двойственность порядка наслѣдованія въ обычномъ правѣ обусловливается тѣмъ, что лица женскаго пола не считаются дольщицами семейнаго имущества и, кромѣ того, за ними признается право на особое, отдѣльное отъ семьи имущество, переходъ котораго по наслѣдству опредѣляется поэтому нѣсколько иначе, нежели преемство въ общемъ семейномъ имуществѣ.

III) Вслѣдствіе общности семейнаго имущества, предполагающей равное участіе всѣхъ членовъ семьи въ раздѣлѣ онаго послѣ смерти главы семейства, основаніемъ права наслѣдованія *въ такомъ имуществѣ* является *принадлежность къ семьѣ на правахъ ея члена*, хотя обыкновенно означенная принадлежность связывается и совпадаетъ по отношенію къ лицамъ муж-

---

въ исторіи римскаго законодательства кровнаго родства съ юридическимъ начало равноправности половъ по отношенію къ наслѣдованію сдѣлалось общимъ правиломъ для всѣхъ лицъ, призываемыхъ въ силу родства къ наслѣдству по закону (Nov. 118 и 127). Во французскомъ законодательствѣ послѣдніе слѣды существовавшаго въ обычномъ правѣ предпочтенія въ наслѣдованіи мужскаго пола передъ женскимъ были уничтожены законами первой революціи. Въ основаніе порядка наслѣдованія было положено совершенное равенство половъ, перешедшее затѣмъ и въ Code civil. По ст. 745 Франц. гражд. кодекса дѣти и ихъ нисходящіе наслѣдуютъ своему отцу и матери, дѣдамъ, бабкамъ и инымъ восходящимъ *безъ различія пола* (sans distinction de sexe) *въ равныхъ доляхъ* (par portions égales). Въ боковыхъ линіяхъ раздѣлъ наслѣдства, достающагося братьямъ и сестрамъ, *производится между ними поровну* (ст. 752). Подобнымъ же образомъ участвуютъ въ наслѣдствѣ безъ различія пола и восходящіе родственники, въ томъ числѣ отецъ и мать (ст. 746 и 748). Принципъ равноправности наслѣдованія половъ проводится также въ гражд. уложеніяхъ, Итальянскомъ (ст. 736, 738—739, 741), Австрійскомъ (ст. 732, 735—736, 739 и слѣд.), Саксонскомъ (ст. 2034, 2035, 2037, 2038, 2040, 2043) и Прусскомъ Земскомъ правѣ.

ского пола съ фактомъ естественнаго происхожденія отъ главы семейства. Что же касается *кровнаго родства*, то оно становится *единственнымъ основаніемъ* права наслѣдованія лишь въ томъ случаѣ, когда послѣ смерти родоначальника въ семьѣ не остается членовъ мужскаго пола, могущихъ продолжать таковую, вслѣдствіе чего семейное имущество становится *какъ бы выморочнымъ или безхозяйственнымъ*, и возникаетъ вопросъ, *кому изъ ближайшихъ родственниковъ умершаго представителя семейнаго имущества должно достаться таковое*, т. е. вопросъ о порядкѣ наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ.

Отсюда видно, что, называя семейное имущество *выморочнымъ*, когда послѣ смерти главы семейства въ послѣднемъ не остается членовъ мужскаго пола, мы хотимъ этимъ только оттѣнить происходящую въ семъ случаѣ *перемѣну въ основаніи права наслѣдованія*, т. е. что прочія лица, признаваемыя обычаемъ наслѣдниками и прежде всего дочери, призываются здѣсь къ наслѣдованію не въ силу принципа принадлежности къ семьѣ и не въ качествѣ самостоятельныхъ дольщиковъ семейнаго имущества, *но исключительно вслѣдствіе ближайшей кровной связи* съ умершимъ представителемъ этого имущества.

Такое значеніе кровнаго начала въ порядкѣ наслѣдованія семейнымъ имуществомъ представляется на первый взглядъ не совсѣмъ понятнымъ безъ нѣкоторой исторической справки. Послѣдняя кажется намъ тѣмъ болѣе умѣстной, что двойственность основанія права наслѣдованія послѣ главы семейства составляетъ, повидимому, характеристическую черту не только обычнаго права, но проходитъ черезъ всю исторію русскаго права наслѣдованія вообще и въ видѣ загадочнаго вос-

поминанія объ отдаленной эпохѣ отражается и въ постановленіи дѣйствующаго закона о предпочтительномъ наслѣдованіи сыновей передъ дочерьми.

Въ періодъ Русской Правды, когда, по мнѣнію нѣкоторыхъ нашихъ ученыхъ, семейная собственность была преобладающимъ типомъ имущественныхъ отношеній, наслѣдство послѣ смерда—общинника, коль скоро у него не оставалось сыновей, могущихъ продолжать семью и хозяйство, становилось вымороченымъ въ техническомъ смыслѣ этого слова, т. е. наслѣдство не шло далѣе, къ другимъ родственникамъ умершаго, но поступало въ казну, отбираясь на князя. „Аже смердъ умретъ безъ дѣти, говоритъ Правда, то задница князю; аже будутъ дщери у него дома, то дяти часть на нѣ; аже будутъ за мужемъ, то не дяти части имъ.“ Но въ томъ же законодательномъ памятникѣ мы встрѣчаемъ уже и отступленіе отъ строгаго правила о наступленіи выморочности семейнаго имущества при отсутствіи сыновей, установленное въ пользу бояръ и дружинниковъ, у которыхъ къ наслѣдованію послѣ отца, за недостаткомъ сыновей, призываются дочери. „Аже въ боярехъ либо въ дружинѣ, то за князя задница не идетъ; но аже не будетъ сыновъ, а дщери возмутъ.“ Каковы бы ни были причины этого изъятія (вліяніе варяжскаго элемента, особенное положеніе боярскихъ родовъ, вліяніе духовенства), важность его заключается въ томъ, что на ряду съ основнымъ мотивомъ наслѣдованія, опирающимся на фактическую принадлежность къ семьѣ, выступаетъ новое начало, коренящееся въ кровной личной связи между членами семьи. Съ теченіемъ времени начало это получаетъ преобладающее значеніе въ образованіи у насъ законнаго порядка наслѣдованія, но вліяніе стараго принципа все еще продолжаетъ чувствоваться. Это видно между

прочимъ изъ того, что хотя въ періодъ московскаго законодательства и выяснилось, что дочь, по смотря на замужество, продолжаетъ оставаться членомъ своей семьи по рожденію, однако, когда къ наслѣдованію вдовы въ родовыхъ и выслуженныхъ вотчинахъ мужа были примѣнены греко-римскіе законы, изложенные въ Кормчей книгѣ, и рядомъ возникъ вопросъ, не слѣдуетъ ли уничтожить существовавшее доселѣ (Судебники) преимущество сыновей въ наслѣдованіи передъ дочерьми, такъ какъ по означеннымъ законамъ сыновья и дочери наслѣдуютъ въ равной мѣрѣ, то вопросъ этотъ былъ рѣшенъ не въ пользу дочерей. Именно, въ 1628 г. было постановлено: послѣ отцовъ вотчины давать сыновьямъ, а дочерямъ жеребьевъ изъ вотчинъ отцовскихъ вмѣстѣ съ братьями не давать, а какъ братьевъ не станетъ, тогда и дочери тѣмъ вотчинамъ вотчичи (*Неволинъ.* Исторія росс. гражд. зак. т. 3, стр. 365—366). Такимъ образомъ представленіе о семьѣ и родѣ, какъ о личномъ союзѣ, основывающемся на кровной родственной связи, не могло окончательно вытѣснить прежняго понятія семьи въ смыслѣ союза лицъ, соединенныхъ единствомъ семейнаго авторитета и общностью мѣстожительства, вслѣдствіе чего и соотвѣтствующее этому послѣднему воззрѣнію начало предпочтительнаго наслѣдованія сыновей передъ дочерьми не только осталось въ силѣ, но при дальнѣйшемъ развитіи законнаго порядка наслѣдованія перешло даже въ боковыя линіи, выразившись въ общемъ правилѣ объ устраненіи сестеръ отъ наслѣдованія при наличности братьевъ.

Преимущественное право наслѣдованія лицъ мужскаго пола передъ лицами женскаго пола едва ли можно объяснять у насъ тѣмъ, что въ московскій періодъ собиранія русской земли правительство, раздавая земли

за службу, преимущественно военную, стремилось сохранить владѣніе землею за тѣми именно лицами, которыя несли службу, т. е. за мужчинами (*). Раздача земель за службу, извѣстная подъ именемъ помѣстной системы, не имѣла, повидимому, особеннаго вліянія на образованіе у насъ законнаго порядка наслѣдованія. Не смотря на то, что съ точки зрѣнія государственной политики между помѣстьями и вотчинами было весьма много общаго, помѣстная система, по крайней мѣрѣ въ принципѣ, вовсе не допускала наслѣдованія, и если съ теченіемъ времени помѣстья также стали переходить по наслѣдству, какъ и вотчины, то это объясняется проникновеніемъ въ помѣстную систему началъ вотчиннаго наслѣдованія чрезъ постепенное сближеніе обѣихъ формъ землевладѣнія: вотчинной и помѣстной (*Кавелинъ*. Взглядъ на истор. развитіе русс. порядка наслѣдованія, 1860 г.).

Помѣстная система даже содѣйствовала расширенію наслѣдственныхъ правъ лицъ женскаго пола, такъ какъ благодаря мѣрамъ правительства, направленнымъ къ обезпеченію дочерей и женъ умершихъ на государственной службѣ помѣщиковъ, у насъ выработалось самостоятельное право наслѣдованія дочерей при сыновьяхъ (указъ 17 марта 1731 г.).

Начало кровнаго родства, разъ проникнувъ въ народное правосознаніе и притомъ въ столь отдаленную эпоху, когда народные юридическіе обычаи являлись, такъ сказать, прототипомъ законодательства, не могло, конечно, остаться безъ вліянія на представленіе народа о посмертномъ переходѣ имущества. Наслѣдованіе доче-

---

(*) Протоколы засѣд. гражд. отд. С.-П.-Б. юрид. общ. 1882 г. Пренія по реферату *г-жи Евреиновой:* объ уравненіи правъ женщинъ при наслѣдованіи, стр. 165—166.

рей послѣ отца, за недостаткомъ сыновей, допущенное въ началѣ въ видѣ изъятія для бояръ и дружинниковъ, должно было постепенно обратиться въ общее правило (Псковская судная грамота, Судебники). Упрочію начала кровнаго родства, какъ основанія права наслѣдованія въ народномъ быту, благопріятствовали, повидимому, и другія причины, кромѣ представленія о личной кровной связи. Если справедливо мнѣніе *г. Бѣляева*, что до призванія князей имущество общинника, не оставившаго сыновей, должно было поступить, по древнему славянскому обычаю, въ общину на выморочномъ правѣ (О наслѣд. безъ завѣщ. по древнимъ русс. законамъ, стр. 28—29), то съ другой стороны не менѣе вѣроятнымъ кажется и то, что общины, въ противоположность князьямъ, не стремились воспользоваться означеннымъ правомъ. По крайней мѣрѣ въ сѣверныхъ областяхъ, въ Новгородѣ и Псковѣ, гдѣ общинный бытъ достигъ наибольшаго своего развитія, а княжеская власть почти не имѣла значенія, имущество умершаго общинника, при отсутствіи сыновей, не дѣлалось чрезъ это въ строгомъ смыслѣ выморочнымъ и въ общину не отбиралось. Во Псковѣ, новгородскомъ пригородѣ, замѣчаетъ *г. Кавелинъ*, наслѣдство разсматривалось не какъ имущество, а какъ хозяйство, которое не дѣлится между лицами, а достается вполнѣ тому или тѣмъ, кто остается послѣ умершаго въ его домѣ и завѣдываетъ домашними дѣлами. Кто живетъ съ умершимъ, тотъ и наслѣдуетъ, будетъ ли то отецъ, мать, сынъ, братъ, сестра или кто изъ близкихъ родственниковъ (указ. соч., стр. 18). Слѣдовательно, по обычаю псковской общины, переходившему впослѣдствіи въ законъ (Псковская судная грамота 1467 г.), кромѣ другихъ родственниковъ умершаго, неупомянутыхъ въ Русской Правдѣ (отецъ, мать, братъ, сестра), возмож-

ность наслѣдованія открывалась также для дочери, если только она оставалась на отцовскомъ корню. Отсюда, конечно, не слѣдуетъ еще выводить заключенія, что по псковскому закону дочери наслѣдовали наравнѣ съ сыновьями. Начала наслѣдованія псковскаго закона не могли на столько уклониться отъ положеній Русской Правды и укоренившагося обычая (*И. Энгельманъ.* Гражд. законы Псковской судной грамоты, стр. 93—96; *О. Успенскій.* Псковская судная грамота, стр. 68—69). Настоящими наслѣдниками и дольщиками семейнаго имущества продолжаютъ считаться все-таки сыновья, какъ это можно заключить изъ слѣдующаго мѣста Псковской грамоты: „аже сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому; *части сму не взять*".

Но во всякомъ случаѣ выморочность семейнаго имущества въ сѣверныхъ областяхъ не имѣла тѣхъ послѣдствій, какія соединялись съ этимъ въ Русской Правдѣ. Если послѣ умершаго не оставалось сыновей, то имущество и хозяйство оставлялось за другими жившими въ семьѣ лицами, обыкновенно родственниками умершаго, не исключая лицъ женскаго пола. Положеніе послѣднихъ, и въ частности дочерей, представляется поэтому въ болѣе выгодномъ свѣтѣ по псковскому закону, нежели по Русской Правдѣ, гдѣ, по общему правилу, дочери могли разсчитывать только на полученіе приданаго, но никакъ не наслѣдства. Однако представленіе о наслѣдствѣ, какъ о хозяйствѣ, имѣло также и свою невыгодную сторону для упроченія наслѣдованія дочерей и вообще лицъ женскаго пола. Дѣло въ томъ, что хотя въ народномъ быту семья и хозяйство представляютъ собою нѣчто цѣлое, но тѣмъ не менѣе въ практической жизни одно понятіе не всегда покрываетъ другое. Нѣсколько отдѣльныхъ юридически семей могутъ составлять въ дѣйствительности одну

цѣльную экономическую единицу и вести хозяйство сообща, какъ это напр. бываетъ, когда послѣ смерти отца сыновья, не приступая къ раздѣлу имущества, продолжаютъ жить вмѣстѣ и вести общее хозяйство. Въ семъ случаѣ со смертію одного изъ братьевъ, неоставившаго сыновей, хозяйство тѣмъ не менѣе можетъ продолжаться по прежнему, безъ перерыва, другими братьями, а посему и право дочерей умершаго наслѣдовать въ причитающейся ему долѣ общаго имущества становится сомнительнымъ или, по крайней мѣрѣ, не столь очевиднымъ, такъ какъ съ внѣшней стороны такое имущество—хозяйство никакъ уже нельзя назвать выморочнымъ.

Устранялись ли въ указанномъ случаѣ дочери отъ наслѣдованія по псковскому закону, сказать положительно нельзя, хотя и можно предполагать. Подобное предположеніе оправдывается до нѣкоторой степени нынѣшними народными обычаями, въ которыхъ мы повсюду встрѣчаемъ живые слѣды древняго юридическаго быта. У крестьянъ, при господствѣ системы нераздѣльности семейнаго имущества, братья умершаго обыкновенно устраняютъ дочерей послѣдняго отъ наслѣдованія, если они жили съ наслѣдодателемъ въ общемъ хозяйствѣ. Возможность существованія подобнаго же наслѣдственнаго порядка и въ старину подтверждается, какъ намъ кажется, тѣмъ, что въ томъ мѣстѣ Псковской грамоты, гдѣ перечисляются лица, имѣющія право наслѣдовать умершему, о дочеряхъ прямо не упоминается: „а у котораго умрѣшаго а будетъ отецъ, или мать, или сынъ, или братъ, или сестра, или кто ближняго племени, а животомъ владѣетъ...“ и т. д.

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что хотя первоначальное строгое понятіе о выморочности семейнаго имущества и утратило прежнее свое значеніе въ

народной жизни вслѣдствіе вліянія начала кровнаго родства, непритязательности общинъ и своеобразныхъ бытовыхъ условій, но тѣмъ не менѣе оно оставило по себѣ глубокіе слѣды въ общей системѣ обычнаго порядка наслѣдованія, весьма многія характеристическія особенности котораго едва ли можно объяснить удовлетворительнымъ образомъ безъ посредства этого понятія.

Существующее нынѣ въ народѣ неопредѣленное представленіе о выморочномъ или „обмершемъ“ имуществѣ какъ бы подтверждаетъ высказанныя соображенія. По словамъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей выморочнаго имущества у нихъ совсѣмъ не бываетъ, такъ какъ „все кто-нибудь да найдется съ правами на него“ (I: 606; VI: 4. 93. 457. 646. 649). Въ другихъ мѣстностяхъ было заявлено, что міръ неохотно приступаетъ къ обмершему имуществу и безъ спора отдаетъ оное даже самымъ отдаленнымъ (?) родственникамъ (V: 419; VI: 411), а также тѣмъ лицамъ, у которыхъ умершій жилъ и которыя схоронили его (II: 29; III: 376).

Въ заключеніе остается замѣтить, что весьма распространенный въ крестьянскомъ быту обычай усыновленія и пріема въ домъ зятей—влазеней объясняется, быть можетъ, не только интересами хозяйства, но и желаніемъ передать таковое послѣ смерти такимъ лицамъ, которыя, по общему воззрѣнію, являются дѣйствительными продолжателями семьи и хозяйства, т. е. мужчинамъ (*).

(*) Свящ. *Іоаннъ Архангельскій* въ своемъ интересномъ и весьма обстоятельномъ изслѣдованіи народныхъ юрид. обычаевъ с. Кракова, Сам. губ. и у. (Сам. епарх. вѣд. за 1875 и 1876 г.) замѣчаетъ, что во время пребыванія его въ с. Краковѣ было два случая, когда дочери дѣвицы оставались единственными наслѣдницами отцовскаго имущества, но распорядителемъ этого имущества

Послѣ того какъ опредѣлились основанія обычнаго права наслѣдованія, намъ слѣдуетъ приступить къ изло-

---

явился „міръ“—сельская община. Домъ, дворъ, усадьба и скотъ были проданы, а деньги, вырученныя отъ продажи, поступили въ мірской капиталъ. Дочери получили только свои коробьи да часть скота, по усмотрѣнію общины,—„на поминъ души покойнаго“. Такимъ образомъ сельское общество сочло имущество крестьянина, оставившаго послѣ своей смерти только одѣхъ дочерей, выморочнымъ и обратило оное въ свою пользу. Конечно, подобные приведенному случаи встрѣчаются чрезвычайно рѣдко, ибо міръ „неохотно приступаетъ къ обмершему имуществу“, но тѣмъ не менѣе они свидѣтельствуютъ, что древнее понятіе выморочности семейнаго имущества не совсѣмъ еще заглохло въ народномъ сознаніи. Это отражается также въ нѣкоторыхъ сборникахъ обычнаго права и, повидимому, безъ вѣдома самихъ авторовъ этихъ сборниковъ. Когда домъ и хозяйство остаются *выморочными при однихъ женщинахъ*, говоритъ г. *Ефименко* въ Сборникѣ нар. обычаевъ Архан. губ., то вдова старшаго вступаетъ въ права полной хозяйки: хотя въ томъ же Сборникѣ мы находимъ свѣдѣнія о *наслѣдованіи* дочерей, восходящихъ и боковыхъ родственниковъ, а также супруговъ. У мордвы, замѣчаетъ г. *Майновъ* на стр. 184 своего Очерка, если постигнетъ семью особое несчастіе и останутся отецъ съ матерью совершенно безъ дѣтей, то имущество такой *выморочной семьи* не поступаетъ въ собственность міра, но идетъ на благотворительныя дѣла. Бывали примѣры, что значительная часть такого имущества переходила къ ближайшимъ родственникамъ выморочной семьи, т. е. въ семьи отцовыхъ братьевъ, но толкуютъ, что такое противозаконное наслѣдованіе въ прокъ не шло, а тащило за собою и собственное имущество получившихъ *выморочное имущество*, причемъ все у нихъ шло прахомъ. Это, однакоже, не мѣшаетъ самому г. Майнову на стр. 187 войти въ подробное разсмотрѣніе наслѣдованія боковыхъ родственниковъ съ указаніемъ на существованіе разницы въ юрид. обычаяхъ Эрзи и Мокши, причемъ у послѣдней наслѣдованіе, по словамъ автора, идетъ въ такомъ порядкѣ: „сначала призываются двоюродные братья по мужѣ (почему не родные?), затѣмъ таковые же по женѣ, затѣмъ двоюродныя сестры мужа, двоюродныя сестры жены, троюродные братья мужа и т. д. до *полной выморочности имущества*“ (?).

женію самыхъ юридическихъ нормъ. совокупность которыхъ образуетъ *систему* крестьянскаго наслѣдственнаго права.

Выше уже было замѣчено, что въ системѣ этой можно усмотрѣть два различные порядка наслѣдованія: одинъ послѣ лицъ женскаго пола и другой послѣ лицъ мужскаго пола, что объясняется, какъ мы сказали, тѣмъ, что въ сферѣ крестьянскаго семейнаго права началу общности семейнаго имущества, участниками котораго считаются одни только члены семьи мужскаго пола, противополагается отдѣльная, личная собственность, главными представителями которой, по народному воззрѣнію, являются члены семьи женскаго пола. Имѣя въ виду означенную двойственность, можно было бы, пожалуй, разсмотрѣть оба указанные порядка наслѣдованія порознь, но дѣло въ томъ, что въ дѣйствительности между ними не вездѣ и не всегда удерживается строгое различіе, такъ что въ нѣкоторыхъ пунктахъ оба порядка иногда совершенно сливаются, какъ напр. въ наслѣдованіи восходящихъ и въ частности отца, который наслѣдуетъ одинаково послѣ дѣтей обоего пола. Это зависитъ, можетъ быть, отъ того, что къ отцу, какъ къ главѣ семейства, имѣющему верховное право на управленіе имуществомъ, стекается всякаго рода имущество, а слѣдовательно и то, которое остается послѣ безпотомно умершихъ дѣтей, причемъ на различіе пола послѣднихъ обыкновенно не обращается вниманія. Поэтому будетъ удобнѣе изложить порядокъ наслѣдованія и относящіяся сюда нормы обычнаго права, примѣняясь къ системѣ наслѣдованія, существующей въ дѣйствующемъ законѣ. Это избавитъ насъ, по крайней мѣрѣ, отъ излишнихъ повтореній, неизбѣжныхъ въ тѣхъ случаяхъ, когда приходится имѣть дѣло съ обычаями

не всегда между собою сходными, и кромѣ того дастъ намъ возможность съ большимъ удобствомъ сравнить положенія обычнаго права съ постановленіями закона и такимъ образомъ съ надлежащею рельефностью выставить своеобразныя особенности системы крестьянскаго наслѣдованія.

И такъ, мы скажемъ сначала о наслѣдованіи *нисходящихъ*, причемъ наслѣдованіе нисходящихъ *послѣ матери* поставимъ впереди наслѣдованія ихъ *послѣ отца*, такъ какъ первое имѣетъ значеніе наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ, а второе есть лишь разложеніе семейнаго имущества. Затѣмъ разсмотримъ условія, при которыхъ призываются къ наслѣдованію случайныя или *особые члены семьи*, не связанные съ остальнымъ персоналомъ ея узами кровнаго родства. Далѣе, укажемъ тѣ случаи, когда имущество, за отсутствіемъ нисходящихъ, переходитъ къ *восходящимъ* и *боковымъ* родственникамъ владѣльца, и въ заключеніе изложимъ принятыя въ народномъ юридическомъ быту правила о *предоставленіи имущества умершаго супруга въ пользу остающагося въ живыхъ супруга.*

I. Наслѣдованіе нисходящихъ.

Какъ извѣстно, по закону нисходящіе обоего пола наслѣдуютъ совершенно одинаково, идетъ ли наслѣдство отъ отца или отъ матери (т. X, ч. 1, ст. 1127 и 1130); различіе заключается лишь въ размѣрѣ наслѣдственной доли, причемъ дочерямъ, при наличности сыновей, выдѣляется каждой, такъ называемая, указная часть, заключающаяся въ $^1/_8$ части движимаго имущества, входящаго въ составъ наслѣдства, и $^1/_{14}$ недвижимаго имущества (*).

(*) Въ видѣ изъятія законъ допускаетъ различный порядокъ

Иначе стоитъ вопросъ о наслѣдованіи нисходящихъ въ обычномъ правѣ. Здѣсь между наслѣдованіемъ нисходящихъ послѣ отца и послѣ матери существуетъ глубокое различіе, коренящееся не столько въ личности наслѣдодателей, сколько въ остающемся послѣ нихъ имуществѣ. Въ народномъ быту различіе это раскрывается въ цѣломъ рядѣ своеобразныхъ юридическихъ правилъ, сопровождающихъ тотъ или другой порядокъ наслѣдованія, изъ коихъ каждый поэтому долженъ подлежать особому разсмотрѣнію.

А. Наслѣдованіе нисходящихъ послѣ матери.

Изъ предъидущаго уже извѣстно, что, по народнымъ понятіямъ, за лицами женскаго пола признается право на особое, независимое отъ семьи имущество. Поэтому наслѣдованіе въ такомъ имуществѣ не находится въ тѣсной связи съ вопросомъ о принадлежности къ семьѣ, но имѣетъ своимъ ближайшимъ основаніемъ кровное родство.

Такимъ образомъ наслѣдниками послѣ матери являются прежде всего дѣти, какъ сыновья, такъ и дочери (*), и притомъ безразлично, будутъ ли они род-

---

наслѣдованія нисходящихъ въ отцовскомъ и материнскомъ имуществѣ для губерній Черниговской и Полтавской (т. X, ч. 1, ст. 1133).

(*) II: 324; III: 397; IV: 257, 655 § 36 (сводъ юрид. об. Полт. г.). *Н. Костровъ*: „имущество жены послѣ ея смерти переходитъ къ дѣтямъ“ (стр. 45).—„Приданое (въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ губ.—привданое) состоитъ обыкновенно изъ женскаго ношебнаго платья или изъ домашнихъ принадлежностей, скота, пчелъ и т. под... По смерти жены, если остались у нея дѣти, приданое принадлежитъ имъ, причемъ платье обыкновенно прячется въ сундукъ и хранится до ихъ возраста, если они малолѣтны“ (стр. 24).—*М. В. Бравинъ*: „послѣ смерти жены имущество ея дѣлится между дѣтьми . . . Имущество это только хра-

ными дѣтьми главы семейства и мужа ихъ матери или *приведенными* въ семью, т. е. пасынками и падчерицами.

Тѣмъ не менѣе самый составъ остающагося послѣ матери имущества, которое главнымъ образомъ заключается въ ея приданомъ, состоящемъ въ крестьянскомъ быту большею частію изъ женской одеж-

---

нится въ семьѣ мужа, но никто, кромѣ дѣтей, не имѣетъ права имъ пользоваться; дѣти получаютъ его: мальчики—при женитьбѣ, дѣвочки при выходѣ въ замужество. . . . Имущество почти всегда состоитъ изъ шубъ и сарафановъ; если наслѣдуетъ сынъ, то онъ даетъ его, какъ приданое, своей невѣстѣ" (стр. 170—171).—*Свящ. А. Борисовскій:* „въ случаѣ смерти приданое остается мужу съ дѣтьми (не вѣрнѣе ли,—у мужа на дѣтей), а за неимѣніемъ дѣтей оставляется мужу одна постель, а остальное все возвращается въ тотъ родъ, откуда взята была умершая жена" (стр. 216).—*Свящ. С. Чуркинъ:* „за невѣстою даютъ, такъ называемое, приданое, состоящее изъ постели, бѣлья для жениха и платья для самой невѣсты: деньгами же со стороны невѣсты не даютъ . . . . Но смерти жены, если остались дѣти, приданое становится собственностью дѣтей умершей" (Рязанск. губ. в. 1871 г. № 70).—*П. Тимошенковъ:* „все принесенное невѣстою имущество принадлежитъ собственно ей. Послѣ смерти ея на него имѣютъ право только дѣти и то семейство, изъ котораго она взята" (стр. 173).—*И. Лядовъ:* „когда жена умираетъ и оставляетъ послѣ себя дѣтей, въ такомъ случаѣ все ея имущество остается въ пользу дѣтей. Если дѣти малолѣтны, то охраною этого имущества завѣдываютъ большею частію родственники умершей" (стр. 81).— *свящ. І. Архангельскій.* Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарск. уѣзда: „если у умершей жены остались дѣти, то дѣвичье добро матери наслѣдуютъ они" (Самарск. епарх. вѣд. 1875 г. № 20. стр. 448).—*А. Изюсковъ:* „имущество матери у черемисъ поступаетъ въ пользу дѣтей" (стр. 88). –*П. Н—въ:* „имущество матери (у татаръ) поступаетъ въ собственность дѣтей." Имущество это обыкновенно состоитъ изъ приданаго, которое дѣлается на деньги, полученныя съ жениха (калымъ). Народ. юрид. об. у татаръ Казанской губ., стр. 25, 27.

ды, холста и домашней утвари, оказываетъ и здѣсь свое вліяніе на порядокъ наслѣдованія. Такъ во многихъ мѣстностяхъ послѣ матери наслѣдницами признаются исключительно дочери (*), въ особенности же въ томъ материнскомъ имуществѣ, которое состоитъ изъ женскихъ нарядовъ, платья, холстовъ, домашней утвари и тому подобныхъ вещей (**) Означенное иму-

(*) I: 392. 451. 456. 461. 465. 524: II: 54. 135; IV: 296. 471. 488. 522. 655 (2); V: 3. 120; VI: 275. 294. 305. *П. Ефименко.* Сборникъ: „имущество, принесенное въ домъ мужа женою, послѣ ея смерти, наслѣдуютъ дочери; сыновья пользуются отцовскимъ" (стр. 69).

(**) I: 488. 505; II: 33. 206. 331. 363. 377. 385. 603; III: 189. 196. 201; IV: 29. 324; VI: 258. 263. 322. 422 (апр. 27). *В. Преображенскій*: „приданое обыкновенно состоитъ изъ одной одежды и нарядовъ; деньги въ приданое даются въ немногихъ мѣстахъ и даются только родителями хорошаго состоянія. . . дочери всегда наслѣдуютъ въ движимомъ имуществѣ матери (т. е. въ приданомъ)" (стр. 93).—*О. К-въ*: „приданое преимущественно заключается въ одной только одеждѣ и бѣльѣ. . . Послѣ смерти жены приданое бережется для дѣтей, особенно женскаго пола" (стр. 20—21).—*И. Даниленко*: „обыкновенно все женское хозяйство поступаетъ къ дочерямъ и даже многія матери заботятся при жизни своей, чтобы по смерти ихъ осталось имущество дочерямъ" (стр. 4).—Наблюденія мироваго посредника о нѣкоторыхъ юрид. об. у крест. Полт. г., Кременчугскаго у.: „при наслѣдникахъ мужчинахъ и женщинахъ одежда женщины и вещи, составляющія принадлежность женскаго хозяйства: полотно, питки и проч. наслѣдуютъ непремѣнно женщины" (Основа, 1862 г., стр. 25). Это подтверждается Сист. сводомъ юрид. об., сущест. въ Полтавской губ., приложенномъ къ IV т. трудовъ коммиссіи, гдѣ по отношенію къ Кременч. уѣзду имѣется правило, по которому материнское имѣніе поступаетъ полностью къ дочерямъ (стр. 655: 2). —*Неизвѣстной автора* статьи, помѣщенной въ *Воронежскомъ Телеграфѣ* за 1874 г., говоритъ: „хорошо, что хозяйство отца переходитъ лишь къ мужскому поколѣнію, *дочери же получаютъ наслѣдство отъ матери холстомъ и пр.*; вслѣдствіе этого крестьянскіе усадьбы и пожитки не дѣлятся до безконечно-

щество дѣлится по равнымъ частямъ только между дочерьми; прочее же имущество, напр. деньги, земля, что встрѣчается однако довольно рѣдко, поступаетъ къ сыновьямъ (*). Если между дочерьми есть замужнія, то въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ онѣ отъ наслѣдованія устраняются (**), даже въ томъ случаѣ, когда нѣтъ невыданныхъ дочерей, а остались одни сыновья, которые и по-

---

сти" (№ 25).—*Свящ. Макаровъ*: „приданое состоитъ изъ пошебнаго платья, новой крытой сукномъ шубы, новаго суконнаго кафтана, кромѣ нижняго и наряднаго платья; рѣдко изъ коровъ, овецъ и денегъ... Имущество, принесенное женою въ домъ мужа, оставляется послѣ ея смерти дочерямъ" (Арханг. губ. в. 1868 г. № № 42 и 44).—*И. Никулинъ*: „имѣніе матери, заключающееся обыкновенно въ женскомъ платьѣ (кладка) и части движимаго (приданаго, брошеннаго на каравай), послѣ ея смерти поступаетъ въ раздѣлъ между одинѣми дочерями, а сыны въ это имѣніе входить не смѣютъ" (Донская газ. 1876 г. № 40).—Въ Малороссіи, по словамъ *П. П. Чубинскаго*, материнское имущество, составляющее „скрію", наслѣдуютъ исключительно дочери и только за неимѣніемъ послѣднихъ—сыновья (Очеркъ, стр. 696). У мордвы приданое имущество матери, заключающееся по обыкновенію въ разной рухляди и нарядахъ, идетъ послѣ смерти матери къ дочерямъ, и сыновья въ это имущество не вступаются, хотя бы самыя украшенія состояли изъ золотыхъ и серебряныхъ монетъ (*В. Майновъ*. Очеркъ, стр. 177—188). У черемисъ, живущихъ въ Казанской и Нижегор. губ., имущество матери, т. е. приданое, состоитъ большею частію изъ бѣлья и изъ женскихъ уборовъ, украшеній, которые послѣ смерти матери поступаютъ къ дочерямъ (*А. Износковъ*. Очеркъ, стр. 60, 61, 68).

(*) I: 488; II: 331; V: 295.

(**) VI: 267—имущество матери дѣлится послѣ ея смерти поровну между незамужними дочерьми (Сам. г., Бугур. у., Боровкинская в). *П. Ефименко*. Сборникъ: „имущество матери, по смерти ея, поступаетъ дочерямъ замужнимъ и дѣвицамъ, преимущественно послѣднимъ" (стр. 67).

лучаютъ наслѣдство (*). Существуетъ также обычай, по которому материнское имущество, состоящее изъ женской одежды и бѣлья, переходитъ послѣ смерти матери отъ одной дочери къ другой, по мѣрѣ вступленія каждой изъ нихъ въ бракъ, а затѣмъ, когда всѣ дочери повыйдутъ замужъ, означенное имущество продается и деньги дѣлятся между сестрами поровну (**). Сходный съ этимъ обычай наблюдается въ Архангельской губ. Здѣсь, по словамъ г. *Ефименко*, есть мѣстности, гдѣ дѣвушки на гуляньяхъ всегда ходятъ въ старинномъ нарядѣ: штофныхъ шубейкѣ или полушубкѣ и юбкѣ, что называется *парой*, и *повязкѣ*, головномъ уборѣ въ видѣ высокаго кокошника. Этотъ нарядъ каждая, выходящая замужъ, дѣвушка передаетъ послѣ свадьбы своей слѣдующей за нею по лѣтамъ сестрѣ и уже послѣдняя сестра беретъ его себѣ въ видѣ приданаго. (Приданое по обыч. пр. крест. Арх. губ.—Зап. геогр. общ. по отд. этногр. 1873 г., т. 3, стр. 14).

Вообще дочери наслѣдуютъ во всемъ имуществѣ матери какъ движимомъ, такъ и недвижимомъ, когда не осталось сыновей (***), устраняя отъ наслѣдованія

(*) I: 468 № 7:—„сестра при жизни брата наслѣдовать имѣніемъ никакого права не имѣетъ, а особенно выданная въ замужество“ (Тамб. г., Борисоглѣбск. у., Увар. в).—Сводъ юрид. об. Полт. г.: если дочери выданы замужъ при жизни отца, то материнское имѣніе поступаетъ однимъ сыновьямъ (IV: 655. 4).

(**) I: 567 № 31 (Тамб. г., Усманск. у., Демшинск. в.).

(***) I: 352 № 6; II: 327 № 1; III: 390 № 17; IV: 238 № 6; V: 212 № 52, 300 № 5, 495 № 9; VI: 42 № 1, 376 № 13, 422 (апр. 27), 486 № 4, 563 № 29, 653 № 81. Случаи устраненія дочерей отъ наслѣдованія послѣ матери при сыновьяхъ хотя и встрѣчаются, судя по показаніямъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей (I: 425. 435. 500; II: 229. 250; V: 279. 289. 290), но число этихъ мѣстностей такъ ничтожно, что для общей характеристики наслѣ-

восходящихъ и боковыхъ родственниковъ матери (*). Особеннымъ характеромъ материнскаго имущества, какъ имущества отдѣльнаго, объясняется и тотъ обычай, по которому оно послѣ смерти матери достается тому изъ дѣтей, сыну или дочери, у котораго мать жила, и кто ее похоронилъ (**), или тому, кого мать при смерти благословитъ (***). Въ заключеніе нельзя не за-

---

дованія въ материнскомъ имуществѣ подобные случаи едва ли могутъ имѣть значеніе. Въ сборникѣ г. *Ефименко* также имѣется указаніе, что на Зимнемъ берегу имущество матери, когда не осталось завѣщанія, дѣлается достояніемъ сыновей, а не дочерей.

(*) I: 352 № 6; III: 390 № 17; V: 212 № 52; VI: 422 (апр. 27). Внука изъ имущества послѣ бабки получаетъ по праву представленія часть, слѣдовавшую ея умершей матери (IV: 240 № 8).

(**) V: 300. 310. 343. Обыкновенно это то самое имущество, которое получаетъ вдова на свой паи послѣ смерти мужа при раздѣлѣ дѣтей. *М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „если мать оставитъ себѣ часть (по раздѣлѣ сыновей), то она переселяется къ которому-нибудь изъ сыновей, чаще къ меньшому... Кто докормилъ мать до смерти, тотъ и получаетъ доставшуюся ей при раздѣлѣ долю“ (стр. 243).—*П. Никулинъ:* „если семья подѣлилась (послѣ смерти отца), то мать со своею частію идетъ жить къ одному изъ своихъ сыновъ съ тѣмъ, чтобы онъ докормилъ-допоилъ ее до смерти и тогда бы могъ распорядиться ея имуществомъ, какъ собственнымъ... Рѣдко случается, что мать на этихъ условіяхъ идетъ жить къ дочери въ домъ зятя“ (Доп. газ. 1876 г. № 40). *Ѳ. К-въ:* „мать остается у одного изъ раздѣлившихся сыновей, принося ему свою часть, выдѣленную изъ общаго хозяйства“ (стр. 22).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „за сыномъ, призрѣвшимъ мать или мачиху, оставляется большая часть родоваго имѣнія и земля на душу умершаго отца, и къ нему исключительно переходитъ собственное имущество матери или мачихи“ (стр. 65). См. также *В. Майнова*, Очеркъ, стр. 188.

(***) *П. Ефименко.* Сборникъ: „на Зимнемъ берегу имущество, принесенное въ домъ мужа женою, достается тому, кого благословитъ имъ мать, хотя бы то была и дочь“ (стр. 69).—Изъ того, что мать можетъ благословить своимъ имуществомъ того или другого изъ дѣтей, не слѣдуетъ еще заключать, что въ народномъ быту

мѣтить, что изложенныя начала обычнаго порядка наслѣдованія нисходящихъ въ имуществѣ матери во многомъ напоминаютъ постановленія древнѣйшихъ памятниковъ нашего писаннаго права, Русской Правды и Псковской судной грамоты (*), въ чемъ безспорно обнаруживается какъ преемственная стойкость обычая, такъ и вообще малая подвижность экономическаго строя нашего крестьянства.

Б. Наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца.

Въ противоположность наслѣдованію послѣ матери, основывающемуся на принципѣ кровнаго родства, наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца построено въ обычномъ правѣ главнымъ образомъ на началѣ принадлежности къ семьѣ, выражающемся въ совмѣстномъ жительствѣ членовъ семьи и въ подчиненіи ихъ власти отца, какъ главы семейства, причемъ самое наслѣдованіе есть ничто иное, какъ имущественное разложеніе семьи (**).

признается за женщинами полная свобода завѣщательныхъ распоряженій, какъ это, повидимому, полагаетъ г. *Матвѣевъ* (Очерки, стр. 24). Но крайней мѣрѣ, изъ рѣшеній вол. судовъ видно, что бездѣтная жена не вправѣ завѣщать имущество свое мужу безъ согласія на то своего отца (III: 230 № 4) и кромѣ того вообще завѣщанія дѣлаются только тѣми, у кого нѣтъ дѣтей (I: 298).

(*) По Русской Правдѣ материнское имущество получаетъ тотъ *изъ дѣтей* „кому мати дастъ," если же она умретъ „безъ языка", т. е. не распорядившись имуществомъ, то оно поступаетъ къ тому „у кого будетъ на дворѣ была и кто ю кормилъ" (Троицкій списокъ. Изд. И. Калачова, § 96). На преимущественное право наслѣдованія дочерей послѣ матери собственно въ женской рухляди, платьѣ, содержится указаніе въ Псковской грамотѣ (См. *И. Энгельманъ.* Гражд. зак. Псковской суд. грамоты, стр. 90. Также, *И. Бѣляевъ.* О наслѣд. безъ зав. по древ. русс. законамъ, стр. 72).

(**) Мы избѣгаемъ здѣсь выраженія „раздѣла с мѣнаго имущества", потому что такового въ дѣйствительности можетъ и не

Вліяніе принципа принадлежности къ семьѣ на наслѣдованіе исходящихъ послѣ отца обнаруживается прежде всего въ устраненіи отъ наслѣдованія дочерей.

По общему правилу, установившемуся въ народно-обычномъ правѣ почти повсемѣстно, *дочери при сыновьяхъ послѣ отца не наслѣдуютъ* (*).

послѣдовать, но тѣмъ не менѣе смерть главы семейства влечетъ за собою распаденіе семейнаго имущества въ смыслѣ юридическаго цѣлаго, подобно тому, какъ и самая семья утрачиваетъ въ этомъ случаѣ свое единство и разлагается на нѣсколько самостоятельныхъ въ дѣйствительности или въ возможности семей.

(*) I: 48. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 134. 204. 224. 235. 242. 261. 275. 280. 285. 299. 318 № 13. 339. 378 № 16. 391. 417. 425. 435. 442. 451. 456. 461. 475. 505. 518. 523. 541, 560. 572. 579. 606. 613. 624. 665. 667. 676. 695. 751. 814; II: 29. 33. 47. 53. 61. 94. 129. 135. 154. 164. 178. 205. 219. 229. 256. 284. 331 352. 363. 370. 377. 383. 407. 417. 430. 453. 460. 471. 479. 488; III: 161. 169. 178. 196. 211. 319. 326. 357. 374 № 2. 381. 387. 397. 405. 411. 441; IV: 3. 9. 20. 25. 29. 69. 106. 113. 252. 271. 296. 306. 316. 324. 464. 471; V: 3. 48. 52. 68. 73. 87. 93. 101. 108. 114. 120. 279. 284. 290. 296 № 8. 310. 319. 322. 342. 383. 393. 396. 418. 541; VI: 19. 29. 44. 51. 123. 195. 222. 234. 258. 263. 267. 293. 301. 305. 312. 322. 357. 364. 395. 402. 404. 456. 586. 602. 606. 666. 703. *Н. Костровъ*: „дочерямъ изъ родительскаго имущества никакой части не полагается, но братья должны стараться выдать сестру замужъ и дать ей по силамъ приданое“ (стр. 44).—*В. Горбуновъ*. Сѣверно-вост. часть Городищенскаго уѣзда: „существующіе въ средѣ крестьянъ обычаи лишаютъ дочерей права собственности (точнѣе права наслѣдованія). . . Если дѣвушка лишается отца и матери, она обязательно содержится ближайшимъ родственникомъ, начиная съ старшаго брата“ (Памят. книжка Пензенской губ.).—*М. Арнольдовъ*: „дочь отъ родителей кромѣ приданаго ничего не получаетъ“ (Симбирскія губ. вѣд. 1868 г. № 46).—*Неизвѣстный авторъ* замѣтки, помѣщенной въ Воронежскомъ Телеграфѣ за 1874 г. № 25,—„въ мѣстностяхъ О. уѣзда существуетъ обычай, по которому по смерти отца все его имѣніе переходитъ къ сыно-

Это коренное начало обычнаго права наслѣдованія, какъ мы видѣли выше, искони было присуще народному правосознанію.

Чѣмъ же объясняется подобное исключеніе лицъ женскаго пола изъ сферы наслѣдственнаго преемства въ семейномъ имуществѣ?

Объясняется это тѣмъ, что дочь, хотя и связана съ семьей вслѣдствіе физическаго происхожденія отъ лица, стоящаго во главѣ семейства, но связь эта непрочная, временная. Рано или поздно дочь, по самой природѣ вещей, должна оставить семью и такимъ образомъ выйти изъ подъ власти, которой она подчинялась

вымъ, дочери же какъ замужнія, такъ и незамужнія ничего не получаютъ; но за то братья обязаны заботиться о своихъ непристроенныхъ сестрахъ, т. е. кормить, одѣвать, выдавать замужъ.“— *Свящ. М. Макаровъ*: „по смерти родителей, неимѣющихъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ въ мужескомъ колѣнѣ, все ихъ имущество переходитъ къ дочерямъ, преимущественно дѣвицамъ“ (Арханг. губ. вѣд. 1868 г. № 42).—*Свящ. Темперовъ*: „послѣ смерти отца все имѣніе поступаетъ въ полное владѣніе къ жившему съ нимъ сыну, или зятю, вообще тому, кто жилъ съ отцомъ и раздѣлялъ труды его, хотя бы это былъ и чужой по рожденію“ (Уфимскія губ. вѣд. 1866 г. № 5).—*Свящ. І Архангельскій*: „дочь ни въ какомъ отношеніи не считается наслѣдницею семейнаго имущества и не имѣетъ никакого права на надѣлокъ.“ (Сам. епарх. вѣд. 1875 г. № 9, стр. 210).—*П. Ефименко*. Сборникъ: „дочери, при существованіи родныхъ мужескаго пола, не получаютъ доли въ наслѣдствѣ изъ раздѣляемаго отцовскаго имущества, а остаются жить при которой-либо изъ раздѣлившихся сторонъ... При замужествѣ награждаются приданымъ по усмотрѣнію семьи и по достатку; сверхъ того, у кого незамужняя, тотъ долженъ нести свадебные расходы, по за то на долю того, у котораго будутъ жить сестры, при раздѣлѣ дается болѣе хлѣба и скота“ (стр. 64).—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „при братьяхъ сестра не наслѣдуетъ въ имуществѣ отца“ (стр. 694).

въ силу рожденія. Со вступленіемъ въ бракъ она мѣняетъ авторитетъ отца на авторитетъ мужа, или свекра и вмѣстѣ съ тѣмъ становится чуждою имущественнымъ интересамъ прежней семьи, основывающимся на совмѣстномъ жительствѣ членовъ послѣдней. Эта отчужденность дочери отъ своей семьи сказывается въ народномъ быту во многихъ пословицахъ и поговоркахъ, не говоря уже о свадебныхъ пѣсняхъ и обрядахъ, большинство которыхъ проникнуто идеей, что со вступленіемъ въ бракъ дѣвушка переходитъ въ чужіе люди, на чужую сторону (*).

Поэтому дочь, по народнымъ понятіямъ, „отрѣзанный ломоть,“ „чужое сокровище“ (**). Она должна идти замужъ, а не засиживаться дома: „невѣста на дворѣ—мертвецъ на столѣ“ (***). Та же мысль, хотя и выраженная въ болѣе грубой формѣ, сквозитъ въ малороссійской пословицѣ: „хочъ за вола, аби дома не була“ (****). Дочь не связана съ семьей общими имущественными интересами; ея трудъ не приноситъ замѣтной пользы, такъ какъ самое пребываніе ея въ семьѣ непрочно и кратковременно. „Живой товаръ—накладъ,“ говоритъ пословица, намѣкая этимъ на расходы, вызываемые необходимостью снарядить дочь замужъ (*****) „Отца, мать кормлю—долгъ плачу, говоритъ другая пословица, сыновей въ люди вывожу—въ займы

(*) См. *Алекс. Смирновъ.* Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа, стр. 112, 197—201, 233.

(**) *И. Дорожневъ.* Памят. кн. Сам. губ. за 1863—1864 г., стр. 123. *Иллюстровъ.* Юрид. послов. и погов. рус. народа, стр. 53.

(***) *Свящ. С. Чучкинъ* (Рязан. губ. вѣд. 1871 г. № 70).

(****) *П. Чубинскій.* Очеркъ, стр. 682.

(*****) *Я. Предтеченскій.* О свадебныхъ обрядахъ г. Чердынп. Пермскій сборникъ, 1859 г. кн. 1, стр. 62.

даю, дочь снабжаю —за окно бросаю“ (*). По энергическому, хотя и не совсѣмъ справедливому выраженію жителей села Кракова, дочь для семьи—„пустокормъ“ (**). Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дочери, вышедшія замужъ, по оставшіяся въ семьѣ отца вслѣдствіе того, что ихъ мужья были приняты въ домъ, носятъ особыя названія, указывающія, что прежняя отчужденность ихъ отъ семьи прекращается посредствомъ акта усыновленія или водворенія въ семью. Это уже не дочь, но *примка*, *примочка* (***), или *водворица* (****). Въ объясненіяхъ, данныхъ крестьянами членамъ волостной коммисіи, также проглядываетъ мысль объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія, какъ неполноправныхъ членовъ семьи, неспособныхъ продолжать таковую и вести хозяйство. „Дочери не наслѣдуютъ, говорили крестьяне, потому что онѣ, какъ женскаго пола, не имѣютъ правъ, а могутъ только надѣяться на милость; дочь не наслѣдница, потому что хозяйство вести не можетъ“ (I: 579; II: 179) (*****).

(*) *Иллюстровъ*, указ. соч., стр. 53.

(**) *Свящ. І. Архангельскій.* Народ. обыч. въ с. Кракові. (Самар. епарх. вѣд. 1875 г. № 9, стр. 210).

(***) *Свящ. С. Котырло.* Юрид. обычаи при бракахъ и раздѣлахъ. Горецкаго уѣзда, с. Русаки (Могилев. г. в. 1868 г. № 3).

(****) *П. Никулинъ.* Народ. юрид. обычаи донскихъ казаковъ 2-го округа (Донская газета, 1875 г. № 81).

(*****) На ряду съ приведенными показаніями крестьянъ встрѣчаются впрочемъ и такія, въ которыхъ устраненіе дочери отъ наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ объясняется, независимо отъ взгляда на семенныя отношенія, чисто экономическими причинами, именно бѣдностью крестьянскаго населенія (II: 414 -„по бѣдности народа наслѣдства хватаетъ только на хозяйство братьевъ.“ См. также I: 130 и 134). Это послѣднее объясненіе имѣетъ, какъ намъ кажется, весьма серьезное значеніе, ибо здѣсь законодатель-

Такимъ образомъ, коль скоро есть кому продолжать семью и вести хозяйство, т. е. когда имѣются на лицо члены семьи мужскаго пола, дочери вообще устраняются отъ наслѣдованія въ семейномъ имуществѣ при распаденіи семьи послѣ смерти ея родоначальника и представителя. Но другое дѣло, если въ означенномъ случаѣ членовъ мужскаго пола въ семьѣ не оказывается, такъ что семья продолжаться не можетъ. Оставшееся имущество становится какъ бы выморочнымъ и безхозяйственнымъ, причемъ дальнѣйшая юридическая судьба его не зависитъ уже отъ принципа принадлежности къ семьѣ, но подчиняется началу кровнаго родства. Поэтому, *когда въ семьѣ нѣтъ сыновей, право наслѣдованія по обычаю переходитъ къ дочерямъ*, какъ ближайшимъ родственницамъ умершаго представителя семейнаго имущества (*).

ству приходится имѣть дѣло ни съ какими-нибудь традиціонными взглядами, но съ дѣйствительными народными нуждами.

(*) II: 20 № 105. 22 № 32. 445 № 38. 509 (сент. 23). 648 № 7; III: 56 № 5. 107 № 9—послѣ смерти одного изъ четырехъ братьевъ, имѣвшихъ нераздѣльное хозяйство, взыскана въ пользу дочери умершаго четвертая часть общаго имѣнія;—117. 130. 145. 153. 158 № 9—послѣ смерти отца все имѣніе присуждено дочери, брату же умершаго выдано только 4 руб. въ вознагражденіе за похороны;—161. 169. 178. 203 № 18—послѣ отца осталась дочь, *вышедшая замужъ за мѣщанина*, и имущество (домъ, изба неотдѣлапная, дворъ, хлѣвъ, горница надъ воротами), оцѣненное въ 50 руб. Судъ рѣшилъ: предоставить означенное имѣніе въ полное распоряженіе дочери, а числящуюся на имѣніи недоимку (4 руб. 20 к.) сельское общество должно принять на себя, т. к. наслѣдодатель умеръ назадъ тому 5 лѣтъ;—319. 323. 326. 330. 394 № 14—дочь признана полною наслѣдницею той части имущества, которая принадлежала ея умершему отцу въ общемъ хозяйствѣ съ братомъ;—VI: 17 (марта 19)—кр—ка А. объяснила, что послѣ смерти отца ея И., кромѣ нея и старшей сестры, вышедшей замужъ за кр. П., другихъ

Дочери въ этомъ случаѣ наслѣдуютъ какъ въ движимомъ, такъ и въ недвижимомъ имуществѣ (II: 20

наслѣдниковъ не осталось; II. тотчасъ послѣ брака съ сестрою поселился въ отцовскомъ домѣ, завладѣлъ всѣмъ имѣніемъ и не выдѣляетъ просительницѣ изъ отцовскаго наслѣдства никакой части. Отвѣтчикъ II. возразилъ, что А. „на взятіе половинной части изъ имущества права не имѣетъ, т. к. онъ на таковомъ имуществѣ проживаетъ и работаетъ уже 9 лѣтъ“. Судъ, принимая во вниманіе: 1) что по показаніямъ свидѣтелей къ имуществу И. другихъ наслѣдниковъ, кромѣ дочерей, не имѣется, и 2) что II., хотя жилъ и работалъ на означенномъ имуществѣ, но въ то же время получалъ и доходы съ онаго въ свою пользу, постановилъ: обязать II. выдѣлить А. изъ всего имущества умершаго И., какъ движимаго, такъ и недвижимаго, половинную часть.—*Рѣшеніе это вмѣстѣ съ тѣмъ показываетъ, что въ крестьянскомъ быту трудъ самъ по себѣ не даетъ права на наслѣдство, а лишь право на вознагражденіе;*—240 № 11. 241 № 16. 509 № 13; VI: 178 № 54. 236 № 4—вдова X. жаловалась, что послѣ смерти мужа В. деверь ея А. намѣренъ воспользоваться оставшимся послѣ смерти мужа домомъ и скотомъ. Отвѣтчикъ заявилъ, что ему придется платить подати за умершаго брата до будущей ревизіи, а потому онъ долженъ получить въ наслѣдство часть оставшагося имущества и скота. Судъ призналъ: такъ какъ А. жилъ отдѣльно отъ В., то пріобрѣтенное послѣднимъ, безъ всякаго участія А., имѣніе должно достаться въ наслѣдство малолѣтнимъ дочерямъ умершаго. Что же касается до платежа податей за В., то это зависитъ отъ распоряженія общества, которое можетъ или возложить платежъ на А. (вѣроятно потому, что онъ пользуется братнимъ надѣломъ), или, при его несостоятельности, принять на раскладку общества, но не производить изъ оставшагося малолѣтнимъ наслѣдства.—*Отсюда, между прочимъ, видно, что общинные интересы далеко не всегда имѣютъ рѣшающее значеніе въ вопросахъ наслѣдственнаго права, и потому не слѣдуетъ преувеличивать ихъ вліяніе на юридическій бытъ народа, какъ это дѣлаютъ нѣкоторые изслѣдователи обычнаго права;*—399 (іюля 21). 444 № 1. 560 № 16. *И. Чубинскій.* Очеркъ: „если нѣтъ сыновей, то дочь является единственною наслѣдницей“ (стр. 697). —*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „если остаются только дочери, то онѣ дѣлятъ все имущество родительское поровну. Единственная дочь, дѣвушка, получаетъ

№ 105, 22 № 32, 509 сент. 23; III: 56 № 5, 117, 158 № 9; IV: 17, марта 19 и др.), не исключая иногда надѣла, если только дочь „возьметея подати тянуть", причемъ міръ освобождаетъ ее отъ натуральныхъ повинностей (II: 603).

Отцовское наслѣдство дѣлится между дочерьми по равнымъ частямъ (II: 648 № 7; IV: 17, марта 19, 30 № 1, 240 № 11, 241 № 6; VI: 494 № 26) и малолѣтнія получаютъ то же, что и совершеннолѣтнія (II: 648 № 7, IV: 240 № 11). Дочери отъ разныхъ матерей (единокровныя, но не единоутробныя) наслѣдуютъ послѣ отца одинаково (IV: 241 № 6; VI: 494 № 6), но незамужнія предпочитаются замужнимъ (*). Послѣднія обыкновенно вовсе устраняются отъ наслѣдованія какъ уже выдѣленныя изъ семьи при жизни отца съ награжденіемъ приданымъ, или же получаютъ меньшія части изъ наслѣдства сравнительно съ повыданными дочерьми (**).

все имѣніе" (стр. 215).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „при неимѣніи сыновей, снохи, дочери и мать получаютъ по равной части (Колч.). Въ другихъ мѣстахъ, въ такомъ случаѣ, имѣніе родителей переходитъ къ дочерямъ, преимущественно дѣвицамъ (Мак.)" (стр. 67). —*В. Майновъ.* Очеркъ: „если у отца остается въ живыхъ одна лишь дочь, то онъ волент отдать ей домъ и все имѣніе" (стр. 184).

(*) I: 378 № 33—„дѣти женскаго пола, по выходѣ въ замужество, не пользуются наслѣдствомъ въ крестьянскомъ быту;"— II: 407; IV: 422 № 15; VI: 410. 456. —*Свящ. М. Макаровъ:* „по смерти родителей, не имѣющихъ дѣтей и ближайшихъ родственниковъ въ мужскомъ колѣнѣ, все ихъ имущество переходитъ къ дочерямъ, преимущественно дѣвицамъ" (Арх. губ. в. 1868 г. № 12).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „имѣніе родителей переходитъ къ дочерямъ, преимущественно дѣвицамъ" (стр. 67). —*П. Тимощенковъ:* „имущество дѣлится между братьями и неотданными еще замужъ сестрами" (стр. 170).

(**) II: 648 № 7; III: 411. Изъ нѣкоторыхъ рѣшеній вол. су-

Таковы главныя начала, коими опредѣляется въ обычномъ правѣ порядокъ наслѣдованія дочерей послѣ отца. Нельзя однако же сказать, чтобы эти начала вездѣ и всегда проводились со всею строгостію и послѣдовательностью. Существующія въ этомъ отношеніи уклоненія можно подраздѣлить *на двѣ категоріи соотвѣтственно двумъ основнымъ правиламъ дочерняго преемства въ отцовскомъ имуществѣ.* Первая категорія даетъ рядъ изъятій изъ правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца при наличности сыновей, вторая же категорія обнимаетъ тѣ случаи, при которыхъ ограничивается полное преемство дочерей, т. е. когда, согласно второму основному правилу, дочери за недостаткомъ сыновей являются единственными наслѣдницами отцовскаго имущества.

Случаи наслѣдованія дочерей послѣ отца совмѣстно съ сыновьями немногочисленны. Они могутъ быть пріурочены къ слѣдующимъ группамъ:

I) Въ трудахъ вол. коммисіи встрѣчаются иногда показанія крестьянъ о томъ, что братья „изъ милости", „изъ чести" выдѣляютъ сестрамъ „малую часть, малую толику" изъ оставшагося послѣ отца движимаго имущества (*). Изъ этихъ показаній видно, что вообще дочерямъ при сыновьяхъ опредѣленной доли изъ отцовскаго наслѣдства не назначается (**), что недвижимаго имущества онѣ вовсе не получаютъ (***) и что все наслѣд-

довъ видно, что замужняя дочь наслѣдуетъ наравнѣ съ незамужней лишь въ томъ случаѣ, когда ея мужъ былъ принятъ въ домъ (I: 45 № 16).

(*) I: 160. 174. 175. 185; II: 33. 71. 407. 441. 453. 460; III: 145. 153. 196. 211. 330. 368. 449; IV: 3. 69. 119. 252. 306. 316. 522; V: 114. 499. 539; VI: 293. 364. 591, 596. 628.

(**) I: 3. 12. 15. 21. 36. 38; III: 178; VI: 646.

(***) II: 389. 407. 441. 453; IV: 238. 272; V: 101. 117. 299. 319. 331; VI: 647.

ственное право ихъ сводится здѣсь, собственно говоря, къ выдѣлу имъ, по усмотрѣнію дѣйствительныхъ наслѣдниковъ—сыновей, нѣкоторой доли изъ оставшейся послѣ отца движимости (*). Если къ этому присовокупить, что въ разсматриваемомъ случаѣ рѣчь идетъ только о незамужнихъ дочеряхъ, ибо по общему правилу дочери, выданныя замужъ при жизни отца, изъ наслѣдства послѣ него при сыновьяхъ ничего никогда не получаютъ (**), то едва ли мы сдѣлаемъ большую погрѣшность, признавъ, что указанная группа случаевъ наслѣдованія дочерей относится скорѣе къ вопросу о выдѣлѣ братьями приданаго сестрамъ, нежели къ праву наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, сравнивая условія награжденія братьями незамужнихъ сестеръ приданымъ съ полученіемъ дочерьми нѣкоторой доли отцовскаго наслѣдства, мы замѣчаемъ, что въ обоихъ случаяхъ выдѣлъ имущества и самый размѣръ выдѣла ставится въ зависимость отъ милости и усмотрѣнія братьевъ, причемъ какъ тамъ, такъ и тутъ выдѣляемое имущество всегда движимое (***). Указанное совпаденіе не есть простая случайность, но объясняется началами семейнаго обычнаго права, возлагающаго на братьевъ извѣстныя обязанности по

(*) III: 189. 315; IV: 144; V: 33. 139. 141. 177. 202. 295. 319; VI: 275. 353.

(**) I: 378 № 33. 468 № 7; II: 324. 389. 407. 453; III: 117. 145. 153. 330. 449; IV: 257. 422 № 15; V: 38; VI: 410. 456.

(***) Назначеніе въ приданое недвижимаго имущества составляетъ въ настоящее время большую рѣдкость въ крестьянскомъ быту. По крайней мѣрѣ, въ трудахъ коммисіи намъ встрѣтилось всего лишь пять примѣровъ подобнаго рода (IV: 199 № 36—дерев. домъ; 311 № 72—пахатная пивка; 523—казацкая земля; V: 74 № 5 — половина усадьбы; VI: 390—домъ), причемъ во всѣхъ этихъ случаяхъ приданое шло отъ отца, либо отъ матери, но не отъ братьевъ.

отношенію къ незамужнимъ сестрамъ. Въ крестьянскомъ быту дочери послѣ смерти отца обыкновенно остаются на попеченіи сыновей, такъ что сестры живутъ вмѣстѣ съ братьями, пока послѣдніе не раздѣлятся. Въ случаѣ раздѣла сестра переходитъ на жительство къ одному изъ братьевъ, оставаясь у него до выхода своего замужъ. Братъ, принимающій къ себѣ сестру, получаетъ иногда, по соглашенію съ прочими братьями, нѣсколько большую часть отцовскаго наслѣдства, дабы имѣть возможность содержать сестру и снарядить ее замужъ.

„Дочь не наслѣдница, показали крестьяне одной волости, но на нее выдается малая часть тому изъ братьевъ, къ которому она жить пойдетъ, а онъ уже обязанъ снарядить ее, когда замужъ выдаетъ (I: 751. См. также I: 676; III: 319; VI: 123. *П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 64).

Такимъ образомъ случайная, неопредѣленная и, такъ сказать, гипотетическая наслѣдственная доля дочери при сыновьяхъ входитъ здѣсь въ составъ наслѣдственной части того изъ братьевъ, который беретъ къ себѣ сестру на попеченіе. Доля эта пріобрѣтаетъ обыкновенно значеніе дѣйствительнаго имущественнаго выдѣла не прежде однако, какъ съ выходомъ дочери замужъ, именно въ формѣ награжденія придапымъ братьями или братомъ въ размѣрѣ, зависящемъ отъ ихъ усмотрѣнія. Справедливость сказаннаго подтверждается многими показаніями крестьянъ, изъ коихъ нѣкоторыя мы приводимъ здѣсь дословно: „дочери изъ недвижимаго ничего не получаютъ; *при выходѣ же замужъ получаютъ отъ братьевъ изъ движимости то, что братья дадутъ* (II: 107. 453); послѣ отца наслѣдуютъ сыновья; *сестръ братъ заступаетъ мѣсто отца*; если она хорошо ведетъ себя, то *выдастъ ее замужъ и выдѣлятъ неболь-*

шую часть движимаго имущества (IV: 9); послѣ родителя наслѣдниками считаются сыновья, а *дочери, непристроенныя*, получаютъ изъ движимаго имущества ¹/₄ часть, но изъ земли никогда ничего не получаютъ; *обыкновенно дочери желаютъ оставаться при братьяхъ, которые награждаютъ ихъ по усмотрѣнію при выходѣ замужъ; тогда то братья и даютъ ¹/₄ часть изъ движимаго имущества*" (II: 389), т. е. въ большинствѣ случаевъ даютъ, что могутъ и сколько пожелаютъ.

Такимъ образомъ первый случай сонаслѣдованія дочерей съ сыновьями въ отцовскомъ имуществѣ не составляетъ, строго говоря, уклоненія отъ общаго правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія при сыновьяхъ, но совпадаетъ въ сущности съ лежащею на братьяхъ, по обычаю, обязанностію снарядить сестеръ замужъ въ томъ случаѣ, когда нѣтъ въ живыхъ родителей, въ особенности отца.

Это сопоставленіе обязанности братьевъ снарядить сестеръ замужъ съ полученіемъ дочерьми по усмотрѣнію сыновей нѣкоторой доли отцовскаго наслѣдства можетъ быть, однакоже, допущено лишь при томъ условіи, если награжденіе сестеръ при выходѣ замужъ приданымъ будетъ вполнѣ зависѣть отъ усмотрѣнія братьевъ. Между тѣмъ въ литературѣ обычнаго права было высказано мнѣніе, что назначеніе братьями незамужнимъ сестрамъ приданаго составляетъ юридическую обязанность первыхъ по отношенію къ послѣднимъ, объясняющуюся тѣмъ, что въ крестьянскомъ быту приданое дается дочерямъ взамѣнъ устраненія ихъ отъ наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ (*). Какъ видно изъ

(*) *С. В. Пахманъ.* Обычное гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 70, 229, и 231.

предшествовавшаго, мы смотримъ на этотъ вопросъ несколько иначе. Основаніемъ къ тому служатъ слѣдующія соображенія. Прежде всего, что касается самаго мотива предполагаемой обязанности братьевъ надѣлить выходящую замужъ сестру приданымъ, то изъ помѣщенныхъ въ трудахъ коммисіи показаній крестьянъ, относящихся къ наслѣдованію дочерей и награжденію ихъ приданымъ, нельзя, какъ намъ кажется, заключить о существованіи между означенными вопросами столь тѣсной связи, которая давала бы основаніе сказать, что взамѣнъ участія дочери въ наслѣдствѣ послѣ отца для нея возникаетъ *право* требовать отъ братьевъ назначенія приданаго. Можно привести цѣлый рядъ показаній, въ которыхъ крестьяне, заявляя объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца, вовсе не упоминаютъ объ обязанности братьевъ снабжать сестеръ приданымъ (*). Затѣмъ самыя показанія крестьянъ о надѣленіи сестеръ приданымъ обыкновенно сводятся къ тому, что приданое сестрамъ, за смертію родителей, дается *по достатку и усмотрѣнію братьевъ* (**). Наконецъ, есть мѣстности, гдѣ, по словамъ крестьянъ, приданаго совсѣмъ не бываетъ и гдѣ, однакоже, отцовское наслѣдство дѣлится только между сыновьями (***). Эта послѣдняя категорія показаній крестьянъ доказываетъ,

---

(*) I: 4. 12. 21. 36. 38. 49. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 124. 130. 134. 299. 655; II: 3. 352. 471; III: 319. 326. 357; IV: 91. 96. 106. 113. 244. 248; V: 68. 73. 88. 94. 101. 108. 114. 117. 383. 393; VI: 19. 41. 44. 51. 263. 275. 301. 357. 626.

(**) I: 15. 204. 213. 560. 572. 579. 613. 642; II: 47. 71. 390. 407. 441. 433. 460. 480. 488; III: 196. 211. 449; IV: 9. 238. 272. 296. 306. 316; V: 9. 139. 141. 202. 544; VI: 54. 395. 402. 404. 490. 456. 646.

(***) I: 221. 235. 242. 254. 262. 276. 294. 417. 425. 435. 451. 461. 475. 506. 518. 524; II: 219; VI: 628. 703.

по нашему мнѣнію, довольно наглядным образомъ, что предполагаемаго соотношенія между устраненіемъ дочерей отъ наслѣдства послѣ отца и обязательнымъ посему назначеніемъ братьями приданаго сестрамъ въ народно-обычномъ правѣ не существуетъ. Поводомъ къ признанію обязательности назначенія братьями приданаго, повидимому, послужили тѣ показанія крестьянъ, въ которыхъ говорится объ обязанности братьевъ выдать сестеръ замужъ. Показанія эти въ сущности заключаются въ слѣдующемъ: наслѣдство послѣ отца дѣлится поровну между сыновьями; дочери отъ наслѣдованія устраняются, но братья обязаны содержать сестеръ и при случаѣ выдать ихъ замужъ (*). Для правильнаго пониманія возлагаемой на братьевъ обычаемъ обязанности *выдать сестру замужъ*, намъ кажется необходимымъ предварительно разрѣшить вопросъ о томъ, содержится ли въ означенной обязанности также и обязанность награжденія приданымъ или не содержится? Мы полагаемъ, что объ означенныя обязанности, подобно третьей, лежащей на братьяхъ обязанности—давать сестрамъ пріютъ и содержаніе, представляются раздѣльными, существующими хотя и рядомъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ независимо одна отъ другой. Обязанность выдать сестру замужъ, кромѣ представительства родителей при свадебномъ обрядѣ и сватовствѣ, сводится, по взгляду крестьянъ, главнымъ образомъ *къ обязанности братьевъ нести расходы, сопряженные съ выходомъ сестры въ замужество*. „Сестра, говорили крестьяне, остается при братѣ, который *долженъ* давать ей пропитаніе и *нести расходы при выходѣ ея замужъ*; братья, при которыхъ

(*) I: 391; II: 94. 135. 164. 178. 205. 256. 284. 331. 363. 377. 383. 385; III: 381. 387. 405. 441; IV: 25. 464 488; V: 310. 319. 396; VI: 29. 195. 222. 234. 258. 267. 305.

живутъ сестры, *обязаны принять всѣ свадебные расходы на свой счетъ*“ (II: 157; V: 120). Въ одномъ изъ рѣшеній (I: 317 № 2) вол. судъ установилъ, что если въ нераздѣленномъ семействѣ выдается замужъ чья-либо дочь или сестра (въ данномъ случаѣ дядя и племянникъ выдавали съ общаго согласія первый свою племянницу, а второй сестру), то всѣ *издержки*, на это употребленныя, принимаются пополамъ. Едва ли можно допустить, что въ данномъ случаѣ судъ подъ „издержками“ на свадьбу разумѣлъ также и выдѣлъ имущества въ видѣ приданаго. Раздѣльность обязанности братьевъ выдать сестру замужъ отъ награжденія ея приданымъ обнаруживается въ самой редакціи нѣкоторыхъ отзывовъ крестьянъ. Такъ крестьяне Козятинской волости (V: 139) показали, что сестры обыкновенно живутъ при братьяхъ, которые выдаютъ ихъ замужъ и награждаютъ приданымъ по средствамъ и заслугамъ (см. также V: 141).

Такимъ образомъ изъ сказаннаго слѣдуетъ, что лежащая на братьяхъ забота о выдачѣ сестеръ замужъ не заключаетъ въ себѣ непремѣнно обязанности дать имъ приданое, но предполагаетъ лишь принятіе братьями на свой счетъ необходимыхъ по случаю замужества сестры расходовъ.

Расходы же эти, при общей скудости средствъ крестьянскаго населенія, не незначительны, тѣмъ болѣе, что нѣкоторые изъ нихъ представляются неизбѣжными. Извѣстно, что въ крестьянскомъ быту сватовство всегда сопровождается угощеніемъ — „никакого сватовства безъ попойки не бываетъ“ (I: 500 № 2). Но кромѣ издержекъ на угощеніе существуютъ еще и другія обязательныя статьи расходовъ, напр. на подарки жениху, его роднѣ и сватамъ, дѣлаемые во время сговора стороною невѣсты. Независимо отъ прямыхъ расходовъ,

сопряженныхъ съ сватовствомъ, братья, сговорившіе сестру замужъ, въ случаѣ отказа жениху, несутъ по общему правилу отвѣтственность за причиненные этимъ убытки. Слѣдовательно, обязанность выдать сестру замужъ имѣетъ въ крестьянскомъ быту своеобразное юридическое значеніе, которое не должно быть смѣшиваемо съ назначеніемъ приданаго. Послѣднее хотя можетъ соединяться съ выдачею замужъ сестры, но такое соединеніе само собою не предполагается и зависитъ вполнѣ отъ доброй воли братьевъ, подобно тому, какъ и назначеніе приданаго родителями. Справедливость этого вывода подтверждается косвенно тѣмъ, повольно останавливающимъ на себѣ вниманіе фактомъ, что изъ довольно значительнаго числа рѣшеній волостныхъ судовъ, относящихся къ искамъ по поводу приданаго, мы не встрѣчаемъ въ трудахъ коммиссіи ни одного, въ которомъ суду пришлось бы разрѣшить споръ о невыдачѣ приданаго родителями либо братьями. Самый складъ экономическаго быта большинства крестьянскаго населенія свидѣтельствуетъ не въ пользу предположенія объ обязательномъ назначеніи приданаго братьями. Въ иныхъ мѣстностяхъ, какъ мы видѣли выше, приданаго вовсе не бываетъ, въ другихъ оно дается въ рѣдкихъ случаяхъ, въ третьихъ если и дается, то только движимымъ имуществомъ. Преобладающею движимостью въ крестьянскомъ быту служитъ хлѣбъ, скотъ, орудія хлѣбопашества или промысла, домашняя утварь и наконецъ деньги. Что касается денегъ, то случаевъ назначенія приданаго деньгами въ нашихъ источникахъ почти не встрѣчается. Равнымъ образомъ, мы не можемъ привести примѣра награжденія въ видѣ приданаго хлѣбомъ. Остается, стало быть, скотъ, орудія производства и домашняя утварь. Скотъ, въ извѣстномъ смыслѣ, можетъ быть поставленъ на ряду съ орудіи-

ями производства, такъ какъ для успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства требуется имѣть извѣстное количество рабочаго скота. Поэтому дача приданаго скотомъ находится въ полной зависимости отъ его изобилія, а это бываетъ далеко не всегда и не вездѣ; при томъ же въ случаѣ раздѣла братьевъ количество скота, упадающаго на долю каждаго вновь возникающаго хозяйства, значительно сокращается, такъ что братьямъ становится не подъ силу обязательно выдѣлять сестрамъ въ приданое именно то, безъ чего хозяйство ихъ можетъ разстроиться и придти въ упадокъ. Что касается другихъ орудій хозяйства или промысла, то выдѣлъ ихъ или продажа этой движимости съ цѣлію награжденія сестеръ приданымъ очевидно противорѣчитъ здравому смыслу крестьянъ, ибо неминуемо влечетъ за собою застой и упадокъ въ хозяйствѣ. По отношенію къ домашней утвари ограничимся замѣчаніемъ, что поступленіе въ приданое подобныхъ предметовъ можетъ имѣть мѣсто и безъ участія братьевъ, такъ какъ во многихъ мѣстностяхъ материнское имущество, состоящее изъ одежды и домашней утвари, наслѣдуютъ исключительно дочери (I: 405. 488; II: 33. 363. 603; III: 196. 201; IV: 29). Такимъ образомъ разсмотрѣніе экономической стороны вопроса о назначеніи приданаго братьями невольно наводитъ на мысль, что нерѣдко братьямъ почего почти выдѣлять сестрамъ въ приданое изъ оставшейся послѣ отца движимости, не рискуя нанести тѣмъ явный ущербъ скромному крестьянскому хозяйству. Тѣмъ не менѣе приданое существуетъ. Откуда же оно берется? Дѣло въ томъ, что въ крестьянскомъ быту господствующимъ типомъ приданаго является, такъ называемое иногда, *платное* приданое. Приданое этого рода, заимствующее также свое названіе отъ того вмѣстилища,

въ которомъ оно хранится—сундукъ, скриня, коробье, состоитъ обыкновенно изъ холста, бѣлья, одежды и прочихъ принадлежностей женскаго наряда и обихода. Оно заблаговременно заготовляется какъ матерью невѣсты, такъ и самими дѣвушками на заработанныя ими деньги. Затѣмъ въ помощь приданому въ крестьянской средѣ успѣли выработаться своеобразныя формы предбрачныхъ договоровъ объ имуществѣ подъ названіемъ кладки, столовыхъ денегъ, вклада, выкупа и т. под. Кладка и столовыя деньги весьма нерѣдко предназначаются на пріобрѣтеніе приданаго невѣстѣ, причемъ кладка состоитъ иногда не только во взносѣ женихомъ извѣстной денежной суммы, но и въ доставленіи по уговору нѣкоторыхъ болѣе или менѣе цѣнныхъ предметовъ женской одежды, какъ то шубы, полушубка или тулупа. Нельзя не замѣтить, что обычай давать за невѣсту кладку особенно строго соблюдается въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ приданаго давать не принято, такъ что кладка является въ этомъ случаѣ какъ бы суррогатомъ приданаго, идущимъ со стороны жениха.

При означенныхъ условіяхъ едва ли есть достаточное основаніе утверждать, что народный обычай признаетъ назначеніе приданаго братьями юридически обязательнымъ. Вѣрнѣе, кажется, видѣть въ снабженіи сестеръ приданымъ нравственный долгъ братьевъ, вслѣдствіе чего и самый размѣръ выдѣляемаго приданаго вполнѣ зависитъ отъ доброй воли и усмотрѣнія братьевъ, которые вообще замѣняютъ незамужнимъ сестрамъ умершихъ родителей. Обычай остается здѣсь вѣренъ своимъ исконнымъ традиціямъ и въ точности слѣдуетъ постановленію древнѣйшаго памятника народнаго правосознанія:„ аже будетъ сестра въ домоу, то той задницѣ не

імати, но отдадять ю замужь братія, како си могутъ" (Русская Правда, изд. Н. Калачова, II, 89).

И такъ, выдѣлъ братьями незамужнимъ сестрамъ „изъ чести" нѣкоторой доли отцовской движимости не составляетъ въ собственномъ смыслѣ исключенія изъ правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ; но въ то же время выдѣлъ этотъ нельзя разсматривать и какъ явленіе совершенно случайное въ расчетливомъ вообще крестьянскомъ быту, именно благодаря тѣсной его связи съ нравственною обязанностію братьевъ снарядить сестеръ замужъ, наградивъ ихъ приданымъ по своему усмотрѣнію и достатку.

II) Слѣдующее затѣмъ уклоненіе отъ общепринятаго начала устраненія дочерей отъ участія въ раздѣлѣ наслѣдства послѣ отца при сыновьяхъ можно усмотрѣть въ тѣхъ показаніяхъ крестьянъ о равноправномъ наслѣдованіи дочерей и сыновей въ оставшемся послѣ отца движимомъ имуществѣ, которыя тамъ и сямъ, какъ бы случайно, попадаются въ трудахъ коммисіи и которыя по своему исключительному характеру нельзя пріурочить ни къ какой опредѣленной мѣстности (губерніи или уѣзду) въ значеніи преобладающаго въ ней обычая (*). Число этихъ показаній такъ ничтожно, что, пожалуй, можно было бы вовсе не упоминать о нихъ, еслибъ къ нимъ не примыкало другое правило о равноправномъ наслѣдованіи нисходящихъ обоего пола, которое, повидимому, имѣетъ болѣе общее значеніе. Мы говоримъ о тѣхъ случаяхъ, когда послѣ смерти отца

(*) I: 142 (Казачкинская вол. Шацкаго у., Тамбовской г.); II: 603 (Селинская вол. Клинскаго у., Московск. г.); IV: 174. 183 (Тарасовская и Кабанская вол. Купянскаго у., Харьковской губ.); V: 299 (Ольховецкая вол. Звенигородскаго у., Кіевской губ.).

остаются одни малолѣтнія дѣти и вслѣдствіе этого некому поддерживать хозяйство. При подобныхъ обстоятельствахъ оставшееся имущество въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ подвергается иногда продажѣ и вырученныя деньги по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія дѣлятся поровну между сыновьями и дочерьми (*).

Впрочемъ, случаи эти въ крестьянскомъ быту довольно рѣдки, такъ что въ общемъ слѣдуетъ признать, что начало равноправнаго наслѣдованія сыновей и дочерей осталось невыраженнымъ въ народно-обычномъ правѣ и не имѣетъ въ немъ никакой прочной основы (**).

III) Третья и послѣдняя группа случаевъ, составляющихъ изъятіе изъ общаго правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ, пред-

---

(*) I: 15. 21. 36. 58; IV: 119. 488.

(**) Въ литературѣ обычнаго права также встрѣчаются, хотя и рѣдко, указанія на равное участіе дочерей и сыновей въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства. *Г-нъ Даниленко* замѣчаетъ, что въ Литинскомъ уѣздѣ Подольской губерніи оставшійся послѣ отца капиталъ дѣлится поровну между неженатыми сыновьями и незамужними дочерьми (указ. соч. стр. 4). По словамъ г. *Тилощенкова* въ Казанской станицѣ на Дону родительское имущество дѣлится поровну между братьями и невыданными замужъ сестрами (стр. 170). Обычай этотъ однако далеко не составляетъ общаго правила для Области Войска Донскаго. *Г-нъ Никулинъ*, подробно описавшій юрид. обычаи казаковъ 2-го округа, вовсе не упоминаетъ о наслѣдованіи дочерей при сыновьяхъ. *Г-ну Харузину* въ однихъ мѣстностяхъ говорили, что сестры-дѣвушки получаютъ равную часть съ братьями, а въ другихъ мѣстахъ казаки утверждали, что сестра-дѣвушка получаетъ лишь то, что дадутъ ей братья на справу къ свадьбѣ,— „тѣмъ и будь довольна“ (Свѣдѣнія о казац. общинахъ на Дону, стр. 245). У татаръ Казанской губ. дочь изъ отцовскаго имѣнія получаетъ половинную часть сыновней доли (*П. Н—въ*. Народ. юрид. обычаи у татаръ Казанск. г.—Труды Каз. губ. ст. ком. 1869 г., вып. 3, стр. 27).

ставляетъ позднѣйшее наслоеніе въ обычномъ правѣ, обязанное своимъ происхожденіемъ вліянію дѣйствующаго закона.

По закону каждая дочь при живыхъ сыновьяхъ, т. е. сестра при братьяхъ, получаетъ изъ всего наслѣдственнаго имѣнія, какъ послѣ отца, такъ и послѣ матери, $^1/_{10}$ часть подвижимаго имущества и $^1/_8$ часть движимаго имущества или такъ называемую *указную часть* (т. X, ч. 1, ст. 1130).

Этой указной части въ нашемъ древнемъ правѣ не было (Русская Правда, Псковская судная грамота, Судебники); ничего подобнаго не существовало до послѣдняго времени и въ обычаѣ. Въ исторіи русскаго законодательства указная часть жены и дочери является сравнительно болѣе позднимъ продуктомъ развитія наслѣдственнаго права и относится къ той эпохѣ, когда послѣднее стало слагаться въ особое право служилыхъ людей Московскаго государства. Какъ извѣстно, указная часть опредѣлялась въ началѣ только изъ помѣстій. Именно, въ 1644 г. было рѣшено: вдовамъ побитыхъ на службѣ служилыхъ людей давать на прожитокъ изъ помѣстныхъ окладовъ мужей со ста четвертей по 20-ти четвертей; вдовамъ умершихъ въ походахъ— по 15-ти четвертей и вдовамъ умершихъ вообще на государевой службѣ—по 10-ти четвертей. Дочерямъ при этомъ было положено давать изъ помѣстій ихъ отцовъ половину противу вдовы. Это постановленіе вошло безъ измѣненія въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича, причемъ по Уложенію дочери пользовались своими помѣстьями до смерти, пострищенія въ монашество или до выхода замужъ. Послѣ соединенія помѣстій съ вотчинами, что окончательно воспослѣдовало въ царствованіе Петра I, императрица Анна Іоанновна, под-

твердивъ означенное соединеніе указомъ 17 марта 1731 г., приняла среднее количество четвертей за норму для выдѣла вдовѣ указной части уже изъ всего вообще недвижимаго имѣнія мужа и притомъ въ полную собственность. Такимъ образомъ вдовѣ было назначено 15 четвертей со ста или почти $^1/_7$ часть недвижимаго имущества мужа, а дочери, согласно началамъ помѣстной системы, вдвое менѣе этого количества, т. е. $7^1/_2$ четвертей или слишкомъ $^1/_{13}$ часть. Впослѣдствіи опредѣленіе наслѣдственныхъ частей четвертями было замѣнено долями и приняты круглыя цифры для супруговъ $^1/_7$, а для дочери $^1/_{14}$ часть. Что касается движимаго имущества, то размѣръ вдовьей доли былъ заимствованъ изъ грекоримскихъ законовъ. Въ 1628 г. было постановлено выдавать бездѣтнымъ вдовамъ изъ животовъ умершихъ мужей $^1/_4$ часть на прожитокъ. Восьмая доля дочери въ первый разъ была установлена упомянутымъ выше указомъ Анны Іоанновны, какъ видно, подъ вліяніемъ той же помѣстной системы, хотя въ послѣдней правило о полученіи дочерью вдвое меньшей доли противъ матери относилось собственно только къ недвижимымъ имуществамъ.

Таково было въ общихъ чертахъ развитіе у насъ института указной части, совершенно чуждаго правовому быту простаго народа, не владѣвшаго ни помѣстьями, ни вотчинами.

Въ обычномъ правѣ въ періодъ, предшествующій освобожденію крестьянъ и учрежденію для нихъ особыхъ волостныхъ судовъ (общее полож. ст. 93 и слѣд.), мы не встрѣчаемъ указанія на назначеніе дочерямъ послѣ отца или женѣ послѣ мужа какой-либо опредѣленной доли наслѣдства. Свѣдѣнія о наслѣдственныхъ обычаяхъ крестьянъ, относящіяся къ дореформенному ихъ быту,

можно найти у *Бѣляева, Калачова, Барыкова* и другихъ изслѣдователей народной юридической жизни (*). Всѣ указанные писатели согласно свидѣтельствуютъ, что по обычаю дочерямъ изъ отцовскаго наслѣдства никакой опредѣленной доли не полагается. Только съ учрежденіемъ волостныхъ судовъ впервые появляется въ обычномъ правѣ дробная величина, какъ показатель наслѣдственной доли лицъ женскаго пола, размѣромъ своимъ напоминающая законную, указную часть. Произошло это отъ того, что волостные суды къ наслѣдованію вдовы и дочери вмѣсто обычая начали стараться примѣнять законъ, причемъ самый способъ примѣненія опаго вол. судами доказываетъ только, что постановленія закона объ указной части совершенно чужды народу и весьма мало ему извѣстны. Обыкновенно дѣлается это такимъ образомъ: берется любая изъ означенныхъ въ законѣ дробей, опредѣляющихъ указныя части вдовы и дочери, притомъ безотносительно къ роду имущества, представляемаго этими дробями, и размѣръ выдѣляемой лицу женскаго пола, дочери или вдовѣ, наслѣдственной доли готовъ. Надѣлъ, однакоже, никогда не

(*) *И. Бѣляевъ*: „въ деревнѣ, у крестьянъ дочери при сыновьяхъ не признаются наслѣдницами отцовскаго имѣнія. При раздѣлѣ отцовскаго имѣнія между братьями сестры, хотя бы онѣ были еще не замужемъ и жили въ общемъ отцовскомъ домѣ, не получаютъ по народному закону никакихъ долей; онѣ остаются до замужества у того изъ братьевъ, который которую возьметъ“ (О наслѣд. безъ зав. по древ. русс. зак. 1858 г., стр. 33). *И. Калачовъ*: „крестьянскій обычай не признаетъ опредѣленной доли, которая бы слѣдовала дочери отъ отца или сестрѣ отъ братьевъ“ (Архивъ историко-юрид. свѣд. 1859 г., кн. 2.—Юрид. обычаи въ нѣкот. мѣстностяхъ стр. 23).—*Барыковъ*: „лица женскаго пола при родственникахъ мужескаго не получаютъ опредѣленной доли наслѣдства“ (Обычаи наслѣд. у госуд. крест.—Журналъ мин. госуд. им. 1862 г. № 9).

входитъ въ составъ этой доли, но строенія нерѣдко кладутся въ общую оцѣнку наслѣдственной массы, наравнѣ съ движимымъ имуществомъ. Стремленіе рѣшать дѣла о наслѣдованіи женщинъ, придерживаясь закона, возникло въ волостныхъ судахъ отчасти благодаря писарямъ законникамъ, но главнымъ образомъ подъ давленіемъ надзирающихъ за крестьянскимъ самоуправленіемъ правительственныхъ учрежденій (*). Въ одной мѣстности крестьяне прямо заявили членамъ волостной коммисіи, что они считаютъ по своему обычаю наслѣдниками послѣ отца исключительно сыновей и „очень имъ (крестьянамъ) горько, что теперь посредникъ заставляетъ, чтобы и дочки наслѣдовали, тогда какъ прежде тѣ получали только частицу имѣнія отъ милости братьевъ“ (VI: 590).

Сводя въ одно цѣлое весь имѣющійся въ трудахъ коммисіи матеріалъ о долевомъ преемствѣ дочерей при сыновьяхъ, мы получаемъ слѣдующую, весьма пеструю картину наслѣдованія. Одна дочь, а если ихъ нѣсколько, то всѣ дочери вмѣстѣ получаютъ при сыновьяхъ изъ наслѣдства послѣ отца $^1/_3$ [1]) или $^1/_4$ [2]), $^1/_5$ [3]), $^1/_7$ [4]), $^1/_8$ [5]) либо $^1/_{14}$ [6]) часть имущества, обыкновенно движимаго. Бываетъ также, что на долю каждой дочери выдѣляется по $^1/_8$ [7]) или по $^1/_{14}$ [8]) части того же имущества (**).

(*) Вліяніе мировыхъ посредниковъ, ихъ съѣздовъ и губернскихъ по крест. дѣламъ присутствій на волостную юстицію подробно разсмотрѣно *г. Оршанскимъ* въ его статьѣ „Народный судъ и народное право“ (стр. 17-37), а также въ статьѣ *г. Тютрюмова* „Крестьянскій судъ и начала народно-обычнаго права“, помѣщенной въ жур. Русское Богатство за 1883 г. № 9 (стр. 184 и слѣд.).

(**) 1) III; 234; V: 117. 335. 511; 2) II: 389; III: 2; IV: 13 257. 507. 511; V: 101. 419; VI: 41; 3) V: 335; VI: 577 № 3. 581 № 13; 4) I: 123. 213; III: 338; V: 60. 419. 492; VI: 205. 349.

Отсюда не слѣдуетъ, однакоже, заключать, чтобы сложившійся подъ вліяніемъ правительственныхъ органовъ крестьянскаго самоуправленія судебный обычай выдѣла дочерямъ при сыновьяхъ нѣкоторой, хотя и весьма различно опредѣляемой, доли отцовскаго наслѣдства могъ значительно поколебать общее правило объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія или, по меньшей мѣрѣ, имѣть значеніе серьезнаго уклоненія отъ этого начала въ пользу признанія за дочерьми самостоятельнаго права наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ. Волостные суды руководствуются закономъ въ вопросѣ о наслѣдованіи дочерей далеко не вездѣ, и кромѣ того самыя дѣла о наслѣдованіи не всегда доходятъ до разсмотрѣнія волостныхъ судовъ, но нерѣдко разбираются на сходахъ стариками, для приговоровъ которыхъ кассаціи не существуетъ.

Обыкновенно и сами волостные суды назначаютъ дочерямъ опредѣленную долю отцовскаго наслѣдства только въ извѣстныхъ случаяхъ, напр., когда дѣти послѣ смерти отца остаются малолѣтними и некому продолжать хозяйство: стало быть при отсутствіи взрослыхъ братьевъ, могущихъ взять къ себѣ сестеръ на попеченіе (VI: 577 № 3. 581 № 13); или когда мать дочерей, будучи второю женою умершаго ихъ отца, по несогласію съ пасынками, бываетъ принуждена удалиться вмѣстѣ съ дочерьми изъ дома покойнаго мужа (I: 315 № 62. 337 № 8. 393 № 2).

Помимо указанныхъ случаевъ волостные суды вообще довольно слабо и неохотно поддерживаютъ притязанія дочерей на отцовское наслѣдство при сыновьяхъ,

---

492. 620. 712; 5) I: 393 № 2; 6) I: 315 № 62. 337 № 8; III: 103. 338; 7) II: 11 № 40; 8) III: 13. 75. 79. 84. 91.

хотя бы требованія первыхъ были весьма умѣренныя. Напримѣръ, сестра проситъ объ истребованіи отъ брата суконнаго пальто, заявляя, что пальто досталось ей въ наслѣдство послѣ отца, и что у брата родительскаго имѣнія осталось болѣе чѣмъ на 200 руб. Волостной судъ хотя присудилъ пальто просительницѣ, но съ оговоркою, что если братъ не отдастъ сестрѣ пальто добровольно, то послѣдняя должна обратиться съ просьбою о выдѣлѣ себѣ законной части изъ отцовскаго наслѣдства въ мировыя судебныя установленія. По другому дѣлу двѣ сестры жаловались на брата, что онъ продалъ потомственный хуторъ за 100 руб. и не удѣляетъ имъ изъ этихъ денегъ ни копѣйки. Судъ обязалъ отвѣтчика уплатить сестрамъ по 3 руб. каждой (III: 170 № 2).

Если волостные суды и выдѣляютъ иногда дочерямъ при наличности сыновей нѣкоторую часть изъ оставшагося послѣ отца имущества, то это объясняется не столько представленіемъ о правѣ дочерей на участіе въ наслѣдствѣ, сколько фактическими обстоятельствами каждаго отдѣльнаго случая, требующими во имя справедливости принятія означенной мѣры. Напр., волостной судъ, имѣя въ виду, что братъ поступаетъ охотою въ солдаты и что сестра ничѣмъ изъ отцовскаго наслѣдства не воспользовалась, присуждаетъ ей домъ съ пристройкою, стоющій не болѣе 20 руб. Мотивъ этого рѣшенія понятенъ: если бы братъ продалъ домъ, уходя въ солдаты, то сестрѣ, пожалуй, и жить было бы негдѣ (III: 374 № 2). Въ другомъ рѣшеніи судъ обязываетъ брата выдѣлить сестрѣ немного скота и $^1/_6$ часть огорода, построивъ на немъ для сестры хату. Изъ обстоятельствъ дѣла видно, что братъ получилъ по наслѣдству отъ отца довольно значительное для крестьянина имущество, но пустился

въ неудачныя предпріятія, разстроилъ хозяйство, потомъ запьянствовалъ и наконецъ сталъ выгонять сестру изъ дома (V: 12 № 13).

Такимъ образомъ приведенные нами примѣры изъ практики волостныхъ судовъ показываютъ, что третья и послѣдняя группа случаевъ, представляющихъ изъятіе изъ общаго правила объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца при сыновьяхъ, составляетъ по существу дѣла не столько уклоненіе отъ означеннаго правила, сколько является суррогатомъ лежащей на братьяхъ, за смертью отца, обязанности давать сестрамъ пріютъ и содержаніе (*), если обязанность эта въ тѣхъ или другихъ случаяхъ не исполняется или не можетъ быть исполнена братьями.

Второму основному правилу наслѣдованія дочерей послѣ отца, состоящему, какъ извѣстно, въ томъ, что, за неимѣніемъ сыновей, отцовское наслѣдство получаютъ дочери, соотвѣтствуетъ вторая категорія изъятій.

Для правильнаго пониманія существующихъ въ этомъ отношеніи уклоненій необходимо имѣть въ виду описанную нами выше организацію семьи въ крестьянскомъ быту и ея значеніе, какъ хозяйственнаго союза.

Въ простой семьѣ, когда нѣтъ сыновей, семейное имущество послѣ смерти отца становится какъ бы выморочнымъ или безхозяйственнымъ, вслѣдствіе чего оставшееся наслѣдство, въ силу ближайшаго кровнаго родства, поступаетъ къ дочерямъ. Иной оборотъ принимаетъ дѣло въ сложной семьѣ. Здѣсь въ случаѣ смерти женатаго сына, не оставившаго по себѣ мужскаго потомства, не

(*) I: 391; II: 94. 135. 164. 178. 205. 256. 284. 331. 363. 377. 383. 385; III: 381. 387. 405. 441; IV: 25. 464. 488; V: 300. 319. 396; VI: 29. 195. 222. 258. 267. 305.

можетъ быть, собственно говоря, рѣчи о выморочности слѣдующей на его долю части общаго семейнаго имущества, ибо живъ отецъ умершаго, являющійся представителемъ этого имущества. Въ такой семьѣ кромѣ умершаго могутъ быть еще и другіе сыновья, женатые и холостые, такъ что продолжать семью и хозяйство вообще есть кому. Въ указанномъ случаѣ обычай ограничиваетъ право дочерей на полученіе по наслѣдству слѣдующей ихъ отцу части семейнаго имущества и даже вовсе не признаетъ за ними этого права, ибо цѣлое, т. е. семейное имущество можетъ дробиться лишь подъ условіемъ образованія новой семьи, какъ отпрыска изъ первоначальнаго корня, женщина же продолжать семьи не можетъ. Поэтому во многихъ мѣстностяхъ, по показанію крестьянъ, споха, т. е. жена неотдѣленнаго сына, оставшаяся послѣ смерти мужа съ однѣми дочерьми, ничего не получаетъ на нихъ изъ доли семейнаго имущества, слѣдующей покойному ихъ отцу (*), или же ей выдѣляется на содержаніе дочерей, по усмотрѣнію свекра, нѣкоторая, „не полная“, „малая“ часть мужниной доли (**), напр. немного хлѣба и скота (***). Въ случаѣ спора подлежащее выдѣлу имущество указывается вол. судомъ (****), который и здѣсь прибѣгаетъ также къ излюбленному имъ подобію указной части, назначая дочерямъ обыкновенно 1/7 часть движимаго имущества (*****).

Устраненіе дочерей отъ наслѣдованія послѣ отца,

(*) I: 205. 213. 224. 235. 242. 254. 280. 286. 294. 299. 505. 518; II: 164. 178. 220. 256. 353. 441; IV: 69. 96. 106; V: 52. 68. 88; VI: 234. 267. 591.

(**) I: 417. 442. 752; IV: 69. 96. 258; III: 189; V: 300; VI: 206. 410.

(***) II: 229. 284. 324. 363. 370; III: 381.

(****) II: 525 № 62. 647 № 1; V: 162. № 1.

(*****) I: 461. 465. 475; II: 13. 104; VI: 223. 628. 651.

хотя бы сыновей не осталось, наблюдается иногда и въ сводной семьѣ, причемъ по отношенію къ послѣдней такое ограниченіе наслѣдственныхъ правъ дочери объясняется уподобленіемъ сводной семьи семьѣ естественной. Сводная семья въ крестьянскомъ быту, какъ уже выше было замѣчено, имѣетъ значительное внѣшнее сходство съ естественной семьей. Въ ней, подобно тому, какъ и въ послѣдней, также имѣется общее хозяйство, общій имущественный фондъ, составляющій общую собственность входящихъ въ составъ ея отдѣльныхъ семей; есть также и представитель семьи, какъ хозяйственнаго союза, обыкновенно старшій по лѣтамъ родственникъ, которому поручается блюденіе общихъ хозяйственныхъ интересовъ. Немудрено поэтому, что и внутреннія отношенія въ сводной семьѣ складываются по образцу естественной семьи, а вмѣстѣ съ тѣмъ и вопросъ о наслѣдованіи дочерей пріобрѣтаетъ ту окраску, съ которой онъ является въ сложной натуральной семьѣ, причемъ общее имущество разсматривается въ этомъ случаѣ съ точки зрѣнія семейной собственности. Такимъ образомъ выработывается правило, что дочь не наслѣдуетъ отцу въ сводной семьѣ, когда имѣются на лицо братья наслѣдодателя, которые являются здѣсь какъ бы продолжателями семьи и хозяйства. Дочь въ этомъ случаѣ получаетъ изъ „отцовщины“ только малую часть на прокормленіе. „Зачѣмъ ей много, говорятъ крестьяне, пусть лучше къ хозяину идетъ“, т. е. пусть идетъ замужъ, а отцовское дѣло есть кому продолжать и безъ нея (*).

Не трудно замѣтить, что указанное изъятіе изъ втораго правила о наслѣдованіи дочерей послѣ отца на-

(*) I: 541. 613. См. также I: 399 № 27; VI: 267. 591. *П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 64.

ходится въ непосредственной связи съ семейными раздѣлами въ крестьянскомъ быту, причемъ взаимное отношеніе представляется обратнымъ, т. е. чѣмъ многочисленнѣе раздѣлы, тѣмъ рѣже случаи уклоненія отъ правила о полномъ преемствѣ дочерей послѣ отца и наоборотъ. Въ послѣднее время, начиная съ освобожденія крестьянъ, число раздѣловъ достигло огромныхъ размѣровъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, количество семейныхъ раздѣловъ за время съ 1861 г. по 1884 г. представляетъ весьма почтенную цифру 2.626.573 на 44 губерніи (*). Правительство, констатируя вредныя для крестьянъ послѣдствія, какъ въ экономическомъ, такъ и нравственномъ отношеніи, происходящія отъ столь ненормальнаго увеличенія семейныхъ раздѣловъ, рѣшило положить извѣстныя границы чрезмѣрной свободѣ раздѣловъ. Въ 1886 г. вышелъ законъ (**), имѣющій цѣлью ограничить эту свободу и упорядочить самое производство раздѣловъ, поставивъ таковое подъ надзоръ мировыхъ посредниковъ и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Съ точки зрѣнія наслѣдственнаго права, въ особенности по отношенію къ вопросу о наслѣдованіи дочерей послѣ отца, весьма важнымъ представляется правило, изложенное во 2 статьѣ помянутаго закона, по которому сельскій сходъ обязанъ, не приступая къ обсужденію заявленій о раздѣлѣ, прежде всего удостовѣриться, послѣдовало ли на испрашиваемый раздѣлъ согласіе ро-

---

(*) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, 4 апрѣля 1886 г.

(**) *Высочайше* утв. 18 марта 1886 г. мнѣніе госуд. совѣта о порядкѣ разрѣшенія семейныхъ раздѣловъ въ сельскихъ обществахъ, въ которыхъ существуетъ общинное пользованіе мірскою полевою землею.

дителя или *старшаго члена семьи*. Этимъ какъ бы узаконяется на будущее время существованіе въ крестьянскомъ быту сложной и сводной семьи, значительно поколебленное въ послѣднее время усиленнымъ стремленіемъ крестьянъ къ семейнымъ раздѣламъ; а мы видѣли, что обѣ означенныя формы семейно-хозяйственнаго быта одинаково неблагопріятны для наслѣдованія дочерей послѣ отца. Поэтому возможно что, при строгомъ примѣненіи новаго ограничительнаго закона о раздѣлахъ правило объ устраненіи дочерей отъ наслѣдованія снова получитъ болѣе широкое примѣненіе, въ смыслѣ распространенія предпочтительнаго права сыновей на отцовское наслѣдство передъ дочерьми также на другихъ членовъ семьи мужскаго пола, напр. братьевъ и племянниковъ наслѣдодателя, какъ это и было во время крѣпостнаго права у государственныхъ крестьянъ (*), которымъ закономъ воспрещено было дѣлиться безъ дозволенія подлежащаго начальства (**).

Мы съ намѣреніемъ нѣсколько долѣе остановились на изслѣдованіи вопроса о порядкѣ наслѣдованія дочерей въ крестьянскомъ быту въ виду того, что въ этомъ пунктѣ народныя юридическія воззрѣнія весьма рѣшительно расходятся какъ съ дѣйствующимъ правомъ, такъ въ особенности и съ тѣми измѣненіями въ

(*) *Барыковъ*. Обычаи наслѣд. у госуд. крестьянъ: „лица женскаго пола при родственникахъ мужескаго пола не получаютъ опредѣленной доли наслѣдства“.

(**) Св. зак. т. XII, ч. 2, уст. сел. суд. для госуд. крест. ст. 486: „кто, будучи *старшимъ* въ семействѣ, допуститъ оное раздѣлиться безъ надлежащаго дозволенія начальства, того употреблять на общественныя работы, а съ прочихъ членовъ семейства, виновныхъ въ самовольномъ раздѣлѣ, взыскивать по одному рублю съ человѣка, соединяя всѣхъ ихъ по прежнему въ одно семейство.“

нынѣшнемъ законномъ порядкѣ наслѣдованія лицъ женскаго пола, которыя желательно было бы ввести въ будущее гражданское уложеніе. Говоря такимъ образомъ, мы имѣемъ въ виду начало равноправности въ наслѣдованіи половъ, признаваемое всѣми важнѣйшими иностранными законодательствами.

Полученіе по нашимъ дѣйствующимъ законамъ дочерьми при сыновьяхъ, такъ называемой, указной части (ст. 1128 и 1130 т. X, ч. 1), равно какъ и совершенное устраненіе отъ наслѣдованія сестеръ при братьяхъ и ихъ потомствѣ въ боковыхъ линіяхъ (ст. 1135 т. X, ч. 1) едва ли могутъ найти для себя какое-либо оправданіе въ современныхъ условіяхъ жизни образованныхъ классовъ нашего общества. Сознаніе неумѣстности подобнаго неравенства наслѣдственныхъ правъ лицъ мужскаго и женскаго половъ проявилось уже въ ту эпоху, когда были окончательно установлены основныя положенія существующаго нынѣ законнаго порядка наслѣдованія, т. е. въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича (1628 г.). Но высшіе классы тогдашняго общества въ культурномъ отношеніи мало еще отличались отъ общенародной массы; а потому и начало предпочтенія въ наслѣдованіи мужскаго пола передъ женскимъ, имѣвшее свое оправданіе въ экономическомъ быту простаго народа, было удержано нашимъ законодательствомъ, не смотря на то, что въ общемъ оно все болѣе и болѣе проникалось представленіемъ о семьѣ, какъ о личномъ союзѣ, основывающемся на кровной родственной связи. Сохранившіяся по сіе время ограниченія въ наслѣдованіи лицъ женскаго пола не соотвѣтствуютъ подобному понятію семьи и обнаруживаютъ собою лишь оставшееся неизглаженнымъ противорѣчіе въ самомъ законѣ. Попытка уничтожить неравенство въ наслѣдованіи

обоихъ половъ была уже сдѣлана въ нашемъ законодательствѣ при обсужденіи проекта гражданскаго уложенія 1814 г. Общее собраніе государственнаго совѣта въ лицѣ десяти членовъ противъ тринадцати находило, что основательнѣе было бы допустить женскій полъ наслѣдовать съ мужскимъ въ равныхъ частяхъ (*). Хотя попытка эта не имѣла успѣха, какъ не суждено было воспріять силу и самому проекту гражданскаго уложенія, но тѣмъ не менѣе означенный прецедентъ даетъ основаніе надѣяться, что въ предстоящемъ гражданскомъ уложеніи начало равноправнаго наслѣдованія половъ получитъ, наконецъ, свое осуществленіе и будетъ послѣдовательно проведено въ законѣ, по крайней мѣрѣ по отношенію къ тѣмъ классамъ общества, въ которыхъ семья, имѣя значеніе чисто личнаго союза родственниковъ, не находится, какъ у крестьянъ, въ столь тѣсной связи съ особыми условіями экономическаго ихъ быта.

Въ народной жизни семейное единство все еще продолжаетъ опредѣляться не столько кровною связью, общностью происхожденія, сколько тождествомъ семейнаго авторитета и мѣстожительства, причемъ семья и хозяйство являются здѣсь почти синонимами. Въ соотвѣтствіи съ подобною организаціею семьи въ крестьянскомъ быту построена и система обычнаго порядка наслѣдованія. Система эта, какъ видно изъ предъидущаго, придерживается начала различія половъ по отношенію къ наслѣдованію, каковое различіе идетъ такъ глубоко, что нерѣдко захватываетъ собою не только личность наслѣдника, но и наслѣдодателя. Усвоенное исконно предпочтеніе въ наслѣдованіи послѣ отца сыновей передъ дочерьми проводится въ обычаѣ съ такою

(*) *С. В. Пахманъ.* Исторія кодификаціи гражд. права, т. 1, стр. 452, примѣчаніе.

настойчивостью и послѣдовательностью, что замѣна его другимъ, хотя и болѣе справедливымъ, съ отвлеченной точки зрѣнія, принципомъ равноправности половъ едва ли можетъ разсчитывать на успѣхъ, тѣмъ болѣе, что этому не благопріятствуютъ и самыя условія экономическаго строя крестьянской жизни. Допущеніе дочерей къ наслѣдованію послѣ отца наравнѣ съ сыновьями повлекло бы за собою еще большее раздробленіе мелкой крестьянской собственности и совершенно парализовало бы стремленіе правительства предупредить упадокъ крестьянскаго хозяйства путемъ ограниченія свободы семейныхъ раздѣловъ. Компромиссъ едва ли возможенъ даже по отношенію къ движимому имуществу, такъ какъ самая движимость въ крестьянскомъ быту въ большинствѣ случаевъ такого рода, что раздѣлъ оной, при отсутствіи избытка, неминуемо долженъ повлечь за собою разстройство и упадокъ хозяйства. Вообще говоря, строгое проведеніе начала равноправности половъ въ наслѣдованіи справедливо и умѣстно тамъ, гдѣ семья является лишь отвлеченнымъ представленіемъ извѣстнаго вида родовой связи, но оно не соотвѣтствуетъ своей цѣли коль скоро семья, какъ у крестьянъ, имѣетъ значеніе конкретнаго союза опредѣленнаго числа лицъ, тѣсно сплоченныхъ между собою единствомъ семейнаго авторитета, тождествомъ мѣстожительства, общностью хозяйственныхъ интересовъ и взаимною отвѣтственностью въ уплатѣ податей и другихъ повинностей.

Ограничивая права дочерей въ наслѣдованіи семейнымъ имуществомъ согласно условіямъ и требованіямъ экономическаго строя, народно-обычное право тѣмъ не менѣе успѣло выработать особыя мѣры, обезпечивающія положеніе дочерей и удовлетворяющія естественному чувству обыкновенной справедливости. Мѣры эти за-

ключаются съ одной стороны въ обязанности братьевъ доставлять сестрамъ пріютъ и содержаніе, а также заботиться о выдачѣ сестеръ замужъ, а съ другой стороны въ предоставленіи дочерямъ предпочтительнаго передъ сыновьями права наслѣдованія въ материнскомъ имуществѣ.

Такимъ образомъ въ общемъ положеніе дочерей въ случаѣ смерти отца по обычному праву не только не хуже, но пожалуй, выгоднѣе, нежели въ дѣйствующемъ законѣ (*), а потому и не имѣетъ особенной нужды въ своемъ измѣненіи посредствомъ законодательства.

Что касается *наслѣдованія сыновей*, то по обычаю сыновья вездѣ считаются ближайшими наслѣдниками послѣ отца (**), причемъ, оставшееся имущество дѣлится между ними поголовно на равныя части (***). Сыновья

(*) См. *Н. Калачовъ.* Юридическіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.

(**) I: 48. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 130. 204. 224. 235. 242. 254. 261. 275. 280. 285. 294. 299. 339. 391. 417. 425. 435. 442. 456. 461. 465. 475. 487. 500. 505. 518. 523. 541. 560. 572. 579. 606. 613. 624. 642. 665. 676. 695. 727. 751. 814; II: 33. 71. 94. 219. 284. 352. 363. 370. 385. 414. 453. 460. 479. 488; III: 178. 196. 211. 310. 319. 326. 357. 361. 405. 441; IV: 3. 9. 69. 90. 96. 106. 113. 252. 271. 296. 306. 316. 324. 464. 471; V: 3. 48. 60. 68. 73. 81. 93. 101. 108. 114. 120. 202. 284. 310. 319. 322. 383. 396. 418. 499; VI: 19. 29. 44. 51. 54. 123. 195. 222. 258. 262. 267. 301. 305. 312. 352. 357. 364. 402. 404. 410. 456. 586. 590. 596. 602. 628. 636. 666. См. также прим. на стр. 120.

(***) I: 3. 12. 15. 21. 36. 38. 48. 59. 77. 85. 95. 102. 117. 124. 130. 134. 160. 174. 175. 185. 204. 224. 235. 242. 254. 261. 275. 280. 285. 294. 299. 391. 417. 425. 435. 442. 451. 456. 461. 465. 475. 487. 500. 505. 518. 523. 541. 572. 579. 613. 624. 642. 665. 676. 695. 727. 751; II: 61. 71. 129. 135. 205. 219. 229. 284. 322. 331. 363. 370. 385. 414. 603; III: 117. 130. 145. 151. 161. 169. 178. 211. 301. 310. 319. 323. 326. 376. 381. 405. 411. 441; IV: 69. 90. 144. 237. 252. 272. 296. 306. 316; V: 16. 38. 48. 73.

отъ разныхъ матерей, т. е. единокровные, но не единоутробные, наслѣдуютъ послѣ отца одинаково (*). Малолѣтніе обыкновенно получаютъ равную долю съ совершеннолѣтними (**). Это послѣднее правило подтверждаетъ собою то начало обычнаго права, по которому участіе въ раздѣлѣ семейнаго имущества зависитъ не отъ степени затраченнаго членомъ семьи труда, но отъ принадлежности къ семьѣ. Дѣйствительно, во многихъ

---

87. 101. 114. 120. 141. 177. 278. 310; VI: 258. 262. 267. 275. 312. 357. 364. 395. 402. 404. 410. 456. 492. 586. 666. 712. 723. *Н. Костровъ*: „между сыновьями по смерти отца имущество дѣлится поровну“ (стр. 44).—*И. Дерюжневъ*: „сыновья имѣютъ право на равное между собою наслѣдство“ (стр. 123).—*В. Тарновскій*: „сыновья раздѣляютъ имѣніе поровну“ (стр. 42).—*И. Ефименко*. Сборникъ: „сыновья получаютъ равныя части и потому дѣлятъ поголовно“ (стр. 64).—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „по смерти отца дѣти производятъ дѣлежъ скотомъ и землею поровну, зерновой же хлѣбъ дѣлится по душно“ (стр. 699).—*М. Харузинъ*: „братья имѣютъ равное право на родительское имущество. . . . На уплату долговъ оставляютъ часть имущества или же „прикидываютъ“ старшему брату на его долю скотину или хлѣба, а онъ уже самъ расплачивается“ (стр. 244).—*Н. Н—чъ*. Народ. юрид. обычаи у татаръ Каз. губ: „когда семейные по смерти отца не желаютъ сохранить общность имущества, оно дѣлится поровну между сыновьями“ (Труды Каз. стат. комитета, вып. 3. 1869 г., стр. 27).

(*) I: 318 № 13. 337 № 8. 413 № 7. *М. Арнольдовъ*. Отъ Симбирска до Погаткина: „дѣти отъ обоихъ браковъ имѣютъ равныя имущественныя права“ (Симб. губ. вѣд. 1868 г. № 46).—*П. Никулинъ*: „дѣти, происходящія отъ одного отца и разныхъ матерей, единокровныя, имѣютъ одинаковое участіе въ наслѣдствѣ“ (Донская газета, 1876 г. № 45).—*О юрид. обычаяхъ нѣкот. слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ*: „дѣти отъ перваго и втораго брака, по одного отца пользуются совершенно одинаковыми правами“ (Донск. област. вѣд. 1875 г. № 38).

(**) I: 413 № 7; V: 4 № 4. 166 № 39. 485 № 28. 525. 539; VI: 646.

мѣстностяхъ крестьяне показали, что отцовское наслѣдство дѣлится поровну между сыновьями независимо отъ того, въ какой мѣрѣ они участвовали въ пріобрѣтеніи имущества (*), и что сыновья, жившіе на сторонѣ и не высылавшіе своего заработка въ домъ, тѣмъ не менѣе наслѣдуютъ наравнѣ съ сыновьями, жившими при отцѣ и работавшими на семью (**).

Таковы общія правила наслѣдованія сыновей послѣ отца. Отсюда обычай допускаетъ нѣкоторыя уклоненія, которыя могутъ быть сведены къ двумъ категоріямъ, а именно: одни изъ изъятій касаются случаевъ устраненія отъ наслѣдованія, другія же относятся къ неравенству наслѣдственныхъ долей; первыя объясняются началами семейнаго права, а послѣднія обычаями, принятыми при раздѣлахъ общаго имущества (***).

(*) II: 164. 178. 229. 256. 284. 323. 352. 363. 370. 385; VI: 357. *В. Майновъ.* Очеркъ юрид. быта мордвы: „при дѣлежѣ имущества не принимается никогда въ расчетъ то обстоятельство, кто болѣе потрудился въ пользу дома. . . .“ (стр. 175).

(**) I: 261. 275. 280. 286. 294; II: 219. 471. 479; IV: 90; VI: 51. 54. 349. 352. 628.

(***) *С. В. Пахманъ* насчитываетъ 9 изъятій изъ общаго правила о равномѣрномъ наслѣдованіи сыновей послѣ отца (Обыч. гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 221—227). Въ наше изложеніе не входятъ 5, 6 и 7-ое изъ указываемыхъ г. Пахманомъ изъятій и вотъ почему. Въ 5-омъ изъятіи рѣчь идетъ о полученіи большей доли наслѣдства тѣмъ изъ сыновей, который приметъ на себя уплату за отца податей (IV: 119) и сдѣланныхъ имъ долговъ (I: 158 № 2. 413 № 7), но это отступленіе, какъ видно изъ приведенныхъ рѣшеній, основывается на взаимномъ соглашеніи наслѣдниковъ и потому относится не къ наслѣдованію, а къ раздѣламъ. Изъятіе 6-ое, въ силу котораго больше дается тому сыну, который достойнѣе другихъ, согласно замѣчанію самого автора „Обычнаго права“, не есть изъятіе въ собственномъ смыслѣ, а само по себѣ составляетъ правило въ тѣхъ, весьма немногихъ,

Первое изъятіе изъ правила о наслѣдованіи сыновей послѣ отца касается тѣхъ изъ нихъ, которые были выдѣлены отцомъ при жизни, какъ объ этомъ подробно было говорено при разсмотрѣніи вопроса о юридическомъ значеніи выдѣла въ народномъ быту. Здѣсь слѣдуетъ замѣтить, что не во всѣхъ мѣстностяхъ начало устраненія отдѣленныхъ сыновей отъ участія въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства дѣйствуетъ съ одинаковою строгостью. Есть мѣстности, гдѣ сынъ, не получившій никакого имущества при отдѣлѣ отъ семьи, наслѣдуетъ отцу наравнѣ съ неотдѣленнымъ сыномъ (IV: 422 № 15— Полт. г., Кобел. у., Озер. в.), въ другихъ же мѣстностяхъ, напротивъ, отдѣлившіеся сыновья вообще устраняются отъ наслѣдованія, независимо отъ полученія или неполученія ими при этомъ части семейнаго имущества (III: 442; VI: 48). Это послѣднее правило вполнѣ соотвѣтствуетъ началу, высказанному еще въ Псковской судной грамотѣ: „ажо сынъ отца или матерь не скормитъ до смерти, а пойдетъ изъ дому, части ему не взять.“

Такъ какъ отдѣлъ сына можетъ послѣдовать помимо родительской воли, то въ тѣхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ

впрочемъ, мѣстностяхъ, гдѣ, по показанію крестьянъ, никакихъ обычаевъ относительно распредѣленія наслѣдства не существуетъ и гдѣ подобнаго рода дѣла рѣшаются „глядя по человѣку“ и сообразаясь съ круговой порукой (III: 21. 31. 58. 67. 301. 326. 441). Наконецъ 7-ое изъятіе заключается въ предоставленіи „дѣдовскаго“ имѣнія старшему сыну (maiorat). Не говоря уже о томъ, что показаніе, на которомъ основывается это изъятіе, дано всего лишь въ одной волости (IV: 247—Серпуховск. в. Полт. г. и у.), есть основаніе полагать, что здѣсь мы имѣемъ дѣло не съ обычаемъ, а съ отраженіемъ бывшаго закона, по которому семейные участки у государственныхъ крестьянъ переходили въ полномъ составѣ къ старшему изъ законныхъ наслѣдниковъ домохозяина (св. зак. т. XII, уст. о благоуст. въ каз. сел., ст. 115).

отдѣлившіеся сыновья не устраняются безусловно отъ наслѣдованія, самовольный отдѣлъ сына влечетъ за собою лишеніе наслѣдства (IV: 655 § 34. Сводъ юрид. об. Полт. губ.).

Послѣдствіемъ самовольнаго оставленія семьи объясняются, повидимому, и тѣ показанія крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, въ которыхъ было заявлено, что отъ наслѣдованія послѣ отца устраняются сыновья, жившіе на сторонѣ и не доставлявшіе своего заработка въ домъ (*). Въ самомъ дѣлѣ, одинъ лишь фактъ недоставленія сыномъ въ семью заработковъ (которыхъ могло и не быть) не можетъ самъ по себѣ служить основаніемъ для устраненія такого сына отъ наслѣдованія, ибо для этого необходимо, чтобы виновный вообще пересталъ быть членомъ семьи. Слѣдовательно, все здѣсь зависитъ отъ того, какъ смотрятъ на означенное обстоятельство, т. е. на невысылку заработковъ, остальные члены семьи и прежде всего глава семейства—отецъ. Послѣдній могъ вовсе не требовать высылки заработковъ, зная, напримѣръ, что „отсутствующій самъ терпитъ убытки отъ своего дѣла“ (I: 294).

Равнымъ образомъ, въ случаѣ смерти отца, его наслѣдники не вправѣ устранить такого сына отъ участія въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства, ибо „помогалъ ли отсутствующій семьѣ или нѣтъ, про то зналъ отецъ“ (I: 275).

Иное дѣло, если сынъ ушелъ на сторону самовольно, безъ согласія отца (**), и не высылалъ своихъ

(*) I: 205. 235. 254. 642; II: 390. 407. 430. 453. 460; IV: 96. 106. 113. 324; V: 48. 52. 60. 68. 73. 87. 101. 279; VI: 41. 48. 195. 364. 402. 410. 591. 596. 636.

(**) I: 606—„сынъ, работавшій на сторонѣ и не помогавшій семьѣ, не устраняется отъ наслѣдства, если ушелъ изъ дому не самовольно, а по приказанію отца“.

заработковъ на семейныя нужды, не смотря на обращенныя къ нему требованія, равно какъ и самъ не возвращался домой, вопреки приказанію отца (*).

Такой сынъ по справедливости можетъ считаться самовольно отдѣлившимся отъ семьи и посему теряетъ право на участіе въ раздѣлѣ семейнаго имущества послѣ смерти отца.

Иллюстраціей къ подобному объясненію показаній крестьянъ объ устраненіи отъ наслѣдованія послѣ отца сыновей, не высылавшихъ своихъ заработковъ въ домъ, можетъ послужить еще слѣдующее рѣшеніе волостнаго суда. Отецъ заявилъ суду, что онъ хотя и отпустилъ сына въ Петербургъ, но не считаетъ его отдѣленнымъ и потому проситъ обязать сына высылать отцу по 15 руб. въ годъ. Судъ постановилъ: взыскивать съ сына, проживающаго въ Петербургѣ, по 15 руб. въ годъ и въ случаѣ смерти отца считать его наслѣдникомъ къ имуществу (III: 254 № 20). Слѣдовательно, если-бы въ данномъ случаѣ сынъ не исполнилъ требованія отца о высылкѣ заработка, то могъ бы быть лишенъ наслѣдства, какъ самовольно отдѣлившійся, вопреки отцовской волѣ.

Выдѣломъ изъ семьи объясняется также устраненіе отъ наслѣдованія въ семейномъ имуществѣ *сыновей солдатъ*.

При прежнихъ продолжительныхъ срокахъ военной службы и необязательности для солдата по окончаніи оной избрать родъ жизни (св. зак. т. V, уст. о податяхъ, ст. 348), солдатъ разсматривался въ крестьянскомъ быту какъ отдѣлившійся членъ семьи (солдатъ, по

(*) II: 125 № 24—въ случаѣ невысылки заработанныхъ денегъ, отецъ вправѣ потребовать, чтобы отпущенный на сторону сынъ возвратился въ семью.

пословицѣ, отрѣзанный ломоть), и во многихъ мѣстностяхъ не получалъ изъ отцовскаго наслѣдства никакой доли (*), тѣмъ болѣе, что съ поступленіемъ въ рекруты семья обыкновенно давала солдату денежное *награжденіе* (**), что и составляло своего рода выдѣлъ. Но со времени изданія закона 15-го іюня 1867 г. юридическое положеніе сыновей солдатъ въ крестьянскомъ быту значительно измѣнилось, какъ это можно заключить изъ показаній самихъ же крестьянъ (***).

Въ силу закона 1867 г. съ поступленіемъ новобранца на службу связь его съ семьей и сельскимъ обществомъ, къ которому онъ принадлежалъ, не прерывается (прилож. къ 141 ст. общ. полож., ст. 1), такъ что съ увольненіемъ въ отставку или въ безсрочный отпускъ солдатъ снова вступаетъ въ пользованіе всѣми принадлежащими ему въ сельскомъ обществѣ правами и въ томъ числѣ правомъ участія въ пользованіи отведенною въ надѣлъ обществу мірскою землею на одинаковомъ съ прочими членами общества основаніи (ст. 18). Оставаясь лично свободными отъ уплаты сборовъ на земскія повинности (ст. 7), отставные сол-

(*) I: 235. 242; II: 309. 409; V: 48. 52. 68. 73. 93. 101. 108; VI: 41. *Бирюковъ.* Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ. *П. С. Ефименко.* Сборникъ, стр. 53—56. *Чубинскій.* Очеркъ, стр. 698. *Ѳ. К—въ.* О нар. юрид. обычаяхъ въ Царево-кокшайскомъ уѣздѣ.—Труды Казанск. ст. комит. вып. 1, 1869 г., стр. 23.

(**) III: 136 № 44; VI: 15. *П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 54. Свящ. *А. Преображенскій.* Волость Покрово-Сицкая, Яросл. г., Моложск. уѣзда. (Этногр. сборникъ геогр. общ. 1853 г., вып. 1, стр. 98).

(***) V: 114—„москали (солдаты) по обычаю ничего не получали, по законъ заставляетъ имъ давать съ братьями равную часть.“ II: 390—„солдаты по суду никогда не получаютъ части, но это относится только до тѣхъ, которые сданы до изданія закона о сохраненіи за солдатами послѣ возвращенія со службы всѣхъ правъ и преимуществъ.“

даты несутъ прочія обязанности членовъ сельскаго общества наравнѣ съ остальными крестьянами.

Соотвѣтственно этому закону измѣнился и прежній взглядъ крестьянъ на солдатъ, какъ на отдѣленныхъ членовъ семьи, чему много способствовало также значительное сокращеніе сроковъ военной службы. Въ настоящее время можно признать за общее правило, что солдаты въ крестьянскомъ быту наслѣдуютъ послѣ отца наравнѣ съ прочими сыновьями (*) и подобно послѣд-

(*) I: 205. 254. 275. 280. 286. 299. 318 № 13. 406 № 2. 462 № 4. 541. 572. 613. 642. 727. 751; II: 94. 316 № 103. 336 № 29. 344 № 19. 430. 453. 460. 464. 471. 479. 603; III: 112 № 44. 220. 234. 245. 310; IV: 54 № 3. 72 № 19. 196 № 14. 422 № 15. 468 № 17; V: 34 № 4. 70 № 2. 95 № 15. 178 № 4. 270 № 10. 279. 284. 290. 347 № 11. 348 № 1. 419. 485 № 28. 516. 520 № 20. 525. 532. 548 № 5; VI: 51. 54. 119 № 8. 138 № 41. 410. 456. 486. 489 № 12. 511. 566 № 5. 596. 602. 628. 636. 642 № 27. *П. Костровъ.* Юрид. обычаи крест. старожиловъ Томской губ., стр. 33; *Неизвѣстный авторъ* статьи, помѣщенной въ Воронежскомъ Телеграфѣ за 1874 г. № 25: „сынъ солдатъ, пришедши домой со службы, всегда имѣетъ право требовать свою часть изъ отцовскаго имѣнія. . . .“ —*П. Чубинскій.* Очеркъ: „въ Малороссіи солдатъ получаетъ изъ того имущества, которое осталось послѣ смерти родителей, а если по возвращеніи со службы застаетъ родителей въ живыхъ, то присоединяется къ нимъ, или же отдѣляется“ (стр. 699).— *Его же.* Краткій очеркъ: „сынъ, отбывающій воинскую повинность, получаетъ при раздѣлѣ равную съ другими часть; кромѣ того братья обязаны ему по возвращеніи отдать отцовскую хату или построить новую. Ему выдѣляется часть изъ всего имущества, хотя пріобрѣтеннаго послѣ его ухода въ солдаты и даже изъ всего наличнаго, если братья еще не раздѣлились; если же раздѣлились, то только изъ отцовскаго“ (Труды этногр. стат. экспед. въ западно-русскій край, т. VI, стр. 49).—*А. Износковъ.* Обычаи горныхъ черемисъ: „отставные солдаты, ихъ жены и дѣти пользуются наслѣдствомъ по праву родства въ одинаковой мѣрѣ съ крестьянами“ (Памят. кн. Каз. губ. на $18^{68}/_{69}$ годъ, стр. 88).—*В. Майновъ.* Очеркъ юрид. быта мордвы: „Мокша считаетъ солдата равно-

нимъ, при полученіи части надѣла, обязываются платить за умершаго отца подати (I:628 № 7; V: 70 № 2).

Во время отбыванія солдатомъ воинской повинности слѣдующая ему часть отцовскаго наслѣдства остается во владѣніи его братьевъ или предоставляется кому-либо одному изъ нихъ или же берется въ опекунское управленіе впредь до возвращенія солдата со службы (*). Братья солдата, во владѣніе которыхъ поступила слѣдующая ему часть отцовскаго наслѣдства, должны сохранять и поддерживать означенное имущество, а за пользованіе онымъ уплатить солдату соотвѣтствующее вознагражденіе, исключая пользованія душевымъ надѣломъ, такъ какъ таковое соединяется съ отбываніемъ всѣхъ лежащихъ на земельномъ участкѣ повинностей (**).

Наконецъ, тѣ немногія указанія нашихъ источниковъ объ устраненіи отъ наслѣдованія сыновей непокорныхъ, лѣнивыхъ, бродягъ (***) сводятся въ сущности также къ выдѣлу изъ семьи, какъ о томъ было уже говорено въ своемъ мѣстѣ.

Вторая категорія изъятій, соотвѣтствующая правилу о равномѣрномъ наслѣдованіи сыновей послѣ отца, находится въ тѣсной связи съ существующими въ крестьянской средѣ обычаями раздѣла семейнаго имущества. Получающееся при этомъ нѣкоторое неравенство наслѣдственныхъ долей сыновей большею частію есть впѣш-

---

правымъ членомъ семьи; только у Эрзи солдатской части не имѣется, да и то со временемъ, вслѣдствіе краткости срока службы, придется измѣнить въ этомъ отношеніи народный обычай и выдѣлять солдату его долю“ (стр. 189).

(*) I: 318 № 13; IV: 468 № 17; V: 485 № 28. Срав. ст. 20, п. 2. прилож. къ ст. 114 общ. полож. (св. зак. т. IX особ. прил.).

(**) I: 318; III: 48 № 5; IV: 468 № 17.

(***) V: 87. 93. 108.

нято, а не внутренняго свойства, такъ какъ обыкновенно выдѣлъ одному изъ сонаслѣдниковъ большей доли противу другихъ обусловливается или извѣстными обязанностями, которыя возлагаются на такого наслѣдника и отъ которыхъ освобождаются прочіе наслѣдники, или же полученіе имъ большей доли составляетъ справедливое вознагражденіе за его попеченіе и услуги, оказанныя наслѣдодателю при жизни. Сюда принадлежитъ, во первыхъ, тотъ случай, когда, по показаніямъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, большую долю отцовскаго наслѣдства получаетъ тотъ изъ сыновей, который имѣлъ попеченіе объ отцѣ въ старости и послѣ смерти похоронилъ его (IV: 252; V: 342). Приращеніе здѣсь наслѣдственной доли сына объясняется тѣмъ, что часть имущества, оставляемая обыкновенно отцомъ себѣ на прожитокъ по раздѣлѣ сыновей, идетъ по обычаю почти всегда въ пользу того сына, у котораго отецъ проживалъ передъ смертію (I: 186 № 11), и разсматривается какъ вознагражденіе за содержаніе отца при жизни и за похороны его послѣ смерти (IV: 513 № 6; V: 311 № 19) (*).

(*) *И. Тимощенковъ*: „если родители, раздѣливъ дѣтей и взявъ часть имущества на себя, жили потомъ съ однимъ какимъ-нибудь изъ нихъ и при смерти не сдѣлали никакого распоряженія на счетъ своего имущества, то его наслѣдуетъ тотъ, кто ихъ докормилъ“ (стр. 169).—*М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „часть, которую себѣ оставилъ отецъ при раздѣлѣ съ сыновьями, онъ можетъ завѣщать передъ смертію, кому захочетъ. Если же онъ распоряженія никакого не сдѣлалъ, то она идетъ тому, кто его докормилъ, а остальныя дѣти на нее никакого права не имѣютъ и требовать раздѣла такого имущества считается даже за тяжкій грѣхъ. Но въ другихъ мѣстностяхъ казаки сообщали, что сыны отцовскую часть дѣлятъ поровну, если отецъ не оставилъ распоряженія“ (стр. 237).—*П. Ефименко*. Сборникъ: „если уже послѣ раздѣла дѣтей умретъ отецъ, тогда

Во вторыхъ, нѣсколько большая доля дается при раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства тому изъ сыновей, который принимаетъ на свое попеченіе сестеръ—„ему на сестру хлѣба, а по состоянію глядя и скотинку дадутъ“ (*). Но такое увеличеніе доли брата, принявшаго къ себѣ сестеръ, зависитъ отъ того, что на немъ уже лежитъ обязанность содержать сестеръ и выдать ихъ замужъ, снабдивъ по мѣрѣ возможности приданымъ.

Такимъ образомъ въ обоихъ указанныхъ случаяхъ неравенство сыновнихъ долей представляется мнимымъ и въ сущности не противорѣчитъ общему правилу о равномѣрномъ раздѣлѣ между сыновьями отцовскаго наслѣдства, будучи лишь практическимъ примѣненіемъ означеннаго правила къ частнымъ случаямъ.

Подобное же значеніе имѣетъ, повидимому, и тотъ довольно распространенный въ крестьянскомъ быту обычай, по которому отцовскій домъ предоставляется при раздѣлѣ наслѣдства *младшему сыну* (**).

имущество его дѣлается неотъемлемою принадлежностью сына или сыновей, у которыхъ онъ жилъ и умеръ“ (стр. 66).—*П. Чубинскій.* Очеркъ: „платье родителей достается тому, у кого они жили до смерти, и кто ихъ кормилъ и похоронилъ“ (стр. 699).—*В. Майновъ.* Очеркъ: „неравенство паевъ сыновей можетъ произойти по той причинѣ, что отецъ выдѣляетъ пай и себѣ на старость... и передаетъ этотъ пай тому изъ сыновей, къ которому онъ переходитъ жить; часть эта находится, пока живъ старикъ, только лишь въ управленіи пріютившаго сына и достается ему въ собственность только послѣ смерти отца. ..“ (стр. 180—181).

(*) I: 541. 613. 665. 667. 751; II: 229. 324. 377. 383; III: 310; VI: 54. 123. 410. 456. *П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 64.

(**) I: 541. 560. 572. 606. 642. 727; II: 94. 135. 205; III: 310; IV: 29. 258. 324; V: 3. 6. 16. 33. 38. 177. 393. 418. *Н. Костровъ:* „домъ остается за младшимъ братомъ“ (стр. 44).—*Сенц. А. Борисовскій:* „домъ есть собственность младшаго сына“ (Нижег. Сбор. т. 3., стр. 317).—

Обычай этотъ весьма древняго происхожденія и уже намѣченъ въ постановленіи Русской Правды: „а дворъ безъ дѣла отень всякъ меньшому сынови“ (Текстъ Русской Правды, изд. Н. Калачова, II § 94).

Въ настоящее время указанный обычай находится въ тѣсной связи съ предварительнымъ выдѣломъ изъ семьи старшихъ сыновей. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, какъ напримѣръ въ Кіевской и Екатеринославской губерніяхъ, отецъ обыкновенно выдѣляетъ всѣхъ сыновей, кромѣ младшаго (V: 67. 72. 82. 93. 101. 108. 114. 419).

Выдѣляемые получаютъ только движимое имущество, земля же, по обыкновенію, остается въ общемъ владѣніи (V: 101). Младшій сынъ живетъ при отцѣ и считается наслѣдникомъ отцовскаго двора (V: 108. 177. 419).

Подобный же обычай наблюдается и въ другихъ мѣстностяхъ—«младшій сынъ съ отцовскаго корня никогда не сходитъ» (*).

Свящ. Селезневъ: „по обычаю, издавна заведенному, при раздѣлѣ отцовскаго имѣнія младшій изъ братьевъ остается въ прежнемъ домѣ, а старшій выходитъ и строитъ домъ новый“ (Этногр. свѣдѣнія о Рязанск. губ., стр. 11).—*П. Ефименко*. Сборникъ: „близъ Холмогоръ младшему брату обыкновенно идетъ *окладное бревно*, т. е. нижній этажъ дома, какъ болѣе прочный и теплый, потому что съ нимъ преимущественно остается жить мать. . . . На Зимнемъ берегу, при дѣлежѣ, достается, по праву, малому домъ, а большому конь“ (стр. 61 и 62).—*Наблюд. мир. посредника о нѣкот. обыч. у крест. Полт. г. Кременч. уѣзда*: „ у казаковъ существуетъ правило, что отцовскій домъ наслѣдуетъ меньшой сынъ“ (Основа за 1862 г. февраль, стр. 25).—*П. Чубинскій*. Очеркъ: „двіръ (отцовскій домъ, изба или усадьба) идетъ всегда меньшому сыну“ (стр. 693).—*А. Износковъ*: „домъ, оставшійся послѣ отца, достается большею частію младшему брату. . . “(Обычаи горныхъ черемисъ, стр. 73).

(*) I: 542. 560; II: 205; III: 305. *И. Лядовъ*: „большею частію

Такимъ образомъ, за выдѣломъ старшихъ сыновей, младшій сынъ является единственнымъ наслѣдникомъ отцовскаго имущества, что понятно само собою. Если здѣсь и возникаетъ нѣкоторое неравенство наслѣдственныхъ долей сыновей въ пользу меньшаго сына, то это достается ему недаромъ. На немъ лежитъ обязанность содержать при жизни отца и покоить старуху мать, которая въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ признается пожизненною владѣлицею мужнина дома (V: 6). Кромѣ того младшій сынъ въ указанномъ случаѣ обыкновенно беретъ на свое попеченіе и незамужнихъ сестеръ (I: 560. 642). Если же предварительнаго выдѣла старшихъ сыновей при жизни отца сдѣлано не было, то отцов-

---

бываетъ такъ, что старшій сынъ и слѣдующіе за нимъ братья, когда захотятъ отдѣлиться отъ отца, получаютъ изъ отцовскаго имущества незначительную часть. Домъ же и всѣ къ нему пристройки, большею частію, переходятъ къ меньшому сыну, съ которымъ обыкновенно остаются жить родители" (Ежегодникъ Владимірск. ст. комит. т. 1, вып. 2, 1877 г., стр. 83).—*Неизвѣстный авторъ* статьи: О юрид. обыч. нѣкот. слободъ Черкасск. и Міусск. округовъ—„по смерти родителей дѣти дѣлятся (впрочемъ у хохловъ въ обычаѣ дѣлиться и при жизни родителей). Дѣти беруть равныя части; домъ долженъ остаться меньшому, если живъ отецъ и мать. По смерти ихъ все бывшее у родителей переходитъ къ младшему брату" (Донск. област. вѣдом. 1875 г. № 27).—*В. Магнитскій*. Очеркъ юрид. быта чувашъ Ядринскаго, Козьмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ:„ сначала выдѣляется старшій сынъ, которому строятъ общими силами домъ съ необходимыми при немъ службами, снабжаютъ необходимымъ скотомъ, возвращая приданое съ прибылью, домъ. Точно также выдѣляется второй сынъ и третій, а младшій-за нѣкоторыми исключеніями, остается въ отцовскомъ домѣ, которымъ и наслѣдуетъ по смерти родителей" (Казанск. г. в. 1868 г. № 93).—У мордвы, по словамъ *г. Майнова*, предоставленіе дома тому или другому сыну вполнѣ зависитъ отъ отца, и онъ оставляетъ его тому изъ сыновей, котораго больше любитъ (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 182—183).

скій домъ отходитъ къ младшему сыну обыкновенно не безвозмездно. Младшій братъ обязанъ въ этомъ случаѣ оказать прочимъ братьямъ помощь въ устройствѣ новыхъ избъ (II: 205; V: 154. 278. 284. 290. 294. 299. 311. 331) или уплатить имъ $^1/_3$, либо $^1/_2$ стоимости отцовскихъ построекъ (*).

Такимъ образомъ полученіе младшимъ сыномъ большей доли изъ отцовскаго наслѣдства сравнительно съ прочими сыновьями уравновѣшивается до извѣстной степени съ одной стороны лежащими на немъ, по обычаю, обязанностями по отношенію къ остающимся на его попеченіи членамъ семьи (отецъ, мать, сестры), а съ другой стороны уплатою вознагражденія старшимъ братьямъ за предпочтительное пріобрѣтеніе на свой пай отцовскаго дома, что согласно вообще съ обычаями, принятыми въ крестьянскомъ быту при семейныхъ раз-

(*) V: 310. 322. 335. *Свящ. Котырло*: „если въ семействѣ два или три брата женатыхъ, то одинъ изъ нихъ или два отдѣляются, особенно, если въ семействѣ нѣтъ согласія. Обыкновенно отдѣляется старшій братъ. Если бы по смерти родителей осталось въ семействѣ только два брата, то право оставаться на отцовскомъ мѣстѣ въ домѣ отца принадлежитъ младшему. Предварительно отдѣла общими силами братья строятъ старшему избу и прочія необходимыя хозяйственныя постройки, а послѣ отдѣляютъ ему долю имущества, равную съ долею прочихъ братьевъ“ (Могилевскія губ. вѣд. 1868 г. № 3, часть неоф.).—*М. В. Бравинъ*: „если семья дѣлится послѣ смерти отца, то, по крестьянскому обычаю, изба съ усадомъ (усадьбой) переходитъ всегда къ младшему сыну, а старшій наслѣдуетъ деньги, оставшіяся послѣ отца, и все движимое имущество, по продажѣ котораго онъ долженъ выселиться на другую усадьбу“ (Нижегородскій Сборникъ т. V, 1875 г., стр. 170).—*В. Майновъ*: „бываетъ, что тому изъ сыновей, кто остался безъ дома, всѣ остальные обязуются выстроить домъ, причемъ отецъ наблюдаетъ, чтобы обязательство это непремѣнно было выполнено“ (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 182).

дѣлахъ. Именно, если у семейства имѣется только одинъ домъ (изба, хата), въ которомъ оно живетъ, то таковый, при раздѣлѣ, не раздробляется въ натурѣ («не разрывается на части»), но остается или въ общемъ владѣніи впредь до постройки кѣмъ-либо изъ дольщиковъ общаго имущества новаго дома, причемъ иногда назначается и самый срокъ, въ который должна быть окончена постройка, или же домъ берется за себя однимъ которымъ-нибудь пайщикомъ съ обязанностію вознаградить остальныхъ деньгами или другимъ имуществомъ соразмѣрно оцѣночной стоимости дома (*).

Представленный нами анализъ довольно разнообразныхъ на первый взглядъ уклоненій отъ общаго правила о равномѣрномъ наслѣдованіи сыновей въ семейномъ имуществѣ даетъ, повидимому, основаніе заключить, что обычному праву въ сущности извѣстно одно только дѣйствительное и характеристическое изъятіе изъ общаго порядка наслѣдованія сыновей. Именно, устраненіе отъ наслѣдованія отдѣленныхъ сыновей. Сравнивая съ этой точки зрѣнія положенія обычнаго права и дѣйствующаго закона, мы находимъ между ними какъ нѣкоторое сходство, такъ и существенное различіе. Сходство заключается въ томъ, что въ обѣихъ системахъ наслѣдованія сыновья наслѣдуютъ послѣ отца одинаково, т. е. въ равныхъ доляхъ, по крайней мѣрѣ такъ въ принци-

(*) I: 617 № 28; III: 42 № 42; II: 347 № 35; V: 70 № 2. *П. Ефименко.* Сборникъ:„ домъ, по примѣрной оцѣнкѣ стоимости его самими раздѣляющимися, идетъ въ раздѣлъ только въ томъ случаѣ, когда большее число участниковъ въ дѣлежѣ выходитъ на особыя усадьбы. Въ этомъ случаѣ остающіеся въ домѣ выдаютъ прочимъ расходящимся, по взаимному соглашенію и расчету, извѣстную сумму денегъ или имущества, вдругъ или съ теченіемъ времени“ (стр. 61).

пѣ и по обычному праву. Различіе же относится главнымъ образомъ къ вопросу объ устраненіи отъ наслѣдованія. Въ обычномъ правѣ единственнымъ основаніемъ къ устраненію отъ наслѣдованія является выдѣлъ изъ семьи, по какимъ бы причинамъ онъ не послѣдовалъ; поэтому то народный обычай и не даетъ намъ особыхъ постановленій о лишеніи наслѣдства по недостойности, такъ какъ эта роль въ извѣстныхъ случаяхъ исполняется выдѣломъ. Иначе въ писанномъ правѣ. Какъ въ нашемъ, такъ и въ иностранныхъ законодательствахъ выдѣлъ и лишеніе наслѣдства представляютъ собою два различныя понятія. Выдѣлъ самъ по себѣ не влечетъ устраненія отъ наслѣдованія, какъ въ обычномъ правѣ, но предполагаетъ только со стороны выдѣленнаго обязанность учета полученнаго имъ по выдѣлу имущества съ долями прочихъ наслѣдниковъ. Что же касается института лишенія наслѣдства, то, будучи совершенно чуждымъ обычному праву, онъ весьма слабо развитъ и въ дѣйствующемъ законѣ, но въ послѣднемъ отсутствіе особыхъ по этому предмету опредѣленій не представляется ощутительнымъ, благодаря широкой свободѣ завѣщательныхъ распоряженій, чего, какъ извѣстно, обычное право не допускаетъ.

II. Наслѣдованіе особыхъ членовъ семьи.

Вслѣдъ за изложеніемъ наслѣдованія нисходящихъ надлежитъ разсмотрѣть порядокъ наслѣдованія тѣхъ лицъ, которыя нерѣдко входятъ въ составъ крестьянской семьи «на правахъ родныхъ дѣтей», каковы *пасынки, пріемыши, зятья и незаконнорожденныя дѣти*. Наслѣдованіе всѣхъ этихъ случайныхъ, особыхъ членовъ семьи представляетъ такъ много общаго, что для обзора онаго нѣтъ особенной надобности разсматривать

наслѣдственныя права каждой группы этихъ лицъ порознь, такъ какъ въ большинствѣ случаевъ правила, касающіяся одной какой-либо группы, равномѣрно относятся и къ другимъ. Для избѣжанія повтореній мы позволимъ себѣ также не называть каждую отдѣльную группу соотвѣтствующимъ ей именемъ—пасынки, пріемыши, зятья, незаконнорожденные, но разумѣть ихъ всѣхъ подъ однимъ общимъ терминомъ—«особыхъ членовъ семьи», равно какъ и употреблять по отношенію къ наслѣдодателямъ вмѣсто различныхъ наименованій: естественнаго или пріемнаго отца, вотчима, тестя, одно общее названіе—«главы семейства» (*).

(*) Въ вопросѣ о наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи лица женскаго пола, какъ въ качествѣ наслѣдниковъ, такъ и наслѣдодателей, особеннаго значенія не имѣютъ, ибо с одной стороны наслѣдственная роль лицъ женскаго пола въ обычномъ правѣ вообще весьма незначительна, а съ другой стороны принадлежность къ семьѣ съ ея послѣдствіями опредѣляется обыкновенно извѣстнымъ отношеніемъ къ лицу мужскаго пола, какъ главному представителю семейнаго авторитета.—*Ѳ. К—въ:* „право усыновленія принадлежитъ только лицамъ мужскаго пола“ (стр. 24).—*П. Никулинъ:* „право усыновленія принадлежитъ больше мужчинамъ“ (Донск. газ. 1876 г. № 41).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „право усыновленія принадлежитъ старшимъ въ семействѣ. . .“ (стр. 53).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „усыновляетъ казакъ-хозяинъ; жена при мужѣ не можетъ самовольно усыновлять“ (стр. 86).—*Неизв. авторъ* статьи: О юрид. обычаяхъ нѣкот. слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ—„и женщина можетъ взять пріемыша, но отдѣльно отъ мужа она никогда не можетъ взять пріемыша“ (Донск. област. вѣд. 1875 г. № 27).—*І. Износковъ.* Обычаи горныхъ черемисъ: „право усыновленія предоставляется какъ мужчинамъ, такъ и женщинамъ, когда послѣднія вдовы“ (стр. 71).—*М. Харузинъ.* Очерки юрид. быта народностей Сарапульскаго у. Вятской губ.: „женщина самостоятельно усыновлять можетъ только, когда она вдова или вообще хозяйка. При мужѣ она не можетъ усыновлять по собственному желанію самостоятельно“ (стр. 26).—*В. Майновъ.* Очеркъ юрид.

Основаніемъ права наслѣдованія особыхъ членовъ семьи, какъ и для прочихъ ея членовъ, является принадлежность къ семьѣ и кромѣ того договоръ, въ смыслѣ особаго условія, заключаемаго вступающимъ въ семью постороннимъ лицомъ съ представителемъ семейной власти о наслѣдованіи послѣ него.

О договорномъ наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи было говорено выше; здѣсь же необходимо подробнѣе остановиться на другомъ основаніи наслѣдованія, т. е. на принадлежности къ семьѣ. Нельзя сказать, чтобы принадлежность эта, вытекающая, какъ извѣстно, изъ подчиненія всѣхъ членовъ семьи стоящему во главѣ ея лицу, въ силу естественнаго происхожденія отъ него, была вообще такъ же очевидна по отношенію къ особымъ членамъ семьи, какъ она очевидна тамъ, гдѣ между главою семьи и членами ея существуетъ кровная связь. Отсюда слѣдуетъ, что принадлежность къ семьѣ особыхъ членовъ, открывающая имъ путь къ наслѣдованію послѣ смерти главы семейства, должна опредѣляться какими-нибудь особыми распознавательными признаками или условіями, выступающими въ замѣну естественнаго факта происхожденія отъ родоначальника семьи.

Послѣдователи трудоваго начала въ обычномъ наслѣдственномъ правѣ выставляютъ, въ значеніи внѣш-

---

быта мордвы: „право на усыновленіе принадлежитъ не исключительно одному мужчинѣ, а и женщинѣ, если она глава семьи или же имѣетъ разрѣшеніе на подобное усыновленіе отъ хозяина дома“ (стр. 148). Принятіе незаконнорожденнаго въ семью или признаніе его также зависитъ вполнѣ отъ главы семейства.—*М. Харузинъ* Свѣдѣнія: „если казачка родила ребенка во время полевой службы мужа, то послѣдній, возвратившись, воленъ признать его или не признать за своего. Въ первомъ случаѣ ребенокъ воспитывается наравнѣ съ остальными дѣтьми, во второмъ случаѣ онъ отдается на вскормленіе чужимъ“ (стр. 91—92).

няго основанія для участія особыхъ членовъ семьи въ раздѣлѣ наслѣдства, общій семейный трудъ; но мы видѣли, что трудъ самъ по себѣ не устанавливаетъ въ крестьянскомъ быту права наслѣдованія, а даетъ только право на вознагражденіе.

Нельзя также вполнѣ согласиться и съ мнѣніемъ *С. В. Шахмана*, будто въ большинствѣ случаевъ особые члены семьи наслѣдуютъ у крестьянъ наравнѣ съ родными и законными дѣтьми безъ всякихъ особыхъ условій (Обычное гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 275—284). Правда, весьма многія показанія крестьянъ даютъ поводъ къ такому заключенію, но въ этомъ, какъ намъ кажется, повинна болѣе редакція этихъ показаній, нежели самая сущность дѣла (*). Если признать при-

(*) Въ трудахъ коммиссіи почти всѣ подобныя показанія записаны по одному и тому же шаблонному манеру, т. е. слишкомъ общо, слишкомъ кратко и слишкомъ неопредѣленно. Въ видѣ примѣра приведемъ показанія, помѣщенныя въ III и VI томахъ трудовъ коммиссіи: „пасынки, пріемыши и незаконнорожденные получаютъ наравнѣ съ родными сыновьями“ (III: 2. 13. 79. 84. 92. 104. 387); „пасынки, пріемыши и пригульныя дѣти получаютъ равныя части наслѣдства съ законными дѣтьми“ (VI: 29. 57. 205. 263. 301. 456. 586). Подобнаго же рода показанія крестьянъ приводятся и въ другихъ томахъ (I: 560. 572. 606. 613. 624; II: 164. 178. 488; IV: 96; V: 499). Упомянутыя показанія касаются трехъ категорій особыхъ членовъ семьи: пасынковъ, пріемышей и незаконнорожденныхъ, но есть и такія, которыя относятся къ двумъ или только къ одной группѣ означенныхъ лицъ, съ опущеніемъ другихъ, причемъ самая редакція показаній тождественна съ предъидущей. Таковы, напримѣръ, показанія, касающіяся пасынковъ и пріемышей (I: 456; II: 229. 370; III: 117. 129. 169; VI: 54. 195. 312. 322. 357. 410), пасынковъ и незаконнорожденныхъ (I: 505. 523) или однихъ только пасынковъ (I: 275. 280. 294. 299; II: 407. 414. 441. 453. 460. 464), однихъ пріемышей (I: 48. 59. 95. 102. 117. 124. 130. 134. 142. 160. 174. 175. 185; II: 33. 66. 71; III: 323. 326. 357; IV: 119. 183. 212. 503. 521), однихъ зятьевъ (I: 3. 142.

веденное мнѣніе правильнымъ, то пришлось бы допустить, что въ крестьянскомъ быту пасынки, приведенные въ семью ихъ матерью, накапунѣ смерти вотчима, наслѣдуютъ одинаково съ сыновьями послѣдняго, или что подкидышъ, взятый въ домъ изъ сострадания, можетъ участвовать въ раздѣлѣ наслѣдства наравнѣ съ родными дѣтьми принявшаго по той лишь причинѣ, что онъ нѣкоторое время былъ призрѣваемъ семьей. Въ дѣйствительности этого, однакоже, не бываетъ (*). Далѣе, какимъ образомъ согласовать

---

160. 185; II: 219; V: 88. 108. 114). Слѣдуетъ замѣтить, что столь же неопредѣленныя записи о наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи и въ частности незаконнорожденныхъ встрѣчаются иногда также въ литературѣ обычнаго права.—*Свящ. А. Борисовскій.* Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ Нижегородскаго уѣзда: „незаконнорожденныя дѣти считаются наравнѣ съ законными“ (Нижегородскій Сборникъ, 1870 г., т. 3, стр. 317).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „усыновленныя, равно какъ и незаконнорожденныя дѣти мужскаго пола имѣютъ равную часть во всемъ общемъ имуществѣ“ (стр. 53). —*Неизв. авторъ* статьи: О юрид. обычаяхъ нѣкоторыхъ слободъ и пр.—„дѣти отъ разныхъ отцовъ и одной матери получаютъ тоже равную часть“ (не ясно послѣ отца или послѣ матери).

(*) По словамъ г. *Калачова*, подкидыши, если они вырастаютъ въ домѣ какъ чужіе, и по достиженіи совершеннолѣтія могутъ надѣяться лишь на милость и помощь вскормившихъ хозяевъ за свое сиротство, безотвѣтность и радѣніе (Юрид. обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.—Архивъ историко-юрид. свѣдѣній И. Калачова, 1859 г., кн. 2, стр. 18). Положеніе такихъ воспитанниковъ въ крестьянской семьѣ бываетъ иногда довольно грустное. „Во многихъ зажиточныхъ семьяхъ, говоритъ г. *Бравинъ*, берутъ сироту Христа ради, но при этомъ сирота часто пользуется только квартирой, содержаніе же имѣетъ свое, выручая его сборомъ подаянія. Милостыню рѣдко подаютъ деньгами, но въ кускѣ хлѣба не отказываютъ; этотъ хлѣбъ и служитъ часто единственной пищей сироты до 9-10 лѣтъ, когда семьѣ, его пріютившей, удастся пристроить мальчика къ какой-либо работѣ“ (Нижегородскій Сборникъ,

положеніе о безусловномъ наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи съ столь же часто встрѣчающимися показаніями крестьянъ о безусловномъ устраненіи этихъ лицъ отъ наслѣдованія. Объяснять это явленіе существующею будто бы въ обычномъ правѣ двойственностію началъ, едва ли возможно, такъ какъ тамъ, гдѣ извѣстное положеніе въ одномъ случаѣ безусловно принимается, а въ другомъ случаѣ столь же безусловно отвергается, слѣдуетъ признать скорѣе полное безначаліе, а не двойственность началъ. Различіе мѣстностей тутъ не причемъ, ибо показанія, о которыхъ идетъ рѣчь, встрѣчаются одинаково во всѣхъ мѣстностяхъ, которыя были изслѣдованы коммисіей. Да и самая двойственность началъ обычнаго права наслѣдованія представляется весьма гадательной. До сихъ поръ мы подобной двойственности не встрѣчали, исключая развѣ различія въ наслѣдованіи половъ, которое дѣйствительно яркою полосою проходитъ по всему наслѣдственному праву крестьянъ. Въ разсматриваемомъ же случаѣ мы имѣемъ дѣло съ наслѣдованіемъ лицъ одинаковаго пола.

т. V, стр. 162). Вообще въ обычномъ правѣ положеніе подкидыша, воспитанника изъ милости, отличается отъ положенія пріемыша, а это доказываетъ, что одного факта пребыванія въ семьѣ не всегда достаточно для пріобрѣтенія принятымъ въ семью равныхъ правъ съ дѣйствительными членами семьи.—*И. Никулинъ*. Народные юрид. обычаи казаковъ 2-го округа: „тѣ пріемыши, которые приняты лишь на воспитаніе, получаютъ только то, что дадутъ имъ по доброй волѣ“ (Донская газета, 1876 г. № 45).—*М. Харузинъ*: „отъ усыновленнаго („воспріемный сынъ“, „покормленникъ“) мѣстные крестьяне отличаютъ подкидыша... Если въ семьѣ принявшаго есть свои родныя дѣти, то подкидышъ не отождествляется съ ними...“ (Очерки юрид. быта народностей Сарапульскаго у. Вятской г., стр. 24-25).

По нашему мнѣнію, причина недоразумѣнія кроется ближе всего въ редакціи отзывовъ крестьянъ, на которыхъ построено заключеніе о безусловномъ наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи. Редакція эта по своей крайней общности (*) до такой степени противорѣчитъ свойственной обычному праву конкретности, что ея неточность и неполнота становится очевидной, въ особенности при сравненіи съ другими показаніями крестьянъ о томъ же предметѣ. Поэтому, оставляя въ сторонѣ означенные отзывы, какъ недостаточные и свидѣтельствующіе лишь о допущеніи въ извѣстныхъ мѣстностяхъ особыхъ членовъ семьи къ наслѣдованію наравнѣ съ родными дѣтьми, мы обратимся за разъясненіемъ самыхъ условій наслѣдованія означенныхъ лицъ къ другимъ, имѣющимся въ нашемъ распоряженіи даннымъ.

Строго говоря, такъ называемые особые члены крестьянской семьи не составляютъ необходимой принадлежности послѣдней. Обыкновенно это случайныя, постороннія для семьи лица и связь ихъ съ таковою большею частію внѣшняя, формальная. Это отражается и въ народномъ воззрѣніи. Пасынки не родство, а посторонніе въ семействѣ, говорятъ крестьяне. Они приведены въ семью со стороны; отсюда названія: приведенныя, сведенныя, приводныя дѣти, звидинята, сведенцы (**). Зятья принимаются въ домъ обыкновенно по условію, въ особенности, если въ семьѣ есть сыновья,

(*) См. примѣчаніе на стр. 171.

(**) I: 313; IV: 3; V: 141. *И. Тимощенковъ*: „сведенныя дѣти никогда не считаются принадлежащими къ семейству. Дѣти, приведенныя матерью къ вотчиму, составляютъ что-то чужое въ семействѣ“ (Общественный бытъ и народ. обычаи Казанской станицы, стр. 170).—*В. Матвѣевъ*: „пасынокъ въ семьѣ втораго мужа своей матери—какъ бы чужой, имѣющій свое особое имущество“ (Очерки народ. юрид. быта Самарск. губ., стр. 25).—*И. Даниленко*. Народно-юридическіе обычаи и проч., стр. 2.

и положеніе ихъ въ послѣднемъ случаѣ бываетъ иногда весьма невыгодное и необезпеченное (*).

Даже незаконнорожденные, которые по своему естественному происхожденію могли бы считаться въ семьѣ своими, представляются, по народному воззрѣнію, чуждыми семьѣ и приносящими ей извѣстнаго рода безчестье, какъ это видно изъ самыхъ наименованій незаконнорожденныхъ дѣтей въ народѣ (**).

(*) *С. В. Пахманъ*: „вообще, болѣе или менѣе, вошло въ обыкновеніе принимать зятьевъ въ домъ по письменному условію: безъ письменнаго вида, на одну совѣсть никто жить не пойдетъ“ (Обыч. гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 201).—*М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „пріемъ въ зятья въ большинствѣ случаевъ сопровождается условіемъ . . . Въ зятья идутъ неохотно, ибо положеніе „зятя принятаго“ плохо, въ особенности въ семьѣ „большой“ (т. е. въ такой, гдѣ сыновья женаты) . . .; въ большой семьѣ зять почти всегда въ загонѣ: на него взваливаютъ самую трудную работу, мало отличая его отъ простаго работника. Положеніе зятя характеризуется народомъ въ слѣдующихъ поговоркахъ: „зятнина шуба всегда подъ лавкой,“ „большое мѣсто зятя въ углу, гдѣ рогачи ставятъ“ . . .; по смерти тестя зятя не рѣдко тѣснятъ дѣти покойнаго . . . .; впрочемъ, если по смерти отца шурья не даютъ ему ничего, то зять можетъ требовать уплаты за года его работы въ семьѣ“ (стр. 88, 90, 91).—*П. Матвѣевъ*. Очерки: „положеніе зятя-влазеня различно, смотря потому, есть ли у принявшаго его тестя сыновья, или нѣтъ: если есть, то онъ никакой доли, по обычному праву, въ имуществѣ дома не имѣетъ и если ему что даютъ, то изъ милости, обыкновенно при жизни тестя, по смерти котораго ему пришлось бы отойти изъ семьи съ однимъ крестомъ“ (стр. 24).

(**) *П. Даниленко*: „незаконнорожденныя дѣти называются *байструками*; они не имѣютъ никакого значенія въ семействѣ, ни въ обществѣ и даже устраняются отъ семейныхъ совѣщаній“ (стр. 4).—*В. Ю. (Юрловъ)*. Описаніе пригородныхъ селеній Симбирскаго уѣзда: „незаконнорожденныя дѣти преслѣдуются постоянно насмѣшками и ихъ часто зовутъ даже *оборотнями*; они считаются совершенно посто-

Въ древнемъ нашемъ правѣ какъ незаконнорожденныя, такъ и сводныя дѣти (пасынки и падчерицы) устранялись отъ наслѣдованія: первыя въ имуществѣ природнаго отца, вторыя въ имуществѣ вотчима. „Аже

ронними въ семействѣ" (Симбирскія губ. вѣд. 1868 г. № 70).—По словамъ г. *Тимощенкова*, незаконнорожденные, подобно сведеннымъ дѣтямъ, не считаются принадлежащими къ семейству и представляютъ что-то чужое въ семействѣ (Общественный бытъ и народ. обычаи Казанской станицы.—Труды обл. войска Донск. стат. комит. 1874 г. вып. 2, стр. 170).—Незаконнорожденные, сказано въ Сборникѣ г. *Ефименко*, со дня рожденія до смерти, бываютъ въ презрѣніи у сосѣдей и не называются иначе, какъ „*сколотокъ*" „*петрухичъ*", если отецъ у него былъ Петръ и т. п. (Сборникъ нар. юрид. обычаевъ Архангельск. губ., стр. 53).—Кромѣ упомянутыхъ выше названій незаконнорожденныхъ дѣтей, мы находимъ еще другія, не менѣе характеристическія, въ трудахъ волостной коммисіи. По показаніямъ крестьянъ незаконнорожденные называются *пригульными*, *зазорными*, *журавыми*, *гулевыми*, *приблудными* дѣтьми (I: 313; VI: 29 и др.). *М. Харузинъ* собралъ цѣлый лексиконъ прозвищъ незаконныхъ дѣтей у казаковъ, одно другаго язвительнѣе и позорнѣе: *найденный*, *найдакъ*, *находный*, *подтынникъ*, *подкрапивникъ*, *приблудный*, *прибыльной*, *падалица*, *пріобрѣтенный*, *выблядокъ*, *безотецкій сынъ*, *материнъ сынъ*, *выпоротокъ* (Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 91). Повидимому, наиболѣе употребительнымъ выраженіемъ для обозначенія незаконнорожденныхъ у казаковъ служитъ слово „падалица," такъ какъ оно приводится и г. *Никулинымъ* въ его Очеркѣ нар. юрид. обычаевъ донскихъ казаковъ 2-го округа (Донская газета, 1876 г. № 40). Въ дополненіе къ этой некрасивой терминологіи приведемъ еще нѣкоторыя названія незаконнорожденныхъ изъ статьи „Прозвища незаконнорожденныхъ," помѣщенной въ № 6-мъ Судебной Газеты за 1883 г., и заимствованныя большею частію изъ толковаго словаря Даля и Опыта областнаго великорусскаго словаря. Названія эти слѣдующія: *безотцовщина*, *выблюдокъ*, *выгонокъ*, *женимищъ*, *жировой*, *заугольщъ*, *половинкинъ сынъ*, *похотель*, *приблуда*, *ублюдень*, *чурка*. Грубыя и злыя слова, грубая и злая рѣчь не служитъ еще доказательствомъ злобы и безсердечія, замѣчаетъ авторъ выше-

будутъ робьи дѣти оу мужа, говоритъ Русская Правда, то задници имъ не имати . . . Аже будутъ двою мужу дѣти, а одиноѣ матери, то онѣмъ своего отца задница, а онѣмъ своего“ (*).

упомянутой статьи, г-нъ Z, но не обнаруживаетъ также снисходительности и добросердечія, прибавимъ мы отъ себя. Вообще, по нашему мнѣнію, нельзя игнорировать прозвища незаконнорожденныхъ при обсужденіи юридическаго положенія означенныхъ лицъ въ народномъ быту. Если пословица или поговорка часто весьма мѣтко очерчиваетъ то или другое правовое отношеніе, то прозвище, прилагаемое къ лицу, является какъ бы вывѣской общественнаго положенія этого лица и вмѣстѣ съ тѣмъ его семейныхъ и наслѣдственныхъ правъ. . . . . .

(*) Текстъ Русской Правды, изд. Н. Калачова, II §§ 92 и 97. По мнѣнію *И. Д. Бѣляева*, Русская Правда не дѣлаетъ различія въ порядкѣ наслѣдованія между законными и незаконными дѣтьми. Устраненіе отъ наслѣдованія послѣ отца дѣтей рабыни объясняется по его словамъ, древнимъ обычаемъ, занесеннымъ въ Русскую Правду со временъ язычества, когда, при существованіи многоженства, дѣтямъ свободной женщины могло оказываться извѣстное предпочтеніе въ наслѣдованіи передъ дѣтьми, происходившими отъ рабыни (О наслѣд. безъ завѣщ. по древ. русс. законамъ, стр. 34—35). Но какое значеніе могъ имѣть подобный языческій обычай въ эпоху составленія пространной Правды при распространеніи христіанства и сильномъ вліяніи церкви? Если древній языческій обычай и сохранился въ законѣ, то во всякомъ случаѣ практическій смыслъ его долженъ былъ значительно измѣниться соотвѣтственно новымъ условіямъ жизни. Поэтому есть основаніе допустить, что „робьи дѣти“ лишались отцовскаго наслѣдства не отъ того, что происходили отъ несвободной жены (?), а потому, что были дѣтьми рабыни-наложницы, т. е. незаконнорожденными (см. *Неволинъ*. Исторія росс. гражд. законовъ, т. 3, стр. 352). По Уложенію Алексѣя Михайловича, которымъ завершился періодъ развитія всего нашего древняго писаннаго права, дѣти наложницы самымъ положительнымъ образомъ устраняются отъ наслѣдованія послѣ отца, хотя бы онъ со временемъ женился на ихъ матери. „А буде тотъ, кто у наложницы прижилъ, на ней женится, ему того дитяти

Начало устраненія означенныхъ лицъ отъ наслѣдованія послѣ главы семейства осталось и въ народно обычномъ правѣ. Во многихъ мѣстностяхъ крестьянами были даны показанія, что незаконнорожденныя и приведенныя дѣти, т. е. пасынки и падчерицы, изъ наслѣдства послѣ природнаго ихъ отца либо послѣ вотчима ничего не получаютъ (*). Пасынки и падчерицы берутъ только иму-

---

въ законныя дѣти не причитати и помѣстій и вотчинъ его тому дитяти не давати, потому что онъ то дитя прижилъ беззаконно, до женидьбы" (ст. 280).

(*) I: 205. 213. 262. 276. 313. 451. 456; II: 324; III: 244; V: 335; VI: 19. 41. 223. 636 (незаконнорожденные).—I: 205. 213. 262. 313. 371. 457 № 3. 410 № 23; II: 61; IV: 3. 14. 29. 258. 267. 296; V: 73. 142; VI: 41. 195. 211. 294. 305. 636 (пасынки).—I: 213. 235. 242. 275. 280. 286. 294. 299. 313; II: 390. 430; IV: 96. 113; V: 73. 94. 101. 108. 114. 142. 499; VI: 648 (падчерицы). По одному дѣлу о духовномъ завѣщаніи, составленномъ бездѣтнымъ наслѣдодателемъ въ пользу пасынковъ, помимо роднаго брата, вол. судъ постановилъ: „духовное завѣщаніе, какъ написанное на право пользованія лицамъ не принадлежащимъ, считать недѣйствительнымъ" (V: 526 февр. 18; см. также I: 410 № 23).—*Н. Костровъ*: „вообще роль дѣтей незаконнорожденныхъ въ крестьянскихъ семействахъ достойна полнаго сожалѣнія. Они обыкновенно остаются на попеченіи матери безъ всякаго участія въ этомъ со стороны отца. Если отецъ ихъ прикроетъ грѣхъ матери и впослѣдствіи времени женится на ней, *то они пользуются наслѣдствомъ только тогда, когда онъ самъ назначитъ его при жизни*; въ противномъ случаѣ они пользуются *только со стороны матери*" (стр. 32).—*Н. Даниличенко*: „въ наслѣдствѣ незаконнорожденные принимаютъ малое участіе и получаютъ только то, *что имъ назначатъ законныя дѣти* (стр. 4).—*В. Ю. (Юрловъ)*: „незаконнорожденные считаются совершенно посторонними въ семействѣ и не наслѣдуютъ никакой собственности" (Симб. губ. вѣд. 1868 г. № 70).—*П. Никулинъ*: „незаконнорожденные или, какъ ихъ называютъ, падалица, при отцѣ и безъ отца части не получаютъ, а если выйдетъ почтителенъ, то мать даетъ часть" (Донская газета, 1876 г. № 40).—По словамъ

щество, принесенное въ домъ ихъ матерью при выходѣ замужъ за вотчима (I: 254. 262. 286; II: 390. 407. 414. 430. 441. 453. 460; IV: 272. 360. 316; V: 38. 48. 52. 60. 68; VI: 622 № 6).

Въ другихъ мѣстностяхъ подобныя же показанія были даны относительно пріемышей и зятей. Первые не наслѣдуютъ послѣ воспитателя (*), послѣдніе послѣ

г. *Тимощенкова*, незаконнорожденный лишь въ томъ случаѣ наслѣдуетъ послѣ отца, если послѣдній признаетъ его, т. е. не прикажетъ его отдать въ люди, а велитъ воспитывать дома (Труды област. войск. Донскаго ст. комит. 1874 г., стр. 170).—*Н. Н-въ*. Народ. юрид. обычаи у татаръ Казанск. губ: „незаконнорожденные въ наслѣдство имѣніемъ не вступаются, развѣ только тогда, когда въ семьѣ нѣтъ законныхъ дѣтей“ (стр. 28).—*П. Даниличенко*: „при бракахъ вторыхъ между вдовствующими имущество каждаго супруга составляетъ личную собственность ихъ и прямыхъ ихъ наслѣдниковъ, такъ что имущество матери составляетъ наслѣдство для дѣтей ея отъ перваго брака, а имущество отца наслѣдство для кровныхъ дѣтей его“ (стр. 2).—*П. Тимощенковъ*: „дѣти, приведенныя матерью къ отчиму, если у нихъ отцовскаго имѣнія не было, ничего не получаютъ, а если мать ихъ вмѣстѣ съ ними принесла въ домъ и ихъ отцовское имущество, то это имущество они получаютъ сполна“ (стр. 170).—*П. Никулинъ*: „дѣти единоутробныя имѣютъ не одинаковое участіе въ наслѣдствѣ; каждый получаетъ изъ того имѣнія, которымъ владѣлъ отецъ . . . .; пасынокъ не наслѣдникъ. . “(Донская газета, 1876 г. №№ 40 и 45).—Необходимо еще замѣтить, что у нѣкоторыхъ инородцевъ (чуваши, черемисы, мордва) не дѣлается различій въ наслѣдованіи между дѣтьми, рожденными въ бракѣ и внѣ брака. Это объясняется, повидимому, остатками языческихъ воззрѣній на бракъ, причемъ у этихъ инородцевъ невинность дѣвушки вообще весьма мало цѣнится, и отношенія половъ до брака иногда отличаются большою свободой (см. *М. Харузинъ*. Очерки юрид. быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губ. *В. Майновъ*. Очеркъ юрид. быта мордвы. *В. Магнитскій*. Очеркъ юрид. быта чувашъ).

(*) I: 205. 213. 276. 341; II: 61; IV: 14. 272. 296. 306. 316; V: 73; VI: 364. 402. 404. 620. 636. *М. Харузинъ*. Свѣдѣнія:

тестя (*); а если и наслѣдуютъ, то не иначе, какъ при существованіи пріемнаго условія, опредѣляющаго пространство ихъ наслѣдственныхъ правъ (**).

Такое устраненіе особыхъ членовъ семьи отъ наслѣдованія послѣ главы семейства кажется намъ явленіемъ вполнѣ естественнымъ въ народномъ быту, ибо крестьянская семья, какъ и всякая другая, слагается изъ опредѣленнаго контингента лицъ, порождающихся непосредственно или посредственно отъ одной брачной пары, а поэтому нѣтъ основанія распространять право наслѣдованія въ семейномъ имуществѣ за предѣлы этого родственнаго круга лицъ и на посторонпихъ, когда принадлежность послѣднихъ къ семьѣ ни въ чемъ не обнаруживается, кромѣ развѣ случайнаго и временнаго сожительства.

Другое дѣло, если въ семьѣ нѣтъ дѣтей или, по крайней мѣрѣ, дѣтей мужскаго пола, которыя могли бы продолжать семью и поддерживать хозяйство, когда, стало быть, брачная пара остается безъ помощи и поддержки при старости и некому ее „кормить и покоить“

„вскормленникъ, т. е. воспитанникъ, получаетъ, смотря по уговору...“ (стр. 246).—*В. Майновъ.* Очеркъ: „пріемышъ пользуется семейнымъ достаткомъ, ѣстъ, пьетъ и одѣвается на общесемейный счетъ, но при раздѣлѣ онъ получаетъ часть лишь изъ милости, только потому, что угодилъ особенно отцу семейства. Если отецъ умиралъ никакого распоряженія не сдѣлалъ, то пріемышъ зачастую безъ всего удаляется изъ пріютившаго его дома...“ (стр. 8). См. также примѣчаніе на стр. 172.

(*) I: 213; IV: 253; VI: 620 и прим. 1 на стр. 175.

(**) I: 417. 442. 505. 518. 523; II: 53. 324. 331. 352. 360. 390. 407. 441. 453. 460. 464; IV: 69. 174. 267; VI: 46. 123. 258. 275 (пріемыши).—I: 48. 59; II: 460; III: 145. 161. 169. 178. 319. 323. 330. 338. 357. 397. 411. 441. 449. 454; IV: 3. 96. 119. 183. 212. 251; V: 21. 48. 68 (зятья).

до смерти. Въ такихъ случаяхъ возникаетъ потребность въ искусственномъ восполненіи, и это восполненіе совершается посредствомъ принятія въ семью посторонннхъ лицъ, но на правахъ родныхъ дѣтей, какъ настоящихъ членовъ семьи. Въ народномъ быту пріемыши обыкновенно и принимаются такимъ образомъ въ домъ, когда нѣтъ родныхъ дѣтей (*), а зятья-примаки или влазени, когда въ семьѣ нѣтъ сыновей (**).

(*) I: 48. 59. 134. *Н. Костровъ*: „усыновленіе (принятіе въ дѣтищи) въ крестьянскомъ быту имѣетъ мѣсто по большей части только тогда, когда въ семействѣ нѣтъ прямыхъ наслѣдниковъ“ (стр. 33).—*Ѳ. К—въ*. О парод. юрид. обычаяхъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ: „усыновляютъ крестьяне обыкновенно, когда не имѣютъ своихъ дѣтей, съ цѣлію пріобрѣсти для дома впослѣдствіи работника“ (Труды Казанск. губ. ст. комит. 1869 г., вып. 1, стр. 24).—*Свящ. А. Борисовскій*: „сироты разбираются бездѣтными одинъ по одному и вмѣсто дѣтей воспитываются ради спасенія души“ (Нижегородскій Сборникъ, 1870 г., т. 3, стр. 317).—*Свящ. Тихонъ Успенскій*. Очеркъ югозападной половины Шадринскаго уѣзда: „малолѣтнихъ сиротъ чаще всего берутъ въ *покормленники* бездѣтные супруги, для которыхъ сирота замѣняетъ родное дѣтище и зовется по имени и фамиліи воспитателя“ (Пермскій Сборникъ, 1859 г., кн. 1, стр. 34).—*В. Магнитскій*: „при бездѣтности чуваши берутъ пріемышей обоего пола и зятьевъ и дѣлаютъ это какъ въ силу экономическихъ принциповъ, такъ и религіозныхъ, изъ опасенія вѣчно мучиться въ будущей жизни за неоставленіе потомства“ (Казанск. губ. вѣд. 1868 г. № 93).—*М. Харузинъ*. Очерки: „у вотяковъ и черемисовъ для усыновленія необходимо отсутствіе дѣтей у усыновителя, а коли уже есть дѣти, то принять чужаго нельзя“ (стр. 26).

(**) I: 224. 235. 242. 254. 262. 276. 284. 294. 299; II: 430. 441; III: 244; IV: 113. 258. 272; V: 516. 525. *П. Костровъ*: „пріемъ зятя въ домъ составляетъ фактъ усыновленія въ такомъ только случаѣ, когда у тестя и у тещи нѣтъ дѣтей мужескаго пола“ (стр. 34).—*Ѳ. К—въ*: „зять принимается въ домъ при неимѣніи дѣтей мужескаго пола; пріемъ его составляетъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фактъ усыновленія. Такіе зятья называются здѣсь *при-*

Слѣдовательно, первое условіе допущенія особыхъ членовъ семьи къ наслѣдованію заключается въ отсутствіи у наслѣдодателя родныхъ дѣтей, какъ ближайшихъ преемниковъ семейнаго имущества и хозяйства. Согласно этому во многихъ мѣстностяхъ мы встрѣчаемъ показанія, что особые члены семьи наслѣдуютъ послѣ главы семейства, когда не осталось родныхъ и законныхъ дѣтей, въ особенности мужскаго пола (*).

валами..." (Труды Казанск. ст. комит. 1869 г., вып. 1, стр. 24).—*П. Чубинскій.* Очеркъ: „если нѣтъ сыновей и дочь является единственною наслѣдницею, то къ ней принимаютъ мужа въ домъ, это называется „въ пріймы" (стр. 697).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „когда домъ и хозяйство остаются вымороченными при одинѣхъ женщинахъ, тогда вдова старшаго вступаетъ въ права полной хозяйки. Съ тѣмъ вмѣстѣ для поддержанія хозяйства вдова *принимаетъ въ домъ* къ взрослой дочери жениха, который называется *пріемышемъ*" (стр. 68).—*А. Износковъ.* Обычаи горныхъ черемисъ: „особый родъ усыновленія встрѣчается въ тѣхъ семействахъ, гдѣ есть одна дочь на возрастѣ и нѣтъ никого изъ дѣтей или близкихъ родственниковъ мужескаго пола. Въ этихъ случаяхъ усыновляютъ принятаго въ домъ зятя. Принять въ домъ зятя не равнозначуще съ усыновленіемъ, и зять, живущій въ домѣ, но не усыновленный, не вступаетъ въ управленіе домомъ послѣ смерти родителей жены" (Памятная книга Казанской губ. на 1868 и 69 годъ, стр. 72).—*Н. Н—чъ.* Народ. юрид. обычаи у татаръ Казанск. губерніи: „пріемъ въ бездѣтную семью чужихъ дѣтей у татаръ встрѣчается рѣдко.... Гораздо чаще случается, при неимѣніи дѣтей мужескаго пола, пріемъ въ домъ зятя, что и составляетъ фактъ усыновленія; но онъ пользуется всѣмъ имуществомъ по смерти родителей только тогда, когда не будетъ другихъ наслѣдниковъ (напр. братьевъ умершаго); если же они окажутся, то имущество дѣлится на части" (Труды Каз. губ. ст. ком. 1869 г., вып. 3, стр. 28).

(*) II: 43. 471. 479; III: 145. 153. 319. 411. 441. 449; IV: 324. 523; V: 48. 52. 60. 68. 310 (пріемыши).—II: 471. 479; V: 94. 541 (пасынки).—II: 441. 471; IV: 297; V: 73. 310 (зятья).—II: 43; V: 48. 52 (незаконнорожденные).—*Ѳ. К—въ:* „дѣти богоданныя, рожденныя до брака, усыновленныя .... при неимѣніи родныхъ

Не всегда, однакожо, роль особыхъ членовъ семьи въ крестьянскомъ быту состоитъ въ восполненіи личнаго состава семьи. Нерѣдко услуги ихъ необходимы и въ томъ случаѣ, когда составъ этотъ самъ по себѣ

дѣтей вступаютъ во всѣ права полныхъ наслѣдниковъ" (Труды Казанск. стат. комит., 1869 г., вып. 1, стр. 23).—*П. Тимощенковъ:* „воспитанники и пріемыши, какъ мужескаго, такъ и женскаго пола, если бываютъ взяты вмѣсто дѣтей, при дѣлежѣ получаютъ равную часть съ родными дѣтьми" (Труды област. войска Донскаго стат. комит., 1871 г., вып. 2, стр. 170).—*М. Арнольдовъ.* Отъ Симбирска до Погаткина: „дѣти незаконныя и пріемыши пользуются полными имущественными правами, если нѣтъ законныхъ сыновей" (Симбирскія губ. вѣд. 1868 г. № 46).—*Неизв. авторъ* статьи: О юрид. обыч. нѣкот. слободъ Черкасск. и Міусск. округовъ—„пріемыши живутъ у принявшихъ хорошо; все имѣніе отписывается имъ" (Донскія област. вѣд. 1875 г. № 27).—*И. Ефименко.* Сборникъ: „зять съ женою пользуется всѣмъ имуществомъ умершей (тещи), а за смертію жены владѣніе всѣмъ переходитъ исключительно къ нему, какъ бы къ родному сыну, во всякомъ случаѣ, т. е. безъ дѣтей или при дѣтяхъ отъ него, съ тѣмъ, однакожъ, что если есть дочери, то собственныя вещи матери отдаются дочерямъ" (стр. 68).—Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ требуется впрочемъ, чтобы у зятя, принятаго въ домъ, были дѣти; иначе онъ утрачиваетъ право на семейное имущество. По словамъ г. *Чубинскаго*, взятый „въ пріймы" зять, по смерти жены, но при дѣтяхъ, будетъ хозяиномъ дѣтскаго имущества. Если же нѣтъ дѣтей, то онъ теряетъ всякое право. По этому случаю существуетъ пословица: „бувъ собака у пріймахъ, тай хвістъ отбувъ." Онъ можетъ требовать отъ наслѣдниковъ только того, что принесъ (Очеркъ нар. юрид. обыч. и понятій въ Малороссіи.—Зап. геогр. общ. по отд. этногр. 1869 г., т. 2, стр. 697).—*П. Матвѣевъ.* Очеркъ нар. юрид. быта Самарск. губ: „если у тестя нѣтъ сыновей, или они холостые, зять-влазень дѣлается дольщикомъ имущества на равныхъ правахъ съ сыновьями. Бываютъ такіе случаи, что тесть, не имѣющій сыновей, приметъ зятя-влазеня, а затѣмъ у него родится сынъ, права котораго равны съ правами зятя; въ такомъ случаѣ тесть пользуется обыкновенно правомъ отдѣлить зятя, т. е. отпускаетъ его изъ семьи съ неполнымъ паемъ,

достаточно полонъ, но по извѣстнымъ причинамъ, напр. вслѣдствіе малолѣтства дѣтей, онъ оказывается слишкомъ слабымъ для поддержанія въ порядкѣ хозяйства (*).

Существуютъ, конечно, и другіе мотивы для принятія въ семью особыхъ членовъ (**), но во всякомъ случаѣ такое принятіе, съ правомъ участія въ раздѣлѣ семейнаго имущества, предполагаетъ наличность извѣст-

---

т. к. иначе зять, совершенно равноправный съ сыномъ и даже имѣющій предъ нимъ преимущество, какъ старшій, станетъ по смерти тестя тѣснить сына" (стр. 24).—„Что касается пріемышей, то права ихъ одинаковы съ правами зятьевъ-влазней" (стр. 26).—„Только при бездѣтномъ отчимѣ, пасынокъ въ малой семьѣ становится дольщикомъ имущества" (стр. 26).—*М. Харузинъ.* Очерки юрид. быта народностей Саранульскаго у. Вятской губ: „если у принявшихъ дѣтей нѣтъ, то пріемыша считаютъ за сына и все имущество по смерти своей оставляютъ ему" (стр. 25).

(*) V: 323—„примакъ, т. е. зять, получаетъ наравнѣ съ родными сыновьями, если онъ вступилъ въ домъ покойнаго, когда сыновья были еще малолѣтніе, помогалъ покойному въ хозяйствѣ и при воспитаніи сыновей"; 343—„пасынки и примаки, т. е зятья, получаютъ половину изъ имущества покойнаго, если они, вступивъ въ домъ его на правахъ сыновей, помогали вести хозяйство, когда дѣтей еще не было или они были малолѣтними"; 284—„примакъ и пріемышъ пользуются въ наслѣдованіи правами родныхъ сыновей, если они долго жили у покойнаго, участвовали въ пріобрѣтеніи оставшагося послѣ него имущества и приняли на себя обязанность содержать и воспитать его малолѣтнихъ дѣтей." *П. Ефименко.* Сборникъ: „зятья по женитьбѣ на семейныхъ дѣвицахъ принимаются еще въ домъ при жизни отцовъ послѣднихъ и при наличности мужчинъ наслѣдниковъ, когда эти послѣдніе еще малолѣтни. . . . "(стр. 69).

(**) *Свящ. Темперовъ.* Замѣтки о гражд. юрид. обычаяхъ въ средѣ крестьянъ: „усыновленіе между крестьянами весьма нерѣдко. Оно бываетъ въ тѣхъ видахъ, чтобы поддержать хозяйство, замѣнить старость или просто для того, чтобы не уничтожился померъ ревизской сказки" (Уфимск. губ. вѣд. 1866 г. № 5, часть неоф.).

ныхъ внѣшнихъ признаковъ, по которымъ можно было бы судить о принадлежности этихъ лицъ къ семьѣ на правахъ ея членовъ.

Въ народно-обычномъ правѣ принадлежность къ семьѣ особыхъ членовъ на правахъ родственниковъ возникаетъ чрезъ принятіе въ домъ посредствомъ усыновленія (*), приписки къ семейству (**), и вслѣдствіе самаго факта долговременнаго пребыванія такихъ членовъ въ семьѣ (съ малолѣтства, отъ 10 до 15 лѣтъ), при участіи въ общихъ семейныхъ работахъ (***).

Если которое-либо изъ означенныхъ условій имѣется на лицо, то особые члены семьи обыкновенно наслѣдуютъ послѣ главы семейства наравнѣ съ его родными дѣтьми и получаютъ изъ наслѣдства равныя съ ними доли (****). Когда же этихъ условій, опредѣляющихъ внѣш-

---

(*) I: 235. 242. 254. 262. 276. 280. 286. 294. 299; V: 299. 310; VI: 596. 602. 628 (незаконнорожденные).—I: 235. 242; III: 196; VI: 596. 602. 628 (пасынки).—I: 205. 235. 242. 254. 262. 276. 280. 286. 294. 299; III: 178: 196; V: 516; VI: 596. 602. 628 (пріемыши).—VI: 628. 637 (зятья).

(**) I: 391. 435. 500. 518. 665; II: 205. 352. 363; V: 323. 343; VI: 55. 648 (незаконнорожденные).—I: 391. 435. 465. 500. 518; II: 53. 205. 256. 284. 352. 377. 383 (пасынки).—I: 391. 435. 465. 500; II: 53. 205. 256. 377. 383; III: 201. 211 (пріемыши).—III: 130 (зятья).

(***) I: 665; III: 75; V: 332. 393; VI: 44. 123. 352. 586. 591 (незаконнорожденные).—I: 425. 665; II: 29. 324. 430; III: 75. 189; V; 3. 123. 332. 393; VI: 44. 204. 352. 492. 586. 591 (пасынки).—I: 3. 12. 15. 21. 36. 38. 77. 425. 665; II: 430; III: 75. 189; IV: 174; V: 290; VI: 44. 492. 586. 591 (пріемыши).—I: 15. 21. 38. 77; IV: 174; V: 290. VI: 492. 586; II: 390. 453. 603 (зятья).

(****) Смотри предъидущее примѣчаніе. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской губ. особые члены семьи наслѣдуютъ наравнѣ съ родными дѣтьми только въ движимомъ имуществѣ, земли же не получаютъ, такъ какъ таковую, по словамъ крестьянъ—„велѣ-

нимъ образомъ принадлежность къ семьѣ особыхъ членовъ, но существуетъ, то послѣдніе отъ наслѣдованія устраняются. Но трудъ особыхъ членовъ за прожитое

но хранитъ за потомствомъ" (IV: 218. 243). *Ѳ. К—въ*: „усыновленные вступаютъ во всѣ права родныхъ дѣтей" (стр. 24).—*Свящ. Темперовъ*: „когда у усыновителя бываютъ кровныя дѣти, живущія съ нимъ безъ раздѣла въ одномъ семействѣ, тогда пріемышъ (зачисленный въ семью съ малыхъ лѣтъ) наслѣдуетъ имѣніемъ усыновителя совмѣстно съ кровными дѣтьми" (Уфимскія губ. вѣд. 1866 г. № 5, часть неоф.).—*П. Ефименко*. Сборникъ: „усыновленные, или пріемыши въ такихъ же отношеніяхъ къ усыновителямъ, какъ дѣти къ родителямъ. Въ подобныхъ же отношеніяхъ стоятъ *пріемыши-зятья*" (стр. 53).—*П. Никулинъ*: „пріемыши, принятые за родныхъ дѣтей, при раздѣлѣ имѣнія не лишаются части, также какъ и зятья, принятые во дворъ на сыновнюю часть" (Донская газета, 1876 г. № 45).— *А. Износковъ*. Обычаи горныхъ Черемисъ: „воспитанники, пріемыши, какъ мужскаго, такъ и женскаго пола, если они усыновлены, пользуются такими же частями при раздѣлѣ, какія даются роднымъ дѣтямъ" (Памятная книга Казанской губ. на 1868—69 г., стр. 87).—*В. Майновъ*. Очеркъ юрид. быта мордвы: „разъ усыновленіе произошло, то между усыновившимъ и усыновленнымъ установляются обыкновенно отношенія, какъ между отцомъ и сыномъ; усыновленный наслѣдуетъ по своемъ отцѣ и пользуется всѣми имущественными правами наравнѣ съ родными сыновьями" (стр. 149).—*П. Костровъ*: „принятый въ домъ зять получаетъ наслѣдство наравнѣ съ сыновьями, если онъ участвовалъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ (отъ 5 до 10) въ пріобрѣтеніи имущества" (стр. 44).—„При надѣлѣ пріемышей мужскаго пола принимается въ основаніе то же правило, какъ и при надѣлѣ зятьевъ, принятыхъ въ домъ" (стр. 45).—„Братья единокровные и единоутробные участвуютъ въ наслѣдствѣ поровну съ другими братьями въ такомъ случаѣ, если они участвовали въ пріобрѣтеніи имущества" (стр. 45).—*Ѳ. К—въ*: „сироты слушаютъ вотчима, какъ роднаго отца, но съ единоутробными братьями своими они имуществомъ не дѣлятся, въ особенности если раздѣлъ произведенъ вскорѣ послѣ смерти отца. Въ противномъ случаѣ, если они живутъ вмѣстѣ долгое время, то все прежнее имущество и

ими въ семьѣ время обыкновенно не оставляется въ крестьянскомъ быту безъ вознагражденія, и такъ какъ таковое производится по большой части изъ общей наслѣдственной массы семейнаго имущества, то отсюда и упомянутое вознагражденіе особыхъ членовъ семьи пріобрѣтаетъ въ обычномъ правѣ извѣстное сходство съ наслѣдованіемъ.

Такимъ образомъ особые члены семьи наслѣдуютъ иногда по распоряженію главы семейства (*);

хозяйство сливается по необходимости въ одно, почему и раздѣлъ производится всѣмъ по равной части" (стр. 25).—*Свящ. Котырло.* Юрид. обычаи при бракахъ и раздѣлахъ: „кромѣ сыновей и дочерей у хозяина дома бываютъ *дольники* и *дольницы*. Взятые на воспитаніе сироты называются дольниками. Они исполняютъ въ домѣ воспитателей хозяйственныя работы, соотвѣтствующія ихъ возрасту, а по достиженіи совершеннолѣтія пользуются правами дѣтей хозяина" (Могилевскія губ. вѣд. 1868 г. № 3, часть неоф.).—*Е. Соловьевъ.* Юрид. формы отношеній между членами семьи въ Тетюшск. уѣздѣ: „если зять вступаетъ во дворъ въ ту семью, гдѣ есть сыновья, то ему въ имуществѣ черезъ 5—6 лѣтъ принадлежитъ равная часть съ сыновьями" (Казанскія губ. вѣд. 1875 г. № 26).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „вскормленникъ, долго жившій въ семьѣ, получаетъ равную часть съ сыновьями" (стр. 246).

(*) III: 368; IV: 113; VI: 294. *И. Костровъ:* „если отецъ незаконнорожденныхъ „прикроетъ грѣхъ" матери и впослѣдствіи времени женится на ней, то они пользуются послѣ него наслѣдствомъ только тогда, когда онъ самъ назначитъ его имъ при жизни, въ противномъ случаѣ они пользуются наслѣдствомъ со стороны матери" (стр. 32). –*И. Никулинъ:* „пріемыши при жизни отца уполномочиваются бумагой, по которой они послѣ могутъ получить опредѣленную часть" (Донская газета, 1876 г. № 40).—*И. П—чъ.* Народ. юрид. обычаи у татаръ Казанск. губ.: „родныя дѣти передъ пріемышами имѣютъ то преимущество, что первые наслѣдуютъ все оставшееся послѣ родителей имѣніе, а послѣдніе получаютъ только ту часть, какая имъ была назначена при жизни родителей, ихъ принявшихъ; если же такого назначенія не было, то

когда же такого распоряженія сдѣлано не было, то имъ выдѣляется нѣкоторая доля имущества по усмотрѣнію наслѣдниковъ (*), смотря по работѣ и услугамъ (V: 492. 516). Размѣръ доли особыхъ членовъ семьи бываетъ въ такомъ случаѣ обыкновенно менѣе доли родныхъ дѣтей, напримѣръ, вдвое (**); случается также, что наслѣдники выдѣляютъ особымъ членамъ семьи за помощь въ хозяйствѣ, смотря по времени, проведенному послѣдними въ семьѣ, одну треть или одну пятую часть наслѣдства и притомъ только изъ движимаго имущества (V: 335). Нерѣдко, однакоже, особые члены семьи при указанныхъ обстоятельствахъ разсчитываются за участіе въ семейныхъ трудахъ по хозяйству, какъ годовые работники (***).

они въ наслѣдствѣ не участвуютъ" (Труды Казанск. стат. комит. 1869 г., вып. 3, стр. 28).

(*) I: 213; V: 114. 335; VI: 646. *П. Костровъ*: „бываетъ, что законныя дѣти, принявъ во вниманіе значительность времяпребыванія незаконнорожденнаго въ семействѣ, а равно и то, что онъ также участвовалъ въ пріобрѣтеніи имущества, выдѣляютъ ему часть, равную съ доставшеюся имъ самимъ" (стр. 32).—*И. Даниленко*: „незаконнорожденные въ наслѣдствѣ принимаютъ малое участіе и получаютъ только то, что имъ назначатъ законныя дѣти" (стр. 4).

(**) II: 324. 385; IV: 91; V: 396. *Ѳ. К—въ*: „дѣти богоданныя, рожденныя до брака, усыновленныя, при родныхъ дѣтяхъ пользуются меньшими правами" (Труды Каз. ст. ком., 1869 г., вып. 1, стр. 23).—*М. Арнольдовъ*: „если есть законныя и родныя дѣти, то пріемыши и незаконныя пользуются только частію имущества" (Симб. губ. в. 1868 г. № 46).

(***) I: 457 № 3. 500; V: 279. 284. 290. 299. 310; VI: 195. 275 (насыпки).—I: 500; V: 279. 284. 290. 295 (незаконнорожденные).—I: 500; VI: 195. 234 (пріемыши).—I: 396 № 16 (зятья).—*М. Хирузинъ*. Свѣдѣнія: „если по смерти отца шурья не даютъ ничего, то зять можетъ требовать въ судѣ уплаты за года его работы въ семьѣ" (стр. 91).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ размѣръ выдѣляемой особымъ членамъ семьи, въ видѣ вознагражденія за труды, части наслѣдственнаго имущества опредѣляется въ случаѣ споровъ сельскимъ сходомъ, или громадой, причемъ принимаются во вниманіе личныя качества особыхъ членовъ семьи, отношенія ихъ къ умершему начальнику семейства и степень участія въ семейныхъ работахъ (*).

Въ заключеніе очерка наслѣдственныхъ правъ особыхъ членовъ семьи остается замѣтить, что вопросъ о наслѣдованіи пріемыша въ имуществѣ своихъ естественныхъ родителей рѣшается въ крестьянскомъ быту, повидимому, различно. Изъ одного рѣшенія (I: 75 №26) вол. суда можно придти къ заключенію, что пріемышъ съ поступленіемъ въ чужую семью устраняется отъ наслѣдованія въ своей семьѣ (**); по есть и другое рѣшеніе, въ которомъ волостной судъ, сославшись, правда, на законъ (ст. 1127 и 1128, т. X, ч. 1), присудилъ пріемышу (несовершеннолѣтній) равную долю съ его родными братьями изъ суммы, вырученной чрезъ продажу оставшейся послѣ отца избы (IV: 191 № 23).

Обычныя нормы наслѣдованія особыхъ членовъ семьи настолько своеобразны, что провести параллель между ними и дѣйствующимъ закономъ довольно трудно, тѣмъ болѣе, что въ самомъ законѣ условія и послѣдствія усыновленія неодинаковы по отношенію къ лицамъ, при-

---

(*) I: 224; V: 16. 532; VI: 3 (незаконнорожденные); II: 3; V: 16. 532 (пасынки).—I: 224. 339; II: 3; V: 332 (зятья).

(**) *И. Ефименко.* Сборникъ: „съ переходомъ по женитьбѣ въ домъ родителей жены зять лишается права на наслѣдованіе имѣнія своего отца, какъ отдѣленный; но нѣкоторые изъ такихъ жениховъ при свадьбахъ получаютъ изъ общаго имѣнія своего семейства *выдѣлъ* скотомъ, хлѣбомъ и пр.“ (стр. 68).

надлежащимъ къ разнымъ сословіямъ, и кромѣ того нѣтъ прямаго указанія, наслѣдуютъ ли усыновленные въ податномъ сословіи или не наслѣдуютъ. Только въ ст. 95 мѣст. малоросс. положенія говорится, что домохозяинъ, не имѣющій въ прямой линіи наслѣдниковъ, можетъ передать, какъ при жизни, такъ и на случай смерти, участокъ своему усыновленному, на основаніи мѣстнаго обычая, пріемышу изъ родственниковъ или постороннихъ.

Правда, кассаціонный сенатъ, благодаря широкому толкованію 157 и 1119 ст. т. X, ч. 1, призналъ за усыновленными въ податномъ состояніи право на наслѣдованіе послѣ усыновителя, даже совмѣстно съ кровными родственниками послѣдняго (рѣш. гражд. кассац. департ. прав. сената 1872 г. № 775), но подобное положеніе не исчерпываетъ еще вопроса о наслѣдованіи особыхъ членовъ семьи по началамъ обычнаго права.

Различіе между обычаемъ и закономъ касается въ разсматриваемомъ случаѣ не только круга лицъ, могущихъ сдѣлаться наслѣдниками чрезъ усыновленіе (напр. незаконнорожденные), но и самаго объема наслѣдственныхъ правъ, предоставляемыхъ обычаемъ особымъ членамъ семьи, когда усыновленія въ собственномъ смыслѣ не было (право наслѣдованія, основывающееся на долговременномъ пребываніи особыхъ членовъ въ семьѣ. право на вознагражденіе за участіе въ семейномъ трудѣ, составляющее тоже своего рода quasi-наслѣдованіе особыхъ членовъ семьи).

Наконецъ, дѣйствующій законъ совершенно не допускаетъ пріобрѣтенія наслѣдственныхъ правъ по договору, между тѣмъ какъ въ народномъ быту договорное наслѣдованіе имѣетъ весьма важное значеніе и ши-

рокое примѣненіе, въ особенности по отношенію къ особымъ членамъ семьи.

Серьезнаго вниманія заслуживаетъ также положеніе внѣбрачныхъ дѣтей по обычному праву, тѣмъ болѣе, что всякій разъ, какъ возникаетъ вопросъ объ измѣненіи слишкомъ суровыхъ постановленій о незаконнорожденныхъ нашихъ гражданскихъ законовъ (ст. 136, т. X, ч. 1) взоры нашихъ юристовъ обращаются обыкновенно къ народному быту, ища въ немъ опоры для установленія болѣе мягкихъ и благопріятныхъ для незаконнорожденныхъ отношеній (*).

Это обращеніе къ народу не лишено впрочемъ нѣкоторой доли сантиментальности, такъ какъ съ одной стороны народу приписывается при этомъ какой-то простодушно-безразличный взглядъ на законныхъ и незаконныхъ дѣтей, а съ другой стороны самыя мѣры къ улучшенію юридическаго положенія незаконнорожденныхъ заимствуются не изъ народной жизни, а берутся прямо изъ иностранныхъ законодательствъ или, что то же въ данномъ случаѣ, изъ мѣстныхъ законовъ финляндскихъ, остзейскихъ и польскихъ.

Судя по тѣмъ уничижительнымъ названіямъ, которыя даются народомъ незаконнымъ дѣтямъ, можно уже заключить, что послѣднія не пользуются вообще особеннымъ расположеніемъ въ крестьянскомъ быту. Изъ сопоставленія этихъ названій видно, что на появленіе въ свѣтъ незаконнаго ребенка народъ смотритъ не какъ на послѣдствіе увлеченія или страсти, но какъ на результатъ прелюбодѣянія и распутства, что,

(*) См. первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ. Докладъ *И. П. Ляпидевскаго*: О дополненіи нашего дѣйствующаго законодательства постановленіемъ объ узаконеніи и признаніи дѣтей, рожденныхъ внѣ брака, стр. 201—218.

впрочемъ, весьма понятно при обыкновеніи между крестьянами заключать браки въ раннемъ возрастѣ. Самая бѣдность крестьянскаго населенія не благопріятствуетъ, по нашему мнѣнію, безразличному отношенію къ незаконнорожденнымъ, когда, по показанію крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, и законнымъ дѣтямъ подчасъ ѣсть нечего (*).

При такихъ обстоятельствахъ трудно, конечно, ожидать, чтобы предлагаемыя мѣры улучшенія юридическаго положенія незаконныхъ дѣтей, выработанныя иностранными законодательствами, могли найти соотвѣтствующій отголосокъ и оправданіе въ нашемъ народномъ правѣ (**) Мѣры эти, какъ извѣстно, распадаются на двѣ главныя категоріи, существенно отличающіяся одна отъ другой по своимъ юридическимъ послѣдствіямъ. Къ первой категоріи принадлежитъ, такъ называемое, *узаконеніе* внѣбрачныхъ дѣтей (legitimatio) съ его подраздѣленіями на узаконеніе въ силу распоряженія верховной власти (per rescriptum principis), по завѣщанію (per testamentum) или судебному приговору и чрезъ послѣдующій бракъ родителей (per subsequens matrimonium) (***).

(*) На вопросъ членовъ волостной коммиссіи о причинахъ устраненія отъ наслѣдованія дочерей, крестьяне одной мѣстности заявили: „изъ чего имъ выдѣлять, когда намъ самимъ подчасъ ѣсть нечего“ (I: 130).

(**) Иначе взгляда держится г. *Лященковскій* въ упомянутомъ выше докладѣ. По его словамъ, „въ юридическомъ воззрѣніи народа не только нѣтъ ничего чуждаго легитимаціи и признанію, но напротивъ въ немъ заключается для нихъ подготовительная почва.“

(***) Почти всѣ указанные виды узаконенія существовали уже въ римскомъ правѣ. Legitimatio per subseq. matrim., введенная императоромъ Константиномъ, сдѣлалась постояннымъ учрежденіемъ при Юстиніанѣ (C. l. V. t. 27 §§ 5 и 10; Instit. l. 1, t. 10, 13), который присоединилъ къ ней еще два другихъ способа: legitimatio per rescriptum principis и per testamentum (Nov. 74, cap. 2). Французскій законъ знаетъ только одинъ видъ легитимаціи чрезъ послѣдующій

Мы остановимся на послѣдней формѣ узаконенія, такъ какъ предполагается, что она не совсѣмъ чужда правовымъ воззрѣніямъ русскаго народа, ибо въ старину у насъ существовалъ обрядъ *привѣнчиванія* незаконныхъ дѣтей.

Въ западно-европейскихъ законодательствахъ послѣдующее вступленіе въ бракъ родителей ведетъ обыкновенно къ полному уравненію семейныхъ и

бракъ родителей (ст. 331). Итальянское уложеніе, кромѣ брака, допускаетъ, при извѣстныхъ условіяхъ, легитимацію посредствомъ королевскаго указа (ст. 194), а также дозволяетъ дѣтямъ просить объ узаконеніи, если родители въ завѣщаніи или иномъ публичномъ актѣ выразили желаніе узаконить дѣтей (ст. 199). Въ Прусскомъ законодательствѣ (Allgemeines Landrecht für die Preussischen Staaten) наряду съ узаконеніемъ чрезъ послѣдующій бракъ (§ 596) и королевскій указъ (§ 601) существуетъ узаконеніе по судебному приговору, причемъ дѣти получаютъ фамилію матери (§§ 592. 594). Незаконнорожденные пріобрѣтаютъ права законныхъ дѣтей также и въ томъ случаѣ, если послѣ формальной помолвки бракъ не можетъ состояться по уважительнымъ причинамъ, и отецъ признаетъ на судѣ дѣтей своими (§ 597). Въ Австрійскомъ и Саксонскомъ гражданскихъ уложеніяхъ дѣти, происшедшія отъ недѣйствительныхъ браковъ, разсматриваются наравнѣ съ законными, если одинъ изъ родителей не зналъ о существованіи законныхъ препятствій къ браку. Саксонское уложеніе, признавая, подобно Австрійскому, легитимацію чрезъ послѣдующій бракъ и милостію государя, кромѣ того предоставляетъ внѣбрачнымъ дѣтямъ или ихъ матери ходатайствовать объ узаконеніи, если отецъ выразилъ на то свою волю въ завѣщаніи (Австр. улож. ст. 160—162; Саксонск. улож. ст. 1780, 1783, 1784). По мѣстнымъ Остзейскимъ законамъ послѣдующій бракъ родителей сообщаетъ внѣбрачнымъ дѣтямъ всѣ права законныхъ дѣтей (ст. 174). На основаніи ст. 291 гражд. законовъ, дѣйствующихъ въ Привислянскихъ губерніяхъ, дѣти, рожденныя внѣ брака, могутъ быть узаконены послѣдующимъ бракомъ родителей, если были признаны родителями законнымъ порядкомъ до вступленія въ бракъ, или при самомъ актѣ бракосочетанія, или, наконецъ, когда родители предоставляютъ имъ постоянное пользованіе состояніемъ дѣтей законныхъ.

наслѣдственныхъ правъ дѣтей внѣбрачныхъ съ дѣтьми, рожденными въ законномъ бракѣ (*).

Наше же привѣнчиваніе, повидимому, никогда не имѣло подобныхъ послѣдствій, ибо въ Уложеніи Алексѣя Михайловича самымъ категорическимъ образомъ устраняется всякая возможность сопричтенія къ законнымъ чрезъ послѣдующій бракъ дѣтей наложницы, прижитыхъ „до женитьбы.“

Что касается собственно обычнаго права, то судя по тѣмъ даннымъ, которыя находятся въ трудахъ комиссіи, вступленіе въ бракъ родителей само по себѣ не имѣетъ, какъ кажется, въ глазахъ народа значенія такого акта, съ которымъ бы соединялись для внѣбрачныхъ дѣтей какія-либо юридическія послѣдствія (**). Это видно между прочимъ изъ того, что показанія крестьянъ объ уравненіи наслѣдственныхъ правъ незаконнорожденныхъ съ законными дѣтьми, вслѣдствіе послѣдующаго брака родителей, были даны всего только въ двухъ волостяхъ (IV: 324; V: 202). Фактъ этотъ, несмотря на простоту

(*) Французск. гражд. уложеніе ст. 333, Итальянское улож. ст. 194, 723 и Австрійское улож. ст. 160—162, 752—753, Саксонское улож. ст. 1780. По законамъ Остзейскаго края, дѣти, узаконенныя послѣдующимъ бракомъ, имѣютъ одинаковыя съ законными права и тѣхъ же самыхъ, какъ и они, наслѣдниковъ (ст. 1875). На основаніи 294 ст. гражданскаго уложенія 1825 г., дѣйствующаго въ Привисляпскихъ губерніяхъ, дѣтямъ, узаконеннымъ послѣдующимъ бракомъ родителей, предоставляются тѣ же права, коими бы они пользовались, если бъ родились отъ сего брака.

(**) По словамъ князя *Кострова*, незаконныя дѣти, хотя бы отецъ ихъ впослѣдствіи времени вступилъ въ бракъ съ ихъ матерью, наслѣдуютъ послѣ него лишь тогда, если онъ самъ назначилъ имъ что-нибудь при жизни. Въ противномъ случаѣ внѣбрачныя дѣти ничего не получаютъ (Юрид. обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ., стр. 32).

народныхъ правовъ и понятій, не заключаетъ въ себѣ, по нашему мнѣнію, ничего страннаго или невѣроятнаго, ибо въ крестьянскомъ быту пріобрѣтеніе членами семьи вообще права на участіе въ семейномъ имуществѣ и наслѣдствѣ ставится въ зависимость не отъ одного только кровнаго происхожденія, но и отъ дѣйствительной принадлежности къ семейству—„не тотъ отецъ, кто родилъ, замѣчаетъ народная пословица, но тотъ, кто вспоилъ, вскормилъ, да въ люди вывелъ.“

Переходя засимъ ко второй категоріи способовъ обезпеченія участи незаконныхъ дѣтей по иностраннымъ законодательствамъ, мы встрѣчаемся съ институтомъ *признанія* родителями своихъ внѣбрачныхъ дѣтей.

Постановленія иностранныхъ кодексовъ о признаніи и вытекающихъ отсюда юридическихъ послѣдствіяхъ довольно разнообразны. Въ нѣкоторыхъ изъ нихъ, какъ напримѣръ во французскомъ и итальянскомъ, по отношенію къ отцу можетъ имѣть мѣсто только добровольное признаніе, розысканіе же матери вообще допускается (la recherche de la paternité est interdite (ст. 340 Франц. улож.)—la recherche de la maternité est admise (ст. 340)—Итал. улож. ст. 189, 190).

Въ означенныхъ законодательствахъ признаніе незаконнаго дитяти даетъ послѣднему право на полученіе содержанія и наслѣдованіе послѣ признавшаго его родителя, причемъ размѣръ наслѣдственной доли ставится въ зависимость отъ того, съ кѣмъ изъ законныхъ родственниковъ наслѣдодателя признанному приходится наслѣдовать (*).

(*) Франц. гражд. улож. ст. 756—766 и Итальянск. уложеніе ст. 184—186, 743—752. На основаніи 303 ст. гражд. улож. 1825 г., родители должны обезпечить рожденнымъ внѣ брака дѣтямъ средства къ существованію, а также дать имъ приличное воспитаніе.

Въ германскихъ законодательствахъ, прусскомъ, австрійскомъ, саксонскомъ, а также по мѣстнымъ законамъ Остзейскаго края (ст. 165) розысканіе какъ отца, такъ и матери не воспрещается, но признанныя дѣти (добровольно или по судебному приговору) вообще не наслѣдуютъ отцу (*), а имѣютъ только право на полученіе содержанія, но за то послѣ матери и ея родственниковъ внѣбрачныя дѣти наслѣдуютъ обыкновенно наравнѣ съ законными дѣтьми (**).

Таковы въ общихъ чертахъ юридическія условія и послѣдствія института признанія внѣбрачныхъ дѣтей въ западно-европейскихъ законодательствахъ. Существованіе чего-либо подобнаго въ нашемъ обычномъ правѣ представляется весьма сомнительнымъ (***). Въ нашихъ

Порядокъ наслѣдованія признанныхъ дѣтей тотъ же, какъ и во французскомъ правѣ.

(*) Австр. улож. ст. 754, Саксонск. улож. ст. 2019, мѣст. остз. законы ст. 1872. По прусскому закону внѣбрачныя дѣти, какъ признанныя, такъ и сопричтенныя къ законнымъ, наслѣдуютъ послѣ отца, когда у него не осталось законнаго потомства, причемъ они получаютъ, сколько бы ихъ ни было, не болѣе одной шестой части наслѣдства.

(**) Австр. улож. 754, Саксонск. улож. ст. 2019, мѣст. остз. зак. ст. 1872. Въ Пруссіи внѣбрачныя дѣти наслѣдуютъ послѣ матери съ слѣдующими изъятіями: въ вещахъ, бывшихъ въ употребленіи матери (die Gerade), они наслѣдуютъ лишь въ томъ случаѣ, когда нѣтъ законнаго потомства. Равнымъ образомъ при законныхъ дѣтяхъ, незаконныя устраняются отъ наслѣдованія въ той части имущества, которая досталась матери отъ отца ея законныхъ дѣтей. Послѣ родственниковъ матери внѣбрачныя дѣти не наслѣдуютъ, за исключеніемъ незаконныхъ братьевъ и сестеръ по матери.

(***) Срав. Обычное гражд. право въ Россіи *С. В. Пахмана*, т. 2, стр. 192. *П. Костровъ*: „роль дѣтей незаконнорожденныхъ въ крестьянскихъ семействахъ достойна полнаго сожалѣнія. Они обыкновенно остаются на попеченіи матери безъ всякаго участія въ

источникахъ нѣтъ даже достаточныхъ указаній, наслѣдуютъ ли незаконнорожденныя послѣ матери, когда имѣются на лицо законныя дѣти.

Вмѣсто института признанія внѣбрачныхъ дѣтей въ народномъ быту существуетъ, такъ называемая, приписка къ семейству, хотя послѣднюю и нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ народнымъ обычаемъ, ибо она основывается на законѣ. По правиламъ, дѣйствовавшимъ до закона 2-го января 1882 г. (Собр. узак. № 72), приписка къ семейству, замѣняющей для мѣщанъ и сельскихъ обывателей *усыновленіе* (ст. 155 т. X, ч. 1), подлежали одни только лица, не имѣвшія въ живыхъ родителей (см. *К. Побѣдоносцевъ*. Курсъ, т. 2, стр. 187), откуда можно заключить, что усыновленіе посредствомъ приписки родителями собственныхъ незаконныхъ дѣтей не допускалось закономъ. Но на практикѣ въ крестьянскомъ быту приписка къ семейству примѣнялась и къ собственнымъ незаконнымъ дѣтямъ, какъ это видно между прочимъ изъ показаній крестьянъ о равноправномъ наслѣдованіи приписанныхъ къ семьѣ незаконнорожденныхъ дѣтей съ дѣтьми законными. Возможность усыновленія путемъ приписки своихъ незаконныхъ дѣтей у крестьянъ объясняется тѣмъ, что законъ какъ прежде, такъ и теперь не обязываетъ сельскія общества, подобно казеннымъ палатамъ (т. X, ч. 1, ст. 153 и прим. къ ней), наблюдать, чтобы усыновляемый не былъ незаконнорожденнымъ сыномъ усыновителя. Нынѣ дѣйствующій законъ (ст. 156—158 т. X, ч. 1, изд. 1887 г.) раз-

---

томъ со стороны отца" (ст. 32).—У казаковъ принятіе въ семью незаконныхъ дѣтей жены вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія мужа. Захочетъ—приметъ, не захочетъ—велитъ отдать на воспитаніе въ чужіе люди (*И. Тимощенковъ*, стр. 170. *М. Харузинъ*. Свѣдѣнія, стр. 91—92).

рѣшаетъ приписку какъ съ согласія родителей приписываемаго, когда они извѣстны или находятся въ живыхъ, такъ и его самого, если онъ достигъ 14-лѣтняго возраста.

Законъ этотъ, повидимому, не оставляетъ сомнѣнія въ томъ, что усыновленіе въ формѣ приписки, по крайней мѣрѣ, въ сословіи сельскихъ обывателей, можетъ послѣдовать и по отношенію къ собственнымъ незаконнорожденнымъ дѣтямъ.

Сущность дѣла впрочемъ отъ этого нисколько не измѣняется; приписка къ семейству, хотя бы собственныхъ незаконныхъ дѣтей, сохраняетъ по прежнему характеръ усыновленія. Послѣднее же существуетъ въ народномъ быту и независимо отъ приписки и примѣняется ко всѣмъ вообще такъ называемымъ особымъ членамъ семьи, не исключая незаконнорожденныхъ (срав. Обычное гражд. право въ Россіи *С. В. Пахмана*, т. 2, стр. 197—200).

Такимъ образомъ первою мѣрою обезпеченія участи внѣбрачныхъ дѣтей въ народномъ правѣ является не узаконеніе или признаніе ихъ, а *усыновленіе*—мѣра, которая одобряется далеко не всѣми иностранными законодательствами (*). Усыновленіе въ примѣненіи къ внѣбрачнымъ дѣтямъ отличается отъ признанія существеннымъ образомъ между прочимъ тѣмъ, что оно составляетъ актъ доброй воли усыновителя и въ этомъ смыслѣ представляетъ для незаконнорожденныхъ менѣе гарантій, нежели признаніе.

(*) Усыновленіе собственныхъ незаконныхъ дѣтей не допускается, напримѣръ, въ Австрійскомъ уложеніи (ст. 179. Законъ 23 января 1816 г.), также въ Итальянскомъ уложеніи (ст. 205). По ст. 175 мѣст. осн. законовъ, дозволяется усыновлять только *чужихъ дѣтей*. Напротивъ, Саксонск. улож. предоставляетъ отцу право усыновлять и своихъ собственныхъ внѣбрачныхъ дѣтей(ст. 1790).

Но и помимо усыновленія обычное право открываетъ незаконнорожденному дитяти доступъ къ наслѣдованію и пользованію семейными правами. Проживъ въ семьѣ болѣе или менѣе продолжительное время и участвуя въ семейныхъ работахъ, незаконнорожденный въ крестьянскомъ быту становится членомъ семьи, т. е. признается таковымъ другими, и посему пріобрѣтаетъ право участія въ раздѣлѣ наслѣдства послѣ главы семейства наравнѣ съ законными дѣтьми умершаго.

Въ этомъ случаѣ обычное право, дѣйствительно, не дѣлаетъ различія между законными и незаконными дѣтьми, но такое положеніе пріобрѣтается послѣдними не фактомъ рожденія, а фактомъ продолжительнаго совмѣстнаго жительства съ прочими членами семьи, т. е. въ силу принадлежности къ семьѣ, какъ общаго основанія обычнаго права наслѣдованія въ семейномъ имуществѣ. Отсюда видно, что интересы незаконнорожденныхъ настолько ограждаются и принимаются во вниманіе въ народномъ правѣ, насколько таковые совпадаютъ съ общими интересами семьи. Внѣ семьи незаконнорожденные не пользуются никакими правами на семейное имущество и пропитываются „ради Бога“ какъ показали крестьяне одной мѣстности (III: 376).

Изъ всего сказаннаго такимъ образомъ слѣдуетъ, что юридическое положеніе незаконнорожденныхъ по обычному праву существенно отличается какъ отъ того, которое отводится имъ въ нашихъ гражданскихъ законахъ, допускающихъ пріобрѣтеніе незаконнорожденными семейныхъ и наслѣдственныхъ правъ въ видѣ исключенія лишь по особымъ Высочайшимъ указамъ (*),

(*) Т. X, ч. I, ст. 144, 1119. Начало узаконенію внѣбрачныхъ дѣтей по особымъ Высочайшимъ указамъ было положено у насъ при императорѣ Павлѣ Петровичѣ, по особенною снисходи-

тельностію въ этомъ отношеніи отличалось царствованіе императора Александра I-го. Въ 1801 г. государственный совѣтъ призналъ, что дѣти, рожденныя прежде супружества отъ матери, впослѣдствіи сочетавшейся бракомъ, могутъ быть вводимы во всѣ права фамиліи и наслѣдства, законнымъ дѣтямъ принадлежащія. Указомъ 11-го октября 1803 г. постановленіе это было изъяснено въ томъ смыслѣ, что сопричтенныя къ законнымъ дѣти во всѣхъ наслѣдственныхъ линіяхъ должны быть признаваемы наравнѣ съ законными и посему ни подъ какимъ видомъ не могутъ быть отчуждаемы отъ правъ, какія общими законами присвоены разнымъ степенямъ родства. Самое производство дѣлъ по разсмотрѣнію прошеній о причисленіи незаконнорожденныхъ дѣтей къ законнымъ было возложено въ 1810 г. на учрежденную въ томъ же году коммисію прошеній; но въ царствованіе императора Николая Павловича дѣятельность этой коммисіи по означенному предмету была пріостановлена. Высочайшимъ указомъ, объявленнымъ 23 іюня 1829 г. отъ статсъ-секретаря у принятія прошеній, повелѣно было всѣ прошенія объ узаконеніи незаконнорожденныхъ дѣтей или воспитанниковъ, а также о сопричтеніи къ законнымъ дѣтямъ рожденныхъ до брака, оставлять безъ движенія, не внося въ коммисію прошеній (*). Безусловное значеніе этого распоряженія было нѣсколько ослаблено въ минувшее царствованіе правилами 9-го апрѣля 1858 г., на основаніи которыхъ снова было дозволено по особо уважительнымъ обстоятельствамъ ходатайствовать объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей, родители коихъ впослѣдствіи вступили въ бракъ. Хотя означенныя правила не получили обнародованія, но состоявшіяся вслѣдъ за утвержденіемъ ихъ два Высочайшихъ повелѣнія о порядкѣ исполненія указовъ объ узаконеніи рожденныхъ до брака дѣтей, были оглашены помѣщеніемъ въ полномъ собраніи законовъ и вошли въ текстъ примѣч. къ ст. 29 учрежд. сената (т. 1, ч. 2) по прод. 1864 г. (*Неволинъ.* Исторія росс. гражд. зак., т. I, стр. 379—382; *К. И. Дыллевскій.* Объ

(*) Содержаніе этого указа вошло въ примѣчаніе къ ст. 114 т. X, ч. I. Въ послѣднемъ изданіи (1887 г.) означеннаго тома свод. зак. гражд. это примѣчаніе выпущено.

Указывая на это различіе мы, однакоже, весьма далеки отъ мысли, чтобы наше законодательство въ дѣлѣ улучшенія участи незаконнорожденныхъ ограничилось однѣми только мѣрами, выработанными жизнію нашего простаго народа, и не воспользовалось бы въ этомъ отношеніи опытомъ другихъ государствъ. Необходимое и цѣлесообразное заимствованіе представляется въ данномъ случаѣ тѣмъ болѣе желательнымъ, что народно-обычное право, благодаря особымъ условіямъ экономическаго строя крестьянской жизни, относится къ незаконнорожденнымъ дѣтямъ нѣсколько одностороннимъ образомъ, признавая за ними извѣстныя семейныя и наслѣдственныя права лишь подъ условіемъ принятія ихъ въ семью, вслѣдствіе чего самая судьба незаконныхъ дѣтей ставится такимъ образомъ въ зависимость отъ произвола не только родителей, но и вообще лицъ, стоящихъ во главѣ крестьянской семьи, въ значеніи семейно-хозяйственнаго союза.

III. Наслѣдованіе восходящихъ родственниковъ и въ частности родителей.

По дѣйствующему закону право наслѣдованія послѣ лицъ, не оставившихъ потомства, прямо переходитъ въ боковыя линіи, такъ что восходящіе родственники вообще не имѣютъ участія въ наслѣдственномъ преем-

---

узаконенія дѣтей, прижитыхъ внѣ брака). Отсюда видно, что вопросъ объ узаконеніи внѣбрачныхъ дѣтей чрезъ послѣдующій бракъ родителей имѣетъ свою исторію въ нашемъ законодательствѣ и можетъ быть разрѣшенъ въ будущемъ гражданскомъ уложеніи въ смыслѣ установленія на этотъ предметъ общаго положительнаго закона, не обращаясь за оправданіемъ онаго къ народному обычаю, которому подобный способъ улучшенія участи незаконнорожденныхъ дѣтей въ сущности вовсе не извѣстенъ.

ствѣ (*К. Побѣдоносцевъ.* Курсъ, т. 2, стр. 283). Изъятіе въ законѣ установлено только въ пользу родителей и притомъ съ извѣстными ограниченіями, а именно: имущество, безмездно предоставленное родителями наслѣдодателя по даренію, выдѣлу или въ приданое, возвращается родителямъ „яко даръ" и притомъ каждому изъ нихъ то, что отъ кого получено (ст. 1142 т. X, ч. I). Имущество, полученное дѣтьми не отъ родителей, а пріобрѣтенное ими самими, поступаетъ къ отцу и матери совокупно въ пожизненное владѣніе, исключая имѣній родовыхъ, дошедшихъ къ дѣтямъ отъ другихъ родственниковъ (ст. 1141 и 1142 т. X, ч. I).

Иной порядокъ наслѣдованія восходящихъ существуетъ въ народномъ быту. Что касается восходящихъ болѣе отдаленныхъ степеней, нежели родители, то въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ встрѣчаются отдѣльные случаи наслѣдованія дѣда и бабки (I: 414 № 13; IV: 144 № 1; V: 346 (1863 г.); VI: 376 № 13), дающія поводъ заключить, что восходящіе родственники вообще не устраняются отъ наслѣдованія послѣ нисходящихъ. Но число этихъ случаевъ такъ ограничено, что вывести изъ нихъ какое-либо общее правило, равно какъ и поставить ихъ во взаимную связь съ наслѣдованіемъ другихъ родственниковъ, представляется невозможнымъ.

Въ частности по отношенію къ родителямъ обычное право оказываетъ предпочтеніе отцу передъ матерью въ наслѣдованіи послѣ безпотомно умершихъ дѣтей, такъ что мать при жизни отца не наслѣдуетъ ни сыну, ни дочери, и кромѣ того весьма нерѣдко оба родителя устраняются отъ наслѣдованія въ имуществѣ безпотомно умершаго отдѣленнаго сына, оставившаго жену, къ которой и переходитъ въ такомъ случаѣ все мужнино наслѣдство.

Изложенныя положенія о наслѣдованіи родителей въ имуществѣ безпотомно умершихъ дѣтей по обычному праву составляютъ первую попытку обобщенія печатнаго матеріала объ этомъ вопросѣ и потому требуютъ болѣе подробнаго разсмотрѣнія.

Остановимся сначала на *наслѣдованіи родителей послѣ сына*. Мы сказали, что ближайшее право на наслѣдство послѣ безпотомно умершаго сына принадлежитъ отцу и затѣмъ, когда уже отца нѣтъ въ живыхъ, наслѣдство переходитъ къ матери. Это обнаруживается, во первыхъ, изъ всѣхъ относящихся сюда показаній крестьянъ, которыя сводятся къ тому, что наслѣдникомъ послѣ безпотомно умершаго сына признается по обычаю отецъ, а не братья умершаго (*). Такое предпочтеніе отца братьямъ, согласно заявленію крестьянъ, основывается на томъ, что «отецъ старше дѣтей» (I: 642; II: 603); «онъ воспиталъ и дорогу далъ» (I: 752). Поэтому «отецъ возьметъ не только то имущество, которое онъ далъ сыну при выдѣлѣ, но и все то, что сынъ послѣ того прижилъ, такъ какъ онъ прижилъ это съ отцовскаго благословенія» (I: 541. 603).

Замѣчательно, что во всѣхъ этихъ показаніяхъ ни слова не говорится относительно матери, откуда можно заключить, что единственнымъ безспорнымъ наслѣдникомъ послѣ безпотомно умершаго сына, устраняющимъ всѣхъ прочихъ родственниковъ, является отецъ; что же касается матери, то право ея на наслѣдованіе при жизни отца остается въ тѣни и даже уступаетъ до нѣкоторой степени праву наслѣдованія братьевъ умершаго. Изъ одного рѣшенія видно, что послѣ безпотом-

---

(*) I: 541. 580. 613. 624. 642. 666. 676. 727. 752; II: 603; IV: 29. 124; V: 177; VI: 457.

наго сына мать получила только движимость и домъ съ горницею, земля же и пахать вмѣстѣ съ посѣяннымъ хлѣбомъ отданы братьямъ наслѣдодателя (*).

Во вторыхъ, предпочтительное право наслѣдованія отца въ имуществѣ безпотомнаго сына подтверждается, хотя и косвеннымъ образомъ, тѣми рѣшеніями волостныхъ судовъ, которыя относятся собственно къ случаямъ наслѣдованія матери. Обыкновенно въ означенныхъ случаяхъ наслѣдницею послѣ сына является мать—*вдова*; слѣдовательно, когда нѣтъ въ живыхъ отца наслѣдодателя. Такъ по одному рѣшенію наслѣдницею малолѣтняго сына, отецъ котораго умеръ, признана мать, а не отдѣленные дяди наслѣдодателя (I: 382 № 11). По другому рѣшенію мать неотдѣленнаго сына, воспитавшая его съ малолѣтства послѣ смерти отца и затѣмъ женившая на собственныя средства, получила изъ оставшагося послѣ сына имущества двѣ части, а жена умершаго одну часть (III: 81 № 16).

Особенность наслѣдованія вдовы матери заключается еще въ томъ, что она получаетъ нѣкоторую долю изъ имущества умершаго сына, даже при дѣтяхъ послѣдняго, *на пропитаніе*. Такъ, въ одномъ случаѣ мать просила о выдѣлѣ ей 1/3 части изъ усадьбы, оставшейся послѣ смерти сына и находящейся въ пользованіи невѣстки. Судъ рѣшилъ: выдѣлить треть усадьбы и вербы, растущей по всей усадьбѣ, „для пропитанія просительницы и до смерти пособія“ съ тѣмъ, чтобы она не могла ни продать, ни передать кому-либо усадьбы, такъ какъ таковая послѣ смерти просительницы должна перейти къ дѣтямъ ея умершаго

(*) VI: 684 № 5. *Н. Костровъ:* „при раздѣлѣ братьевъ племянникамъ выдѣляется часть, какая бы слѣдовала умершему брату. Но если племянники умрутъ, то выдѣленное имущество отбирается у матери ихъ и опять идетъ въ раздѣлъ между братьями“ (стр. 44).

сына (V: 384 № 3). По другому рѣшенію мать при малолѣтнихъ дѣтяхъ сына, находившихся на воспитаніи у отчима, получила „на пропитаніе“ три четверти ржи, четыре мѣры пшена и годовалую телушку, прочее же имущество, оставшееся послѣ сына, предоставлено малолѣтнимъ внукамъ просительницы (*).

И такъ, послѣ безпотомно умершаго сына наслѣдуетъ прежде всего отецъ, а затѣмъ мать, когда отца нѣтъ въ живыхъ. Наслѣдованіе матери представляетъ двоякую особенность: съ одной стороны оно ограничивается, повидимому, правомъ наслѣдованія братьевъ умершаго, но за то съ другой стороны матери дается на пропитаніе нѣкоторая доля имущества умершаго сына, даже если у послѣдняго остались дѣти.

Означенное право наслѣдованія родителей послѣ безпотомнаго сына въ значительной степени ограничивается, когда умершій былъ отдѣленъ и послѣ него осталась вдова. Существующіе въ этомъ случаѣ обычаи, однакоже, не вездѣ одинаковы.

Въ Архангельской губерніи бездѣтная вдова, когда мужъ ея былъ самостоятельнымъ нажившикомъ или отдѣленъ отъ семьи, остается безграничною хозяйкою оставшагося имущества, хотя бы живъ былъ отецъ умершаго (**). Въ Тетюшскомъ уѣздѣ Казанской губерніи наблюдается то же самое. „Если жива жена, говоритъ авторъ

(*) I: 353 № 17. *И. Костровъ:* „иногда часть имущества переходитъ въ восходящую линію, даже при прямыхъ наслѣдникахъ, именно для прокормленія престарѣлыхъ дѣда или бабки“ (Юрид. обычаи крестьянъ старожиловъ Томской губ., стр. 45).

(**) *П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 66.—*Свящ. Макаровъ.* Юрид. обычаи жителей Шенкурскаго у. Тулгасскаго прихода: „по смерти отдѣленнаго сына жена его, и не имѣющая дѣтей, остается полной хозяйкой въ своемъ домѣ и распорядительницей оставшагося имущества“ (Арханг. губ. вѣд. 1868 г. № 42).

замѣтки о юридическихъ обычаяхъ жителей этого уѣзда, и она остается послѣ мужа одна, то все имущество переходитъ въ ея владѣніе, т. е. становится ея неотъемлемою собственностью, какъ бы ею самою пріобрѣтенное и нажитое" (*). По словамъ свящ. *Руднева*, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тульской губерніи, жена, по обычаю, наслѣдуетъ въ всемъ имуществѣ мужа послѣ его смерти, хотя бы у послѣдняго остались въ живыхъ братья (**). Напротивъ, въ Малороссіи, по наблюденіямъ г. *Чубинскаго*, имущество отдѣленнаго бездѣтнаго сына поступаетъ къ отцу, а когда его нѣтъ въ живыхъ, то къ братьямъ; жена же переходитъ на жительство въ ту семью, въ которую поступило имущество умершаго ея мужа, а если не пожелаетъ, то ей выдается одно только ея приданое (Очерки народ. юрид. обычаевъ и понятій въ Малороссіи.—Записки русс. геогр. общ. по отд. этногр. 1869 г., т. 2, стр. 696). Не вездѣ однако въ Малороссіи господствуетъ подобный обычай; есть мѣстности, гдѣ вдова наслѣдуетъ и все имущество мужа (***).

(*) *Е. Соловьевъ.* Юрид. формы отношеній между членами семьи въ Тетюшскомъ уѣздѣ (Казанск. губ. вѣд. 1875 г. № 26).

(**) Село Голунь и Новомихайловское Тульск. г., Новосильск. уѣзда. Этнограф. сборникъ русс. геогр. общ. 1854 г., вып. 2, стр. 108.

(***) IV: 29 (Харьк. губ. Валковскій у., Старомерченск. в); 657 § 2 (Полт. губ. Золотоношск. у.): V: 177 (Кіевск. губ. Каневск. у., Мартыновск. вол.). Относительно нѣкоторыхъ мѣстностей по данному вопросу существуютъ въ литературѣ обычнаго права весьма неопредѣленныя и противорѣчивыя записи, которыя нуждаются въ провѣркѣ. Такъ у донскихъ казаковъ бездѣтная вдова, по словамъ г. *Никулина*, пользуется всѣмъ оставшимся послѣ мужа имуществомъ, если только не идетъ замужъ. Въ послѣднемъ случаѣ принято устранять выходящую вторично замужъ вдову отъ наслѣдованія послѣ перваго мужа, хотя правило это не строго соблюдается (Донская газета, 1876 г. № 43). *Г-нъ Харузинъ*, напротивъ, даетъ намъ другую картину

Что касается данныхъ, имѣющихся въ трудахъ комиссіи, то большинство показаній крестьянъ сводится къ тому, что отецъ и братья умершаго отдѣленнаго сына

наслѣдованія: если у супруговъ нѣтъ дѣтей, то имущество умершаго мужа забираетъ обыкновенно отецъ, мать или братья покойнаго. Въ станицахъ Ярыженской и Малодѣльской вдовѣ при этомъ выдѣляется изъ всего движимаго имущества $^1/_4$ часть, а въ другихъ мѣстностяхъ она должна довольствоваться тѣмъ, что дадутъ родственники мужа. Приводя эти свѣдѣнія, г. Харузинъ, однакоже, оговаривается, что не имѣлъ возможности подвергнуть таковыя болѣе строгой повѣркѣ (Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 200). Подобною же неопредѣленностью отличаются наблюденія князя *Н. Кострова* относительно существующихъ въ данномъ случаѣ обычаевъ у крестьянъ старожиловъ Томской губерніи. Въ одномъ мѣстѣ своего сборника онъ говоритъ, что отцу выдѣляется часть изъ имущества отдѣльно жившаго сына, когда у послѣдняго не осталось дѣтей, хотя бы отецъ ничего не далъ сыну при отдѣлѣ; въ другомъ мѣстѣ—что въ случаѣ выхода за мужъ вдовы безпотомно умершаго отдѣленнаго сына, отецъ беретъ обратно все выдѣленное сыну имущество, и наконецъ въ третьемъ, что бездѣтная вдова получаетъ все имущество мужа, если не осталось *никакихъ наслѣдниковъ*, причемъ вдова обязывается платить за мужа подати до новой ревизіи. Выраженіе „никакихъ наслѣдниковъ“ въ особенности не ясно, если припомнить слова самого г. Кострова, что за выдѣломъ кого-либо изъ семьи прекращаются уже всякія имущественныя отношенія его къ прочимъ неотдѣленнымъ членамъ семьи, равно какъ и къ родителямъ; слѣдовательно, прекращаются и наслѣдственныя отношенія. Поэтому выраженіе „никакихъ наслѣдниковъ“ можно понимать въ смыслѣ неимѣнія прямаго потомства, т. е. сыновей, дочерей умершаго и ихъ дѣтей. Но въ такомъ случаѣ трудно согласовать совмѣстное наслѣдованіе отца и жены умершаго. Намъ кажется, что для правильнаго пониманія записи князя Кострова можно допустить въ неи слѣдующую поправку Если послѣ мужа не осталось дѣтей, то вдова, принимая на себя уплату за умершаго податей и другихъ повинностей, наслѣдуетъ все имущество мужа; въ случаѣ же отказа отъ уплаты податей и выхода вдовы замужъ, наслѣдство дѣлится между нею и отцомъ

или брата наслѣдуютъ въ оставшемся послѣ него имуществѣ лишь въ томъ случаѣ, когда послѣ покойнаго не осталось ни дѣтей, ни жены (*). откуда слѣдуетъ, что бездѣтная вдова получаетъ все оставшееся послѣ мужа имущество (**).

Такимъ образомъ, хотя нельзя сказать, чтобы устраненіе родителей отъ наслѣдованія въ имуществѣ без-

---

умершаго, который беретъ себѣ то имущество, какое было имъ выдѣлено сыну при отдѣлѣ послѣдняго отъ семьи. Наша поправка оправдывается до извѣстной степени наблюденіями другаго изслѣдователя народнаго быта, *о. Іоанна Архангельскаго*. „По смерти мужа, говоритъ онъ, вдова остается полной хозяйкой дома, хотя бы у нея не было дѣтей. Когда женщина принимаетъ душевой надѣлъ своего умершаго мужа и слѣдовательно несетъ всѣ подати и повинности, то объ ея имущественныхъ правахъ наравнѣ съ каждымъ домохозяиномъ села не можетъ быть и вопроса. Но женщина вдова можетъ отказаться отъ душеваго надѣла своего мужа и въ такомъ случаѣ должна вступить въ имущественную сдѣлку, т. е. должна поступиться какою-либо частію имущества умершаго мужа... Экономическое начало вводитъ обычай этой сдѣлки потому, что крестьянскій полевой надѣлъ не гарантируетъ всѣхъ податей и повинностей. Въ противномъ случаѣ такія сдѣлки были бы немыслимы“ (Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго уѣзда.—Самарскія епархіальныя вѣд. 1876 г. № 6, стр. 127 и 128).

Относительно инородцевъ отмѣтимъ обычаи, существующіе у мордвы. По словамъ г. *Майнова*, у мордовскаго племени Эрзи имущество, оставшееся послѣ бездѣтнаго отдѣленнаго сына, возвращается цѣликомъ его родственникамъ, жена же получаетъ лишь кое что „на память“; напротивъ у Мокши имущество мужа, хотя бы дѣтей не осталось, предоставляется вдовѣ, такъ какъ по народному взгляду—„яблоня не виновата, что яблоковъ нѣтъ“ (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 186).

(*) I: 624. 642. 666. 676. 727. 752; II: 603; IV: 29. 334; V: 177; VI: 457.

(**) I: 205. 213. 224. 235. 242. 276. 280. 289. 299; II: 430. 453. 460. 471; V: 499.

потомно умершаго отдѣленнаго сына вдовою послѣдняго соблюдалось повсюду, тѣмъ не менѣе правило это можно признать дѣйствующимъ въ значительной части мѣстностей, о которыхъ у насъ имѣются свѣдѣнія.

Означенное правило весьма настойчиво поддерживается и практикой волостныхъ судовъ (*).

Что касается наслѣдованія родителей въ имуществѣ *безпотомно умершей дочери*, то здѣсь имѣются въ виду въ обычномъ правѣ главнымъ образомъ замужнія дочери. Въ большинствѣ случаевъ все дѣло практически сводится къ возвращенію приданаго, такъ какъ въ требованіи родственниковъ умершей оставшагося послѣ нея имущества заключается обыкновенно и искъ о возвращеніи приданаго. Иски послѣдняго рода, какъ видно изъ практики волостныхъ судовъ, встрѣчаются чаще. Это объясняется съ одной стороны тѣмъ, что въ крестьянскомъ быту остающееся послѣ смерти замужней женщины имущество нерѣдко состоитъ исключительно изъ приданаго, а съ другой стороны, искъ о приданомъ имѣетъ за собою болѣе гарантій, такъ какъ въ случаѣ утраты чего-либо изъ приданаго по винѣ мужа или его родственниковъ утраченное подлежитъ возмѣщенію (**).

(*) II: 356 № 38—одежда сына предоставлена отцу въ вознагражденіе за похороны умершаго, а домъ съ надворнымъ строеніемъ оставленъ за вдовою; II: 176 № 19—„все имущество домохозяина наслѣдуетъ жена съ дѣтьми, кромѣ никто;“ III: 257 № 31—домъ, оставшійся послѣ смерти бездѣтнаго отдѣленнаго сына, признанъ собственностію его жены, а не отца; VI: 558 № 5—вдова отдѣленнаго сына имѣетъ право взыскивать съ отца умершаго мужа занятыя первымъ у послѣдняго деньги.

(**) I: 657 № 50; II: 509; III: 49 № 11; IV: 311 № 72. 335 № 9; VI: 230 № 3. 726 № 46. *И. Костровъ*: „если мужъ послѣ смерти бездѣтной жены успѣетъ распродать ея имущество, то родственники ея взыскиваютъ цѣнность этого имущества деньгами“ (стр. 45).

Кромѣ того подобный искъ представляется и менѣе спорнымъ, ибо при искахъ о возвращеніи имѣнія бездѣтно умершей женщины вообще нерѣдко возникаютъ пререканія о томъ, что имущество или часть онаго нажито въ домѣ мужа, а таковое вол. суды не всегда возвращаютъ родственникамъ жены (*). Независимо отъ приведенныхъ выше соображеній, возвращеніе приданаго можетъ быть разсматриваемо на ряду съ возвращеніемъ вообще имѣнія бездѣтно умершей также потому, что въ обоихъ случаяхъ поворотъ имущества въ семью умершей основывается въ обычаѣ на правѣ наслѣдованія.

С. В. Пахманъ выдѣляетъ возвращеніе приданаго родителямъ безпотомно умершей дочери изъ права наслѣдованія и разсматриваетъ этотъ случай какъ возвращеніе дара, сдѣланнаго подъ резолютивнымъ условіемъ (Обыч. гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 238). По съ точки зрѣнія обычнаго права съ этимъ мнѣніемъ едва ли можно вполнѣ согласиться.

Назначеніе приданаго по обычному праву не соединяется исключительно съ намѣреніемъ безвозмездно обогатить одаряемаго, какъ при дареніи, но имѣется въ виду также выдѣлъ изъ семьи, послѣдствіемъ котораго, какъ извѣстно, является устраненіе отъ наслѣдованія. На этомъ основаніи дочери, получившія при своемъ выходѣ замужъ награжденіе приданымъ, обыкновенно устраняются отъ наслѣдованія не только въ имуществѣ отца, но и матери.

Возвращеніе приданаго, какъ оно практикуется въ народномъ юридическомъ быту, нельзя приравнивать

(*) I: 126 № 41. 679 № 12.

и къ случаю возвращенія дара, упоминаемому въ ст. 1142 т. X, ч. 1, ибо здѣсь имущество, уступленное въ видѣ дара, возвращается родителямъ, смотря потому, что отъ кого получено. Въ обычномъ же правѣ имущество, составляющее приданое, не дробится, а цѣликомъ возвращается тому изъ родственниковъ, кто по обычаю имѣетъ ближайшее право наслѣдованія. Напр., хотя бы нѣкоторыя вещи были даны въ приданое двоюроднымъ братомъ или своякомъ умершей, тѣмъ не менѣе вещи эти изъ приданаго не выдѣляются и не отдаются подарившему, но возвращаются въ составѣ приданаго отцу или матери умершей (VI: 467 № 7; III: 64 № 65).

При изложеніи порядка наслѣдованія родителей въ имуществѣ безпотомно умершаго отдѣленнаго сына мы указали, что обычное право не относится безразлично къ тому, кто изъ родителей и въ какомъ порядкѣ наслѣдуетъ означенное имущество. Мы видѣли, что обычай прежде всего призываетъ къ наслѣдованію отца и только за смертію послѣдняго мать и другихъ родственниковъ наслѣдодателя. Весьма естественно ожидать, что подобный же порядокъ наслѣдованія долженъ имѣть мѣсто и по отношенію къ имуществу, включая сюда и приданое, остающемуся послѣ безпотомно умершаго лица женскаго пола. Однако большинство изслѣдователей обычнаго права говорятъ объ этомъ недостаточно опредѣленно.

Исключеніе составляетъ, насколько намъ извѣстно, одинъ *г. Матвѣевъ*, по словамъ котораго въ Самарской губерніи послѣ смерти бездѣтной жены мужъ возвращаетъ все ея дѣвичье имѣніе, т. е. коробью, семьѣ умершей, гдѣ таковая поступаетъ не въ общее достояніе дома, но отдается матери, причемъ подъ коробьей ра-

зумѣется обычное въ крестьянскомъ быту приданое (*).

Однако, труды коммисіи, въ которыхъ Самарская губернія занимаетъ цѣлую половину VI тома,

(*) Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губ., стр. 14 и 19: „по смерти бездѣтной жены, мужъ возвращаетъ безусловно все ея дѣвичье имущество, т. е. коробью, прежнюю семьѣ и тамъ оно не поступаетъ въ общее достояніе дома, но получаетъ его мать умершей". Положеніе это, какъ и большая часть другихъ свѣдѣній о юридическихъ обычаяхъ крестьянъ Самарской губ., заимствовано впрочемъ г. *Матвѣевымъ* прямо изъ статьи *Свящ. І. Архангельскаго*: „Народные обычаи въ селѣ Краковѣ Самарскаго уѣзда," замѣчательной какъ по богатству, такъ и по обработкѣ сообщаемаго въ ней юридическаго матеріала (см. Самарск. епарх. вѣд. 1875 г. № 15, стр. 343). Но не всегда, однакоже, то, что можетъ считаться достовѣрнымъ, какъ юридическій обычай, по отношенію къ селу Кракову, оправдывается и въ примѣненіи къ болѣе обширной территоріи, каковою въ данномъ случаѣ является Самарская губернія, населеніе которой притомъ же отличается весьма смѣшаннымъ характеромъ (великоруссы, малороссы, татары, мордва, чуваши, нѣмцы колонисты). Очерки г. Матвѣева ничего бы не потеряли въ нашихъ глазахъ, еслибъ авторъ вмѣсто того, чтобы *пополнять* (стр. 10) двумя, тремя рѣшеніями вол. судовъ и безъ того довольно богатый матеріалъ, собранный по Самарской губ. волостною коммисіей, потрудился пополнить этимъ матеріаломъ свою собственную брошюру, разработавъ его, напримѣръ, такъ, какъ это сдѣлано *г. Шрагомъ* по отношенію къ рѣшеніямъ вол. судовъ Владимірской и Московской губ., помѣщеннымъ во II т. трудовъ коммисіи (*И. Шрагъ*. Крестьянскіе суды Владимір. и Московск. губ.—Юрид. Вѣстникъ за 1877 годъ). Подобное изслѣдованіе, быть можетъ, привело бы г. Матвѣева къ убѣжденію, что полученіе матерью приданаго послѣ бездѣтной дочери не только не составляетъ общаго правила для Самарской губ., но что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ послѣдней приданое вовсе даже не возвращается въ семью умершей (VI: 48. 49—Степно-Шенталинская и Елшанская вол. Самарск. у; 234—Пригородная вол. Бугурусланскаго у; 294. 312—Каратаевская и Кузайкинская вол. Бугульминскаго у.). Какъ на примѣръ еще болѣе рискованнаго обобщенія можно указать на опредѣленіе г. Матвѣевымъ кладки, въ смыслѣ выкупа женихомъ коробьи невѣсты (стр. 16).

не подтверждаютъ сдѣланнаго г. Матвѣевымъ заключенія. Напротивъ, данныя крестьянами показанія, а равно и рѣшенія волост. судовъ свидѣтельствуютъ, что приданое бездѣтной дочери возвращается отцу, а не матери. Имущество жены, заявили крестьяне Елховской вол. Сам. уѣзда, въ случаѣ ея безпотомной смерти поступаетъ обратно къ отцу (VI: 29). Въ одномъ изъ рѣшеній вол. судъ прямо установилъ, что возвращеніе *отцу* даннаго за дочерью приданаго, кромѣ постели, составляетъ *мѣстный обычай* (Елховск. вол. Сам. уѣзда т. VI: 31, марта 22). Въ практикѣ вол. судовъ Самарской губ. встрѣчаются и другія рѣшенія, изъ коихъ видно, что право на обратное полученіе приданаго принадлежитъ прежде всего отцу, изъ какихъ бы вещей приданое не состояло (VI: 68 № 60).

Мысль эта также оказывается запмствованной у свящ. І. Архангельскаго, хотя у послѣдняго она имѣетъ совершенно иное значеніе. Оспаривая довольно распространенное среди изслѣдователей народнаго юридическаго быта мнѣніе, что кладка есть плата за невѣсту, свящ. Архангельскій замѣчаетъ, что обрядъ выкупа невѣсты у ея брата, состоящій въ уплатѣ послѣднему женихомъ мѣдной или серебряной монеты, объясняется тѣмъ, что холостые братья съ выходомъ сестры замужъ лишаются въ ней своей „спаровщицы", т. к. въ крестьянской семьѣ на обязанности дочери лежитъ помогать матери въ одѣваніи холостыхъ братьевъ своимъ рукодѣліемъ, матеріалъ для котораго, ленъ, поскопь, шерсть—попадаетъ также въ коробью дочери изъ части, получаемой матерью на себя и на своихъ холостыхъ сыновей (Сам. епарх. вѣд. 1875 г. № 15, стр. 337). Между этимъ остроумнымъ, хотя, можетъ быть, и не совсѣмъ вѣрнымъ (срав. *А. Смирновъ*. Очерки сем. отношеній, стр. 142—143, 165—168) объясненіемъ древняго обряда выкупа невѣсты у братьевъ и выводомъ, что кладка есть выкупъ коробьи, существуетъ, конечно, значительное разстояніе. Неудачность послѣдняго обобщенія очевидна сама собою въ виду возвращенія разъ уже *выкупленной* коробьи, согласно заявленію самаго же г. Матвѣева, обратно въ семью бездѣтно умершей.

Прочіе изслѣдователи народнаго юридическаго быта, не дѣлая въ разсматриваемомъ вопросѣ исключенія въ пользу матери, говорятъ вообще, что приданое послѣ смерти бездѣтной замужней дочери идетъ въ семью умершей, къ ея родителямъ и другимъ родственникамъ (*).

(*) *Н. Костровъ:* „если послѣ умершей не осталось дѣтей, то приданое возвращается опять въ ту семью, откуда была взята жена“ (стр. 24).—*Ѳ. К—въ:* „послѣ смерти жены, если не осталось дѣтей, и въ особенности если она умерла вскорѣ послѣ замужества, приданое отдается родителямъ обратно“ (стр. 21).—*М. В. Бравинъ:* „послѣ смерти жены хозяина имущество ея дѣлится между дѣтьми, но если дѣтей нѣтъ, то оно возвращается обратно въ семью ея родныхъ“ (Нижегородскій Сборникъ, т. 5, стр. 170).—*Свящ. А. Борисовскій:* „въ случаѣ смерти приданое жены остается у мужа съ дѣтьми, а за неимѣніемъ дѣтей оставляется мужу одна постель, а остальное все возвращается въ тотъ родъ, откуда взята была умершая жена“ (Нижегородскій Сборникъ, т. 3, стр. 216).—*Н. Данильченко:* „за смертію замужней дочери бездѣтною, по требованію родителей или родственниковъ, свадебные подарки и приданое, оставшееся въ цѣлости, возвращается въ тотъ домъ, откуда взята была умершая жена“ (Этнограф. свѣдѣнія о Подольск. губ., стр. 3).—*И. Тимощенковъ:* „все принесенное невѣстою имущество принадлежитъ собственно ей . . . . ; послѣ смерти ея на него имѣютъ право только дѣти ея и то семейство, изъ котораго она взята“ (Труды област. войска Донск. ст. комит. 1874 г., стр. 173—174).—*И. Сердюковъ.* Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстиславскомъ уѣздѣ: „въ случаѣ смерти кого-либо изъ супруговъ (?) бездѣтнымъ приданое возвращается по наслѣдству“ (Могилевскія губ. вѣд. 1868 г. № 14, часть неофиц.).—*И. Лядовъ:* „если же дѣтей отъ жены не осталось, то приданое, пріобрѣтенное на столовыя деньги, остается въ пользу мужа, прочее же все возвращается родителямъ умершей или въ случаѣ ихъ смерти ближайшимъ ея родственникамъ“ (Ежегодникъ Владимірскаго стат. комит. 1877 г., вып. 2, т. 1, стр. 81).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „послѣ смерти жены, если у нея не осталось дѣтей, имущество ея поступаетъ обратно въ родительскій домъ, за исключеніемъ развѣ постели и иконы, которыя оставляются мужу. Такъ

Къ этимъ изслѣдователямъ примыкаетъ и *С. В. Пахманъ*, замѣчая, что, по общему правилу, въ случаѣ бездѣтной смерти жены, мужъ или свекоръ или наслѣдники мужа обязаны возвратить приданое родителямъ умершей, а если родителей нѣтъ въ живыхъ, то братьямъ, сестрамъ или другимъ родственникамъ—вообще передать въ родъ покойной (Обыч. гражд. пр. въ Россіи, т. 2, стр. 125).

Мы полагаемъ, однакоже, что на основаніи матеріала, собраннаго въ трудахъ коммисіи, можно попытаться съ большею точностію опредѣлить, кому именно изъ родителей или другихъ родственниковъ возвращается приданое, равно какъ и прочее имущество бездѣтно умершей замужней женщины, или другими словами, кто изъ нихъ и въ какой постепенности признается въ этомъ случаѣ ея ближайшимъ наслѣдникомъ.

Прежде всего замѣтимъ, что хотя въ крестьянскомъ быту приданое заготовляется заблаговременно и притомъ по большей части на средства матери невѣсты (*),

---

дѣлается близъ Холмогоръ" (стр. 65).—*П. Чубинскій.* Краткій очеркъ: „въ обычаяхъ малороссовъ принято такъ: если дѣвушка выходитъ замужъ, имѣя приданое, и проживши съ мужемъ годъ-два, умираетъ, не оставляя по себѣ дѣтей, тогда родители умершей требуютъ у зятя возврата всего того имущества, которое было дано за ихъ дочерью въ приданое" (Труды этногр. стат. экспед. т. VI, стр. 54).—*Н. И—чъ.* Нар. юрид. об. у татаръ Казанск. губ: „по смерти жены, при ея бездѣтности, приданое поступаетъ къ ея родителямъ, родственникамъ, вообще къ тому семейству, изъ котораго она была взята" (Труды Каз. губ. ст. ком. 1869 г., вып. 3, стр. 25).

(*) *Свящ. Рудневъ.* Село Голунь и Новомихайловское Тульской губ., Новосильскаго уѣзда: „на приданое невѣсты хозяинъ семейства ничего не тратитъ, даже если невѣста его дочь; купитъ развѣ только образъ для благословенія, все же приданое должна справлять мать отъ себя" (Этногр. сбор. геогр. общ. 1854 г., вып. 2,

а также на сбереженія изъ заработковъ самой невѣ-

стр. 108).—*Свящ. М. Макаровъ.* Юрид. обычаи жителей Шенкурскаго у., Тулгасскаго прихода: „приданое приготовляется преимущественно матерью, отецъ же почти не знаетъ, что особеннаго есть у дочери“ (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 42).—*Свящ. І. Архангельскій.* Народные обычаи въ с. Краковѣ Сам. уѣзда: „мать исподволь запасаетъ для коробьи дочери изъ своей коробьи и изъ своего женскаго добра холстъ, сорочки и нижнее бѣлье . . . . (Сам. епарх. вѣд. 1875 г. № 9, стр. 211).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „въ накопленіи *дѣвьяго имънія* участвуютъ желанные родители, но главнѣйшая забота о приданомъ дочери лежитъ на обязанности матери. Въ Тулгасскомъ приходѣ отецъ вовсе въ это не вникаетъ и почти не знаетъ, что особеннаго есть у дочери. Поэтому приданое главнымъ образомъ составляется на средства и изъ вещей, пріобрѣтенныхъ матерью отъ домашнихъ и хозяйственныхъ работъ . . . ; кромѣ того, заживочный *кормилецъ-батюшко заводитъ дочи обновы...*“ (стр. 41. См. также: Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губ. Въ этой прекрасной монографіи г. Ефименко сообщаетъ весьма подробныя свѣдѣнія какъ о составѣ, такъ и о заготовленіи приданаго).—*П. Чубинскій.* Очеркъ: „для дочерей образуется такъ называемая „скріня“. Отецъ въ образованіи скріни помогаетъ деньгами; но преимущественно о скрінѣ заботится мать . . . Скріня состоитъ собственно изъ двухъ частей: изъ „скріни“ и изъ „худоби“; въ первую кладутъ полотно, хустки, рушники, скатерти, рядна, подушки, запаски, плахти и платки; а худобою называются карсети, юбки, свити, баранки и чеботи, т. е. то, что покупается, а не приготовляется дома . . . Мать запасаетъ все для дочери заблаговременно . . . Отцу же остается только пріобрѣсти кое-что изъ одежды, да и то, по большей части, заготовляетъ мать . . . (стр. 690).—*Неизвѣстный авторъ* статьи: О юрид. обычахъ нѣкот. слобод. Міусск. и Черкасск. округовъ—„при жизни мать заботится о благоустроеніи судьбы своей дочери: она готовитъ ей кое-какое приданое . . (Донск. област. вѣд. 1875 г. № 38).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „всѣ предметы, составляющіе сундукъ, накопляются обыкновенно постепенно, главнымъ образомъ заботами матери. Какъ только начнетъ дочь подрастать, а мать уже начинаетъ *собирать сундукъ*“, т. е. понемногу заготовлять разныя вещи: напр. на яр-

сты (*), тѣмъ не менѣе по обычаю признается, что при-

маркѣ купитъ платокъ или шаль или еще что-нибудь (иной разъ потихоньку отъ отца) и спрячетъ. Отецъ потомъ уже, когда дочь сосватаютъ, еще помогаетъ чѣмъ-нибудь; купитъ сережки, бусы, вообще изъ украшеній что-нибудь. „Щепки“ (т. е. самый ящикъ) покупаетъ также отецъ“ (стр. 194).

(*) *Свящ. Селезневъ.* Этногр. свѣдѣнія о Рязанской губ.: „работа дѣвицъ вся поступаетъ на нихъ одпѣхъ“ (стр. 11). —*П. Дерюженевъ.* Описаніе села Сосновки: „дѣвушки пользуются за свой трудъ въ семействѣ только пищею и обувью; остальное приготовляютъ себѣ сами, а нарядъ пріобрѣтаютъ на свою собственность. Онѣ ткутъ холсты и мѣняютъ ихъ на ситцы“ (Памятная книжка Самарск. губ. за 1863—1864 г., стр. 123).— *П. Ефименко.* Сборникъ: „сюда (т. е. къ составу приданаго) присоединяются также вещи собственной работы дѣвушки и купленныя на деньги, добытыя отъ ея трудовъ на сторонѣ“ (стр. 41).— *П. Чубинскій.* Очеркъ: „не только мать, но и сама дочь участвуетъ въ образованіи своей скрини своимъ трудомъ“ (стр. 691).—*Свящ. Архангельскій:* „все, что дѣвушка пріобрѣтетъ помимо семейныхъ работъ трудами рукъ своихъ, это ея неотъемлемая собственность, и семья ни въ какомъ случаѣ не имѣетъ права требовать въ семейное достояніе ея заработка. Она для семьи какъ бы особенная имущественная единица. Семья, не освобождая совершенно дѣвушку отъ тягости общихъ работъ, дастъ ей возможность работать на себя. Этого права другіе члены семьи не имѣютъ. Здѣсь въ с. Краковѣ существуютъ слѣдующія работы, отъ которыхъ дѣвушки получаютъ заработки: сажаніе на бакчахъ, полотье ихъ и уборка на нихъ, частію уборка сѣна, полотье яроваго хлѣба, дѣланіе кизяка и „гулькн“. Съ вечера наканунѣ праздничнаго дня собираются дѣвушки партіями отъ 6 до 10 человѣкъ и утромъ нанимаются домохозяевами, обыкновенно съ подожданіемъ денегъ, жать хлѣбъ. Цѣну за десятину большею частію берутъ нѣсколько ниже существующей въ то время заработной платы, а иногда одинаковую. Это и называется гульками“ (Сам. епарх. вѣд. 1875 г. № 9, стр. 211—212, ч. неофиц.).—*В. Майновъ.* Очеркъ юрид. быта мордвы: „приданаго въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. выдѣла части изъ семейнаго имущества въ пользу дочери, выдаваемой замужъ, совер-

даное даетъ отецъ невѣсты, пока онъ живъ (*), такъ что вещи, входящія въ составъ приданаго, считаются какъ бы принадлежащими отцу, хотя бы оно сплошь состояло изъ такъ называемаго платнаго приданаго (**).

Это видно изъ слѣдующихъ рѣшеній волостныхъ судовъ. Крестьянинъ Б. заявилъ, что послѣ смерти его

шенно не существуетъ у мордвы, но тѣмъ не менѣе нѣчто подобное мы находимъ въ томъ, что соотвѣтствуетъ нашей „коробьѣ“ и называется у Эрзи „парькэ“, а у Мокши „парчинэ“ или „парга“. У Эрзи „парькэ“ копится какъ невѣстою, такъ и всѣми домашними, напротивъ того, у Мокши накопленіе коробьи лежитъ на обязанности только невѣсты, которая однако вольна употреблять на снабженіе коробьи то, что ей даритъ семья и даже часть своихъ частныхъ сторонніхъ заработковъ“ (стр. 117).

(*) I: 97 № 9; II: 47. 93; III: 64 № 65; IV: 266 № 2; V: 472 № 10; VI: 68 № 20. 79 № 19. 312. 322. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ участіе отца въ снабженіи дочери приданымъ принимаетъ весьма своеобразную форму. По обычаю жителей погоста Кеврола Архангельской губ. отецъ невѣсты, въ дополненіе къ приданому, долженъ въ продолженіи цѣлаго года доставлять дочери все необходимое изъ платья и прочей домашней утвари. Разорвется ли обувь, дочь везетъ къ отцу зачинить; сломается ли коса или грабли— обращается къ нему же; даже столовую ложку и мыло для мытья бѣлья обязанъ дать отецъ (*С. Постниковъ.* Кеврола. Изъ путевыхъ замѣтокъ.—Арханг. губ. вѣд. 1865 г. № 28). Въ Тулгасскомъ приходѣ той же Арханг. губ., по словамъ *Свящ. Макарова*, существуетъ обычай, по которому до 3 лѣтъ замужества родители и главнымъ образомъ отецъ обязанъ снабжать дочь верхнею лѣтнею одеждою и обувью (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 42). У вотяковъ существуетъ обычай особо сѣять для невѣсты коноплю, которою молодая и пользуется въ первый годъ по замужествѣ. Съ полученіемъ своей конопли дочь считается уже окончательно отдѣлившеюся отъ родительской семьи (*М. Харузинъ.* Очерки юрид. быта народностей Сарапульскаго у., Вятской губ., стр. 14).

(**) „Приданое, состоящее изъ женской одежды и убранства, называется *платно* или *платенно придано* . . .“ (*П. Ефименко.* Приданое по обычному праву крест. Арх. губ., стр. 3).

дочери остались вещи, *принадлежащія ему*, просителю: 4 шушпана, 3 юпки, 5 холстовъ, 5 утирокъ, 3 скатерти, 4 платка, 2 фунта питокъ и проч. Мужъ умершей показалъ, что имущество, *которое принадлежало* просителю, имъ взято, а прочее нажито въ его домѣ. Судъ постановилъ: изъ поименованныхъ вещей отобрать два шушпана, юпку, пять утирокъ и вручить *по принадлежности* отцу умершей (I: 679 № 12). По другому дѣлу крестьянинъ Х. жаловался на невозвращеніе послѣ смерти дочери, отданной въ замужество за П., имущества, *собственно ему принадлежащаго*, какъ то: шубки, холстовъ, платковъ, женскихъ рубахъ, шерсти и тому под. Рѣшено: высказанныя Х. вещи взыскать съ П., а за неимѣніемъ вещей деньгами (I: 657 № 50).

Отсюда видно, что обычное право не совсѣмъ безразлично относится къ вопросу о томъ, кто изъ родителей имѣетъ ближайшее право на полученіе имущества, оставшагося послѣ безпотомно умершей дочери. Правда, въ трудахъ коммисіи встрѣчаются показанія крестьянъ, что въ означенномъ случаѣ приданое вообще возвращается родителямъ умершей (*), но въ разсматриваемомъ вопросѣ подобныя показанія едва ли могутъ имѣть рѣшающее значеніе, такъ какъ они, подобно другимъ заявленіямъ крестьянъ, что приданое идетъ къ родственникамъ умершей, въ ея родъ, въ тотъ домъ, откуда была взята (**), представляютъ собою лишь общій

(*) I: 12. 124. 130. 134. 143. 174. 175. 392; II: 47. 54. 71. 229. 256. 334; III: 189. 196. 201. 397; IV: 14; V: 319. 323. 332. 526; VI: 51. 206. 211. 223.

(**) III: 3. 14. 21. 32. 51. 58. 68. 75. 85. 92. 104; IV: 3. 5. 23; V: 339; VI: 258. 263 (роднымъ или родственникамъ);—III: 219; V: 492. 516. 525 (въ родъ);—I: 541. 560. 580. 606. 613. 727; III: 310. 330; IV: 248; VI: 44. 441 (въ домъ, откуда взята умершая жена).

отвѣтъ на неопредѣленно поставленный вопросъ, куда поступаетъ приданое въ случаѣ бездѣтной смерти жены. Но въ трудахъ коммисіи имѣются и болѣе опредѣленныя показанія крестьянъ объ этомъ предметѣ. Всѣ эти показанія согласны между собою въ томъ, что приданое послѣ смерти бездѣтной дочери, если возвращается, то поступаетъ *къ отцу* умершей (*) и только въ двухъ мѣстностяхъ было заявлено, что приданое всегда идетъ къ матери (**).

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ мы наблюдаемъ преобладаніе того же обычая, т. е. что приданое и прочее имущество бездѣтно умершей дочери поступаетъ прежде всего отцу. Такъ какъ подобнаго рода рѣшеній довольно много, то мы позволимъ себѣ привести въ подробности лишь тѣ изъ нихъ, въ которыхъ волостной судъ прямо ссылается на обычай. Одно изъ такихъ рѣшеній, заимствованное изъ практики вол. судовъ Самарской губ., мы уже имѣли случай цитировать выше (VI: 31, марта 22). Другое рѣшеніе мы беремъ изъ практики вол. судовъ Ярославской губ. (III: 27 № 26).

(*) I: 642. 676; II: 3. 390. 407. 414. 431. 471; IV: 69. 91. 96. 106. 113. 244. 253. 258. 267. 272. 297; V: 48. 52. 60. 68. 73. 88. 94. 101. 108. 114. 383. 396. 499; VI: 29. 349. 591. 620. 639. *П. Никулинъ*: „мужъ послѣ смерти жены своей оставшееся имущество не возвращаетъ ея *отцу*, если есть дѣти, а предоставляетъ въ распоряженіе своимъ дочерямъ, а когда нѣтъ дѣтей, то возвращаетъ только то, которое она принесла съ собою“ (Народ. юрид. обычаи донскихъ казаковъ 2-го округа.—Донская газета, 1876 г. № 45).

(**) III: 153 (Поводневская вол. Мологск. у., Ярославской губ.), 161 (Новопокровская вол. Угличскаго у., Ярос. губ.). (*Свящ. І. Архангельскій*. Народные обычаи въ с. Краковѣ Самарск. уѣзда: „по смерти бездѣтной жены мужъ безусловно возвращаетъ все „дѣвичье имѣніе“ коробьи въ ея прежнюю семью ... Его получаетъ мать ...“ (Самарск. епарх. вѣдомости, 1875 г. № 15, стр. 313).

Разсмотрѣвъ дѣло по жалобѣ зятя О. на удержаніе тестемъ Ф. приданаго умершей жены, вол. судъ, соображаясь, какъ сказано въ рѣшеніи, съ обычаемъ крестьянскаго быта, по которому *приданое, данное отцомъ за дочерью*, когда не осталось дѣтей, *возвращается все безъ остатка отцу умершей*, кромѣ постели и образа, постановилъ: оставшееся у Ф. имущество дочери *признать его Ф. имуществомъ*. Третье примыкающее сюда рѣшеніе интересно еще потому, что имъ затрогивается вопросъ, относящійся къ завѣщательному праву. *Г-нъ Ефименко* въ своей монографіи «Приданое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи» говоритъ: «на мой вопросъ, можетъ ли жена завѣщать своему мужу платное и иное приданое, объяснявшій мнѣ обычай крестьянинъ отвѣчалъ, что подобныхъ случаевъ не бывало, но что, по его мнѣнію, она не можетъ этого сдѣлать, потому что приданое должно возвратиться въ семью ея родителей» (Записки рус. геогр. общ. по отд. этногр. 1873 г., т. 3, стр. 61). Наше рѣшеніе свидѣтельствуетъ то же самое, только съ большею опредѣлительностію, ибо указываетъ вмѣстѣ съ тѣмъ, кому изъ родителей должно быть возвращено приданое. Именно, судъ призналъ, что хотя умершая и завѣщала имущество мужу, но этого не вправѣ была дѣлать безъ согласія отца, такъ какъ „по мѣстнымъ обычаямъ, принятымъ въ крестьянскомъ быту, *за смертію* (бездѣтной) *жены, все ея имущество должно обратиться въ пользу отца*, а мужу остается образъ и постель“ (III: 230 № 4).

И такъ, основываясь на приведенныхъ нами данныхъ, слѣдуетъ придти къ заключенію, что по общему правилу приданое бездѣтно умершей замужней женщины, изъ чего бы таковое не состояло, а также прочее ея имущество, съ нѣкоторыми, установленными обычаемъ,

ограниченіями, возвращается по наслѣдству прежде всего къ отцу умершей (*).

Сдѣланный выводъ подтверждается еще и другими соображеніями.

Если бы остающееся послѣ дочери имущество наслѣдовали оба родителя безразлично, то мы вправѣ были бы ожидать, что подобное начало непремѣнно выскажется въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ. Между тѣмъ изъ множества напечатанныхъ въ трудахъ коммисіи рѣшеній, трактующихъ о возвращеніи приданаго и прочаго имущества послѣ смерти бездѣтной дочери, мы встрѣтили всего лишь одно рѣшеніе, въ которомъ было постановлено о возвращеніи имущества умершей обоимъ родителямъ вмѣстѣ—„родному отцу и матери“ (I: 632 № 34). Во всѣхъ другихъ случаяхъ приданое и остальное имущество бездѣтной дочери возвращается судами или только отцу (**) или только матери (***); а это, какъ намъ кажется, доказываетъ, что, по обычаю, родители наслѣдуютъ не совокупно, а одинъ послѣ другаго: сначала отецъ, а за смертію его мать, что подтверждается также тѣмъ, что въ рѣшеніяхъ, гдѣ рѣчь идетъ о возвращеніи дочерняго приданаго и имущества матери,

(*) Упомянутыя ограниченія будутъ указаны при разсмотрѣніи порядка наслѣдованія супруговъ по обычному праву.

(**) I: 97 № 9. 170 № 27. 657 № 50. 679 № 12; II: 162 № 7. 319 № 130. 373 № 14; III: 27 № 36. 28 № 23. 64 № 65. 230 № 4; IV: 246 № 2. 468 № 15. 640 № 3; VI: 31. марта 22. 68 № 60. 79 № 19. 244 № 33. 581 № 10 (приданое).—I: 654 № 41. 656 № 45; II: 126 № 41. 138 № 28; III: 87 № 47. 289 № 33. 351 № 70; IV: 595 № 41; VI: 530 № 8 (имущество вообще).

(***) I: 98 № 11. 109 № 12. 653 № 37; II: 316 № 52; III: 49 № 11; VI: 726 № 46 (приданое).—I: 169 № 22. 334 № 16. 432 № 27. 634 № 26. 653 № 37; II: 55 № 11. 316 № 52; III: 89 № 6. 215 № 16. 223 № 6; VI: 467 № 7 (имущество вообще).

послѣдняя является вдовой (*), хотя обстоятельство это и не всегда обозначается.

Затѣмъ самое число рѣшеній, присуждающихъ возвращеніе приданаго отцу, значительно превышаетъ количество рѣшеній, постановляющихъ о передачѣ приданаго матери. Фактъ этотъ тоже, хотя и косвеннымъ образомъ, свидѣтельствуетъ въ пользу нашего вывода(**). Если предположить, что оба родителя наслѣдуютъ совмѣстно или наслѣдуетъ одна только мать, то нѣтъ сомнѣнія, что число исковъ о возвращеніи приданаго со стороны матерей значительно превысило бы таковое же со стороны отцовъ, ибо крестьянскія женщины вообще не боятся процессовъ и ревностно отстаиваютъ свои права передъ судомъ, какъ это видно, между прочимъ, изъ множества дѣлъ, возникающихъ между снохами и односемейными ихъ мужей о раздѣлѣ имущества по поводу смерти послѣднихъ.

Наконецъ, при обсужденіи вопроса, почему приданое возвращается прежде всего отцу бездѣтно умершей замужней женщины, необходимо принять въ соображеніе и то обстоятельство, что въ народномъ быту, такъ называемая, кладка и столовыя (мѣстами выводныя) деньги предназначаются не только на угощеніе при свадьбѣ, но весьма нерѣдко употребляются также на

(*) II: 49 № 11. 316 № 52; VI: 726 № 46.

(**) Въ трудахъ коммиссіи изъ 25 рѣшеній о возвращеніи приданаго родителямъ, 19 постановлены въ пользу отца и только 6 въ пользу матери. Изъ рѣшеній, напечатанныхъ въ монографіи г. *Ефименко* о приданомъ, въ 4-хъ рѣшеніяхъ приданое возвращено отцу и въ одномъ матери. Въ VI томѣ трудовъ этногр. экспед. въ зап. русс.край помѣщено всего только 7 рѣшеній, касающихся вообще приданаго, и изъ нихъ въ одномъ случаѣ приданое было передано отцу (№ 109), а въ другомъ матери (№ 111).

пріобрѣтеніе приданаго и нарядовъ невѣстѣ (*). Кладка

(*) I: 506. 518. 524; II: 165. 206; VI: 196. 223. 258. 263. 268. 294. 301. 312 (деньги, полученныя на *кладку*, идутъ на наряды невѣсты).—I: 580. 606. 624; VI: 353 (на приданое).—II: 206. 407. 414; VI: 258. 263 (на свадебные расходы и угощеніе).—I: 262. 276. 294; II: 377. 383 (*столовыя деньги* употребляются на наряды невѣсты).—II: 43 (на приданое).—I: 224. 254; II: 43; VI: 628. 637 (на свадебные расходы и угощеніе). –II: 3. 26. 28. 33. 65. 324 (то же назначеніе имѣютъ и *выводныя деньги* или *выводъ*). *М. В. Бравинъ*: „отецъ невѣсты выторговываетъ деньги на столъ, т. е. сумму, изъ которой дѣлаетъ невѣстѣ приданое, покупаетъ хорошій сарафанъ, платокъ, пальто на ватѣ или шубу; часть этихъ же денегъ должна идти на вино и на угощеніе“ (Нижегород. Сборникъ, т. 5, стр. 155).—*Свящ. Сережевъ*: „въ прежнее время за невѣсту женихъ былъ обязанъ заплатить *выкупъ* или *выводъ* отъ 6 до 10 руб. Эти деньги поступали на одежду невѣсты и ея нарядъ; самъ женихъ ничего не платитъ, а напротивъ съ его стороны выговариваютъ въ родѣ приданаго . . .“ (Этногр. свѣдѣнія о Рязанской губ., стр. 6).—*Свящ. А. Кордатовъ*. Самокрутка: „родственники невѣсты дѣлаютъ условіе съ родственниками жениха о такъ называемой *платѣ на столъ*, которая бываетъ различна, судя по состоянію жениха и невѣсты, отъ 10 до 70 руб. Эти деньги поступаютъ на наряды невѣстѣ, а отцу на издержки по столу послѣ брака“ (Нижегородскій Сборникъ, т. 3, стр. 148).—*П. Лядовъ*. Юрид. нар. обычаи крест. Шуйскаго уѣзда: „на столъ берется отъ 10 до 100 рублей, смотря по приданому невѣсты; если у невѣсты приданаго, т. е. разной одежды, много, то и на столъ берутъ за нее много, а если приданое бѣдно, то и на столъ уже берутъ мало. *Столовыя деньги* по условію должны расходоваться то на увеличеніе приданаго невѣсты, то на спускъ ея, т. е. на угощеніе во время свадьбы“ (Ежегодникъ Владимірскаго ст. комит. 1877 г., т. I, вып. 2, стр. 79).—*Авторъ статьи*: Слобода Трехъизбянская Харьк. губ., Старобѣльск. уѣзда —„приданаго за дѣвками не берутъ, напротивъ, рѣдкій не прилатитъ еще при сватаньи невѣстѣ на нарядки, на справку кокошника, отъ 3 до 10 руб. сер.“ (Этн. сбор. геогр. общ. 1858 г., вып. 3).—*Свящ. Гуляевъ*. Финансовая сторона крест. свадьбы въ с. Васильевомъ Майданѣ: „большая часть кладочныхъ денегъ затрачивается не-

же и столовыя деньги даются обыкновенно стороною жениха отцу невѣсты (*).

вѣстою на покупку себѣ и своему мужу нарядовъ" (Нижег. Сборн. т. 5, стр. 295).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „по нашему донскому обычаю—говорится въ одномъ изъ рѣшеній станичныхъ судовъ—во время просватанья въ замужество дѣвицы, имъ дается условная кладка, т. е. дарятъ безвозвратно на всегда вещи или деньги на справку нужнаго для нихъ платья" (стр. 195).—*В. Магнитскій.* Очеркъ юрид. быта чувашъ: „холымъ—денежная плата жениха за невѣсту . . .; холымъ отцомъ невѣсты тратится какъ на изготовленіе недостающаго ей приданаго, такъ и на справленіе брачнаго пиршества" (Каз. губ. вѣд. 1868 г. № 83).

(*) I: 224. 254. 280; II: 54; VI: 23, ноябр. 7. 55. 69 № 68. 620. 628. 637. *Свящ. Троицкій.* Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ ветлужскихъ жителей: „чтобы съиграть свадьбу—женить сына—достаточному крестьянину нужно припасти 80 или 100 руб. сер. Прежде всего ему нужно распонть по крайней мѣрѣ полъ ведра простой водки и четверть ведра виноградnаго на рукобитьѣ, просватавши невѣсту, и тутъ же выложить на столъ *выговора* за нее отцу отъ 20 до 40 руб." (Нижегор. Сборникъ, 1870 г., т. 3, стр. 130).—*П. Никулинъ*: „во время рукобитья выговариваютъ невѣстѣ отъ жениха *кладку*. Кладутъ цѣлую кучу рукъ на столъ одна на другую, а отецъ невѣсты прикрываетъ и начинаетъ выговаривать отъ жениха кладку . . . ." Изъ чего должна состоять кладка—это видно между прочимъ изъ пѣсни, которую поютъ дѣвушки во время выговора кладки:

Кладите мнѣ кладку—
Кумачъ да китайку,
Крытую шубу,
Сафьяны сапожки,
Кастровы чулочки,
Красныя черевички,
Шелковый платочекъ,
Замшевы перчатки,
Шелковый колпачекъ.

(Донская газета, 1875 г. № 81.)

Относительно участія отца въ снабженіи дочери приданымъ слѣдуетъ еще замѣтить, что въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ (пре-

Такимъ образомъ въ конечномъ результатѣ нашего изслѣдованія о порядкѣ наслѣдованія родителей по обычному праву мы приходимъ къ тѣмъ самымъ положеніямъ, которыя уже были намѣчены нами въ самомъ началѣ, т. е. что ближайшее право наслѣдованія послѣ безпотомно умершихъ дѣтей обоего пола принадлежитъ отцу и только за смертію его—матери, хотя есть мѣстности, гдѣ по обычаю оба родителя устраняются отъ

имущественно у донскихъ казаковъ) существуетъ обычай раздачи „каравая“ во время свадебнаго обѣда (каравайный или княжой обѣдъ). При раздачѣ каравая гости, не исключая отца и матери невѣсты, дѣлаютъ молодымъ подарки. „Отецъ даритъ дочери на каравай корову, мать телушку, тетка овцу и т. под.“ (*П. Никулинъ*). Прочіе гости дарятъ каждый, что можетъ, по своимъ средствамъ (*М. Харузинъ*). Все, что бываетъ положено на каравай, считается, по словамъ г. Никулина, собственностію жены и поступаетъ въ часть приданаго. (Подробности о караваѣ смотри: *М. Харузинъ.* Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 142, 156—157, 197; *П. Никулинъ.* Народные юрид. обычаи донскихъ казаковъ 2-го округа.—Донская газета, 1875 г. № 84; *Е. Поповъ.* Изъ быта донецкаго станичника.—Донская газета, 1876 г. № 100. Объ обрядѣ раздачи каравая упоминается также въ статьѣ „Слобода Трехъизбянская“ и въ замѣткѣ свящ. *П. Троицкаго.* Село Липицы и его окрестности (Тульск. г., Каширск. у.), помѣщенной въ Этнограф. сборникѣ русс. геогр. общества, 1854 г., вып. 2, стр. 91.) Слово „приданое“ у донскихъ казаковъ не всегда обнимаетъ собою все то имущество, которое пріобрѣтаетъ невѣста съ выходомъ замужъ. Приданое въ тѣсномъ смыслѣ составляетъ то, что отецъ дастъ за дочерью помимо „сундука,“ постели и каравайнаго, а именно: садъ, оливадъ, нѣсколько деревьевъ или кустовъ винограда въ своемъ саду, скотину, хату, деньги. Но такое „приданое“ встрѣчается у казаковъ сравнительно рѣдко и только у богатыхъ (*Харузинъ.* Свѣдѣнія, стр. 197). Подобное приданое бываетъ, напримѣръ, у круглыхъ сиротъ, которымъ имущество это досталось отъ умершихъ родителей (*П. Тимощенковъ.* Обществ. быть и нар. обычаи Казанской станицы, стр. 173).

наслѣдованія послѣ бездѣтно умершаго отдѣленнаго сына, если у послѣдняго осталась жена, къ которой и поступаетъ все мужнино имущество.

Въ заключеніе нельзя не обратить вниманія, что вышеизложенныя правила обычнаго порядка наслѣдованія родителей весьма значительно расходятся съ постановленіями, объ этомъ предметѣ дѣйствующаго закона, который въ этомъ случаѣ отказывается даже отъ свойственнаго ему, наравнѣ съ обычнымъ правомъ, начала предпочтенія въ наслѣдованіи мужскаго пола передъ женскимъ и признаетъ за обоими родителями совершенно одинаковыя наслѣдственныя права.

Столь рѣзкое различіе между обычнымъ правомъ и постановленіями о наслѣдованіи родителей дѣйствующихъ гражданскихъ законовъ объясняется, повидимому, тѣмъ, что послѣднія образовались сравнительно въ очень недавнее время (1823 г.) и не имѣютъ глубокихъ корней въ нашемъ древнемъ писанномъ правѣ, въ которомъ относительно наслѣдованія родителей не было никакихъ общихъ и опредѣлительныхъ правилъ. Статьи 1141 и 1142 т. X, ч. 1 являются такимъ образомъ нововведеніемъ въ сложившейся у насъ исторически системѣ законнаго наслѣдованія и, не смотря на нѣкоторые свои недостатки, нововведеніемъ весьма важнаго свойства, которое для будущаго гражданскаго уложенія можетъ послужить солидною точкой опоры какъ для признанія наслѣдственныхъ правъ и за другими, кромѣ родителей, восходящими родственниками, на что обычное право съ своей стороны даетъ весьма мало данныхъ, такъ и для проведенія принципа равноправности половъ, по отношенію ко всѣмъ вообще лицамъ, призываемымъ въ законномъ порядкѣ къ наслѣдованію.

IV. Наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ.

Свѣдѣнія наши о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ ограничиваются почти исключительно матеріаломъ, представляемымъ трудами волостной коммисіи, причемъ, къ сожалѣнію, и этотъ матеріалъ не отличается въ данномъ случаѣ ни особеннымъ богатствомъ, ни точностью. По справедливому замѣчанію *С. В. Пахмана* (Обычное гражд. право, т. 2, стр. 241), наиболѣе свѣдѣній въ трудахъ коммисіи имѣется о наслѣдованіи братьевъ и сестеръ; менѣе удовлетворительны данныя, касающіяся племянниковъ и племянницъ; въ особенности же они скудны по отношенію къ наслѣдованію дядей и тетокъ, равно какъ двоюродныхъ братьевъ и сестеръ и другихъ боковыхъ родственниковъ. Весьма затруднительно также привести въ связь наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ съ правомъ наслѣдованія восходящихъ.

Въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ встрѣчается всего лишь два или три примѣра наслѣдованія восходящихъ родственниковъ, не говоря о родителяхъ, изъ которыхъ, однакоже, нельзя вывести никакого заключенія о томъ, насколько восходящіе родственники, дѣдъ, бабка и другіе, исключаютъ или ограничиваютъ право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ. Между тѣмъ рядъ другихъ случаевъ показываетъ, что боковые родственники пользуются иногда правомъ наслѣдованія даже при жизни матери наслѣдодателя, не оставившаго по себѣ нисходящаго потомства.

Выше мы привели примѣръ, когда наслѣдство было подѣлено между матерью и братьями умершаго; здѣсь укажемъ другой случай, гдѣ сонаслѣдниками матери были признаны дяди съ отцовской стороны, предъявившіе претензію на капиталъ, оставшійся послѣ мало-

лѣтняго племянника. Волостной судъ присудилъ матери умершаго только вознагражденіе за похороны и проценты съ капитала, которые она имѣла право получать при жизни малолѣтняго на его содержаніе, но не получала; самый же капиталъ былъ раздѣленъ поровну между дядями наслѣдодателя (VI: 482 № 6). Означенное рѣшеніе было постановлено не въ пользу матери, быть можетъ, потому, что она послѣ смерти мужа, какъ видно изъ обстоятельствъ дѣла, вступила во второй бракъ, ибо въ другомъ случаѣ подобный же споръ о наслѣдствѣ между матерью и боковыми родственниками умершаго былъ рѣшенъ въ пользу матери-вдовы; дядямъ же, которые жили отдѣльно отъ племянника, судъ въ искѣ отказалъ (I: 382 № 11).

Такимъ образомъ вопросъ о томъ, когда и при какихъ условіяхъ возникаетъ по обычаю право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ, оказывается не достаточно опредѣленнымъ. Съ положительностію можно утверждать только то, что пока живъ отецъ безпотомно умершаго лица, путь къ наслѣдованію боковымъ родственникамъ загражденъ, такъ какъ при жизни отца никто изъ другихъ родственниковъ никакого права на наслѣдство не имѣетъ.

Въ общихъ чертахъ порядокъ наслѣдованія боковыхъ родственниковъ построенъ на подобіе наслѣдованія нисходящихъ и напоминаетъ въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ систему наслѣдованія, существующую въ дѣйствующемъ законѣ.

Прежде другихъ призываются къ наслѣдованію тѣ боковые родственники, которые происходятъ отъ ближайшаго родителя къ умершему, т. е. родные братья и сестры, причемъ обычай и здѣсь оказываетъ иногда

предпочтеніе лицамъ мужскаго пола передъ лицами женскаго пола.

Такимъ образомъ послѣ безпотомно умершаго брата или сестры оставшееся имущество наслѣдуютъ братья (*) и дѣлятъ опое между собою по равнымъ частямъ (**); сестры же при наличности братьевъ отъ наслѣдства устраняются—„сестра при братьяхъ не наслѣдница“ (***). Наравнѣ съ прочими братьями, какъ видно изъ одного рѣшенія, наслѣдуетъ и братъ-солдатъ (IV: 146 № 6). Неотдѣленные братья, т. е. жившіе вмѣстѣ съ умершимъ въ общемъ хозяйствѣ, наслѣдуютъ предпочтительно передъ отдѣленными (I: 435; III: 441; VI 421, окт. 7), въ чемъ нельзя не видѣть отраженія идеи объ устраненіи отъ наслѣдованія отдѣленныхъ сыновей. Племянники наслѣдуютъ послѣ бездѣтнаго дяди по праву представленія, получая всѣ вмѣстѣ ту часть наслѣдства, которую получилъ бы ихъ отецъ, еслибы находился въ живыхъ при открытіи наслѣдства (IV: 244 № 8. 656 § 15).

(*) I: 359 № 7. 373 № 17. 411 № 9. 451. 456, 475. 488. 500. 505. 518. 524; II: 33. 54. 139 № 5; III: 2. 13. 104. 145. 154. 161. 169. 178. 189. 161. 169. 178. 189. 201. 301, 323. 397. 405. 455; IV: 146 № 6, V: 279. 290. 295. 310. 319. 343. 526, февр. 19; VI: 206. 211. 223. 230 № 3. 258. 267. 294. 489 № 9. 646. 648. 684 № 5. *П. Чубинскій.* Очеркъ: „если умираетъ отдѣленный сынъ и нѣтъ въ живыхъ его отца, то имущество переходитъ къ братьямъ умершаго и затѣмъ къ прочимъ родственникамъ“ (стр. 696).—*Е. Соловьевъ.* Юрид. формы отношеній между членами семьи въ Тетюшскомъ уѣздѣ: „родной братъ наслѣдуетъ послѣ брата только тогда, когда у послѣдняго нѣтъ своихъ дѣтей“ (Каз. губ. вѣд. 1875 г. № 26).

(**) I: 488. 505. 518. 524; III: 2. 13. 104. 178; V: 290. 295 и др.

(***) I: 468 № 7; II: 61; III: 323. 405; V: 279. 290.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ сестры, по аналогіи съ наслѣдованіемъ дочерей при сыновьяхъ, получаютъ изъ наслѣдства послѣ умершаго брата небольшую часть движимости по усмотрѣнію братьевъ (II: 66; III: 169. 301. 315, 319. 330. 388. 455), причемъ наслѣдуютъ только незамужнія сестры, замужнія же ничего не получаютъ (III: 441. 449).

Существуетъ также обычай, по которому имущество безпотомно умершей сестры наслѣдуютъ исключительно сестры, безъ участія братьевъ, въ чемъ сказывается замѣтное въ обычномъ правѣ различіе двухъ порядковъ наслѣдованія: одного послѣ лицъ мужскаго и другаго послѣ лицъ женскаго пола (*). Впрочемъ, есть мѣстности, гдѣ сестры получаютъ имущество какъ послѣ бездѣтнаго брата, такъ и послѣ бездѣтной сестры лишь въ томъ случаѣ, когда не осталось братьевъ (**).

Прежде чѣмъ перейти къ изложенію наслѣдованія другихъ боковыхъ родственниковъ, необходимо сказать нѣсколько словъ по вопросу о томъ, наслѣдуютъ ли братья и сестры лишь за неимѣніемъ послѣ умершаго нисходящаго потомства или же обычному праву извѣстны и такіе случаи, когда боковые родственники наслѣдуютъ наряду съ нисходящими наслѣдодателя.

По мнѣнію *С. В. Пахмана* (Обычное гражд. право, т. 2, стр. 244), правило, по которому братья и сестры наслѣдуютъ только тогда, если послѣ умершаго не осталось дѣтей, примѣняется въ обычномъ правѣ не безу-

---

(*) I: 392; VI: 263. 268. *Н. Костровъ*: „если у умершей сестры не осталось наслѣдниковъ, то приданое идетъ другой сестрѣ, а не брату“ (стр. 45).

(**) I: 411 № 20. 568 № 35; II: 57 № 12. 548 № 16; III: 55 № 26. 87 № 50. 405; VI: 155 № 34. 538 № 43.

словно; встрѣчаются случаи, гдѣ братья и сестры наслѣдуютъ и при дѣтяхъ умершаго. Въ подтвержденіе этого замѣчанія С. В. Пахманъ ссылается на три рѣшенія, изъ коихъ, однакоже, ни одно не доказываетъ, по нашему мнѣнію, приведеннаго положенія.

Въ первомъ рѣшеніи (VI: 104 № 40) волостной судъ дѣйствительно присудилъ выдать двумъ *замужнимъ* сестрамъ наслѣдодателя, оставившаго малолѣтняго сына, по 50 руб. каждой, изъ суммы, вырученной отъ продажи наслѣдства; но рѣшеніе это, не говоря уже о томъ, что оно состоялось *по просьбѣ старшины*, представляетъ совершенно исключительный случай наслѣдованія сестеръ, при томъ же замужнихъ, ибо по правилу лица женскаго пола, выдѣлившіяся изъ семьи чрезъ замужество, вообще отъ наслѣдованія устраняются. Такъ замужняя дочь устраняется отъ наслѣдованія, помимо сыновей, невыданными еще замужъ дочерьми (I: 359 № 7; III: 441); женою наслѣдодателя (II: 431 № 1; III: 334 № 8. 373 № 1); зятемъ-пріемышемъ, который выдалъ дочь тестя замужъ (II: 348 № 15) и даже иногда неотдѣленнымъ братомъ наслѣдодателя (III: 360 № 9). Замужнія дочери не наслѣдуютъ также и въ имуществѣ матери не только въ томъ случаѣ, когда есть не выданныя замужъ дочери, но и при сыновьяхъ (I: 468 № 7: „по крестьянскому обычаю сестра при жизни брата наслѣдовать имѣніемъ никакого права не имѣетъ, а особенно выданная въ замужество, такъ какъ она вполнѣ тогда же награждается“). Наконецъ, въ практикѣ вол. суда встрѣчаются случаи устраненія отъ наслѣдованія сестры въ пользу двоюроднаго брата наслѣдодателя, принявшаго на себя уплату податей и повинностей за умершаго (IV: 57 № 15).

Изъ всего сказаннаго легко убѣдиться, что приведен-

ное выше рѣшеніе, какъ исключительное и постановленное подъ вліяніемъ старшины, ни коимъ образомъ не можетъ само по себѣ служить доказательствомъ въ пользу наслѣдованія боковыхъ родственниковъ при нисходящемъ потомствѣ наслѣдодателя, тѣмъ болѣе мужскаго пола.

Второе рѣшеніе, на которое ссылается С. В. Пахманъ, состоялось въ вол. судѣ Пригородной волости, Борисоглѣбск. уѣзда, Тамбовской губ. (I: 407 № 5). Изъ этого рѣшенія г. Пахманъ усматриваетъ, что наслѣдство было предоставлено брату, хотя послѣ умершаго осталась дочь. Но этотъ выводъ обстоятельствами дѣла не подтверждается. „Назадъ тому 16 лѣтъ, сказано въ рѣшеніи, К. раздѣлился съ братомъ Е., который вскорѣ за раздѣломъ умеръ. *Послѣ его смерти осталась вторая жена Ел. съ дочерью отъ перваго мужа И.* Имѣніе Е., по приговору сельской расправы, опредѣлено солдату К., а вдовѣ, женѣ Е., выдѣлена изъ онаго 1/7 часть, заключающаяся въ одной жилой избѣ.“

Изъ приведеннаго рѣшенія такимъ образомъ обнаруживается, что отъ наслѣдованія была устранена не дочь, а *падчерица* умершаго, что совершенно согласно съ обычнымъ правиломъ, по которому ни пасынки, ни падчерицы въ наслѣдствѣ послѣ вотчима не участвуютъ.

Третье рѣшеніе постановлено Колѣнскимъ вол. судомъ Аткарскаго у., Самарской губ. (VI: 432 № 26). По замѣчанію С. В. Пахмана, изъ этого рѣшенія видно, что отставной солдатъ получилъ часть имущества послѣ умершаго брата, оставившаго взрослыхъ дѣтей. Но это едва ли такъ. Изъ обстоятельствъ дѣла между прочимъ оказывается, что имущество принадлежало не одному наслѣдодателю, но было общее съ братомъ его солдатомъ, вслѣдствіе чего судъ и раздѣлилъ таковое между

дѣтьми умершаго, какъ наслѣдниками его части, и дядею ихъ солдатомъ, имѣвшимъ на означенное имущество самостоятельное право.

И такъ, всѣ разобранныя нами рѣшенія ничего не говорятъ въ пользу предположенія о возможномъ участіи боковыхъ родственниковъ, именно братьевъ и сестеръ, въ наслѣдованіи на ряду съ нисходящимъ потомствомъ наслѣдодателя.

Тѣмъ не менѣе вопросъ о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ вмѣстѣ съ нисходящими умершаго и даже вмѣсто нихъ нельзя считать совершенно праздным съ точки зрѣнія обычнаго права.

При изложеніи порядка наслѣдованія дочерей послѣ отца мы уже имѣли случай замѣтить, что когда послѣ умершаго остаются однѣ дочери и не имѣется нисходящихъ мужскаго пола, то въ сложной естественной и въ сводной семьѣ право наслѣдованія за дочерьми иногда вовсе не признается или по крайней мѣрѣ значительно ограничивается въ пользу боковыхъ и восходящихъ родственниковъ умершаго. Въ своемъ мѣстѣ мы объяснили и причину такого, повидимому, ненормальнаго явленія, но, по нашему мнѣнію, это есть въ то же время и единственно возможный случай конкуренціи болѣе отдаленныхъ родственниковъ въ наслѣдованіи съ нисходящими и притомъ только съ нисходящими женскаго пола.

Намъ могутъ возразить, что помимо указаннаго изъятія обычное право признаетъ также право наслѣдованія за *племянниками* при наличности сыновей у покойнаго дяди.

Возраженіе это однако едва ли можетъ поколебать высказанное нами положеніе, ибо сравнительно довольно рѣдкіе случаи наслѣдованія въ крестьянскомъ быту

племянниковъ послѣ дяди наравнѣ съ сыновьями послѣдняго объясняются съ одной стороны особымъ характеромъ крестьянской опеки и воспитательства, а съ другой стороны тѣми мотивами, которые лежатъ въ основаніи права наслѣдованія особыхъ членовъ семьи вообще.

Прежде всего замѣтимъ, что самыя показанія крестьянъ, данныя членамъ волостной коммисіи о наслѣдованіи племянниковъ, отличаются большою неопредѣленностью, а это указываетъ, что наслѣдованіе племянниковъ, при дѣтяхъ умершаго дяди, составляетъ явленіе, далеко не обыденное въ крестьянскомъ быту. Дѣйствительно, большинство показаній крестьянъ по этому вопросу сводятся къ тому, что *племянникъ послѣ дяди получаетъ отцовскую часть* (*). Едва ли отсюда можно вывести какое-либо иное заключеніе кромѣ того, которое уже было сдѣлано по этому поводу *С. В. Пахманомъ* (Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 245), а именно, что въ означенныхъ показаніяхъ идетъ рѣчь не о наслѣдованіи племянника послѣ дяди, а о раздѣлѣ общаго имущества, вслѣдствіе чего племяннику выдѣляется именно та часть имущества, на которую имѣлъ право при жизни отецъ его; послѣ же самого дяди племянникъ никакой части изъ наслѣдства не получаетъ. Это заключеніе вполнѣ подтверждается и практикой волостныхъ судовъ, относящейся къ раздѣламъ между дядею

(*) I: 417. 435. 442. 451. 456. 461. 465. 475. 487. 500. 505. 518. 523; II: 53. 164. 178. 229. 256. 284. 324. 370. 383. 385; V: 219. 299. 319; VI: 195. 211. 234. 263. 267. 275. 301. 312. 322. *И. Костровъ*: „если одинъ изъ братьевъ, жившихъ нераздѣльно съ отцомъ, умеръ еще при жизни послѣдняго, то при раздѣлѣ братьевъ, племянникамъ выдѣляется часть, какая слѣдовала бы умершему брату“ (Юрид. обычаи крест. старожиловъ Томской губ., стр. 44).

и племянниками. Обыкновенно имущество, въ случаѣ раздѣла, дѣлится между дядей и племянникомъ, хотя бы послѣдній былъ несовершеннолѣтнимъ, пополамъ (*), такъ что племянникъ получаетъ изъ имущества ту самую долю, которую надлежало бы получить его отцу, если бъ послѣдній находился въ живыхъ, короче сказать племянникъ наслѣдуетъ не дядѣ, а своему отцу—„получаетъ отцовскую часть“. Если племянниковъ нѣсколько, то отцовская часть выдѣляется имъ всѣмъ вмѣстѣ. Напримѣръ, когда дѣлятся два брата и два сына отъ третьяго умершаго брата, то первые двое получаютъ двѣ трети имущества, а послѣдніе одну треть (III: 42 № 42; V: 258 № 2). Такимъ же порядкомъ производится раздѣлъ и между двоюродными братьями (I: 319 № 17. 459 № 1).

Въ нѣкоторыхъ, весьма немногихъ впрочемъ мѣстностяхъ было заявлено, что племянникъ, «живши нераздѣльно съ дядею», получаетъ наравнѣ съ его сыновьями (**). Очевидно однако, что здѣсь также рѣчь идетъ не о наслѣдованіи племянника послѣ дяди, а о раздѣлѣ общаго имущества, какъ это можно заключить изъ самаго выраженія: „племянникъ, жившій нераздѣльно съ дядею“, и изъ слѣдующаго поясненія крестьянъ: племянникъ, когда онъ послѣ отца остался взрослымъ и могъ помогать дядѣ въ хозяйствѣ, получаетъ отцовскую часть; если же онъ былъ малолѣтній и дядя его воспиталъ, то онъ получаетъ изъ общаго имущества послѣ смерти дяди равную долю съ сыновьями послѣдняго (II: 219. 331. 352). Подобный порядокъ раздѣла общаго имущества объясняется тѣмъ, что въ крестьянскомъ быту опека, какъ юридическій институтъ, раз-

(*) I: 319 № 17. 459 № 1 (1868 г.). 317 № 2. 56 № 4. 431 № 27; II: 83 № 13: III: 48 № 83. См. также *прим.* 3-е на стр. 36.

(**) I: 391; III: 381; VI: 195. 205. 223. 234. 258.

вита довольно слабо. Когда умираетъ одинъ изъ братьевъ, жившихъ въ общемъ хозяйствѣ, и если засимъ не происходитъ въ семьѣ раздѣла, то оставшіяся послѣ умершаго малолѣтнія дѣти поступаютъ обыкновенно на попеченіе и воспитаніе дяди, въ завѣдываніи котораго остается и причитающаяся имъ по наслѣдству отъ отца часть общаго имущества. Но подобное *воспитательство* дяди, по замѣчанію свящ. Архангельскаго (*), не остается безъ вліянія на опредѣленіе имущественныхъ отношеній, и дядя получаетъ право выдѣлить воспитаннымъ имъ племянникамъ изъ общаго имущества часть, равную съ своими сыновьями, такъ что племянникъ за смертію дяди разсматривается въ этомъ случаѣ какъ бы наслѣдникомъ дяди на правахъ сына.

Впрочемъ, указанный порядокъ раздѣла практикуется въ народномъ быту въ настоящее время, повидимому, довольно рѣдко; по крайней мѣрѣ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ подобныхъ примѣровъ намъ не попадалось. Поэтому господствующимъ правиломъ слѣдуетъ признать, что племянникъ при раздѣлѣ съ дядею или съ сыновьями послѣдняго получаетъ часть имущества, слѣдовавшую его умершему отцу.

И такъ, разсмотрѣнныя нами показанія крестьянъ свидѣтельствуютъ, что по обычаю племянники послѣ дяди, при его дѣтяхъ, правомъ наслѣдованія въ собственномъ смыслѣ не пользуются, хотя бы они жили съ дядею въ общемъ хозяйствѣ. То же самое, разумѣется, должно сказать и по отношенію къ отдѣленнымъ племянникамъ, т. е. такимъ, которые послѣ смерти своего отца жили съ дядею врозь (III: 101 № 49. 263 №2).

(*) Народные обычаи въ с. Краковѣ, Самарск. уѣзда (Самарск. епарх. вѣд. 1876 г.).

Что касается тѣхъ немногочисленныхъ показаній крестьянъ, въ которыхъ племянникъ дѣйствительно является наслѣдникомъ послѣ дяди при дѣтяхъ послѣдняго, то показанія эти, по нашему мнѣнію, относятся къ тѣмъ случаямъ, когда племянники занимаютъ въ семьѣ дяди такое же положеніе, какимъ пользуются особые члены крестьянской семьи вообще. Наше предположеніе подтверждается тѣмъ, что въ нѣкоторыхъ изъ этихъ показаній племянники по отношенію къ праву наслѣдованія приравниваются къ пріемышамъ, насыпкамъ и незаконнорожденнымъ (*); а мы знаемъ, что участіе означенныхъ лицъ въ раздѣлѣ наслѣдства на ряду съ родными и законными дѣтьми ставится въ народно-обычномъ правѣ въ зависимость отъ извѣстныхъ условій, каковы усыновленіе (приписка къ семейству) и долговременное пребываніе въ семьѣ при участіи въ общихъ семейныхъ работахъ.

Фактъ усыновленія племянниковъ въ крестьянскомъ быту подтверждается рѣшеніями волостныхъ судовъ (I: 75 № 26; VI: 289 № 14).

Равнымъ образомъ и долговременное сожительство племянника съ дядею, которому онъ помогалъ въ пріобрѣтеніи имуществъ, даетъ, по словамъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей (V: 295. 335), племяннику право на участіе въ наслѣдствѣ послѣ дяди наравнѣ съ сыновьями послѣдняго.

Наконецъ, племянники, подобно особымъ членамъ семьи, получаютъ изъ наслѣдства послѣ дяди часть имущества въ видѣ вознагражденія за свои труды въ семьѣ

(*) III: 49. 84. 92. 104. 387—племянники, пріемыши, насынки и незаконнорожденные получаютъ наравнѣ съ родными сыновьями.

дяди. Такъ въ Звенигородскомъ и Уманскомъ уѣздахъ Кіевской губерніи крестьяне показали, что племянникъ, жившій у дяди и помогавшій ему въ хозяйствѣ, получаетъ кромѣ „батьковщины“, т. е. отцовской части, еще малое награжденіе изъ имущества умершаго дяди (V: 279. 284. 290).

Таковы особыя условія наслѣдованія племянниковъ; по общему же правилу племянники, т. е. сыновья умершихъ брата или сестры, лишь въ томъ случаѣ почитаются наслѣдниками дяди, если у него не осталось дѣтей или ихъ потомства (*).

Послѣ бездѣтной тетки также наслѣдуетъ племянникъ (II: 537 №№ 11 и 12), иногда вмѣстѣ съ другими родственниками умершей (II: 212 № 30), напримѣръ, съ сестрою и двоюроднымъ братомъ (I: 411 № 20), либо съ сестрою и деверемъ наслѣдодательницы (II: 548 № 6).

Въ томъ случаѣ, когда послѣ бездѣтно умершаго не осталось ни братьевъ, ни сестеръ или ихъ потомства, къ наслѣдованію призываются дяди съ отцовской стороны (VI: 646. 648). Наслѣдуютъ также и тетки, вѣроятно, при отсутствіи дядей (VI: 104 № 40). Изъ одного рѣшенія видно, что на капиталъ, доставшійся умершему отъ дѣда по отцѣ, предъявили требованіе, въ качествѣ наслѣдницъ, мать и тетка умершаго. Волостной судъ

(*) III: 4 № 10; IV: 217 № 19; V: 195 № 5; VI: 746 № 7. *Е. Соловьевъ.* Юрид. формы отношеній между членами семьи въ Тетюшскомъ уѣздѣ: „племянникъ только тогда считается наслѣдникомъ, когда нѣтъ сына или дочери въ извѣстной семьѣ . . . . Что касается племянницъ, то онѣ не пріобрѣтаютъ никакихъ правъ наслѣдства; онѣ пріобрѣтаютъ эти права только въ то время, когда нѣтъ ни дочерей, ни племянниковъ и когда нѣтъ въ живыхъ жены“ (Каз. губ. вѣд. 1875 г. № 26).—*П. Чубинскій.* Очеркъ, стр. 694.

признанъ наслѣдницею тетку, а не мать, такъ какъ послѣдняя послѣ смерти мужа вступила во второй бракъ, получивъ притомъ свою вдовью часть, и кромѣ того воспользовалась кое-чѣмъ изъ оставшагося послѣ сына движимаго имущества (V: 475, іюля 30). За смертію бездѣтной племянницы, ея имущество, когда нѣтъ другихъ ближайшихъ родственниковъ, получаетъ тетка, хотя бы находился въ живыхъ мужъ умершей (I: 740 № 58; VI: 184 № 69).

Кромѣ перечисленныхъ уже боковыхъ родственниковъ въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ встрѣчаются также указанія на случаи наслѣдованія двоюродныхъ племянниковъ (III: 273 № 36) и двоюродныхъ братьевъ и сестеръ. Такъ по одному дѣлу оставшееся послѣ умершаго имущество было раздѣлено между двоюроднымъ братомъ, получившимъ одну половину, и двоюродною сестрою и теткою наслѣдодателя, получившими пополамъ другую половину имущества (II: 327 № 5). Изъ другаго рѣшенія видно, что волостной судъ обязалъ мужа возвратить приданое бездѣтной жены двоюродной сестрѣ умершей (III: 100 № 46).

О наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ болѣе отдаленныхъ степеней свѣдѣній въ трудахъ коммисіи не встрѣчается. По замѣчанію *С. В. Пахмана* (Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 249), наслѣдственныя права даже двоюродныхъ родственниковъ весьма ограничены. Это подтверждается, по его мнѣнію, тѣмъ, что по одному рѣшенію двоюродная сестра получила наслѣдство вмѣстѣ съ однимъ свойственникомъ умершаго, именно братомъ жены, по равной части (III: 53 № 12).

Затрогиваемый здѣсь С. В. Пахманомъ вопросъ весьма интересенъ и можетъ быть формулированъ такимъ образомъ: призываются ли по обычаю къ наслѣдованію

свойственники умершаго, когда послѣ него не осталось близкихъ родственниковъ въ восходящей или боковыхъ линіяхъ, а есть только болѣе отдаленные родственники; и если призываются, то съ кѣмъ изъ означенныхъ родственниковъ они могутъ наслѣдовать и въ какой мѣрѣ. Къ сожалѣнію, по недостатку данныхъ на этотъ вопросъ нельзя дать даже приблизительнаго отвѣта. Указываемое же С. В. Пахманомъ рѣшеніе само по себѣ особеннаго значенія не имѣетъ, ибо изъ дѣла видно, что наслѣдство осталось послѣ бездѣтныхъ мужа и жены, а потому неудивительно, если волостной судъ раздѣлилъ таковое между братомъ жены и двоюродною сестрою мужа. Тѣмъ не менѣе нельзя сказать, чтобы свойственники вовсе устранялись отъ наслѣдованія по началамъ обычнаго права. Такъ по одному дѣлу волостной судъ присудилъ возвратить приданое золовкѣ умершей (II: 655 № 12). Въ другомъ случаѣ наслѣдство было раздѣлено между родною сестрою умершей, ея племянникомъ и деверемъ, т. е. братомъ мужа покойной (II: 548 № 16). Равнымъ образомъ встрѣчаются примѣры наслѣдованія свекра послѣ снохи (II: 56 № 2) и, наоборотъ, снохи послѣ свекра, когда нѣтъ другихъ родственниковъ, такъ какъ, по словамъ крестьянъ нѣкоторыхъ мѣстностей, «споха свекру ближе міра» (*).

(*) II: 603; V: 117. 202. 419. *П. Ефименко.* Сборникъ: „когда у жены вовсе не было дѣтей, то имущество идетъ въ иныхъ мѣстахъ будущей женѣ мужа или снохамъ, если же нѣтъ и послѣднихъ, то сестрамъ ея, которымъ она отказываетъ еще при жизни; въ другихъ мѣстахъ прямо возвращается къ родственникамъ жены: преимущественно сестрамъ и племянницамъ“ (стр. 70).—*Е. Соловьевъ.* Юрид. формы отношеній и проч.: „когда нѣтъ сына или дочери въ извѣстной семьѣ племянникъ съ женской стороны наслѣдуетъ

Изъ всего сказаннаго такимъ образомъ о наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ можно вывести заключеніе, что въ обычномъ правѣ система наслѣдованія этихъ лицъ не имѣетъ строго опредѣленныхъ очертаній, ибо въ своемъ началѣ, т. е. въ ближайшихъ степеняхъ бокового родства, она до нѣкоторой степени совпадаетъ съ наслѣдованіемъ восходящихъ родственниковъ (мать), а при болѣе отдаленномъ родствѣ къ участію въ наслѣдствѣ допускаются, повидимому, и свойственники умершаго, тогда какъ по закону къ наслѣдованію призываются только лица кровнымъ родствомъ съ умершимъ соединенныя, свойство же этого права не даетъ ни въ какомъ случаѣ (т. X, ч. 1, ст. 1105 и 1120).

Право наслѣдованія боковыхъ родственниковъ опирается въ обычномъ правѣ главнымъ образомъ на существованіе между этими лицами и умершимъ близкой родственной связи, начало же принадлежности къ семьѣ, имѣющее столь рѣшительное значеніе по отношенію къ наслѣдованію нисходящихъ и особыхъ членовъ семьи, не оказываетъ здѣсь почти никакого вліянія, а если иногда и примѣняется, то только по аналогіи при раздѣлѣ общаго имущества въ сводной семьѣ.

Кромѣ кровнаго родства обычному праву извѣстно еще другое основаніе наслѣдованія—*бракъ*, которое, при извѣстныхъ условіяхъ, пріобрѣтаетъ даже перевѣсъ надъ кровнымъ родствомъ, въ особенности если представителя-

---

такъ же, какъ сынъ; такое же право наслѣдованія принадлежитъ и племяннику со стороны мужа, такъ что оба они дѣлятъ между собою имущество дяди и тетки какъ родные сыновья" (Казанскія губ. вѣд. 1875 г. № 26).—По словамъ г. *Износкова*, у черемисъ приданое по смерти матери поступаетъ къ дочерямъ, а если ихъ нѣтъ, то къ снохамъ (Памят. книга Каз. губ. на $18^{68}/_{69}$ г., стр.. 68).

ми послѣдняго являются восходящіе или боковые родственники. Впрочемъ, народное правосознаніе относительно наслѣдованія супруговъ не успѣло выработать какого-либо общаго начала. Между наслѣдованіемъ вдовца и вдовы по обычному праву замѣчается существенное различіе, напоминающее намъ снова ту двойственность въ обычномъ порядкѣ наслѣдованія лицъ разнаго пола, примѣры которой намъ встрѣчались уже неоднократно въ предъидущемъ изложеніи. Поэтому при изложеніи обычнаго права наслѣдованія супруговъ, къ которому мы и приступаемъ теперь, необходимо оба случая наслѣдованія означенныхъ лицъ разсмотрѣть отдѣльно, и сначала мы изложимъ наслѣдованіе жены послѣ мужа, а затѣмъ наслѣдованіе мужа послѣ жены, такъ какъ въ народномъ юридическомъ быту наслѣдственныя права мужа признаются въ весьма ограниченной степени.

V. Наслѣдованіе супруговъ.

А) Наслѣдованіе жены послѣ мужа.

Главнымъ источникомъ при изслѣдованіи вопроса о наслѣдованіи вдовы по обычному праву остается все тотъ же богатый матеріалъ, собранный въ трудахъ волостной коммисіи. Можно сказать, что по отношенію къ наслѣдованію вдовы матеріалъ этотъ даже гораздо обильнѣе, нежели по другимъ вопросамъ наслѣдственнаго права; но пользованіе имъ, къ сожалѣнію, сопряжено съ нѣкоторыми затрудненіями и требуетъ извѣстной осторожности, такъ какъ многія данныя отличаются здѣсь большою неопредѣленностью. Самая слабая сторона этихъ данныхъ заключается въ показаніяхъ крестьянъ, изъ коихъ, какъ уже замѣтилъ *С. В. Пахманъ* (Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 250), нѣтъ иногда возможности вывести заключенія, при какихъ условіяхъ вдова получаетъ

или не получаетъ части мужнина имущества, ибо часто не указывается, напримѣръ, осталась ли вдова съ дѣтьми или безъ дѣтей; относятся ли извѣстныя положенія къ наслѣдованію вдовы послѣ мужа, имѣвшаго самостоятельное хозяйство или жившаго въ семьѣ у отца либо съ братьями.

Поэтому въ нашемъ изложеніи мы будемъ руководствоваться главнымъ образомъ рѣшеніями волостныхъ судовъ и тѣми показаніями крестьянъ, въ которыхъ упомянутыя обстоятельства, такъ или иначе вліяющія на право наслѣдованія вдовы, обозначены съ большею подробностію и ясностію. По той же причинѣ мы уклоняемся отъ попытки представить общую характеристику наслѣдованія вдовы по началамъ обычнаго права, ибо подобнаго рода попытка, при сомнительности общихъ положеній, встрѣчающихся въ показаніяхъ крестьянъ, едва ли можетъ достигнуть надлежащей цѣли и имѣть какое-либо практическое значеніе.

По словамъ *С. В. Пахмана*, народно-обычное право по отношенію къ вопросу о признаніи за вдовою права наслѣдованія послѣ мужа находится въ настоящее время въ переходномъ состояніи, которое отражается въ весьма замѣтномъ колебаніи между двумя противоположными началами въ смыслѣ уклоненія отъ стараго, уже отживающаго начала непризнанія за вдовою почти никакихъ правъ на мужнино наслѣдство къ другому болѣе благопріятному для вдовы разрѣшенію этого вопроса; такъ что въ общемъ наслѣдованіе вдовы представляется въ томъ видѣ, что въ иныхъ мѣстностяхъ господствующимъ остается все еще прежній принципъ устраненія вдовы отъ наслѣдованія, тогда какъ въ другихъ мѣстностяхъ за вдовою уже признается право на полученіе нѣкоторой части имущества мужа, причемъ размѣръ на-

слѣдственной доли вдовы отъ самой незначительной части доходитъ постепенно до наслѣдованія во всемъ имуществѣ мужа (Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 249—256).

Какъ ни искусно нарисована эта общая картина наслѣдованія вдовы по обычному праву, какъ ни удачно слиты въ ней въ одно стройное цѣлое даже самыя неопредѣленныя показанія крестьянъ по этому предмету, тѣмъ не менѣе основная мысль автора о нынѣшнемъ переходномъ состояніи обычнаго права и борьбѣ въ немъ двухъ противуположныхъ началъ, стараго и новаго, кажется намъ недостаточно мотивированной и въ сущности едва ли правильна. Если мы спросимъ, откуда ведетъ свое происхожденіе старое начало и когда въ обычное право проникло начало новое, то на эти вопросы мы не найдемъ въ сочиненіи С. В. Пахмана никакого отвѣта. Можно, однакоже, допустить, что отправною точкою новаго вѣянія въ вопросѣ о наслѣдованіи вдовы по обычному праву авторъ предполагаетъ время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, совпавшее съ учрежденіемъ для нихъ особыхъ волостныхъ судовъ, такъ какъ безспорно, что съ этого момента обычное право пріобрѣло себѣ болѣе свободное и широкое примѣненіе и вмѣстѣ съ тѣмъ сдѣлалось доступнѣе воздѣйствію на него другихъ правовыхъ нормъ и прежде всего закона. Такое объясненіе, хотя имѣющее свою долю правды, не въ состояніи однако дать рѣшительнаго отвѣта, почему въ обычномъ правѣ возникла упомянутая двойственность началъ, регулирующихъ въ крестьянскомъ быту право наслѣдованія вдовы, и дѣйствительно-ли одно изъ этихъ началъ стараго, а другое новаго происхожденія. Для разъясненія этого вопроса, намъ кажется, не безполезно обратиться къ тѣмъ свѣдѣніямъ объ обычномъ народномъ правѣ, которыя относятся ко времени, предшествовав-

шему изданію общаго положенія о крестьянахъ. Свѣдѣнія эти, хотя и немногочисленны, но за то достовѣрность ихъ едвали можетъ подлежать сомнѣнію, такъ какъ они собраны или извѣстными въ литературѣ нашего права юристами, или составлены на основаніи официальныхъ сообщеній. Мы имѣемъ при этомъ въ виду неоднократно уже цитированныя нами выше сочиненія *Бѣляева*, *Калачова и Барыкова*.

Сочиненіе г. *Бѣляева*: „О наслѣдствѣ безъ завѣщанія по древнимъ русскимъ законамъ“, изданное въ 1858 году, стало быть до освобожденія крестьянъ, представляетъ для насъ особенный интересъ въ томъ отношеніи, что въ немъ существующіе у крестьянъ наслѣдственные обычаи сопоставляются съ положеніями древнѣйшаго нашего писаннаго права, которое стояло въ самой близкой родственной связи съ обычаемъ, являлясь его безъискусственнымъ отраженіемъ.

По закону Русской Правды, говоритъ г. Бѣляевъ, жена послѣ мужа имѣетъ право на такую же долю мужнина имѣнія, какъ и каждый изъ сыновей; не выходя замужъ, она остается хозяйкою въ домѣ и главою мужнина семейства не только до возраста дѣтей, но и когда дѣти будутъ совершеннолѣтнія.

У нашего простонародья, замѣчаетъ онъ далѣе, и въ настоящее время вдова признается хозяйкою мужнина дома и въ отношеніи къ дѣтямъ вполнѣ заступаетъ мѣсто отца, если вторично не выйдетъ замужъ; она дѣлитъ семью, если находитъ это нужнымъ, но сыновья не могутъ выдѣлиться изъ семейства, ежели на то не будетъ воли матери.

По Русской Правдѣ вдова могла распорядиться вполнѣ самостоятельно доставшимся на ея долю послѣ мужа наслѣдствомъ: „а материя часть не надобѣ дѣтямъ,

но кому мати дастъ, тому же и взяти, дастъ ли всѣмъ и вси раздѣлятъ". Этотъ порядокъ, говоритъ г. Бѣляевъ, до сей поры сохраняется у нашихъ крестьянъ. Мать вдова при раздѣлѣ семейства у крестьянъ обыкновенно получаетъ одинаковую долю съ любымъ сыномъ и остается жить у того сына, котораго сама выберетъ, и по смерти ея этотъ сынъ нераздѣльно наслѣдуетъ всю ея долю, и прочіе братья не имѣютъ права вступаться въ это наслѣдство послѣ ея смерти (указ. сочин., стр. 45 и 46).

Ниже мы увидимъ, что все сказанное г. Бѣляевымъ о наслѣдованіи вдовы въ крестьянскомъ быту подтверждается и нашими источниками, т. е. трудами коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Стало быть, начало, по которому за вдовою признаются извѣстныя права на мужнино наслѣдство, далеко не новаго происхожденія и было извѣстно народу уже въ самую отдаленную эпоху его правосознанія. Что касается того случая, когда жена послѣ смерти мужа остается бездѣтной, то на основаніи Псковской судной грамоты (1467 г.) все имѣніе мужа поступало тогда въ пожизненное владѣніе вдовы. Право пожизненнаго владѣнія въ имуществѣ мужа признается за бездѣтною женою въ народно-обычномъ правѣ и по сію пору. Въ Архангельской губерніи, гдѣ, повидимому, всего чище сохранились слѣды стариннаго народнаго быта, бездѣтная вдова считается полною хозяйкою мужнина имущества и устраняетъ отъ наслѣдованія всѣхъ прочихъ обычныхъ наслѣдниковъ умершаго мужа (*П. Ефименко.* Сборникъ, стр. 66).

Это древнее начало, коимъ признавались за вдовою столь широкія права на оставшееся послѣ мужа наслѣдство, пріурочивалось, однакоже, въ нашемъ старинномъ юридическомъ быту, повидимому, только къ

тѣмъ случаямъ, когда имущество оставалось послѣ лица, имѣвшаго самостоятельное хозяйство и жившаго независимо, особнякомъ, въ раздѣлѣ съ другими своими родственниками. По замѣчанію *г. Кавелина*, въ эпоху Русской Правды братья обыкновенно не владѣли наслѣдствомъ сообща, а послѣ смерти отца дѣлились между собою и жили врознь (*).

Можно предполагать, что въ это время женатые сыновья выдѣлялись еще при жизни отца, такъ какъ въ Правдѣ ничего не упоминается о наслѣдованіи невѣстки, т. е. жены умершаго неотдѣленнаго сына: Выдѣлъ отцомъ женатыхъ сыновей при жизни своей и попышѣ считается въ Малороссіи дѣломъ заурядным и вполнѣ естественнымъ (*П. Чубинскій.* Очеркъ народныхъ юрид. обычаевъ и попятій въ Малороссіи, стр. 692). Впервые о наслѣдованіи невѣстки сообщается въ Псковской судной грамотѣ. Въ томъ случаѣ, когда мужъ съ женою жили въ нераздѣльной семьѣ мужнина отца, говоритъ г. Бѣляевъ, наслѣдованіе жены послѣ бездѣтнаго мужа по псковскому закону не допускалось; жена и ея родственники имѣли только право требовать отъ мужниной семьи женина приданаго и платья и искать этого даже судомъ: «а у кого помретъ сынъ, а невѣстка останется, да учнетъ на свекри и на девери скруты своея искати или платья своего; ино свекру или деверю отдать платье или скрута» (указ. соч., стр. 72). Вотъ первое ограниченіе правъ жены на мужнино наслѣдство, ограниченіе столь же почти древняго происхожденія, какъ и противоположное ему начало признанія за вдовою означенныхъ правъ. Мотивомъ такого ограниченія,

(*) Взглядъ на истор. развитіе русс. порядка законнаго наслѣдованія и проч., стр. 20.

или точнѣе полнаго устраненія жены отъ наслѣдованія послѣ мужа, послужило то обстоятельство, что умершій не имѣлъ самостоятельнаго имущества и хозяйства и жилъ въ семьѣ отца. Отцовское же хозяйство, со смертію неотдѣленнаго члена семьи, не прекращалось и не было въ виду основанія раздроблять оное посредствомъ выдѣла какой-либо части общаго семейнаго имущества, такъ какъ умершій не оставилъ послѣ себя такихъ лицъ, которыя могли бы продолжать его корень и обзавестись собственнымъ хозяйствомъ.

Такимъ образомъ первый шагъ къ ограниченію наслѣдственныхъ правъ жены былъ сдѣланъ древнимъ закономъ по отношенію къ сложной естественной семьѣ, состоящей изъ родителей и вступившихъ въ бракъ дѣтей ихъ, причемъ высказанное въ законѣ правило было лишь отраженіемъ существовавшаго уже въ то время обычая. Начало устраненія жены отъ наслѣдованія, найдя для себя точку опоры въ сложной семьѣ, должно было проникнуть и въ сводную семью, имѣющую, какъ извѣстно, съ первою большое внѣшнее сходство; такъ что, положеніе вдовы въ обѣихъ означенныхъ семьяхъ почти совершенно сравнялось.

Отсюда видно, что присущее обычаю искони начало устраненія вдовы отъ наслѣдованія послѣ мужа находится въ самой тѣсной связи съ условіями организаціи народнаго семейно-хозяйственнаго быта и само по себѣ не составляетъ неподвижной юридической нормы, но пріобрѣтаетъ большую или меньшую силу и растяжимость въ зависимости отъ того, насколько въ извѣстное время въ той или другой мѣстности проявляется въ народѣ стремленіе жить нераздѣленными (большими) или отдѣльными (малыми) семьями и хозяйствами. Опытъ послѣдняго времени, однакоже, доказалъ, что сожитіе

нѣсколькихъ семей при общемъ хозяйствѣ не составляетъ излюбленной формы семейнаго быта въ жизни нашего простаго народа. Существовавшая въ весьма многихъ мѣстностяхъ до освобожденія крестьянъ нераздѣльность хозяйства обусловливалась, повидимому, главнымъ образомъ несвободнымъ состояніемъ крестьянъ вообще и кромѣ того особыми мѣрами правительства, направленными къ ограниченію свободы раздѣловъ. У государственныхъ крестьянъ система нераздѣльности семейнаго имущества и хозяйства, благодаря положительному воспрещенію закона дѣлиться безъ разрѣшенія надлежащаго начальства, достигла полнаго своего развитія, а вмѣстѣ съ тѣмъ изчезло и всякое право вдовы на наслѣдство послѣ мужа не только въ случаѣ неимѣнія дѣтей, но и при дѣтяхъ.

Раздѣлы имущества послѣ смерти домохозяина составляли въ то время, по словамъ *г. Барыкова*, не правило, а исключеніе для большей части, особенно великорусскихъ губерній. Когда въ домѣ изъ мужчинъ оставались одни только малолѣтніе, то хозяйство принималъ одинъ изъ родственниковъ умершаго домохозяина изъ другаго дома и притомъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ не на правахъ опекуна до совершеннолѣтія питомцевъ, но оставался полнымъ хозяиномъ на всю жизнь (Обычаи наслѣдованія у госуд. крестьянъ. По свѣдѣніямъ, собраннымъ министерствомъ госуд. имуществъ.— Журналъ минист. госуд. имуществъ, 1862 г. № 9, стр. 7—8).

Само собою разумѣется, что при подобныхъ условіяхъ вдова не могла быть ни наслѣдницею по мужѣ, ни распорядительницею оставшагося послѣ него имѣнія и хозяйства, хотя бы въ качествѣ опекунши малолѣтнихъ дѣтей. Она или оставалась при дѣтяхъ въ домѣ

мужниной родни или уходила въ родительскій домъ, если дѣтей не было. За вдовою признавалось только право на полученіе обратно своего приданаго, дать же что-либо сверхъ того зависѣло вполнѣ отъ доброй воли мужниной семьи (*Барыковъ*, указ. соч., стр. 9. *Н. Калачовъ*. Юрид. обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ. —Архивъ историко-юрид. свѣд. Калачова, 1859 г., кн. 2, стр. 27).

Съ отмѣною крѣпостнаго права пали прежнія ограниченія, касавшіяся крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ, и число послѣднихъ, возрастая съ каждымъ годомъ, достигло огромныхъ размѣровъ. Ближайшимъ послѣдствіемъ указаннаго порядка вещей по отношенію къ обычному праву наслѣдованія вдовы было территоріальное, такъ сказать, расширеніе принципа признанія за вдовою наслѣдственныхъ правъ на счетъ противоположнаго ему начала устраненія жены отъ наслѣдованія, господствовавшаго въ народномъ быту, благодаря искусственной поддержкѣ, въ періодъ крѣпостной зависимости крестьянъ.

Такимъ образомъ нельзя сказать, чтобы замѣчаемая въ обычномъ правѣ двойственность началъ, регулирующихъ порядокъ наслѣдованія вдовы, представляла собою совершенно новое явленіе въ народной жизни, указывающее на переходное состояніе обычнаго права. Напротивъ того, оба указанныя начала существовали изстари въ народномъ быту бокъ о бокъ, безъ всякаго юридическаго соперничества, такъ какъ то и другое начало составляютъ лишь необходимое послѣдствіе основныхъ понятій обычнаго семейнаго права съ его коренным институтомъ семейной собственности.

И въ настоящее время, не смотря на раздробленность крестьянскихъ хозяйствъ, оба начала—признанія и отрицанія за вдовою наслѣдственныхъ правъ—продолжаютъ существовать совмѣстно, какъ не перевелись

еще семейно-хозяйственные союзы въ формѣ сложныхъ и сводныхъ семей, хотя, конечно, нельзя не признать, что послѣднее начало, вслѣдствіе стремленія крестьянъ къ раздѣламъ, значительно уступаетъ въ своей интенсивности первому.

Благодаря упомянутой двойственности, положенія обычнаго права относительно наслѣдованія вдовы послѣ мужа довольно разнообразны. Это разнообразіе увеличивается еще болѣе, частію отъ существованія нѣкоторыхъ чисто мѣстныхъ обычаевъ, частію вслѣдствіе особыхъ причинъ, возникшихъ преимущественно въ послѣднее время.

Стремленіе къ раздѣламъ, охватившее крестьянское населеніе съ освобожденіемъ отъ крѣпостной зависимости, привело во многихъ мѣстностяхъ къ тому, что послѣ смерти отца авторитетъ матери оказался слишкомъ слабымъ для поддержанія нераздѣльности хозяйства, вслѣдствіе чего оставшееся имущество стало непосредственно дѣлиться между сыновьями, а вдовѣ-матери предоставляется лишь право на полученіе отъ дѣтей пожизненнаго содержанія, размѣръ котораго опредѣляется не вездѣ одинаково. Затѣмъ, съ учрежденіемъ въ 1868 г. кассаціонной инстанціи для волостныхъ судовъ, въ рѣшеніяхъ ихъ по дѣламъ о наслѣдованіи вдовы стало замѣтно обнаруживаться вліяніе закона по причинамъ, о которыхъ было уже упомянуто выше при изложеніи порядка наслѣдованія дочерей. Но такъ какъ законъ объ указной части вообще чуждъ понятію крестьянъ и въ точности имъ неизвѣстенъ, то случайное и неправильное его примѣненіе внесло въ обычай значительное разнообразіе въ опредѣленіи мѣры наслѣдованія вдовы въ мужниномъ имуществѣ.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній мы переходимъ къ очерку нынѣ дѣйствующихъ въ обычномъ правѣ положеній, касающихся наслѣдованія вдовы, поскольку положенія эти могутъ быть выведены изъ трудовъ волостной коммисіи и другихъ, имѣющихся въ литературѣ обычнаго права данныхъ.

Необходимо замѣтить также, что кромѣ раздѣльности хозяйства, составляющей въ настоящее время преобладающую форму крестьянскаго семейнаго быта, на наслѣдованіе вдовы имѣетъ большое вліяніе, остались ли у вдовы послѣ мужа дѣти или нѣтъ, такъ какъ по обычаю дѣти, въ особенности мужскаго пола, признаются прямыми и ближайшими наслѣдниками въ отцовскомъ имуществѣ.

Поэтому въ нашемъ изложеніи мы разсмотримъ порознь наслѣдственныя права вдовы при дѣтяхъ и безъ дѣтей, причемъ кстати укажемъ и на тѣ особенности, которыми обставляетъ обычай право наслѣдованія вдовы въ сложной и сводной семьѣ, т. е. на особенности, характеризующія наслѣдованіе вдовы невѣстки или снохи.

Наслѣдованіе вдовы при дѣтяхъ. Послѣ смерти мужа, который имѣлъ самостоятельное хозяйство и жилъ въ раздѣлѣ со своими родственниками, все оставшееся имущество поступаетъ къ вдовѣ на дѣтей, причемъ обыкновенно на долю самой вдовы особой части не выдѣляется (*). Но она вправѣ оставаться на жительствѣ въ домѣ покойнаго мужа (**) и при малолѣтнихъ дѣтяхъ завѣдуетъ домомъ и имуще-

---

(*) I: 606; II: 22 № 32. 390. 407. 414; III: 161. 301. 327. 411. 454; IV: 3. 568 № 160; V: 53 № 2. 115 № 2. 177. 202. 210 № 31. 302 № 22. 314 № 30. 383. 396. 494 № 1; VI: 591. 715 № 1.

(**) I: 49; II: 58 № 18; IV: 29; II: 55. 123.

ствомъ на правахъ хозяйки (*) или опекунши (**) и попечительницы малолѣтнихъ дѣтей (***). Во многихъ мѣстностяхъ вдова пользуется и распоряжается на правахъ хозяйки оставшимся послѣ мужа имуществомъ *пожизненно*, слѣдовательно и при взрослыхъ дѣтяхъ (****).

(*) I: 541. 560. 573. 579. 613. 624. 665. 667. 727. 751; II: 61. 488. 603; III: 273 № 7; IV: 14; V: 419; VI: 123. 410. 457. *Н. Костровъ*: „мать вдова, оставшаяся старшею въ семьѣ, по неимѣнію старшихъ членовъ изъ мужчинъ, пользуется всѣми тѣми правами, какъ старшій въ семействѣ мужчина.... Если послѣ смерти старшаго въ семьѣ осталась вторая жена и несовершеннолѣтнія дѣти отъ первой, то хозяйство остается за женою“ (стр. 32, 45).—*В. Преображенскій*. Описаніе Тверской губ: „если дѣти малолѣтны, то наслѣдуетъ жена умершаго и управляетъ хозяйствомъ до совершеннолѣтія старшаго сына“ (стр. 91).—*Свящ. Макаровъ*: „по смерти отдѣленнаго сына жена его, и не имѣющая дѣтей, остается полной хозяйкой въ своемъ домѣ и распорядительницей оставшагося имущества. Такую же власть надъ домомъ имѣетъ вдова съ малолѣтними дѣтьми“ (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 42).—*И. Лядовъ*: „по смерти мужа принадлежащая ему въ семьѣ власть всецѣло переходитъ къ его женѣ, если только семейство состояло изъ мужа, жены и ихъ дѣтей“ (Ежегод. Влад. губ. ст. ком. 1877 г., вып. 2, стр. 82).—*А. Износковъ*. Обычаи горныхъ черемисъ: „мать вдова пользуется при малолѣтнихъ дѣтяхъ тою же властію въ домѣ, какою пользовался отецъ“ (Памят. кн. Каз. губ. $18^{65}/_{69}$ г., стр. 68).—*В. Майновъ*: „у Эрзи жена, послѣ смерти мужа, до совершеннолѣтія дѣтей, дѣйствуетъ лишь какъ ихъ опекунша; напротивъ того, у Мокши она остается полнѣйшею хозяйкою имущества и можетъ вполнѣ самостоятельно имъ распоряжаться, но только не продавать его и не закладывать“ (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 186).

(**) II: 129. 135; IV: 248; V: 142. 154. 383. 400; VI: 369. 404.

(***) V: 53 № 2. *П. Чубинскій*. Очеркъ: „мать остается жить на дворѣ и считается хозяйкою въ домѣ... Она почти всегда сохраняетъ роль какъ бы попечительницы въ случаѣ нераздѣльнаго владѣнія“ (стр. 695 и 700).

(****) II: 18 № 31. 53. 164. 178. 229. 256. 323. 331. 377. 382; III: 381. 387; V: 127; VI: 233. *И. Данильченко*: „послѣ

Существенная сторона такого пожизненнаго владѣнія вдовы, какъ видно изъ показаній крестьянъ, состоитъ въ томъ, что дѣти, пока жива мать, не вправѣ раздѣлиться отцовскимъ наслѣдствомъ безъ ея на то согласія (*).

Эта патріархальная черта народнаго быта сохранилась, однакоже, не вездѣ, что объясняется какъ склонностію крестьянъ къ раздѣламъ, такъ и самымъ взглядомъ крестьянъ, по которому веденіе хозяйства составляетъ не бабье дѣло и посему допускается не какъ правило, а лишь въ смыслѣ исключенія при извѣстныхъ усло-

---

смерти мужа къ вдовѣ его переходитъ власть надъ всѣмъ семействомъ и имуществомъ" (Этногр. свѣд. о Подольск. губ., стр. 3).— *И. Тимощенковъ*: „когда отецъ умираетъ, то по установившемуся въ народѣ праву наслѣдованія вся власть его въ отношеніи имущества, а также и каждаго изъ членовъ семьи всецѣло переходитъ къ матери" (Труды обл. войска Донск. ст. ком., вып. 2, стр. 170).— *П. Никулинъ*: „послѣ смерти отца власть его и право распоряжаться по имѣнію переходятъ къ матери. Мать вдова, какъ полная хозяйка въ домѣ, ставитъ дѣтей на часть, а иногда, что даетъ сыну, тѣмъ онъ бываетъ и доволенъ" (Донская газета, 1876 г. № 40).—*В. Майновъ*: „вдова, которой разъ уже удалось остаться опекуншей или полною хозяйкой въ домѣ, никогда уже, до самой своей смерти, не можетъ утерять этого права, даже если дѣти ея сдѣлаются совершеннолѣтними, переженятся и наживутъ своихъ собственныхъ дѣтей; развѣ только, если самой ей надоѣстъ возиться съ хозяйствомъ и она по своей волѣ раздѣлитъ между дѣтьми свое имущество" (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 187).

(*) II: 53—„послѣ смерти отца семейства все имущество получаетъ пожизненно его вдова. При ея жизни не выдѣляется дѣтямъ части изъ родительскаго имущества. Послѣ смерти вдовы имущество дѣлится поровну между сыновьями"; 164—„послѣ смерти отца семейства все имущество остается въ пожизненномъ владѣніи вдовы матери, которая почитается хозяйкою"; и друг. *Свящ. М. Макаровъ*: „сыновья по смерти отца могутъ дѣлиться съ благословенія родительницы" (Арх. губ. вѣд. 1868 г. № 42).

віяхъ, вслѣдствіе чего послѣ смерти главы семейства распоряженіе хозяйствомъ переходитъ часто не къ вдовѣ умершаго, но къ старшему его сыну либо къ брату бывшаго домохозяина (*). Въ настоящее время, судя по показаніямъ крестьянъ, существуетъ много мѣстностей, гдѣ послѣ смерти отца сыновья, если они взрослые, прямо, по собственному желанію, приступаютъ къ раздѣлу оставшагося имущества, причемъ вдова и дочери никакой части не получаютъ, но сыновья обязаны кормить и одѣвать мать и сестеръ (**). Слѣдовательно, въ данномъ случаѣ право наслѣдованія вдовы сводится, собственно говоря, къ праву матери на полученіе отъ дѣтей содержанія. Не смотря на разнообразіе практики волостныхъ судовъ по отношенію къ опредѣленію размѣра и порядка выдачи содержанія, таковое въ сущности заключается въ обязанности сыновей доставлять матери жилище, пропитаніе и одежду (III: 103 № 8;

(*) См. примѣчаніе 2-ое на стр. 31.

(**) I: 391. 417. 425. 435. 442. 451. 456. 461. 465. 475. 487. 500. 505. 518. 523. 541. 560. 573. 579. 665. 695. 727. 751; II: 219. 284. 352. 363. 370. 385. 488. 603; VI: 55. 195. 222. 258. 267. 301. 312. 322. *И. Ефименко.* Сборникъ: „когда въ семействѣ не остается главы, котораго слушались бы по прежнему, тогда родственники, составлявшіе семью, *дѣлятся сами собою*; при этомъ мало обращаютъ вниманія на согласіе или несогласіе матери, если она жива. Въ другихъ мѣстностяхъ запретъ матери долго сдерживаетъ сыновей отъ дѣлежа дѣдовскимъ и отцовскимъ имуществомъ; особенно клятва матери въ этомъ случаѣ очень сильна; боясь ея, дѣти, пока не вынудятъ у матери согласія, не рѣшаются дѣлиться. Матери, видя постоянную неурядицу между дѣтьми, сами бываютъ вынуждены допустить и благословить раздѣлъ“ (стр. 61).—У черемисъ, по словамъ *г. Износкова*, власть матери уменьшается, когда въ семьѣ есть женатые сыновья. Такія семьи остаются нераздѣленными не болѣе двухъ, трехъ лѣтъ (Обычаи горныхъ черемисъ.—Памят. кн. Казанской губ. на $18^{68}/_{69}$ г., стр. 68).

VI: 399 іюля, 21). По народному обычаю мать, въ случаѣ раздѣла сыновей, имѣетъ право жить у любаго изъ нихъ (*).

Бываетъ также, что при раздѣлѣ сыновей обязанность содержать мать беретъ на себя одинъ изъ нихъ, и тогда на его долю дается нѣсколько большая часть имущества сравнительно съ прочими сыновьями, которая, однакоже, отъ него отбирается, если онъ не исполняетъ принятой обязанности. Такъ въ одномъ случаѣ мать-вдова жаловалась суду, что сыновья не кормятъ ее и не оказываютъ ей почтенія. Староста заявилъ, что сынъ В., живущій отдѣльно отъ брата Д. въ собственномъ домѣ, обязался мать свою кормить и покоить, не спрашивая на то помощи брата Д., за что и получилъ лишняго строенія *на часть матери* ригу, но потомъ обязанности своей не исполнилъ. Рѣшено: ригу отъ В. взять обратно къ брату Д., а послѣдняго обязать кормить и покоить мать въ своемъ домѣ (II: 645 № 5). Изъ этого рѣшенія между прочимъ видно, что въ правѣ матери-вдовы на полученіе отъ дѣтей содержанія отчасти скрывается и право ея на нѣкоторую долю мужнина наслѣдства.

Во всякомъ случаѣ право на содержаніе не соединяется безусловно съ совмѣстнымъ жительствомъ матери съ сыновьями либо съ однимъ изъ нихъ и потому на

(*) II: 650 № 6. *Свящ. Лебедевъ.* Бытъ крестьянъ Тверск. губ. Тверскаго уѣзда: „мать живетъ съ тѣмъ изъ сыновей, съ которымъ хочетъ“ (Этногр. сборн. геогр. общ. 1853 г., вып. 1, стр. 197).—*Свящ. М. Макаровъ*: „мать послѣ раздѣла сыновей поступаетъ на жительство къ любому сыну“ (Арх. губ. вѣд., 1868 г. № 42).—*П. Пикулинъ*: „если семья подѣлилась, то мать со своею частію идетъ жить къ одному изъ своихъ сыновъ съ тѣмъ, чтобы онъ докормилъ-допоилъ ее до смерти и тогда бы могъ распорядиться ея имуществомъ, какъ собственностію“ (Допская газета, 1876 г. № 40).

практикѣ ведетъ къ выдѣлу ей нѣкоторой части семейнаго имущества. Если по достиженіи дѣтьми совершеннолѣтія, показали крестьяне, мать-вдова пожелаетъ отъ нихъ отдѣлиться, то сыновья обязаны выстроить ей келью (избушку) и доставлять пропитаніе (отсыпное) до смерти или до вступленія въ бракъ (*). Иногда выдѣляется также нѣкоторая часть скота (VI: 48; II: 344 № 20). То же видимъ мы и въ практикѣ волостныхъ судовъ. Въ случаѣ несогласій между матерью и сыномъ судъ обязываетъ сына построить для матери домикъ или избушку, отвести часть огорода и выдавать ежегодно опредѣленное количество хлѣба и другихъ продуктовъ либо уплачивать матери помѣсячно извѣстную сумму денегъ (VI: 170 № 23; VII: 601). Подобнаго рода постановленія можно найти и въ другихъ рѣшеніяхъ (VI: 505 № 5).

Не вездѣ впрочемъ право вдовы на наслѣдство послѣ мужа, кромѣ указаннаго выше случая пожизненнаго владѣнія, является настолько ограниченнымъ, что почти сливается съ прямою обязанностію дѣтей, признаваемою также обычаемъ, доставлять родителямъ содержаніе, если сами родители не въ состояніи прокормиться по старости или по другимъ причинамъ.

(*) I: 541. 613. 665; VI: 55. 123. 140. По словамъ *г. Соловьева*, мать, передавшая хозяйство старшему сыну, не вправѣ уже вмѣшиваться въ его распоряженія и должна довольствоваться тѣмъ, что дадутъ. Если же она этимъ недовольна, то сынъ строитъ ей отдѣльную избушку (келью) и обязуется выдавать ей извѣстное количество хлѣба и вообще провизіи на пропитаніе. Что касается платья, то мать должна пріобрѣтать его сама. Для этого сынъ дастъ ей добровольно корову, нѣсколько штукъ куръ, овецъ, свиней, а также клочекъ земли для посѣва льна (Казанскія губ. вѣд., 1875 № 26).

Существуютъ мѣстности, гдѣ за вдовою и при дѣтяхъ признается самостоятельное право на мужнино наслѣдство и самый размѣръ выдѣляемой ей доли опредѣляется согласно древнему правилу; именно, вдова получаетъ изъ наслѣдства послѣ мужа равную часть съ дѣтьми (съ сыновьями) (*).

Это простое и однообразное начало искажается нерѣдко практикой волостныхъ судовъ, которые, при разрѣшеніи дѣлъ о наслѣдованіи вдовы послѣ мужа, стараются руководствоваться постановленіями закона объ указной части. Вслѣдствіе этого какъ въ показаніяхъ крестьянъ, такъ и въ рѣшеніяхъ вол. судовъ мы встрѣчаемъ указанія, что вдовѣ при дѣтяхъ выдѣляется изъ мужнина имущества $^1/_3$, $^1/_4$ (**), но чаще $^1/_7$ часть (***).

Пожизненное владѣніе и пользованіе вдовы имѣніемъ мужа прекращается со вступленіемъ ея въ бракъ (IV: 240 № 11. 241 № 16 и 17), но ограниченіе это существуетъ не вездѣ и соблюдается по преимуществу въ Малороссіи (****).

(*) II: 491 № 22; IV: 261 № 4. 324; V: 210 № 32; VI: 19. 46. 349. 352. 646. *П. Никулинъ*: „сама мать при дѣлежѣ съ дѣтьми получаетъ половину изъ имѣнія, а чаще равную часть съ сыновьями“ (Донская газета 1876 г. № 40).—*Неизв. авторъ* статьи: О юрид. обычаяхъ нѣкотор. слободъ Черкасск. и Міусск. округовъ— „матери вдовѣ принадлежитъ отцовская часть“, т. е. равная съ сыновьями, ибо нормально отецъ при раздѣлѣ оставляетъ себѣ такую же часть имущества, какую онъ выдѣляетъ каждому изъ сыновей, т. е. „единоравную“ (см. *Харузинъ*. Свѣдѣнія, стр. 235).

(**) I: 459 № 4; IV: 467 № 12; V: 415; VI: 293. 703. 727.

(***) II: 517 № 24; III: 2. 13. 75. 84. 91. 103; V: 492. 521 № 8; VI: 205. 576 № 6. 631 № 13.

(****) *П. Чубинскій*: „если дѣти раздѣлятся съ матерью, то она имѣетъ право жить съ однимъ изъ сыновей; она беретъ часть на себя (изъ движимости обыкновенно четвертую) и присоединяетъ къ имуществу того сына, съ которымъ живетъ. Но

Наконецъ, судя по рѣшеніямъ волостныхъ судовъ, вдова получаетъ право на наслѣдство послѣ мужа только при закопныхъ дѣтяхъ. Въ противномъ случаѣ вдова устраняется отъ наслѣдованія и если получаетъ что-либо изъ имущества умершаго мужа, то лишь по усмотрѣнію его родственниковъ, напр. братьевъ, къ которымъ и переходитъ наслѣдство, хотя бы они жили съ наслѣдодателемъ въ раздѣлѣ (I: 318 № 10. 319 № 6).

Въ заключеніе изложенія наслѣдованія вдовы при дѣтяхъ намъ остается сказать нѣсколько словъ о положеніи *второбрачной* жены съ дѣтьми при сыновьяхъ умершаго мужа, т. е. при пасынкахъ. Мачиха послѣ смерти мужа имѣетъ право жить въ домѣ умершаго со своими дѣтьми и получать отъ пасынковъ содержаніе, въ особенности когда у ней дѣти женскаго пола (I: 318 № 13; V: 40 № 14). Если мачиха не захочетъ жить вмѣстѣ съ пасынками и пожелаетъ отдѣлиться, то при дѣтяхъ мужскаго пола она получаетъ на нихъ ту часть имущества, которая слѣдуетъ имъ по наслѣдству послѣ отца (IV: 205 № 1. 466 № 6; V: 40 № 5); если же у ней остались однѣ дочери, то въ семъ случаѣ мачихѣ обыкновенно выдѣляется нѣкоторая доля имущества по соглашенію съ пасынками (IV: 145 № 4) или по усмотрѣнію суда (VI: 482 № 4), который, во избѣжаніе жалобъ, старается рѣшать подобныя дѣла, руководствуясь закономъ; напр., выдѣляя мачихѣ $^1/_4$

такъ какъ эта часть остается въ пользованіи ея до ея смерти или до выхода замужъ, то она и не можетъ распоряжаться ею; и какъ только прекращается пользованіе въ двухъ сказанныхъ случаяхъ, то ея часть въ случаѣ ея смерти остается у того, у кого она жила, а въ случаѣ замужества идетъ въ раздѣлъ“ (Очеркъ, стр. 695).

часть имущества, а дочерямъ ея $^1/_8$, или мачихѣ $^1/_7$ часть и изъ этой доли $^1/_{14}$ дочери и т. п. (*).

Таково въ общихъ чертахъ наслѣдованіе вдовы при дѣтяхъ, когда умершій мужъ вдовы былъ самостоятельнымъ хозяиномъ и жилъ въ раздѣлѣ со своими родственниками. Оно сводится или къ полученію вдовою пожизненнаго отъ дѣтей содержанія, или къ праву пожизненнаго же владѣнія и пользованія мужниным имуществомъ.

(*) I: 315 № 2. 393 № 2. *П. Ефименко.* Сборникъ: „по смерти мужа второбрачная жена, имѣющая дѣтей, получаетъ на дѣтей, если они мужескаго пола, изо всего имущества покойнаго мужа полный пай, какъ и дѣти перваго брака, ея пасынки; если же у нея будутъ дочери, то пользуется одною квартирою, получаетъ въ домѣ клѣть или ей выстраиваютъ особый *курень* для жительства“ (стр. 67). —*П. А. Муллова* сообщено слѣдующее рѣшеніе о наслѣдованіи вдовы при пасынкахъ: вдова С. жаловалась, что пасынокъ П. не выдѣляетъ части изъ имѣнія ея мужа. Постановлено: выдѣлить половину, т. к. кромѣ П. у С. есть и другой родной ей сынъ (см. *С. В. Пахмана* Об. гр. право, т. 2, стр. 397).—Въ Трудахъ этногр. стат. экспед. въ зап. русс. край помѣщено такое рѣшеніе по раздѣлу мачихи съ пасынкомъ: такъ какъ вдова Анна имѣетъ несовершеннолѣтняго сына, прижитаго ею съ отцомъ Василья Коваленка (пасынокъ), а потому на ея долю обязать Василія дать земли половинную часть, хлѣба $^1/_3$, изъ скота корову, бычка и телицу, овецъ 3, свиней 2, гумно должно быть въ общемъ пользованіи и хату съ сѣньми и каморой; а Василію должна быть надворная камора, изъ сараевъ 1 долженъ быть вдовы Анны; свиты, какъ уже между ними раздѣлены, должны быть въ томъ количествѣ у каждой стороны. Затѣмъ обязать Анну, чтобы она исправно платила всѣ податные, поземельные и выкупные платежи за землю, подать за сына и половинную часть за покойнаго мужа, а также приказать, чтобы не препятствовала и не прогоняла пасынка Василія изъ старой хаты, впредь до выстройки имъ новой избы. Если же вдова Коваленка не будетъ исправна у платежей, то земля вся должна поступить въ пользованіе пасынку ея (Т. VI, стр. 257—258 № 15).

ществомъ, или къ праву на полученіе нѣкоторой части изъ оставшагося послѣ мужа наслѣдства, причемъ размѣръ таковой опредѣляется обычаемъ различно.

Что касается наслѣдованія вдовы при дѣтяхъ въ сложной и сводной семьѣ, то по существу своему оно должно быть тождественно съ предъидущимъ (*) и весь вопросъ здѣсь главнымъ образомъ сводится къ праву вдовы—*снохи* требовать выдѣла на дѣтей отъ семейныхъ умершаго ея мужа слѣдующей послѣднему доли въ общемъ имуществѣ. Въ прежнее время, при существованіи различныхъ стѣсненій относительно семейныхъ раздѣловъ, вдовая сноха, хотя бы имѣвшая дѣтей, не получала на руки мужниной части имущества, но оставалось жить у свекра или деверей до совершеннолѣтія дѣтей своихъ и долѣе, пока семья не раздѣлится. Съ изданіемъ общаго положенія о крестьянахъ семейные раздѣлы перешли въ исключительное вѣдѣніе сельскихъ сходовъ, которые, равно какъ и волостные суды вообще весьма снисходительно относятся къ раздѣламъ. Въ частности по отношенію къ праву снохи на выдѣлъ слѣдуетъ признать, въ виду многочисленныхъ показаній крестьянъ и рѣшеній вол. судовъ, что въ настоящее время вдова-сноха, оставшаяся съ дѣтьми, имѣетъ полное право требовать отъ братьевъ умершаго мужа (въ сводной семьѣ) или отъ свекра и свекрови (въ сложной семьѣ) выдѣла мужниной доли въ общемъ имуществѣ независимо отъ согласія или несогласія на то означенныхъ лицъ. Впрочемъ, размѣръ выдѣляемой доли бываетъ различный, смотря потому, есть ли у снохи

(*) *П. Чубинскій.* Очеркъ: „жена неотдѣленнаго сына при дѣтяхъ живетъ, какъ мать, и, по смерти отца семейства, дѣлается хозяйкою дѣтскаго имущества" (стр. 696).

сыновья или же остались одне только дочери (и въ этомъ заключается существенная особенность наслѣдованія снохи въ нераздѣленной семьѣ въ отличіе отъ наслѣдованія вдовы въ отдѣльной, самостоятельной семьѣ, гдѣ все безъ изъятія имущество умершаго мужа поступаетъ къ вдовѣ на дѣтей, къ какому бы полу они не принадлежали.

По общему правилу вдова-сноха, при дѣтяхъ (*), въ особенности мужскаго пола (**), получаетъ на нихъ при отдѣлѣ отъ свекра, свекрови или деверьевъ всю часть имущества, которая слѣдовала бы умершему ея мужу, еслибъ онъ находился въ живыхъ. Право вдовы-снохи на выдѣлъ означенной части не зависитъ вообще

(*) I: 435. 716 № 59; II: 205. 407. 414. 430. 453. 464. 471. 479. 491 № 22; III: 75. 99. 84. 388; IV: 99 № 18. 113. 150 № 16. 179 № 18. 242 № 2. 296. 306. 316; V: 48. 60. 73. 108. 114. 117. 202. 332. 342. 447 № 23; VI: 55. 275. 305. 322. 493 № 2. 631 № 13. 642 № 29. *Авторъ* статьи: О юрид. обыч. нѣкот. слоб. Черкасск. и Міусск. округовъ—„невѣсткѣ, если у нея есть дѣти, должна принадлежать мужнина часть“ (Донск. област. вѣд. 1875 г. № 27).— *М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „свекоръ, отдѣляя споху вдову при дѣтяхъ, даетъ ей часть своего умершаго сына (ея мужа), иногда сразу все, иногда обѣщая, при достиженіи совершеннолѣтія внука, дать еще строеваго коня съ сѣдломъ на государеву службу“ (стр. 246).— *В. Майновъ*: „если свекоръ не успѣлъ еще отдѣлить своего сына, а этотъ послѣдній, не дождавшись раздѣла, умретъ, то жена получаетъ, въ томъ случаѣ, если у нея остались дѣти, часть своего мужа“ (Очеркъ юрид. быта мордвы, стр. 186).

(**) I: 205. 213. 224. 235. 254. 262. 276. 280. 286. 294. 299. 392. 406 № 3. 417. 425. 442. 451. 456. 461. 465. 475. 488. 505. 518. 573. 686 № 43. 752; II: 39 № 14. 54. 165. 178. 220. 229. 256. 284. 324. 331. 353. 363. 370. 377. 383. 385. 441; III: 55 № 21. 189. 201. 381. 384 № 6; IV: 29. 69. 96. 106; V: 52. 68. 88. 94. 300. 310. 319. 386 № 1; VI: 195. 206. 211. 223. 234. 267. 294. 312. 410.

отъ того, вступила ли вдова снова въ бракъ или нѣтъ (*), и только въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ встрѣчаются показанія крестьянъ, что полная доля выдѣляется снохѣ лишь подъ условіемъ невступленія въ бракъ (**).

При выдѣлѣ снохѣ мужниной доли изъ наличнаго имѣнія свекра обыкновенно дѣлается предварительный вычетъ семейныхъ долговъ, такъ что сноха получаетъ слѣдующую ей на дѣтей часть изъ чистаго остатка (I: 407 № 7), причемъ личные долги свекра снохѣ къ зачету не принимаются и взыскиваются съ свекра полностью (I: 407 № 17; IV: 376 № 6). За снохою признается также право требовать отъ свекра въ свое распоряженіе упадающій на душу покойнаго мужа земельный надѣлъ подъ условіемъ принятія на себя уплаты слѣдующихъ податей и повинностей (I: 686 № 43. 688 № 52; V: 78 № 51). При выдѣлѣ снохѣ съ дѣтьми, въ особенности съ сыновьями, причитающейся умершему мужу ея части имущества сама сноха обыкновенно особой части не получаетъ, но все выдѣляемое имущество поступаетъ въ ея владѣніе и распоряженіе (I: 407 № 4. 406 № 3. 189 № 36; II: 39 № 14. 251 № 80. 525 № 62. 491 № 22; IV: 99 № 18. 150 № 16. 248 № 2. 492 № 22; V: 162 № 1. 386 № 1. 447 № 23; VI: 493 № 2. 631 № 13. 642 № 29).

Исключеніе составляютъ тѣ довольно рѣдкіе впрочемъ случаи, когда подлежащая выдѣлу снохѣ часть остается у свекра до совершеннолѣтія внуковъ (IV: 240 № 6; V: 74 № 3; VI: 258. 275), или когда при самомъ выдѣлѣ надъ имуществомъ и сиротами учреждается опекунское управленіе (IV: 490 № 7; VI: 393,

(*) I: 407 № 7. 408 № 13; IV: 150 № 16. 179 № 18; V: 162 № 1. 386 № 1. 447 № 23.

(**) IV: 267. 272.

іюня 2-го), что также бываетъ не часто, или, наконецъ, когда выдѣляемая часть имущества, чрезъ продажу онаго, вносится въ видѣ денежной суммы въ сберегательную кассу для приращенія процентами, впредь до совершеннолѣтія малолѣтнихъ наслѣдниковъ (*), что составляетъ обычный способъ охраненія имущества малолѣтнихъ, употребляемый волостными судами, когда въ томъ предстоитъ необходимость. Въ послѣднихъ двухъ случаяхъ волостные суды поступаютъ прямо вопреки обычаю, по которому жена считается полною хозяйкою по мужѣ и владѣетъ пожизненно оставшимся послѣ него имуществомъ. Дѣлается это такъ, вѣроятно, потому, чтобы избѣжать жалобъ родственниковъ малолѣтнихъ, которымъ, на основаніи 1-го примѣч. къ 21 ст. общаго положенія, предоставлено право обращаться къ защитѣ мироваго посредника (**) во всѣхъ случаяхъ, когда въ распоряженіяхъ міра они усмотрятъ что-либо клонящееся къ ущербу малолѣтнихъ. Въ разсматриваемомъ же случаѣ подобныя жалобы легко возможны, ибо кромѣ нравственной нѣтъ иной гарантіи въ томъ, что мать не растратитъ имущества малолѣтнихъ.

Выше было замѣчено, что выдѣлъ снохѣ мужниной доли ставится иногда въ зависимость отъ того, остались ли у снохи послѣ мужа сыновья или только

(*) I: 319 № 17. 381 № 12. 407 № 7; IV: 184 № 3. 216 № 16; V: 517 № 1; VI: 67 № 54; VI: 482 № 6.

(**) Въ губерніяхъ, гдѣ введены какъ земскія, такъ и мировыя судебныя учрежденія, за упраздненіемъ въ нихъ должности мировыхъ посредниковъ, жалобы родственниковъ на распоряженія схода, клонящіяся къ ущербу малолѣтнихъ, приносятся уѣздному по крестьянскимъ дѣламъ присутствію (Полож. о губ. и уѣзд. по крест. дѣламъ учрежд. ст. 133, прим. 1, и ст. 143, п. 11. Особое прилож. къ IX т. зак. о сост., изд. 1876 г.).

одпѣ дочери. Дѣйствительно, во многихъ мѣстностяхъ крестьяне показали, что жена неотдѣленнаго сына, оставшаяся послѣ смерти мужа съ однѣми дочерьми, ничего не получаетъ изъ слѣдовавшей умершему доли (*), или же ей дается, по усмотрѣнію свекра (**), нѣкоторая частица мужниной доли (***), напр. немного хлѣба и скота. Объясняется это тѣмъ, что въ сложной семьѣ сами дочери устраняются вообще отъ наслѣдованія въ отцовской части, а потому и мать ихъ, получающая имущество, какъ представительница дѣтей, не вправѣ въ семъ случаѣ требовать выдѣла. Она получаетъ только свое приданое и иногда оставшуюся послѣ мужа одежду (****). Въ практикѣ волостныхъ судовъ встрѣчаются, однакоже, хотя и рѣдко, случаи, когда снохѣ на дочь выдѣляется вся мужнина доля семейнаго имущества (*****). Впрочемъ, въ этомъ отношеніи практика волостныхъ судовъ отличается вообще большимъ разнообразіемъ. Иногда судъ самъ указываетъ имущество, которое слѣдуетъ выдѣлить снохѣ съ дочерьми (II: 525 № 62. 647 № 1; V: 162 № 1), или назначаетъ ей $^1/_4$ часть мужниной доли (I: 414 № 26). Бываетъ также, что судъ даетъ опредѣленную часть какъ матери, такъ и дочери, напр. обязываетъ дѣда выдѣлить дочерямъ умершаго сына $^1/_3$ часть имущества и изъ этого количества назначаетъ $^1/_7$ часть вдовѣ, или же даетъ послѣдней $^1/_4$ часть изъ доли мужа, а дочерямъ $^1/_7$ (I: 381 № 12. 399 № 27).

Подобное же колебаніе въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ замѣчается и въ тѣхъ случаяхъ, когда дѣло

(*) I: 205. 213. 224. 235. 254. 286. 294. 299. 505. 518; II: 164. 178. 220. 256. 353. 441; IV: 69. 96. 106; VI: 234. 267. 620.

(**) IV: 69. 96. 258.

(***) I: 417. 442. 752; III: 189; V: 300; VI: 206. 410.

(****) II: 125 № 31. 234 № 26. 647 № 1; IV: 179 № 18.

(*****) IV: 216 № 16.

идетъ о раздѣлѣ снохи съ деверьями, т. е. братьями умершаго мужа. Казалось бы, что подобный раздѣлъ долженъ рѣшаться просто: снохѣ съ дочерьми надлежитъ выдѣлить всю часть, которая принадлежитъ въ общемъ имуществѣ ихъ покойному отцу, такъ какъ въ сводной семьѣ, состоящей изъ нѣсколькихъ отдѣльныхъ, самостоятельныхъ семей, имѣющихъ каждая свое семейное имущество, это послѣднее, за смертію отца одной изъ такихъ семей, должно по наслѣдству перейти къ дочерямъ, если нѣтъ сыновей. Но въ народномъ быту понятія сложной и сводной семьи не вездѣ и не всегда строго разграничиваются, что въ свою очередь обусловливается вліяніемъ экономической подкладки всякой крестьянской семьи, съ которою, какова бы ни была ея организація, всегда тѣсно связывается представленіе о хозяйственномъ союзѣ. Хозяйство же, какъ экономическое цѣлое, не должно дробиться, коль скоро не имѣется въ виду лицъ, способныхъ самостоятельно продолжать таковое. Вотъ почему и юридическія нормы, опредѣляющія въ обычномъ правѣ порядокъ наслѣдованія лицъ женскаго пола въ естественной семьѣ, пріурочиваются иногда къ случаямъ раздѣла означенныхъ лицъ съ родственниками мужскаго пола въ сводной семьѣ (*). Это

(*) *В. Преображенскій.* Описаніе Тверской губ. въ сельско-хозяйственномъ отношеніи: „когда въ семействѣ умершаго хозяина находятся братья, ихъ вдовы и дочери, то старшій братъ послѣ умершаго становится хозяиномъ; бездѣтная вдова умершаго или вдова брата, если не захочетъ жить въ этомъ семействѣ, получаетъ назадъ приданое и платье мужа, а вдова умершаго съ дочерьми, въ случаѣ раздоровъ въ семействѣ, получаетъ свое приданое, платье мужа, приданое для дочерей, состоящее изъ необходимаго платья, одну или нѣсколько коровъ или овецъ и хлѣба, если есть въ семействѣ, не болѣе, какъ на годовое продовольствіе; кромѣ того ей выстраивается бобыльскій домъ“ (стр. 94).—*П. А. Мулло-*

отражается и въ практикѣ волостныхъ судовъ, которые при раздѣлѣ снохи съ деверьями (сводная семья) то выдѣляютъ ей на дочерей, какъ и слѣдуетъ, всю мужнину долю въ общемъ имуществѣ (I: 380 № 8. 459 № 4; III: 394 № 14), то даютъ только нѣкоторую часть этой доли, стараясь при этомъ, во избѣжаніе жалобъ, руководствоваться закономъ. Такимъ образомъ снохѣ назначается $^1/_4$, а дочери $^1/_7$ мужниной и отцовской доли, или же обѣимъ вмѣстѣ выдѣляется одна седьмая часть (I: 399 № 27. 401 № 37; IV: 107 № 2). Нерѣдко, однакоже, подобнаго рода дѣла оканчиваются сторонами мировою сдѣлкою (I: 400 № 31. 408 № 8. 599 № 41), а это показываетъ, что въ народномъ воззрѣніи сводная и естественная семья, даже по отношенію къ разсматриваемому случаю, никогда вполнѣ не отождествляются, подобно тому какъ раздѣлъ общаго имущества не совпадаетъ съ наслѣдованіемъ.

Изложивъ въ общихъ чертахъ наслѣдственныя права жены при дѣтяхъ покойнаго мужа, мы перейдемъ къ разсмотрѣнію порядка *наслѣдованія бездѣтной вдовы.*

Если въ первомъ случаѣ наслѣдованіе вдовы находится въ нѣкоторой зависимости отъ того, былъ ли ея мужъ самостоятельнымъ владѣльцемъ и хозяиномъ имущества или жилъ въ семьѣ отца либо съ братьями, то по отношенію къ праву наслѣдованія бездѣтной вдовы самостоятельное или несамостоятельное хозяйственное положеніе мужа должно оказывать еще большее вліяніе, такъ какъ здѣсь нѣтъ того общаго масштаба, къ

вымъ сообщено такое рѣшеніе вол. суда: у дяди была общая земля съ племянникомъ; по смерти послѣдняго осталась жена его и дочь; изъ 7 дес. пашни и 2 дес. лугу велѣно женѣ и дочери отдѣлить только 1 дес. 800 саж. указанной мѣры (Об. гражд. пр., т. 2, стр. 397).

которому приводится наслѣдованіе вдовы въ первомъ случаѣ, т. е. нѣтъ дѣтей.

Вслѣдствіе этого, вѣроятно, въ вопросѣ о наслѣдованіи бездѣтной вдовы обращается такъ много вниманія въ народномъ быту на разныя побочныя обстоятельства, какъ то на продолжительность брака, на содѣйствіе жены въ пріобрѣтеніи оставшагося послѣ мужа имущества, на поведеніе и благонадежность вдовы вообще и на вступленіе ея въ новый бракъ.

Всѣ эти обстоятельства такъ или иначе оказываютъ вліяніе, если не на самое признаніе за вдовою правъ на наслѣдство послѣ мужа, то на размѣръ выдѣляемой ей части; но главнымъ мотивомъ въ различіи наслѣдственныхъ правъ вдовы остается всетаки упомянутая выше особенность семейно-хозяйственнаго положенія ея умершаго мужа.

Говоря о наслѣдованіи восходящихъ родственниковъ, мы имѣли уже случай замѣтить, что въ большей части мѣстностей бездѣтная вдова отдѣленнаго сына считается полною наслѣдницею по мужѣ, устраняющею отъ наслѣдованія какъ родителей, такъ и прочихъ родственниковъ умершаго. Изъ практики волостныхъ судовъ видно, что въ случаѣ смерти одного изъ братьевъ, жившихъ въ раздѣлѣ, наслѣдницею къ оставшемуся имуществу признается бездѣтная вдова, а не братья ея мужа (*), причемъ имущество предоставляется вдовѣ

(*) III: 82 № 15. 263 № 2. 273 № 7; IV: 614 № 12; VI: 467 № 8. 484 № 13. Къ данному случаю относятся также слѣдующія рѣшенія, сообщенныя *П. А. Муллова*мъ: 1) бездѣтная вдова Е. жила съ мужемъ С. 30 лѣтъ и вмѣстѣ съ нимъ хлопотала по хозяйству, поэтому судъ призналъ справедливымъ *все имущество мужа* предоставить ей, а не двумъ его братьямъ, такъ какъ они были уже отдѣлены, одинъ 18, а другой 9 лѣтъ назадъ (Нижег. губ.,

или въ полную собственность, или же иногда только въ пожизненное владѣніе (*), либо до вступленія ея въ новый бракъ (**).

Основаніемъ признанія за вдовою права наслѣдованія во всемъ имуществѣ мужа служитъ въ разсматриваемомъ случаѣ прежде всего, конечно, то обстоятельство, что къ оставшемуся послѣ умершаго имуществу и хозяйству нѣтъ прямыхъ обычныхъ наслѣдниковъ и преемниковъ. Но засимъ принимается также въ соображеніе, что въ простой, отдѣленной семьѣ бездѣтная жена нерѣдко является единственною сотрудницею мужа въ хозяйствѣ, содѣйствующею какъ личнымъ трудомъ, такъ и своимъ имуществомъ (приданымъ) въ накопленіи всего того, что осталось послѣ безпотомно умершаго домохозяина. Въ виду этого, вѣроятно, обычай и отдаетъ предпочтеніе въ наслѣдованіи вдовѣ, когда нѣтъ прямаго потомства, передъ другими родственниками умершаго, съ которыми онъ жилъ въ раздѣлѣ и которые никакого участія въ его домашнихъ дѣлахъ не принимали, тѣмъ болѣе, что въ народномъ юридическомъ быту кровное родство вообще, какъ основаніе права наслѣдованія, далеко не имѣетъ столь безусловнаго значенія, какъ въ писанномъ правѣ, и постоянно встрѣчаетъ себѣ противовѣсъ въ принципѣ совмѣстнаго жительства и общаго хозяйственнаго труда.

Сергач. у., Тархан. в. 1868 г.); 2) деверь не отдавалъ снохѣ имѣніе, оставшееся по смерти его брата, отзываясь тѣмъ, что у брата не было дѣтей; судъ нашелъ такой отзывъ несправедливымъ и велѣлъ ему выдѣлить снохѣ то, что принадлежало ея мужу по раздѣлу съ братьями (Сергач. у., Старо-Ахмат. в. 1868 г.). См. Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 396.

(*) II: 229. 256. 610 № 25; III: 65 № 22; VI: 234.

(**) IV: 145 № 2. 146 № 6.

Такимъ образомъ по показаніямъ крестьянъ многихъ мѣстностей бездѣтная вдова получаетъ все оставшееся послѣ мужа имущество (*), кромѣ земельнаго надѣла, который предоставляется братьямъ (**) или другимъ мужскаго пола родственникамъ умершаго (***). съ тѣмъ, чтобы они платили за него подати. Впрочемъ. въ случаѣ отказа со стороны братьевъ отъ земли (I: 606) либо неисправности ихъ въ уплатѣ податей (I: 314 № 3; V: 22 № 1), таковая поступаетъ въ общество (I: 606. 624. 676. 751), а также нерѣдко отдается самой вдовѣ умершаго, если она обяжется платить за мужа подати и общество въ томъ ей повѣритъ (****), хотя со вступленіемъ вдовы въ бракъ съ лицомъ, принадлежащимъ къ другому сельскому обществу, право вдовы пользоваться мужниным надѣломъ прекращается (*****).

Кромѣ трудовъ коммисіи существуютъ и другія данныя, свидѣтельствующія, что предоставленіе бездѣтной вдовѣ надѣла, числившагося за ея умершимъ мужемъ, составляетъ явленіе довольно обыкновенное въ народномъ быту. Г-жа *Евреинова* въ своемъ рефератѣ о значеніи и предѣлахъ обычнаго права и проч., доложенномъ въ С.-Петербургскомъ юридическомъ обществѣ, ссылаясь на Сборникъ матеріаловъ для изученія сельской общины (т. 1, 1880 г.), приводитъ нѣсколько примѣровъ изъ разныхъ мѣстностей (******), показывающихъ,

---

(*) I: 606. 624. 642. 666. 676. 695. 727. 751; II: 390. 407. 414. 488. 603; IV: 419; V: 492.

(**) I: 314 № 3. 606; IV: 324. 419; V: 22 № 1; VI: 297 № 9. 457.

(***) I: 624. 666. 695. 727. 751.

(****) I: 314 №3. 642. 676. 727; II: 488. 603; IV: 614 № 12; V: 22 № 1. 202; VI: 457.

(*****) I: 739 № 37; V: 22 № 1; II: 341 № 1.

(******) Старухинск. община, Тульск. губ., Чернск. уѣзда; Пус-

что міръ вообще не отказываетъ бездѣтной вдовѣ въ пользованіи мужниным надѣломъ, пока она исправно уплачиваетъ всѣ мірскія подати и повинности. То же подтверждается и свящ. *Іоанномъ Архангельскимъ* въ его изслѣдованіи народныхъ юрид. обычаевъ въ селѣ Краковѣ, Самарской губ. и уѣзда (Самарск. епарх. вѣд. 1876 г. № 6, стр. 127).

И такъ, изъ всего сказаннаго о правѣ наслѣдованія бездѣтной вдовы въ простой отдѣленной семьѣ слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что положеніе вдовы въ такой семьѣ послѣ смерти мужа въ большей части мѣстностей представляется вполнѣ обезпеченнымъ и наслѣдственныя права ея въ мужниномъ имуществѣ весьма обширны. Но положеніе это принимаетъ совершенно иной оборотъ, когда послѣ мужа остаются дѣти отъ другаго брака. Повидимому, обычное право не успѣло выработать никакихъ болѣе или менѣе твердыхъ правилъ относительно наслѣдованія бездѣтной вдовы въ этомъ послѣднемъ случаѣ.

Въ показаніяхъ крестьянъ, помѣщенныхъ въ трудахъ коммисіи, не имѣется ясныхъ указаній на участіе мачихи въ наслѣдствѣ послѣ мужа при пасынкахъ и падчерицахъ. Для ознакомленія съ этимъ вопросомъ остается, слѣдовательно, практика волостныхъ судовъ и нѣкоторыя данныя, встрѣчающіяся въ литературѣ обычнаго права.

По словамъ *г. Ефименко*, въ Архангельской губ. *бездѣтная вдова-мачиха* пользуется только угломъ въ избѣ, но содержаніе должна имѣть свое. Изъ имуще-

---

тынская общ. Рязанск. губ., Рязанск. уѣзда; Пырская и Воробинская общ. Вологод. губ., Сольвычегодск. уѣзда; Ундорская общ. Симбирск. губ. (стр. 19 и 20 реферата).

ства мужа она беретъ лишь бѣлье, а иногда выпроваживается пасынками изъ дому ни съ чѣмъ. Если дѣти отъ перваго брака останутся малолѣтними, то второбрачная жена завѣдуетъ въ домѣ хозяйствомъ, пока не выроститъ пасынковъ; во всякомъ случаѣ она запасается на будущее время, имѣя въ виду, что пасынки, женясь, выгонятъ ее вонъ (Сборникъ, стр. 67). Въ казацкихъ общинахъ на Дону вдовѣ предоставляется право оставаться „на мѣстѣ“, т. е. жить въ хатѣ покойнаго мужа; но такъ какъ второбрачная жена легко можетъ потерпѣть непріятность и притѣсненіе отъ пасынковъ, то мужъ при жизни своей строитъ ей особую хатку, въ которой она могла бы по смерти его спокойно жить, не опасаясь быть выгнанной пасынками. Впрочемъ, выходя вторично замужъ, вдова лишается этой хатки: „съ мѣста не тронутъ, пока замужъ не вышла“ (*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону, стр. 201). По замѣчанію г. *Чубинскаго,* бездѣтная вдова-мачиха въ Малороссіи должна, по народному взгляду, оставить домъ мужа и идти куда ей заблагоразсудится (Очеркъ нар. юрид. обычаевъ и понят. въ Малороссіи, стр. 698).

Эта неопредѣленность въ положеніи бездѣтной мачихи отражается и въ практикѣ волостныхъ судовъ.

Раздѣлы оставшагося имущества между сыновьями умершаго и вдовою-мачихою рѣдко оканчиваются миролюбиво (I: 230 № 5; VI: 584 № 4). Большею частью пасынки не признаютъ за мачихой никакихъ правъ на отцовское наслѣдство, не выдѣляютъ ей изъ онаго никакой доли и нерѣдко по просту выгоняютъ изъ дому (I: 337 № 13. 574, фев. 4; II: 448 № 62; V: 30 № 31. 324 № 9; VI: 26, апр. 21. 338 № 12). Отсюда цѣлый рядъ жалобъ обездоленныхъ мачихъ на пасынковъ. Къ чести волостнаго суда слѣдуетъ сказать, что въ подоб-

ныхъ случаяхъ онъ всегда вступается за обиженную сторону, хотя и не всегда признаетъ за мачихой самостоятельное право на участіе въ наслѣдствѣ при пасынкахъ. Въ большинствѣ случаевъ вся забота суда сводится къ тому, чтобы бездѣтная мачиха не была лишена самыхъ необходимыхъ средствъ къ существованію. Поэтому судъ обыкновенно обязываетъ пасынковъ выдѣлить мачихѣ нѣкоторое количество хлѣба и другихъ продуктовъ на пропитаніе, дать ей помѣщеніе для отдѣльнаго жительства, напр. выстроить избушку, если мачиха и пасынокъ не могутъ ужиться вмѣстѣ (*). Нѣсколько большую долю имущества получаетъ бездѣтная мачиха въ томъ случаѣ, когда пасынокъ былъ отдѣленъ при жизни отца: ей предоставляется напр. ¼ часть урожая хлѣба и такая же часть усадьбы съ домикомъ (V: 324 № 9), или ей выдѣляется ⅓ всего оставшагося послѣ мужа имущества (VI: 338 № 12), или за нею сохраняется пожизненное пользованіе избою, вы-

(*) II: 336 № 28. 448 № 62; V: 30 № 1. 296 № 8; VI: 26, апр. 21. Рѣшенія, сообщенныя *П. А. Муллову*ымъ: 1) послѣ А. остались вторая жена и сынъ отъ перваго брака. Жена жаловалась, что при выходѣ въ замужество принесла довольно приданаго, изъ котораго шила мужу кое-какую одежду, но что пасынокъ не возвращаетъ ей одежды и не даетъ на продовольствіе хлѣба. Рѣшено: хотя просительница и была замужемъ 6 лѣтъ, но какъ дѣтей у нея не осталось, то „по обычаю“ должна оставить домъ и получить только собственно ей принадлежащую женскую одежду, а всю одежду мужа оставить дѣтямъ отъ перваго брака; пасынокъ же долженъ дать ей 2 п. ржаной муки (Балах. уѣзда, Кубинц. в. 1866 г.); 2) второбрачная жена просила о выдѣлѣ ей части изъ имѣнія перваго мужа; судъ приказалъ, чтобы ея „падчерикъ“ (пасынокъ) далъ ей изъ посѣяннаго на 3 души хлѣба на 1 душу, 4½ четверика ржи и за обработку земли на половину души 1 р. 50 коп. (Балах. у., Смолк. в. 1869 г. Обычное гражд. право С. В. Пахмана, т. 2, стр. 396—397).

строенною покойнымъ мужемъ послѣ отдѣла сыновей (V: 62 № 9). Иногда споры между мачихою и пасынками рѣшаются вол. судами, примѣнялсь къ закону, и тогда мачиха получаетъ $^1/_4$ часть изъ движимаго имущества мужа и $^1/_7$ часть изъ недвижимаго или же $^1/_7$ либо $^1/_4$ часть изъ всего вообще имущества умершаго, за исключеніемъ надѣла (I: 337 № 13. 599 № 41; IV: 185 № 7. 191 № 24).

Случаи, когда мачиха получаетъ съ пасынками равную часть имущества, встрѣчаются весьма рѣдко (*). Еще большею неопредѣленностью и крайностями отличается практика вол. судовъ по отношенію къ наслѣдованію бездѣтной мачихи при падчерицахъ. Съ одной стороны мы замѣчаемъ полнѣйшее игнорированіе дочернихъ правъ на отцовское наслѣдство, такъ что мачиха получаетъ все имущество мужа, дочь же ничего не получаетъ или самую малую часть (**), а съ другой стороны наоборотъ, все имущество умершаго предоставляется по наслѣдству дочери и мачиха остается ни съ чѣмъ или почти ни съ чѣмъ (***). Такъ въ одномъ случаѣ вол. судъ призналъ наслѣдницею всего оставшагося послѣ отца имущества дочь, а вдовѣ-мачихѣ присудилъ только приданое ея и вознагражденіе за прожитіе у падчерицы лѣтомъ въ видѣ работницы.

(*) IV: 73 № 35—Труды этногр. стат. эксп. т. VI, стр. 259 № 19: Бѣлоц. волостной судъ Васильевск. у., Кіевск. г., дозволилъ продать вдовѣ оставшійся послѣ мужа домъ, съ тѣмъ, чтобы вырученныя деньги были раздѣлены такимъ образомъ: двумъ сыновьямъ умершаго отъ первой жены двѣ части, третью часть самой просительницѣ выдать на руки и четвертую часть обратить на уплату недоимки.

(**) II: 431 № 1; III: 373 № 1; VI: 466 № 6. 659 № 3.

(***) II: 20 № 105; V: 313 № 8.

Встрѣчаются, однакоже, примѣры раздѣла наслѣдства между мачихою и падчерицами приблизительно по равной части (*).

Что касается наслѣдованія *бездѣтной жены неотдѣленнаго сына*, т. е. невѣстки или снохи, то во многихъ мѣстностяхъ обычай придерживается древняго правила объ устраненіи невѣстки отъ наслѣдованія послѣ мужа. Согласно показанію крестьянъ, бездѣтная жена неотдѣленнаго сына послѣ смерти мужа ничего не получаетъ изъ слѣдовавшей ему доли семейнаго имущества (**), но свекоръ обязанъ содержать ее, пока она живетъ въ его домѣ (***). При оставленіи семьи мужа бездѣтная сноха беретъ только свое приданое (****) и то, чѣмъ наградитъ ее свекоръ по своему усмотрѣнію (*****).

(*) Труды эт. ст. эксп. т. VI, стр. 258 № 16. 261 № 22.

(**) I: 205. 213. 224. 242. 254. 262. 276. 280. 286. 294. 299. 573. 580. 624. 752; II: 178. 370. 385. 407. 414. 430. 441. 453. 464. 471. 479; III: 92; IV: 29. 69. 106. 113. 296. 306. 316; V: 48. 52. 60. 68. 73. 88. 94. 101. 108. 114. 393. 499; VI: 55. 123. 195. 312. 364. 410.

(***) II: 213. 442. 488. 500. 518. 524; II: 205. 256. 284; III: 92; V: 267. 275. 301.

(****) II: 165. 205. 220. 229. 256. 324. 331. 353, 363; IV: 296. 332 № 2; V: 128 № 2. 310. 332; VI: 234. 258. 305. *П. Чубинскій.* Очеркъ: „невѣстка-вдова, не имѣющая дѣтей, живетъ въ семействѣ свекра до тѣхъ поръ, пока поддерживается согласіе, или пока не выйдетъ замужъ. Въ первомъ и во второмъ случаѣ ей должно быть выдано обратно приданое“ (стр. 696).

(*****) IV: 69. 96. 113. 333 № 2; V: 128 № 2; VI: 294. 628. 637. *П. Ефименко.* Сборникъ: „молодыя вдовы не отдѣленныхъ на особыя усадьбы сыновей и племянниковъ, если нѣтъ у нихъ дѣтей, по смерти своихъ мужей, большею частію возвращаются въ домы своихъ родителей, если не выходятъ вторично въ замужество. Въ обоихъ случаяхъ эти женщины получаютъ обратно свое приданое: дать же что-либо сверхъ этого вполнѣ зависитъ отъ усмотрѣнія мужниной семьи“ (стр. 66).

Въ другихъ мѣстностяхъ бездѣтная сноха получаетъ нѣкоторую часть изъ доли умершаго мужа, смотря по продолжительности брачнаго сожительства. Такъ напримѣръ, если бракъ продолжался лѣтъ пять, то снохѣ выдѣляется $^1/_3$ мужниной доли; иногда даютъ избу и немного движимости; когда же бракъ продолжался болѣе 8 лѣтъ, то сноха получаетъ всю мужнину долю (*).

Волостные суды, въ случаѣ вытѣсненія снохи изъ дому родителями мужа, что бываетъ въ народномъ быту довольно часто (**), обязываютъ послѣднихъ дать или выстроить снохѣ избу (I: 412 № 5; II: 280 № 30. 326 № 4. 335 № 23) либо уплатить за это деньгами (V: 494 № 3). Иногда судъ приказываетъ свекру дать снохѣ небольшой участокъ земли (клинъ, кусокъ) подъ посѣвъ хлѣба (II: 280 № 30; V: 143, мая 22). Кромѣ того снохѣ присуждается мужнина одежда (***) и нѣкоторая часть движимости, обыкновенно нѣкоторое количество хлѣба и мелкаго домашняго скота (****).

При разбирательствѣ споровъ по поводу наслѣдства между снохою и родственниками ея умершаго мужа волостные суды руководствуются также и зако-

---

(*) V: 300. 332. 337. 342. 383. У казаковъ, замѣчаетъ г. *Никулинъ*, нерѣдко встрѣчаются случаи, что бездѣтная вдова получаетъ часть имѣнія умершаго мужа не только при самостоятельномъ владѣніи имуществомъ, но и при зависимой жизни отъ свекра, и въ видѣ примѣра приводитъ рѣшеніе станичнаго суда, въ силу котораго сноха получила послѣ смерти мужа избу съ обязанностію уплатить свекру половину стоимости избы (Донская газета, 1876 г. № 43).

(**) I: 399 № 30; II: 326 № 4. 335 № 23; V: 143, мая 22

(***) I: 399 № 30. 601, мая 7; II: 326 № 4; III: 394 № 18; VI: 484 № 12.

(****) I: 399 № 30. 601, мая 7; II: 326 № 4.

номъ, выдѣляя бездѣтной снохѣ $^1/_4$ (*) либо $^1/_7$ часть мужниной доли (**).

Послѣ смерти свекра, не оставившаго сыновей, жившая въ его домѣ сноха, наслѣдуетъ иногда наравнѣ съ вдовою и дочерьми умершаго (***). Существуютъ впрочемъ мѣстности, гдѣ, по отзыву крестьянъ, бездѣтная сноха никогда не наслѣдуетъ свекру, хотя бы послѣ него не оказалось никакихъ наслѣдниковъ. Въ такомъ случаѣ имущество умершаго поступаетъ въ общество (I: 642. 727). Въ другихъ мѣстностяхъ придерживаются въ этомъ отношеніи инаго правила: если послѣ смерти свекра не остается другихъ наслѣдниковъ, кромѣ снохи, то все имущество умершаго достается снохѣ, такъ какъ по словамъ крестьянъ—„сноха свекру ближе міра“ (II: 603; V: 117. 202. 419).

Относительно наслѣдованія бездѣтной снохи *въ сводной семьѣ* въ обычаѣ существуютъ такія же колебанія, какъ и по отношенію къ наслѣдованію снохи, оставшейся послѣ смерти мужа съ однѣми дочерьми.

Волостные суды то признаютъ жену, какъ и въ отдѣльной простой семьѣ, полною наслѣдницею по мужѣ и назначаютъ ей всю мужнину долю въ общемъ имуществѣ (I: 833 № 1; III: 360 № 9; V: 172 № 11. 274 № 3; VI: 118 № 35), то даютъ ей менѣе, напр. $^1/_3$, $^1/_7$ часть общаго имущества умершаго ея мужа съ братьями (I: 721 № 26; II: 21 № 20; V: 230 № 8), а иногда выдѣляютъ снохѣ только домашній скарбъ и мужнину одежду (****). При этомъ волостные суды обращаютъ

(*) I: 391. 451. 456.

(**) I: 425. 435. 461. 465. 475. 814; III: 2. 13. 75. 79. 84. 104. 165 № 22; VI: 358, іюля 1. 586.

(***) II: 445 № 38. 476 № 4; III: 56 № 5; V: 202.

(****) III: 335 № 2. Сноха жаловалась на деверя, что не вы-

особенное вниманіе на продолжительность брачнаго сожитія супруговъ. Такъ въ одномъ случаѣ вдовѣ, прожившей замужемъ полтора года, судъ отказалъ въ выдѣлѣ части имущества мужа на томъ основаніи, какъ сказано въ рѣшеніи суда, что по мѣстнымъ обычаямъ „вдовы умершихъ мужей и тѣ, которыя живутъ болѣе 1½ года съ мужемъ, не получаютъ части имѣнія“ (II: 599 № 33). По другому дѣлу судъ призналъ „не заслуживающею наслѣдія“ вдову, бывшую замужемъ всего нѣсколько мѣсяцевъ, и обязалъ братьевъ умершаго мужа выдѣлить ей только немного хлѣба на продовольствіе (*). Въ случаѣ же продолжительности брака принимаются во вниманіе „долголѣтніе труды вдовы вмѣстѣ съ мужемъ“ и ей выдѣляется изъ наслѣдства болѣе или менѣе значительная часть (VI: 297 № 2). Но вообще за бездѣтною спохою признается право, впредь до раздѣла съ деверьями, жить въ общемъ домѣ и пользоваться общимъ имуществомъ (II: 182 № 50).

дѣлятъ ей имущества, оставшагося послѣ ея мужа и состоявшаго въ хлѣбѣ, пчелахъ и проч.; деверь объяснилъ, что послѣ покойнаго брата не осталось наслѣдниковъ мужескаго пола и незамужнихъ дочерей, и что сноха получила уже носильное платье мужа, два улья съ пчелами, три четверти гречи; судъ, согласно мѣстнымъ обычаямъ, приказалъ дать А. еще три четверти ржи (Серг. у., Осдор. в. 1864 г. Сообщено *П. А. Мулловымъ*. Обыч. гражд. пр. т. 2, стр. 396).—*И. Исаіевъ*. Слобода Уточка: „братняя жена, оставшаяся послѣ смерти мужа вдовою безъ дѣтей, беретъ при дѣлежѣ только то, что даетъ деверь, но за то, если хочетъ, живетъ при немъ, а нѣтъ—возвращается домой къ своему отцу“ (Воронежскія губ. вѣд. 1866 г. № 21).—См. также *П. Ефименко*. Сборникъ, стр. 66.

(*) I: 413 № 1. *М. Харузинъ*. Свѣдѣнія: „при „награжденіи“ бездѣтной вдовы родственники покойнаго принимаютъ въ соображеніе то время, которое она прожила съ мужемъ. Такъ напр. Кешпинскій станичный судъ 31 августа 1880 г. рѣшилъ: вдовѣ ничего не давать, такъ какъ она съ мужемъ жила всего двѣ недѣли“ (стр .200-201).

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли всю совокупность юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ въ обычномъ правѣ порядокъ наслѣдованія вдовы въ имуществѣ умершаго мужа.

Нормы эти, сложившіяся въ народномъ быту на почвѣ нашего древняго права въ соотвѣтствіи съ потребностями экономическаго строя массы крестьянскаго населенія, долгое время оставались въ сторонѣ отъ воздѣйствія закона, положенія котораго по отношенію къ разсматриваемому вопросу образовались подъ вліяніемъ совершенно иныхъ историческихъ условій, не имѣвшихъ никакого отношенія къ тяглымъ людямъ, т. е. къ крестьянству. Только въ недавнее время, съ учрежденіемъ для крестьянъ волостныхъ судовъ, поставленныхъ подъ надзоръ правительственныхъ органовъ, стали проникать въ обычное право постановленія закона объ указной долѣ вдовы и дочери, производя своимъ неумѣлымъ примѣненіемъ замѣтный диссонансъ въ довольно стройной, въ основныхъ своихъ чертахъ, системѣ наслѣдованія означенныхъ лицъ, сложившейся въ народномъ юридическомъ быту.

Не смотря на нѣкоторыя недостатки и крайности этой системы, въ особенности по отношенію къ наслѣдованію вдовы, въ ней можно указать и такія положенія, которыя могли бы съ честію занять мѣсто въ любомъ изъ гражданскихъ кодексовъ писаннаго права. Мы говоримъ о правѣ наслѣдованія вдовы въ простой, отдѣленной семьѣ, гдѣ, при дѣтяхъ, она пользуется имуществомъ мужа пожизненно или, въ случаѣ раздѣла, получаетъ равную съ дѣтьми часть, а безъ дѣтей почитается полною наслѣдницею мужа, какъ его сотрудница и помощница въ нажитіи имѣнія. Будущее наше гражданское уложеніе могло бы, пожалуй, воспользоваться

этими положеніями для опредѣленія наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга въ виду объединенія обычая съ закономъ, но, къ сожалѣнію, и въ семъ случаѣ возможность подобнаго объединенія представляется намъ весьма гадательной и едва ли цѣлесообразной. Не говоря уже о томъ, что взаимныя наслѣдственныя права супруговъ по обычаю весьма различны, само наслѣдованіе вдовы не имѣетъ въ немъ одной цѣльной юридической природы. Вслѣдствіе своеобразной организаціи у крестьянъ семейнаго быта, тѣсно связанной съ интересами сельскаго хозяйства, въ народномъ правѣ, на ряду съ весьма благопріятными для вдовы условіями наслѣдованія въ мужниномъ имуществѣ, дѣйствуетъ, какъ мы видѣли, и другое начало, низводящее наслѣдственныя права жены до самаго ничтожнаго размѣра.

Начало это, искони присущее обычаю при всякой сложной организаціи крестьянской семьи и получающее особенную силу съ стѣсненіемъ свободы семейныхъ раздѣловъ, не можетъ быть вырвано съ корнемъ изъ народной юридической жизни, доколѣ не послѣдуетъ коренного измѣненія въ самыхъ условіяхъ экономическаго быта крестьянъ. Послѣдніе, впрочемъ, сами сознаютъ вредныя послѣдствія отъ непрерывнаго дробленія семейной собственности и охватившее ихъ въ послѣднее время стремленіе къ раздѣламъ и образованію мелкихъ, отдѣльныхъ хозяйствъ, соотвѣтствующихъ типу простой натуральной семьи, улеглось бы по всей вѣроятности само собою. Но правительство, озабоченное упадкомъ матеріальнаго и нравственнаго благосостоянія крестьянъ, происходящимъ, по его мнѣнію, отъ чрезмѣрной и ненормальной свободы, съ которою нынѣ производятся раздѣлы въ крестьянскомъ быту (*),

(*) Циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ, отъ 4-го апрѣля 1886 г.

рѣшило безотлагательно принять мѣры къ ограниченію и упорядоченію крестьянскихъ семейныхъ раздѣловъ. Закономъ 18 марта 1886 г. дѣятельность сельскихъ сходовъ по разрѣшенію и производству семейныхъ раздѣловъ подчиняется извѣстнымъ обязательнымъ правиламъ и контролю правительственныхъ учрежденій— мировыхъ посредниковъ, гдѣ таковые еще существуютъ, и уѣздныхъ по крестьянскимъ дѣламъ присутствій. Съ точки зрѣнія обычнаго наслѣдственнаго права чрезвычайно важнымъ является постановленіе этого закона, воспрещающее сельскому сходу приступать къ обсужденію заявленій о раздѣлѣ, если на испрашиваемый раздѣлъ не послѣдовало согласіе *родителя* или *старшаго члена семьи* (ст. 2).

Не входя здѣсь въ критическую оцѣнку означеннаго постановленія (*), замѣтимъ только, что по обычаю старшимъ членомъ семьи, или большакомъ, можетъ быть, помимо родителей и родственниковъ (братъ, дядя), даже стороннее, не родственное лицо, какъ напр. вотчимъ, пріемышъ, зять.

Отсюда понятно, что при строгомъ проведеніи закона 18 марта 1886 г. дробленіе крестьянскихъ семей должно мало по малу прекратиться и начаться постепенное образованіе сложныхъ семей съ общимъ нераздѣльнымъ хозяйствомъ, а это обстоятельство въ свою очередь неминуемо отзовется на юридическомъ положеніи вдовы и вызоветъ преобладаніе начала, устраняющаго ее отъ наслѣдованія послѣ мужа.

(*) Обстоятельная оцѣнка закона 18 марта 1886 г. и разъясняющаго его циркуляра министра внутр. дѣлъ помѣщена въ Вѣстникѣ Европы за 1886, кн. 3, въ отдѣлѣ внутренняго обозрѣнія, стр. 365—373.

Такимъ образомъ въ данномъ случаѣ попытка къ объединенію обычнаго права съ закономъ чрезъ внесеніе въ будущее гражданское уложеніе принятыхъ въ обычаѣ правилъ о наслѣдованіи вдовы въ простой, отдѣленной семьѣ не можетъ быть успѣшна, ибо она идетъ въ разрѣзъ какъ съ намѣреніями правительства, желающаго предупредить дробленіе крестьянскихъ хозяйствъ, такъ отчасти и съ самымъ складомъ народной юридической жизни, въ которой по отношенію къ наслѣдованію вдовы существуетъ двойственность началъ.

Но независимо отъ сего подобное объединеніе, взятое само по себѣ, оказывается, по нашему мнѣнію, совершенно безцѣльнымъ. Въ крестьянскомъ быту пожизненное владѣніе и пользованіе вдовою, при дѣтяхъ, оставшимся послѣ мужа имуществомъ въ сущности есть ничто иное, какъ предохранительное средство, выработанное самимъ обычаемъ, для предупрежденія слишкомъ поспѣшныхъ и неблагоразумныхъ раздѣловъ семейнаго имущества и посему дѣйствительно имѣетъ здѣсь глубокій смыслъ и значеніе; тогда какъ по отношенію къ другимъ классамъ общества установленіе въ пользу вдовы пожизненнаго владѣнія мужниным наслѣдствомъ, не вытекая изъ какихъ-либо серьезныхъ экономическихъ потребностей, послужило бы напраснымъ обремененіемъ не только для прочихъ наслѣдниковъ мужа, но, при извѣстныхъ условіяхъ, и для самой вдовы. Правила о наслѣдованіи супруговъ дѣйствующихъ нашихъ гражданскихъ законовъ, не смотря на отсутствіе прямой между ними связи въ ихъ историческомъ происхожденіи, тѣмъ не менѣе вовсе не такъ худы, чтобы нуждались въ какомъ-либо коренномъ преобразованіи. Напротивъ того, они имѣютъ преимущество передъ многими иностранными законодательствами (римскимъ, французскимъ,

австрійскимъ), и если желательны въ этомъ отношеніи какія-нибудь измѣненія, то таковыя должны касаться однѣхъ частностей, какъ напр. принятія болѣе однообразнаго размѣра наслѣдственной доли супруговъ относительно наслѣдуемаго имущества и допущенія возможности измѣненія этой доли соотвѣтственно тому, съ кѣмъ изъ другихъ законныхъ наслѣдниковъ умершаго супруга приходится наслѣдовать оставшемуся въ живыхъ супругу.

Б) Наслѣдованіе мужа послѣ жены.

Народные юридическіе обычаи, предоставляющіе въ нѣкоторыхъ случаяхъ весьма широкія права женѣ на наслѣдство послѣ мужа, относятся совершенно иначе къ наслѣдованію мужа послѣ жены, что составляетъ также одну изъ своеобразныхъ особенностей обычнаго права въ отличіе отъ писаннаго, которое вообще по отношенію къ наслѣдованію супруговъ придерживается начала взаимности. Нашъ дѣйствующій законъ, подобно иностраннымъ законодательствамъ, французскому, итальянскому, австрійскому, саксонскому и другимъ, не дѣлаетъ никакого различія въ объемѣ взаимныхъ наслѣдственныхъ правъ супруговъ и даетъ какъ женѣ послѣ мужа, такъ и мужу послѣ жены, одинаковое право на полученіе такъ называемой указной части, состоящей изъ $^1/_4$ части движимаго и $^1/_7$ части недвижимаго имущества умершаго супруга (т. X, ч. 1, ст. 1148 и 1153).

Что касается народно-обычнаго права, то ему, какъ мы имѣли уже случай выше замѣтить, чуждо вообще понятіе о дробныхъ идеальныхъ доляхъ наслѣдства; равнымъ образомъ обычаю неизвѣстно и начало увеличенія наслѣдственной доли пережившаго супруга

въ зависимости отъ того, съ кѣмъ изъ родственниковъ умершаго супруга ему приходится наслѣдовать (*).

Въ обычномъ правѣ неравномѣрность въ наслѣдованіи супруговъ сглаживается до нѣкоторой степени особымъ, свойственнымъ обычаю, оригинальнымъ началомъ, сущность котораго состоитъ въ томъ, что при опредѣленіи размѣра наслѣдственныхъ правъ пережившаго супруга принимается во вниманіе продолжительность брачнаго сожительства супруговъ. Вліяніе этого начала по отношенію къ наслѣдованію жены послѣ мужа было уже отмѣчено нами въ предъидущемъ изло-

---

(*) По нашимъ гражданскимъ законамъ размѣръ указной части оставшагося въ живыхъ супруга ни въ какомъ случаѣ не измѣняется, такъ что при отсутствіи другихъ законныхъ наслѣдниковъ имущество умершаго супруга въ свободной части, какъ выморочное, поступаетъ въ казну. Напротивъ, въ иностранныхъ законодательствахъ (французскомъ, прусскомъ, итальянскомъ, австрійскомъ, саксонскомъ) пережившему супругу отдается предпочтеніе не только передъ казною, но и передъ болѣе отдаленными родственниками наслѣдодателя. Самый размѣръ наслѣдственной доли супруга измѣняется сообразно тому, съ кѣмъ изъ призываемыхъ къ наслѣдованію родственниковъ умершаго супруга приходится дѣлить наслѣдство оставшемуся въ живыхъ супругу. Размѣръ этотъ увеличивается, когда сонаслѣдники пережившаго супруга принадлежатъ къ числу родственниковъ низшихъ разрядовъ. Такъ напримѣръ, въ Саксонскомъ уложеніи всѣ призываемые къ наслѣдованію родственники дѣлятся на слѣдующіе четыре разряда: 1) нисходящіе, 2) родители и прочіе восходящіе, 3) братья и сестры и ихъ нисходящіе, 4) остальные боковые родственники (ст. 2026). Когда переживший супругъ наслѣдуетъ вмѣстѣ съ нисходящими умершаго супруга, то получаетъ $^1/_4$ часть наслѣдства (ст. 2049). При родственникахъ втораго и третьяго разряда ему достается половина наслѣдства (ст. 2052). Наконецъ, если остаются одни только родственники четвертаго разряда, то переживший супругъ получаетъ все наслѣдство (ст. 2053).

женіи; оно отражается, какъ увидимъ далѣе, и въ наслѣдованіи мужа послѣ жены.

Хотя свѣдѣнія напи относительно наслѣдованія мужа въ жениномъ имуществѣ касаются преимущественно приданаго, но какъ въ показаніяхъ крестьянъ и въ рѣшеніяхъ волостныхъ судовъ придапое часто вовсе не отличается отъ прочаго имѣнія жены, то въ смыслѣ общаго правила можно допустить, что съ точки зрѣнія наслѣдственнаго права юридическая судьба всякаго вообще имущества, остающагося послѣ замужней женщины, должна быть одна и та же.

Выше было подробно объяснено, къ кому поступаетъ послѣ смерти бездѣтной жены ея приданое и прочее имущество, причемъ было установлено, что то и другое возвращается вообще родственникамъ умершей. Изъ этого правила юридическіе обычаи допускаютъ въ разныхъ мѣстностяхъ нѣкоторыя отступленія и изъятія, сумма которыхъ и даетъ намъ понятіе о томъ, въ чемъ, по народнымъ возрѣніямъ, заключается право наслѣдованія мужа послѣ жены, такъ какъ *при дѣтяхъ обычай не признаетъ за мужемъ никакихъ наслѣдственныхъ правъ на женино имущество*, которое, не исключая приданаго, цѣликомъ переходитъ по наслѣдству отъ матери къ дѣтямъ (*). Мужъ не лишается, однакоже, по обычаю права пользоваться имуществомъ жены для содержанія и воспитанія малолѣтнихъ дѣтей, хотя и не имѣетъ права закладывать онаго съ этою цѣлію (**).

(*) См. Наслѣдованіе исходящихъ послѣ матери, стр. 113 и слѣд.

(**) *П. Бутменко.* Придапое. стр. 62, 69 — 71. По смерти жены В. осталось двое малолѣтнихъ дѣтей; имущество умершей, заключавшееся въ разной одеждѣ и другихъ вещахъ, было заложено ея мужемъ; судъ приказалъ ему вещи выкупить и хранить ихъ до возраста его дѣтей (Балах. у., Катун. в. 1870 г. Сообщ. *П. А. Муловымъ*—Обыч. гр. право, т. 2, стр. 399).

Изъ нѣкоторыхъ рѣшеній волостныхъ судовъ видно, что въ случаѣ смерти дѣтей вдовецъ, возвращая имущество жены ея родственникамъ, получаетъ изъ него нѣкоторое вознагражденіе за расходы по содержанію дѣтей (IV: 56 № 12. *П. Ефименко.* Приданое по обычному праву крест. Арх. губ., стр. 69—71, № 16). Впрочемъ, женино приданое остается вообще у мужа лишь до тѣхъ поръ, пока дѣти находятся при немъ (I: 72 № 1; V: 74 № 1; VI: 16 № 1); но если по какимъ-либо обстоятельствамъ, напр. вслѣдствіе ухода на службу или вступленія отца въ бракъ, дѣти берутся на воспитаніе родственниками жены, то къ нимъ, вмѣстѣ съ дѣтьми, поступаетъ и приданое умершей (V: 495 № 1; VI: 42 № 1). Имъ, т. е. родственникамъ жены, обычай дозволяетъ также принимать различныя охранительныя мѣры для предупрежденія растраты отцомъ имущества, доставшагося дѣтямъ послѣ матери. „Если дѣти малолѣтни, замѣчаетъ *г. Лядовъ*, то охраной этого имущества завѣдываютъ большею частію родственники умершей“ (*). Въ Архангельской губерніи, по словамъ *г. Ефименко*, родители жены не особенно довѣряютъ приданое мужу. Отецъ умершей дѣлаетъ опись приданому и наблюдаетъ, чтобы зять чего-нибудь не продалъ или не заложилъ; иногда складываетъ приданое въ сундукъ и ключъ беретъ къ себѣ до возраста внуковъ (**). Приблизительно то же самое практикуется и въ другихъ мѣстностяхъ (***).

(*) Юрид. народ. обычаи крестьянъ Шуйскаго уѣзда (Ежегодникъ Владимірск. статс. комит., выпускъ 2, т. 1, 1877 г., стр. 81).

(**) Приданое, стр. 64.

(***) VI: 376 № 13.—Для охраненія имущества малолѣтней, оставшагося послѣ умершей ея матери, велѣно сдѣлать ему опись, запереть въ сундукъ подъ замокъ, запечатать и отдать на сохра-

Родственникамъ жены предоставляется также право требовать учрежденія опеки или просить о продажѣ дѣтскаго имущества съ торговъ для внесенія вырученныхъ денегъ на храненіе въ сберегательную кассу (I: 26 № 10; II: 20 № 9).

И такъ, при дѣтяхъ мужъ, по обычаю, не наслѣдуетъ въ имуществѣ жены; самое пользованіе этимъ имуществомъ со стороны мужа для общесемейныхъ нуждъ весьма ограничено и находится подъ сильнымъ контролемъ родственниковъ жены.

Что же касается *наслѣдованія мужа въ имуществѣ бездѣтной жены*, то оно, какъ мы сказали, опредѣляется тѣми изъятіями изъ правила о возвращеніи означеннаго имущества родственникамъ умершей жены, какія соблюдаются въ обычаяхъ той или другой мѣстности.

1) Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ приданое жены остается въ пользу мужа, если брачное сожитіе супруговъ продолжалось въ теченіи болѣе или менѣе долгаго времени (*). Срокъ этотъ, погашающій право родственниковъ жены требовать возвращенія ея приданаго, опредѣляется обычаемъ разныхъ мѣстностей весьма различно. Въ однихъ мѣстностяхъ требуется, чтобы бракъ продолжался отъ одного до двухъ лѣтъ; въ другихъ не менѣе трехъ, четырехъ и пяти лѣтъ; наконецъ, въ третьихъ приданое оставляется у мужа лишь въ томъ случаѣ, когда жена прожила замужемъ около семи или десяти лѣтъ (**).

ненiе дядѣ до совершеннолѣтія малолѣтней, съ передачею ему и ключа (Балахн. у., Никольск. погост. 1864. Сообщ. *П. А. Муллову*—Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 399—400).

(*) I: 161. 174. 175. 341; II: 460; III: 376; IV: 238; V: 51. 295. 300. 539.

(**) I: 313. 341; II: 178. 206. 363. 385. 480; III: 244. 357; V: 310. 335. 383. 396. 415; VI: 322. 357. 364. 402. 405. Суще-

Нѣкоторые изслѣдователи народнаго юридическаго быта усматриваютъ основаніе указаннаго обычая въ томъ, что продолжительность брачнаго сожитія усиливаетъ общность интересовъ между супругами, вызываемыхъ общимъ хозяйственнымъ трудомъ (*). По объясненію самихъ крестьянъ, приданое оставляется у мужа въ томъ предположеніи, что жена успѣла взносить родительское приданое и уже носила то, что пріобрѣла отъ мужа или при немъ (I: 313; IV: 238). Въ виду этого, напр. въ Архангельской губ., родители по вправѣ требовать возвращенія приданаго, даннаго за дочерью, если окажется, что она носила все заведенное для нея мужемъ (*П. Ефименко.* Придавое, стр. 62 и 71 № 17). Какъ бы то ни было, обычай, ограничивающій извѣстнымъ срокомъ брачнаго сожитія право родственниковъ жены требовать отъ мужа возвращенія приданаго, обнаруживаетъ много здраваго смысла въ юридическихъ понятіяхъ крестьянъ, ибо указанный обычай предотвращаетъ множество споровъ, которые легко возникаютъ изъ обратнаго требованія приданаго, тѣмъ болѣе, что по общему правилу мужъ обязанъ возвратить приданое жены въ цѣлости и отвѣчаетъ за стоимость утраченнаго по его винѣ (**).

2) Нѣкоторыя вещи, входящія по обыкновенію въ составъ приданаго, остаются въ пользу мужа, независимо отъ продолжительности брачнаго сожительства супру-

---

ствуютъ мѣстности, правда весьма немногія, гдѣ приданое вообще никогда не возвращается въ семью умершей (VI: 48. 49. 234. 291. 312.— *М. Арнольдовъ.* Отъ Симбирска до Нагаткина: „послѣ жены все приданое идетъ мужу, даже если бы и не осталось послѣ нея дѣтей“ : (Симб. губ. вѣд. 1868 г. № 46).

(*) *П. Г. Оршанскій.* Изслѣдованія по русс. праву обычному и брачному, стр. 83.

(**) I: 657 № 50; II: 509, сент. 20; III: 49 № 11; IV: 311 № 72. 335 № 9; VI: 230 № 3. 726 № 46.

говъ; таковы: постель и образъ („Божіе благословеніе"), которымъ родители жены благословляютъ ее при отправленіи къ вѣнцу (*). Обычай этотъ весьма распространенъ и твердо охраняется практикой волостныхъ судовъ (**).

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ мужу оставляется еще, такъ называемый, *банникъ*—скатерть, въ которую передъ дѣвичникомъ зашивается свадебная коврига и что кладется съ нею: чашка, миска, ложки и т. под. (П. Ефименко. Приданое, стр. 12—13 и 61); а также обручальное кольцо, иногда зеркало и веретье (***). Въ другихъ мѣстностяхъ существуетъ обычай оставлять мужу носильное платье жены (III: 32. 51. 58. 68), либо только одну мужскую одёжду, входившую въ составъ приданаго (****). Приплодъ отъ даннаго въ приданое скота

(*) I: 541. 560. 573. 580. 606. 613. 624. 642. 695. 752; II: 47. 129. 229. 256. 603. 604; III: 51. 58. 68. 75. 85. 92. 169. 310. 441; IV: 29. 124; V: 7. 177; VI: 44. 55. 223. 301. 349. 441. *Н. Костровъ:* „мужъ оставляетъ себѣ только постель съ принадлежностями, благословенный образъ, скатерть, полотенце, пары двѣ рубахъ" (стр. 45).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „послѣ смерти жены, если у нея не осталось дѣтей, имущество ея поступаетъ обратно въ родительскій домъ, за исключеніемъ развѣ постели и иконы, которыя оставляются мужу" (стр. 65).—*Свящ. І. Архангельскій.* Пар. об. въ с. Краковѣ: „благословенная икона остается мужу" (Сам. епарх. вѣд. 1876 г. № 15, стр. 343).

(**) I: 653 № 37; III: 27 № 36. 230 № 4; VI: 31, мар. 22; VI: 68 № 60.

(***) I: 654 № 40; II: 126 № 41; III: 100 № 46; VI: 376 № 13;

(****) I: 652 № 34. 653 № 57.—Д. просилъ отдать ему имущество, оставшееся послѣ смерти его дочери, бывшей замужемъ за Г. Велѣно отцу взять всю женскую одежду, а мужу всю мужскую (Серг. у., Юр. в. 1866).—Послѣ бездѣтно умершей дочери П., бывшей замужемъ за К., велѣно изъ приданаго всю женскую одежду возвратить отцу, а мужскую и два платка оставить мужу (Сергач.

тоже остается въ иныхъ мѣстностяхъ въ пользу мужа (I: 676; IV: 29. 457).

3) Въ крестьянскомъ быту соглашеніе о бракѣ сопровождается обыкновенно разнаго рода договорами объ имуществѣ. Кромѣ договора о приданомъ, однимъ изъ наиболѣе распространенныхъ является договоръ *о кладкѣ* (а), извѣстный въ народѣ также и подъ другими названіями: клажа (б), вкладъ (в), столовыя деньги (г), выводъ (д),

---

у., Псуп. в. 1863 г.)—Сообщ. *П. А. Муллова*; Обыч. гражд. право, т. 2, стр. 390—391.

(а) I: 314 № 9. 435. 524; II: 165. 206. 363; VI: 23, ноябр. 7. 55. 69 № 68. 123. 287 № 5. *Свящ. Т. Доброзраковъ.* Село Борисовское съ его приходскими селеніями Нижегород. уѣзда: „а покажется невѣста—присядутъ и начнутъ говорить о *кладкѣ*, т. е. сколько женихъ положитъ невѣстѣ придапаго—денегъ и одежды. Денегъ кладутъ на столъ отъ 10 до 50 руб., а изъ одежды женихъ шьетъ невѣстѣ дубленую или суконную шубу, простой русскій кафтанъ . . .“ (Нижегородскій Сборникъ, т. 5, стр. 214).—*Свящ. А. Борисовскій*: „предбрачныя условія заключаются всегда словесно и состоятъ въ *кладкѣ*, т. е. опредѣленіи, сколько приданаго кладетъ на столъ женихъ невѣстѣ. Приданое обыкновенно заключается въ деньгахъ и праздничномъ нарядѣ. Богатый женихъ кладетъ невѣстѣ 50—100 руб., а бѣдный 25—50 руб. Сверхъ того женихъ обязанъ сшить невѣстѣ, судя по его достатку, шубу суконную или дубленую, московскій сарафанъ парчевой, штофный или ситцевый, фабричный, и лѣтнюю обувь“ (Нижегород. Сборникъ 1870 г. т. 3, стр. 216). По словамъ г. *Харузина*, кладка у казаковъ называется иногда „помочью“ (Свѣдѣнія, стр. 195). Подобное же названіе встрѣчается и въ другихъ мѣстностяхъ. „Отецъ невѣсты, говоритъ *свящ. Котырло*, имѣетъ право требовать отъ отца жениха „подмоги“ для учрежденія брачнаго пира. Подмога можетъ состоять изъ условленнаго количества денегъ, хлѣба и водки“ (Могилевскія губ. вѣд. 1868 г. № 3, ч. неоф.).

(б) *Свящ. Троицкій.* Село Липицы: „*клажа* или кладка, кромѣ верхней одежды для невѣсты, простирается отъ 10 до 25 руб. ассигнаціями. Эти деньги невѣста употребляетъ и на дары жени-

выговоръ (е), выходъ (ж), рощеное (з), запросъ (и). Кладкою вообще называется денежный взносъ, который при сговорѣ дѣлается сторонною жениха въ пользу нѣвестиной стороны. Такъ какъ полученныя на кладку деньги нерѣдко расходуются на наряды невѣсты (*) и

ховымъ родственникамъ" (Этногр. сборникъ геогр. общ. 1854 г., вып. 2, стр. 89).

(в) VI: 276. *Свящ. Доброзраковъ.* Село Ульяновка: „нареченные сватовья дѣлаютъ между собою условія, какимъ образомъ должетъ быть совершенъ бракъ, какое за невѣстою будетъ приданое и сколько невѣста должна получить отъ жениха *вкладу*, т. е. денегъ и верхняго платья" (Этногр. сборн. геогр. общ. 1853 г., вып. 1, стр. 45).

(г) I: 224. 254. 280; II: 54. 62. 71; III: 342, № 22; VI: 620 и прим. на стр. 224.

(д) II: 3. 28. 33. 65; III: 368. 376. 388 и прим. на стр. 224.

(е) II: 284. 331. 353. 370 и прим. на стр. 225.

(ж) III: 382.

(з) *С. В. Шахминъ*: „названіе кладки „*рощеным*ъ", сколько намъ извѣстно, употребляется въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Олонецкой губерніи и означаетъ, что платится родителямъ невѣсты „а то, что воспитали дочь, „выростили" (Обычное гражд. право въ Россіи, т. 2, стр. 60, прим. 9).

(и) *Свящ. Тихонъ Успенскій:* „когда свадьба совершается добромъ, просватанная невѣста требуетъ отъ отца жениха *запросъ*, отъ 3 до 30 руб. сер. На эти деньги покупаетъ она разныхъ фабричныхъ товаровъ и дарить ими ближайшихъ родственниковъ жениха" (Пермскій Сборникъ 1859 г., кн. 1, стр. 32).— *Х. Мозель*: „въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ просватанная невѣста требуетъ отъ отца жениха *запросъ*, отъ 3 до 30 руб., смотря по достатку" (Матер. для геогр. и стат. Россіи. Пермская губ., стр. 554).—*Свящ. Темперовъ*: „при вступленіи въ бракъ крестьянинъ отдаетъ за свою суженую деньги, такъ называемый „*запросъ*" (Уфимскія губ. вѣд. 1866 г. № 5, ч. неоф.).—*П. Ефименко.* Сборникъ: „раскольники с. Устьцильмы, въ случаѣ согласія на отдачу дочери въ замужество, велятъ жениху нести *запросъ* отъ 10 до 15 руб. сер." (стр. 37).

(*) I: 506. 518. 524; II: 165. 206; VI: 196. 223. 258. 263. 268. 294. 301. 312 и прим. на стр. 224.

вообще на приданое (*), на подарки и покупку одежды самому жениху (**), то отсюда понятно, почему въ иныхъ мѣстностяхъ имущество, купленное на кладку, въ случаѣ смерти жены, остается у мужа (***), а въ другихъ придерживаются правила, что за отходящее приданое мужъ получаетъ обратно кладочныя деньги (****). Существуютъ также мѣстности, гдѣ кладка никогда не возвращается (*****).

4) Мужъ, возвращая имущество бездѣтной жены, не отвѣчаетъ за тѣ вещи, которыя имъ были затрачены (проданы, заложены) по случаю расходовъ на погребеніе жены. Если же похороны жены сдѣланы были мужемъ на собственныя средства, то ему предоставляется удержать въ свою пользу часть приданаго въ размѣрѣ похоронныхъ издержекъ или же взыскивать таковыя съ родственниковъ умершей, требующихъ возвращенія приданаго (******). Впрочемъ, приведенныхъ пра-

(*) I: 580. 606. 624; VI: 353 и прим. на стр. 224.

(**) I: 392. 425. 435. 461. 542; VI: 263.

(***) I: 541. 560. 576. 606. 613. 624. 642. 695; III: 310; VI: 123. 457. *П. Лядовъ*: „если же дѣтей отъ жены не осталось, то приданое, пріобрѣтенное на *столовыя деньги*, остается въ пользу мужа, прочее же все возвращается родителямъ умершей или въ случаѣ смерти ихъ ближайшимъ ея родственникамъ“ (Ежегодникъ Влад. ст. комит., т. 1, стр. 81).—Приданое, купленное на кладку, оставлено въ пользу мужа, а тещѣ выдана незначительная часть (Сергач. у., Тарх. в. 1868 г. Сообщ. *П. А. Муловымъ*—Обыч. гр. право, т. 2, стр. 391).

(****) II: 33. 43. 54. 55 № 11. 319 № 130. 645 № 20; III: 3. 27 № 36. 64 № 65; VI: 244 № 33. 264 № 3.

(*****) II: 165; VI: 196. 223. 234. 258. 263. 301. 312. Крестьяне Алексѣевск. в. Сам. губ. и у. объяснили невозвращеніе кладки тѣмъ, что таковая назначается исключительно на покрытіе свадебныхъ издержекъ (VI: 55).

(******) II: 138 № 28. 139 № 5. 162 № 7; IV: 468 № 15. 546 № 63. 595 № 41. 654 п. 3.

вилъ придерживаются не всегда, и волостные суды высказываютъ иногда, что мужъ обязанъ хоронить жену на собственныя средства и потому подвергаютъ его отвѣтственности за вещи жены, затраченныя имъ на ея погребеніе (*).

5) Мужъ вправѣ удержать изъ имущества жены тѣ вещи, которыя были имъ самимъ куплены или заведены для жены (**); но имущество, подаренное женѣ при свадьбѣ ея родственниками (VI: 467 № 7), а также вещи, которыя были получены женою при такъ называемомъ *отдарѣ*, мужъ обязанъ возвратить (I: 334 № 16).

6) Иногда въ пользу мужа оставляется то имущество; которое было нажито женою вмѣстѣ съ мужемъ или вообще пріобрѣтено ею во время замужества (***).

7) Наконецъ, подобно тому какъ и при наслѣдованіи жены, волостные суды руководствуются въ рѣшеніи дѣлъ о наслѣдованіи мужа также законами гражданскими, какъ о томъ было заявлено въ нѣкоторыхъ, впрочемъ весьма немногихъ, мѣстностяхъ (****).

Такимъ образомъ мы разсмотрѣли, насколько возможно подробно, всю совокупность правъ, признаваемыхъ

(*) I: 462 № 5. 635 № 29.

(**) II: 126 № 41; III: 64 № 65; VI: 371 № 1. *В. Ю. (Юрловъ)*. Описаніе пригородныхъ селеній Симбирскаго уѣзда: „мужъ рѣдко даритъ что-либо женѣ, и подарки его считаются принадлежащею ему собственностію“ (Симбирскія губ. вѣд. 1868 г. № 70).

(***) II: 94; IV: 3. 14. 324; VI: 204. *Свящ. І. Архангельскій*: „послѣ смерти жены мужъ безусловно возвращаетъ все дѣвичье имущество коробьи въ ея прежнюю семью. Все же, что пріобрѣтено его женою, остается въ его неоспоримую собственность“ (Пар. об. въ селѣ Краковѣ. Сам. епарх. в. 1875 г. № 15, стр. 343).

(****) V: 516. 525 и рѣш. II: 20 № 4; III: 230 № 2. 348 № 55.

обычаемъ въ тѣхъ или другихъ мѣстностяхъ за мужемъ на имущество, остающееся послѣ смерти бездѣтной жены.

Права эти столь незначительны, что ихъ нельзя даже назвать въ строгомъ смыслѣ наслѣдованіемъ. Все сводится здѣсь, повидимому, лишь къ тому, чтобы оставить съ одной стороны кое-что мужу на память послѣ жены, а съ другой оградить его самого отъ матеріальнаго ущерба при возвращеніи приданаго родственникамъ умершей. Отсюда почти всѣ перечисленныя нами наслѣдственныя права мужа имѣютъ характеръ зачета. Поэтому въ общемъ, намъ кажется, слѣдуетъ придти къ тому заключенію, что по обычному праву мужъ послѣ жены, какъ при дѣтяхъ, такъ и безъ дѣтей, отъ наслѣдованія устраняется (*).

Такое заключеніе оправдывается отчасти широкимъ развитіемъ въ обычномъ правѣ договорнаго начала наслѣдованія, въ особенности по отношенію къ наслѣдованію, такъ называемыхъ, зятей-примаковъ или влазней, т. е. такихъ мужей, которые, не имѣя собственнаго хозяйства, живутъ въ семьѣ жены. Пріемъ зятя въ домъ составляетъ довольно обыкновенное явленіе въ крестьянскомъ быту, объясняющееся особыми хозяйственными условіями онаго. Чаще всего зять принимается въ домъ въ томъ случаѣ, когда въ семьѣ пѣтъ членовъ мужскаго пола, напр. сыновей, а имѣются однѣ только дочери. Вступившій въ чужой домъ зять считается въ родной своей семьѣ какъ бы отдѣленнымъ,

---

(*) *П. Тимощенковъ.* Обществ. бытъ и народн. обычаи Казанской станицы: „вообще по отношенію къ имуществу между мужемъ и женою установлены такія правила, что жена мужу наслѣдница, мужъ же женѣ не наслѣдникъ“ (Труды област. войска Донскаго ст. комит. 1874 г., вып. 2, стр. 174).

а между тѣмъ положеніе его въ новой семьѣ ничѣмъ не обезпечено; со смертію жены зять безъ околичностей можетъ быть удаленъ изъ дому, не получивъ при этомъ ничего изъ женина имущества, которое поступаетъ къ ея родственникамъ. Поэтому зятья-влазени стараются съ одной стороны обезпечить себѣ отступленіе, на случай смерти жены, въ прежнюю семью особымъ договоромъ съ оставшимися въ ней членами (*), а съ другой стороны стремятся упрочить свое положеніе въ новой семьѣ. Достигается это или путемъ усыновленія зятя-влазеня родителями жены, или посредствомъ заключенія особаго условія, въ которомъ зять выговариваетъ себѣ извѣстныя права на имущество тестя или тещи. Подобныя условія заключаются словесно (VI: 199 № 12. 276 № 2) или письменно (II: 336 № 31. 582 № 12; V: 165 № 21. 522 № 3), причемъ письменныя условія вносятся иногда въ книгу сдѣлокъ и договоровъ при волостномъ правленіи или только представляются туда къ засвидѣтельствованію (IV: 159 № 7; V: 255 № 15).

Случается, что такіе договоры заключаются на судѣ и въ исполненіи ихъ берется судомъ отъ договаривающихся сторонъ подписка (V: 512 № 1). Нерѣдко также условіе между тестемъ и зятемъ о наслѣдованіи составляется въ формѣ односторонней, именно подъ

(*) Примѣры подобныхъ договоровъ можно найти у г. *Ефименко*, въ его сочиненіе „Придапое по об. праву крест. Арх. губ.“ Зять-влазень заключаетъ съ братомъ своимъ такое условіе: „а ежели, паче чаянія, судьбой Божіей, у меня, Якова, нынѣ вскорѣ и до ревизіи жена моя помретъ, то принять тебѣ, Ивану, меня въ домъ свой безпрепятственно;“ или „а если, паче чаянія, до истеченія 3 лѣтъ жена у Ивана помретъ и онъ у тестя жить не захочетъ, то брату Ѳедору принять его на отцовское движимое и недвижимое имѣніе обратно“ (Зап. геогр. общ. 1873 г., т. 3, стр. 87).

видомъ завѣщанія тестя въ пользу зятя (I: 576. 673; IV: 410; V: 426).

Содержаніе означенныхъ условій довольно разнообразно, такъ какъ въ нихъ, независимо отъ предоставляемыхъ зятю правъ, перечисляются въ то же время и возлагаемыя на него по отношенію къ тестю или къ тещѣ обязанности (*).

Права зятя на имущество родителей жены опредѣляются въ заключаемомъ съ ними условіи или въ общихъ выраженіяхъ или же съ подробностію обозначаются и перечисляются всѣ вещи, которыя вправѣ получить зять въ случаѣ оставленія имъ дома тещи или тестя или послѣ ихъ смерти (**). Иногда въ усло-

---

(*) *Н. Костровъ.* Юрид. об. крест. старожиловъ Томской губ.: „пріемъ зятя въ домъ составляетъ фактъ усыновленія въ такомъ только случаѣ, когда у тестя и тещи нѣтъ дѣтей мужескаго пола. Иногда этотъ пріемъ сопровождается письменнымъ условіемъ, явленнымъ въ волостномъ правленіи. Въ немъ тесть и теща выражаютъ, что они принимаютъ зятя къ себѣ въ домъ въ томъ видѣ, какъ роднаго сына, съ тѣмъ, чтобы у нихъ было общее хозяйство и общее пріобрѣтеніе; зять же съ своей стороны обязывается жить у нихъ честно, трудолюбиво, заниматься хлѣбопашествомъ и прочимъ хозяйствомъ со всѣмъ стараніемъ, усердіемъ и ревностію, какъ должно хорошему и рачительному хозяину, отнюдь не пьянствовать и съ людьми дурной и нетрезвой нравственности знакомства не водить. Потомъ исчисляется, что зять приноситъ съ собою въ новое хозяйство, дабы, въ случаѣ нежеланія жить вмѣстѣ, можно было знать, что ему принадлежитъ и что онъ кромѣ общихъ прибылей, пріобрѣтенныхъ въ общежитіи, безпрекословно можетъ взять съ собою“ (стр. 34—35).

(**) V: 165 № 21. *И. Тимощенковъ.* Общест. бытъ и нар. обычаи Казанской станицы: „принимая къ себѣ зятя, тесть и теща непремѣнно дѣлаютъ съ нимъ *условіе*, которое заключается словесно при посторонихъ свидѣтеляхъ или излагается на бумагѣ и свидѣтельствуется въ станичномъ правленіи. Обыкновенно оно бываетъ такого

віяхъ говорится, что зять вступаетъ въ домъ тестя на правахъ полнаго хозяина (II: 336 № 31) и получаетъ послѣ смерти тестя все его имущество (I: 483 № 7; V: 522 № 3) или соглашается быть половинщикомъ хозяиномъ и полу̀чить половину имущества (*). На случай несогласій съ тестемъ или тещею зять выговариваетъ себѣ право удалиться изъ дому съ выдѣломъ ему условленной части имущества (II: 582 № 12; III: 234. 244). Такъ какъ несогласія эти возникаютъ нерѣдко вслѣдъ

рода: мы, такіе то, приняли къ себѣ въ домъ на жительство своего зятя, такого то, и договорились съ нимъ: если онъ докормитъ насъ до смерти, то все, что мы имѣемъ, будетъ его (если у нихъ есть сынъ, то говорится пополамъ съ нашимъ сыномъ); когда же онъ жить съ нами не согласится и уйдетъ отъ насъ, проживъ у насъ не менѣе 10 лѣтъ, то мы обязаны дать ему: хату съ чулапомъ, пару воловъ съ возомъ, лошадь съ хомутомъ и повозкой, корову, пять овецъ и т. д. (перечисляются всѣ мелочи. Иногда же этого не бываетъ, а говорится просто: обязаны дать половину или третью часть всего своего имущества). Буде же онъ уйдетъ отъ насъ, не проживъ этого числа лѣтъ, то не имѣетъ права требовать отъ насъ ничего изъ имущества. Говорится въ условіяхъ и такъ напримѣръ: если зять уйдетъ отъ насъ, не проживъ и пяти лѣтъ, то не получитъ ничего изъ имущества; если же проживетъ пять лѣтъ и вздумаетъ отойти, то получаетъ отъ насъ лошадь, корову и три овцы; если проживетъ 10 лѣтъ, то домъ, безъ гумна, пару воловъ, лошадь и т. д." (Труды обл. войска Донскаго ст. комит. 1874 г., вып. 2, стр. 171—172).

(*) II: 102 № 60. *В. Преображенскій*. Описаніе Тверск. губ.: „зять, принятый въ домъ и въ семейство, получаетъ въ наслѣдство по смерти тестя ту часть имѣнія, которая обѣщана ему тестемъ при пріемѣ въ домъ. Обыкновенно тесть обязывается отдать своему зятю или половину, или треть имѣнія въ томъ случаѣ, когда онъ захочетъ отдѣлиться, не проживши 5 лѣтъ. Если же раздоръ и вслѣдствіе того раздѣлъ послѣдуетъ ранѣе 5 лѣтъ, то зятю платится цѣна, какъ работнику, отъ 10 до 20 руб. въ годъ, какъ положено по условію."

за смертію жены зятя-влазеня, то въ виду этого въ условіи дѣлается оговорка, что зять не утрачиваетъ по случаю смерти жены правъ своихъ на имущество тестя и можетъ взять себѣ на это имѣніе другую жену, если пожелаетъ (*).

Въ трудахъ коммисіи имѣется одно такое условіе, заключенное между тещею и зятемъ, которое мы позволимъ себѣ привести дословно. Я, нижеподписавшаяся, вдова солдатка Т. М., говорится въ условіи, даю сію росписку зятю, крест. С. П., въ томъ, что принимаю его въ свой домъ вмѣстѣ съ его хозяйствомъ съ тѣмъ, чтобы онъ содержалъ хозяйство до смерти моей совмѣстно, какъ мое, такъ и его; а по смерти моей все хозяйство должно оставаться въ его распоряженіи вѣчно и никому изъ родныхъ не должно касаться; въ случаѣ же выхода моего въ замужество также должно оставаться ему П., а равно и въ случаѣ смерти его жены также не должна я его отсылать, а женить его (V: 522 № 3).

Изъ этого условія между причимъ видно, что зять, вступая въ семью жены, приноситъ иногда съ собою собственное имущество; послѣднее во всякомъ случаѣ возвращается зятю, по какимъ бы причинамъ онъ не оставилъ домъ жены (**).

(*) *П. Ефименко.* Придапое, стр. 87.

(**) I: 396 № 16: II: 102 № 60. *Свящ. С. Котырло.* Юрид. обыч. при бракахъ и раздѣлахъ: „если принятый зять внесъ въ хозяйство отца жены какое-либо имущество, то ему (кромѣ равной части съ сыновьями) *возвращается внесенное имъ имущество.* Если бы по смерти его остались дѣти, то внесенное имъ имущество считается собственностію дѣтей.....; а если дѣтей не осталось, то имущество возвращается въ домъ родителей или родственниковъ покойнаго“ (Могилевск. губ. вѣд. 1868 г. № 3, часть неоф.).—*Е. Соловьевъ.* Юрид.

Что же касается до возлагаемыхъ на зятя по договору о принятіи его въ домъ обязанностей, то послѣднія по существу своему обыкновенно совершенно сходны съ тѣми, которыя вообще лежатъ на членахъ крестьянской семьи, мужчинахъ; такъ что въ народномъ быту между принятіемъ зятя въ домъ по условію и его усыновленіемъ существуетъ довольно близкая аналогія, вслѣдствіе чего въ договорѣ между принимателемъ и принимаемымъ въ числѣ прочихъ условій иногда упоминается и объ усыновленіи первымъ послѣдняго (IV: 159 № 1; VI: 105 № 5. 199 № 12). Такимъ образомъ зять обязывается прежде всего повиноваться и почитать тестя и тещу (II: 582 № 2; V:

формы отнош. между членами семьи въ Тетюшскомъ уѣздѣ: „вдовая сноха можетъ принять къ себѣ въ домъ зятя, выдавъ за него одну изъ дочерей. Зять, вступивъ въ домъ тещи, принимаетъ на себя все хозяйство и ведетъ дѣло такъ же, какъ бы велъ его родной сынъ, и распоряжается всѣмъ имуществомъ, какъ полновластный хозяинъ, съ тѣмъ лишь однако ограниченіемъ, что безъ согласія тещи онъ не имѣетъ права продать или заложить корову, лошадь или домъ... Вообще съ перваго года обработки земли вся семья смотритъ на него какъ на главнаго хозяина всего имущества, а съ теченіемъ времени, лѣтъ черезъ 5—6, когда онъ успѣетъ близко сойтись со всей семьей, за нимъ навсегда укрѣпляется все имущество. Конечно, подобное обстоятельство возможно лишь при томъ условіи, когда зять съ своей женой не отдѣляется отъ остальной семьи, а въ противномъ случаѣ онъ можетъ взять себѣ только то, *что успѣлъ пріобрѣсти во время сожительства съ семьей и что раньше имѣлъ при вступленіи въ семью*, съ которою сродпился путемъ брака (Казанскія губ. вѣд. 1875 г. № 26).—*П. Чубинскій.* Очеркъ: „зять *можетъ требовать отъ наслѣдниковъ* (тестя) *того, что принесъ*“ (Зап. русс. геогр. общ. по отд. этнограф. 1869 г., т. 2, стр. 697).—*М. Харузинъ.* Свѣдѣнія: „имущество, принесенное зятемъ въ семью тестя, или же нажитое имъ во время походовъ и т. п., *возвращается ему при отдѣлѣ сполна*“ (стр. 246).

512 № 1); содержать и кормить ихъ до смерти, а послѣ смерти похоронить приличнымъ образомъ по обряду христіанскому (I: 483 № 7; II: 102 № 60. 336 № 31; V: 255 № 15); платить за тестя подати и исполнять другія повинности (I: 483 № 7; V: 255 № 15). Если въ семьѣ тестя, кромѣ его жены, есть еще другія лица, требующія попеченія, напр. малолѣтніе, то объ обязанности зятя содержать ихъ до возраста упоминается въ условіи особо (I: 567; II: 336 № 31). Иногда на зятя возлагается обязанность выдать дочерей тестя замужъ съ приданымъ либо съ уплатою однихъ только свадебныхъ расходовъ (I: 576; III: 234. 244; V: 255 № 15).

Принимая въ домъ зятя, по условію, тесть иногда обязывается составить въ его пользу духовное завѣщаніе. Въ большинствѣ случаевъ подобныя завѣщанія отличаются отъ договоровъ лишь односторонней своею формою, содержаніе же ихъ почти тождественно, а потому останавливаться на нихъ мы не будемъ, тѣмъ болѣе, что объ этомъ было уже говорено нами выше при обсужденіи вопроса объ основаніяхъ обычнаго права наслѣдованія вообще.

И такъ, существующій въ обычномъ правѣ пробѣлъ по отношенію къ наслѣдованію мужа послѣ жены, объясняющійся, повидимому, тѣмъ, что приданое жены представляетъ совершенно отдѣльное имущество, не входящее въ сферу семейной общности, восполняется въ народномъ юридическомъ быту до нѣкоторой степени договорнымъ началомъ наслѣдованія; тогда какъ дѣйствующій законъ поступаетъ въ данномъ случаѣ прямо противоположнымъ образомъ, т. е. признаетъ за мужемъ, по правилу о взаимности, весьма значительныя наслѣдственныя права не только въ имуществѣ жены, но отчасти и въ имуществѣ тестя (ст. 1151, 1153, 1154, т. X., ч. 1)

и, наоборотъ, совершенно не допускаетъ договорнаго наслѣдованія.

Разсмотрѣніемъ наслѣдственныхъ правъ супруговъ мы оканчиваемъ наше изложеніе существующихъ въ народномъ быту юридическихъ нормъ, опредѣляющихъ обычный порядокъ наслѣдованія.

Цѣлію этого изложенія было выяснить не только содержаніе и взаимное отношеніе этихъ нормъ, но и отличіе началъ обычнаго наслѣдственнаго права отъ системы наслѣдованія, проведенной въ дѣйствующихъ гражданскихъ законахъ, въ связи съ указаніемъ на возможное измѣненіе послѣдней въ будущемъ гражданскомъ уложеніи. Это отличіе мы старались выставить по преимуществу съ его существенной, принципіальной стороны, а потому намъ пришлось коснуться вмѣстѣ съ тѣмъ и такихъ явленій народно-юридической жизни, которыя прямаго, непосредственнаго отношенія къ наслѣдственному праву не имѣютъ, именно заняться изслѣдованіемъ организаціи семейнаго быта крестьянъ и главнымъ образомъ имущественныхъ отношеній между членами семьи. Это изслѣдованіе обнаружило глубокую, внутреннюю связь юридическихъ обычаевъ, опредѣляющихъ въ народѣ отношенія наслѣдственнаго порядка, съ характеромъ крестьянской семьи, какъ хозяйственнаго союза, состоящаго изъ извѣстнаго числа совмѣстно живущихъ лицъ, владѣющихъ опредѣленнымъ имуществомъ, которое принадлежитъ не отдѣльному лицу, но всѣмъ членамъ семьи вообще и потому составляетъ *семейную собственность*.

Отсюда, какъ мы видѣли, проистекаютъ всѣ важнѣйшія особенности, коими отличается обычный поря-

докъ наслѣдованія въ крестьянской средѣ. Особенности эти столь существенны и своеобразны, что всякая попытка примирить ихъ съ началами, дѣйствующими въ писанномъ правѣ, едва ли можетъ разсчитывать на успѣхъ, по крайней мѣрѣ въ настоящее время и при нынѣшнихъ условіяхъ экономическаго строя крестьянской жизни. Перечислять снова помянутыя особенности обычнаго права наслѣдованія не представляется надобности, такъ какъ онѣ съ достаточною подробностію отмѣчены въ предъидущемъ изложеніи, каждое на своемъ мѣстѣ и во взаимной послѣдовательности; но нельзя не упомянуть здѣсь объ общей стройности, не смотря на нѣкоторое разнообразіе въ частностяхъ, и устойчивости системы обычнаго наслѣдованія, доказывающихъ, по нашему мнѣнію, что система эта выросла изъ одного корня и сложилась подъ вліяніемъ болѣе или менѣе однообразныхъ бытовыхъ условій. Преемственность многихъ положеній обычнаго порядка наслѣдованія, начиная съ самой отдаленной эпохи народнаго правосознанія вплоть до настоящаго времени, обнаруживается наглядным образомъ изъ сопоставленія древнѣйшихъ памятниковъ народнаго юридическаго творчества съ нынѣшними юридическими обычаями крестьянъ. Самобытность обычнаго права въ разсмотрѣнныхъ нами предѣлахъ несомнѣнна и это есть одна изъ причинъ, почему сложившіеся въ народѣ обычаи не легко поддаются постороннему воздѣйствію, хотя бы послѣднее шло со стороны закона и имѣло цѣлію установленіе болѣе справедливаго, съ отвлеченной точки зрѣнія, правоваго порядка.

Крестьянское населеніе, которое въ теченіи столь долгаго времени было оторвано отъ общегражданской жизни остальныхъ классовъ общества, по сіе время на-

ходится еще на степени почти первобытной экономической культуры, отличительнымъ признакомъ которой является земледѣльческій по преимуществу трудъ, исполняемый наличными силами семьи, имѣющей посему значеніе на столько же хозяйственнаго, на сколько и родственнаго союза. Такому складу народной жизни вполнѣ соотвѣтствуютъ и принятые въ крестьянскомъ быту юридическіе обычаи, касающіеся семейно-имущественныхъ и наслѣдственныхъ отношеній и представляющіе собою естественный продуктъ своеобразныхъ жизненныхъ условій сельскаго населенія. Конечно, съ теченіемъ времени экономическій строй нашего крестьянства и образовавшіяся въ немъ бытовыя юридическія нормы могутъ мало по малу измѣниться, уступая теченію обще-государственной народной жизни, но въ настоящее время крестьянство все еще продолжаетъ идти своей колеей, отличной отъ условій жизни другихъ классовъ общества, и руководствоваться въ важнѣйшихъ вопросахъ частныхъ гражданскихъ отношеній не законами, а своими исконными обычаями, живучесть которыхъ показываетъ какъ малую подвижность экономическаго быта крестьянъ вообще, такъ и необходимость признанія народныхъ юридическихъ обычаевъ со стороны закона. Такое признаніе, въ виду невозможности объединенія содержащихся въ обычаяхъ правовыхъ началъ съ положеніями писаннаго права, можетъ состоять или въ дозволеніи примѣнять къ извѣстной категоріи правоотношеній обычай вмѣсто закона, или въ кодификаціи самихъ обычаевъ, т. е. въ возведеніи таковыхъ въ особый спеціальный законъ.

Наше законодательство послѣдняго времени нельзя упрекнуть въ невниманіи къ особымъ условіямъ быта сельскаго населенія и дѣйствующимъ въ средѣ его юри-

дическимъ обычаямъ, такъ какъ уже въ сороковыхъ годахъ признано было полезнымъ предоставить государственнымъ крестьянамъ въ опредѣленной сферѣ частныхъ отношеній, именно въ наслѣдованіи, руководствоваться на ряду съ закономъ своими мѣстными обычаями. Въ § 13 правилъ для надѣленія государственныхъ крестьянъ семейными участками, изданныхъ въ 1846 г. (сводъ зак. т. XII, ч. 2, уст. о благоуст. въ каз. сел., ст. 116), было постановлено, что имущество домохозяина, за исключеніемъ внесеннаго въ постоянную хозяйственную опись (§ 12), по смерти его раздѣляется между наслѣдниками на основаніи общихъ законовъ и мѣстныхъ обычаевъ.

Общимъ положеніемъ 19-го февраля 1861 г. о крестьянахъ, вышедшихъ изъ крѣпостной зависимости, дозволено уже къ отношеніямъ, вытекающимъ изъ права наслѣдованія, примѣнять обычай вмѣсто закона, и правило это распространено на всѣхъ свободныхъ сельскихъ обывателей, бывшихъ крѣпостныхъ крестьянъ. „Въ порядкѣ наслѣдованія имуществомъ, говорится въ ст. 38 общ. полож., крестьянамъ дозволяется руководствоваться мѣстными своими обычаями.“ Правило это повторяется въ положеніи о выкупѣ (ст. 166) и въ мѣстныхъ положеніяхъ: великороссійскомъ (ст. 110) и малороссійскомъ (ст. 93). Что касается судебныхъ органовъ, которые могли разбирать возникающіе изъ наслѣдованія споры на основаніи мѣстныхъ обычаевъ, то до изданія судебныхъ уставовъ 20 ноября 1864 г. такими органами были исключительно мѣстныя крестьянскія учрежденія, отчасти сельскій сходъ, къ вѣдѣнію котораго по 5 п. 51 ст. общ. полож. отнесено разрѣшеніе семейныхъ раздѣловъ, и главнымъ образомъ волостной судъ, разбирающій, согласно 107 ст. того же

положенія, всѣ подвѣдомственныя ему дѣла на основаніи „мѣстныхъ обычаевъ и правилъ, принятыхъ въ крестьянскомъ быту".

Редакторы судебныхъ уставовъ, признавая силу и значеніе обычаевъ въ практической жизни, въ особенности тѣхъ обычаевъ, коими регулируются семейныя и наслѣдственныя отношенія большинства населенія страны—крестьянства, нашли возможнымъ расширить рамки судебнаго примѣненія обычая (судебные уставы, изданіе госуд. канцеляріи, стр. 68—73). Вслѣдствіе этого въ уставъ гражд. судопроизводства было внесено правило статьи 130, по которой „при постановленіи рѣшенія мировой судья можетъ, по ссылкѣ одной или обѣихъ тяжущихся сторонъ, руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями, но лишь въ томъ случаѣ, когда примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ дозволяется именно закономъ, или въ случаяхъ положительно не разрѣшаемыхъ законами".

Не входя въ оцѣнку выраженнаго въ этой статьѣ правила о судебномъ примѣненіи обычая во всемъ его объемѣ, ограничимся лишь указаніемъ, какимъ образомъ, на основаніи 130 ст. уст. гражд. суд., разрѣшается вопросъ о примѣненіи крестьянскихъ наслѣдственныхъ обычаевъ въ судебныхъ мѣстахъ, образованныхъ по уставамъ 20 ноября 1864 г. Намѣченный вопросъ достаточно разъясненъ практикой гражд. кассац. департ. правит. сената (рѣш. 1875 г. № 839, 1878 г. № 225, 1884 г. № 106), которая сводится къ тому, что въ отношеніи къ наслѣдованію крестьянъ судебныя установленія какъ мировыя, такъ и общія, обязательно должны примѣнять мѣстные обычаи по ссылкѣ на нихъ, хотя бы только одной изъ тяжущихся сторонъ, и не смотря на то, что указанные обычаи противорѣчатъ порядку

наслѣдованія, опредѣленному общими гражданскими законами (*). Такимъ образомъ, благодаря разъясненію правительствующаго сената, примѣненіе 38 ст. общ. полож. о крест., какъ правила матеріальнаго гражданскаго права, сдѣлалось обязательнымъ для всѣхъ вообще судовъ имперіи при разрѣшеніи дѣлъ о наслѣдованіи лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому состоянію.

Такъ какъ въ промежутокъ времени послѣ освобожденія крестьянъ въ условіяхъ ихъ экономическаго быта существенныхъ перемѣнъ не послѣдовало и самые наслѣдственные обычаи крестьянъ, вполнѣ отвѣчающіе ихъ понятіямъ и потребностямъ, продолжаютъ держаться въ народѣ съ тою же прочностію, какъ прежде, то мы полагаемъ, что будущему гражданскому уложенію въ вопросѣ о порядкѣ наслѣдованія крестьянъ остается послѣдовать традиціямъ предшествовавшей законодательной дѣятельности и допустить для крестьянъ изъятіе, въ извѣстныхъ предѣлахъ, изъ общаго порядка наслѣдованія, принявъ за основное положеніе, что *къ наслѣдованію послѣ лицъ крестьянскаго состоянія обязательно должны быть примѣняемы мѣстные крестьянскіе обычаи.*

Что же касается *кодификаціи* наслѣдственныхъ крестьянскихъ обычаевъ, въ смыслѣ возведенія таковыхъ въ особый для крестьянъ законъ, то при современномъ

(*) Приведенное толкованіе сенатомъ ст. 130 уст. гражд. суд., въ указанныхъ предѣлахъ, раздѣляется вполнѣ и нашей юриспруденціей. См. *П. А. Муллова*, въ Журналѣ гражд. и уголовн. права за 1878 г. кн. 4, стр. 303; *С. Ф. Платонова*, въ томъ же журналѣ за 1881 г. кн. 4: рефератъ объ условіяхъ примѣненія мировыми судьями мѣстныхъ обычаевъ и преніе по этому реферату, въ частности мнѣніе *А. А. Кирима*, стр. 84.

состояніи у насъ обычнаго права подобная задача, по нашему мнѣнію, едва ли осуществима. Препятствіемъ этому служитъ прежде всего *недостаточность матеріала*, на основаніи котораго можно было бы установить точныя и болѣе или менѣе общія правила, опредѣляющія порядокъ наслѣдованія для всего вообще крестьянскаго населенія страны. Матеріалъ, которымъ мы располагаемъ—это главнымъ образомъ труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Но собранныя означенною коммисіею свѣдѣнія о народныхъ юридическихъ обычаяхъ касаются всего лишь 15 губерній изъ числа 46-ти, входящихъ въ составъ Европейской Россіи, не считая губерній Привислянскихъ и Остзейскихъ. Другіе имѣющіеся въ нашей литературѣ матеріалы въ формѣ сборниковъ и записей народныхъ юридическихъ обычаевъ не въ состояніи восполнить столь значительнаго пробѣла не изслѣдованныхъ мѣстностей, тѣмъ болѣе, что сообщаемыя въ этихъ запискахъ свѣдѣнія далеко не всегда отличаются желательною полнотою и точностію. Впрочемъ, недостатокъ матеріала не составляетъ еще важнѣйшаго препятствія для кодификаціи народныхъ обычаевъ, такъ какъ собраніе необходимыхъ дополнительныхъ свѣдѣній есть лишь вопросъ времени.

Гораздо серьезнѣе другое препятствіе, заключающееся въ *разнообразіи* обычаевъ, на которое намекаетъ извѣстная народная пословица—что городъ, то норовъ; что деревня, то обычай. Хотя по отношенію къ наслѣдственному праву пословицу эту и нельзя понимать въ буквальномъ смыслѣ, тѣмъ не менѣе общая картина обычнаго порядка наслѣдованія, основные черты котораго мы старались уловить въ предъидущемъ изложеніи, не оставляетъ по себѣ впечатлѣнія строго опре-

дѣлимаго и вполнѣ законченнаго цѣлаго. Въ этомъ отношеніи обычное право наслѣдованія можно сравнить съ древнею рукописью, дошедшею до насъ во множествѣ списковъ, открываемыхъ въ разныхъ мѣстностяхъ, содержаніе коихъ по существу своему одно и то же, но въ самомъ пересказѣ которыхъ накопилось съ теченіемъ времени довольно много варіантовъ. Подобными варіантами въ системѣ обычнаго права наслѣдованія являются, напр. предпочтительное предоставленіе по наслѣдству отцовскаго дома младшему сыну, въ смыслѣ уклоненія отъ общаго правила о равномѣрномъ наслѣдованіи сыновей, а также участіе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ въ раздѣлѣ отцовскаго наслѣдства отдѣленныхъ сыновей, не получившихъ при выходѣ изъ семьи никакой доли имущества, хотя по общему началу выходъ изъ семьи влечетъ за собою безусловную утрату наслѣдственныхъ правъ. Особеннымъ разнообразіемъ юридическихъ нормъ отличается обычный порядокъ наслѣдованія въ материнскомъ имуществѣ, которое, какъ мы видѣли выше, то дѣлится поровну между всѣми дѣтьми, къ какому бы полу они не принадлежали, то отдается предпочтительно дочерямъ, то остается за тѣмъ изъ дѣтей, у кого мать жила и кто ее похоронилъ. Разнообразіе юридическихъ обычаевъ наблюдается также въ наслѣдованіи боковыхъ родственниковъ, кругъ которыхъ по отношенію къ праву наслѣдованія не имѣетъ въ обычаѣ точно опредѣленныхъ границъ и въ болѣе отдаленныхъ степеняхъ родства, повидимому, даже сливается съ кругомъ призываемыхъ къ наслѣдованію свойственниковъ наслѣдодателя. Наконецъ, много мѣстныхъ особенностей и оттѣнковъ обнаруживается и въ разрѣшеніи вопроса о возвращеніи мужемъ оставшагося послѣ смерти бездѣтной жены имущества родственникамъ умершей.

Независимо отъ разнообразія наслѣдственныхъ обычаевъ существуетъ еще и другая причина, мѣшающая ихъ кодификаціи, которую можно назвать *перемѣнчивостью* обычая, въ отличіе отъ его *измѣненія*. Сфера дѣйствія обычнаго права, не смотря на изумительную подчасъ древность и живучесть юридическихъ обычаевъ, не есть, однакоже, какое-нибудь заколдованное царство, стоящее внѣ всякихъ внѣшнихъ вліяній. Крестьянство весьма многими сторонами своего существованія приходитъ въ соприкосновеніе съ общо-государственною жизнію и возникающія въ ней новыя условія такъ или иначе отражаются на юридическомъ складѣ народнаго быта, вызывая соотвѣтствующія измѣненія въ народныхъ юридическихъ обычаяхъ. Въ видѣ примѣра подобнаго измѣненія обычая можно указать на совершившійся на нашихъ глазахъ переворотъ въ порядкѣ наслѣдованія у крестьянъ сыновей-солдатъ, которые въ прежнее время, подобно отдѣленнымъ членамъ семьи вообще, устранялись отъ наслѣдованія,—теперь же, благодаря мѣрамъ правительства, направленнымъ къ обезпеченію быта отставныхъ нижнихъ чиновъ (законъ 15 іюня 1867 г.) и сокращенію сроковъ военной службы (воинскій уставъ 1874 г.), наслѣдуютъ почти повсемѣстно наравнѣ съ прочими сыновьями.

То, что мы назвали перемѣнчивостью обычая, отличается отъ его измѣненія и обусловливается не столько внѣшнимъ вліяніемъ, сколько зависитъ отъ дѣйствія постоянныхъ, внутреннихъ причинъ. Перемѣнчивость обычая не заключаетъ въ себѣ понятія объ исчезновеніи извѣстныхъ юридическихъ нормъ, объ упраздненіи ихъ, но означаетъ только, что въ данное время одна категорія юридическихъ обычаевъ получаетъ преобладаніе надъ другой, соотвѣтственно происшедшему измѣненію

въ господствующихъ формахъ бытовыхъ отношеній. Въ этомъ смыслѣ переимчивость обычая отражается преимущественно на порядкѣ наслѣдованія лицъ женскаго пола. При господствѣ въ крестьянскомъ быту нераздѣльности имущества и хозяйства право наслѣдованія за лицами женскаго пола, какъ извѣстно, почти вовсе не признается и, наоборотъ, чѣмъ сильнѣе обнаруживается въ народѣ стремленіе къ раздѣламъ и образованію отдѣльныхъ, посемейныхъ хозяйствъ, тѣмъ наслѣдственныя права лицъ женскаго пола становятся шире и опредѣлительнѣе.

При обсужденіи вопроса о кодификаціи народныхъ обычаевъ, относящихся къ праву наслѣдованія, нельзя также пройти молчаніемъ *видоизмѣненія* таковыхъ подъ вліяніемъ круговой поруки и хозяйственныхъ соображеній общины.

Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ вліяніе это бываетъ иногда весьма значительно. Такъ въ иныхъ мѣстностяхъ, судя по показаніямъ крестьянъ, дѣла о наслѣдствѣ рѣшаются сельскими сходами и волостными судами „глядя по человѣку", причемъ всегда имѣется въ виду круговая порука (III: 315. 319. 329). Въ распредѣленіи наслѣдства міръ вообще обращаетъ вниманіе на нравственность лица („рабочій или лѣнивый"), а также на степень участія наслѣдниковъ въ пріобрѣтеніи имущества, хотя обыкновенно каждому изъ наслѣдниковъ мужскаго пола дается столько, чтобы они могли самостоятельно вести хозяйство и уплачивать подати (III: 21. 51. 67. 301. 441).

Правда, въ тѣхъ мѣстностяхъ, откуда заимствованы приведенныя показанія, крестьянами было заявлено, что у нихъ никакихъ опредѣленныхъ наслѣдственныхъ обычаевъ нѣтъ, но заявленія этого нельзя принять буквально, такъ какъ изъ дальнѣйшихъ отвѣтовъ

крестьянъ членамъ волостной коммисіи, а также изъ рѣшеній самихъ волостныхъ судовъ видно, что и въ этихъ мѣстностяхъ существуютъ опредѣленныя правила относительно порядка наслѣдованія, сходныя съ обычаями прочихъ мѣстностей (*), но только примѣненіе этихъ правилъ не имѣетъ безусловнаго характера, а во многомъ зависитъ отъ административныхъ соображеній общины (**).

Таковы, по нашему мнѣнію, главнѣйшія причины, препятствующія кодификаціи наслѣдственныхъ крестьянскихъ обычаевъ.

Нельзя, однакоже, не замѣтить, что вопросъ о кодификаціи народныхъ юридическихъ обычаевъ по своей новизнѣ заслуживаетъ особаго и всесторонняго обсужденія и не можетъ быть выясненъ въ надлежащей степени при обозрѣніи одной только какой-нибудь группы правоотношеній. Сколько намъ извѣстно, означенный вопросъ даже не поднимался въ нашей юридической литературѣ, и всѣ пренія до сихъ поръ сводились лишь

(*) Срав. напр. показаніе крестьянъ Норской волости, Яросл. губ. и уѣзда (III: 21) и рѣшеніе суда той же волости по дѣлу между зятемъ и тестемъ объ имуществѣ безвѣстно умершей жены перваго и дочери послѣдняго (III: 27 № 36).

(**) Наглядный примѣръ подобнаго видоизмѣненія обычая подъ вліяніемъ хозяйственныхъ и общинныхъ интересовъ представляетъ рѣш. Димеровск. вол. суда Кіевск. губ. и уѣзда (V: 4 № 2), въ коемъ судъ, признавая существованіе правила, по которому наслѣдство послѣ отца должно дѣлиться поровну между сыновьями, тѣмъ не менѣе отступаетъ отъ этого начала и выдѣляетъ малолѣтнему наслѣднику меньшую долю имущества сравнительно съ совершеннолѣтними, мотивируя это тѣмъ, что послѣдніе „пріобрѣтали общими силами уборку хлѣба и исполняли другія хозяйственныя обязанности, а также отбывали всѣ общественныя повинности, какъ натуральныя, такъ и денежныя, и кромѣ того уплачиваютъ государственныя подати и другіе сборы за двѣ умершія души.“

къ тому, насколько народные юридическіе обычаи могутъ послужить матеріаломъ для законодательства въ смыслѣ объединенія писаннаго права съ обычнымъ. Предшествующее изложеніе показало, что такого объединенія, по крайней мѣрѣ по отношенію къ наслѣдственному праву, достигнуть невозможно вслѣдствіе глубокаго различія, существующаго между началами обычнаго и писаннаго права. Однако, отъ невозможности подобнаго органическаго сліянія положеній обоихъ означенныхъ видовъ права нельзя еще выводить заключенія, что одна которая-нибудь система правоотношеній должна быть неминуемо принесена въ жертву другой. Положенія какъ писаннаго, такъ и обычнаго права, по тѣмъ вопросамъ, гдѣ сліяніе ихъ въ законодательствѣ оказывается по извѣстнымъ причинамъ недостижимымъ, тѣмъ не менѣе могутъ быть сопоставлены рядомъ, не поглощая другъ друга. При подобной комбинаціи могутъ встрѣтиться, конечно, различныя затрудненія, обойти которыя будетъ не легко, но отрицать ихъ возможность вообще не представляется основанія, тѣмъ болѣе, что у насъ обычное право имѣетъ значеніе и характеръ сословнаго права въ томъ смыслѣ, что оно составляетъ исключительное достояніе и продуктъ крестьянскаго быта. Въ виду этого мы и остановились на вопросѣ о кодификаціи крестьянскихъ наслѣдственныхъ обычаевъ, которые въ такой формѣ могли бы войти въ будущее гражданское уложеніе, какъ особый, спеціальный законъ для лицъ, принадлежащихъ къ крестьянскому состоянію, хотя, къ сожалѣнію, при современномъ состояніи обычнаго права, намъ и на этотъ вопросъ пришлось дать отрицательный отвѣтъ.

Такимъ образомъ выставленное нами правило о примѣненіи къ дѣламъ о наслѣдованіи крестьянъ мѣст-

ныхъ юридическихъ обычаевъ по необходимости пріобрѣтаетъ процессуальный оттѣнокъ, ибо въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ при разсмотрѣніи означенныхъ дѣлъ отъ суда нельзя требовать и даже ожидать знанія мѣстныхъ обычаевъ, послѣдніе становятся предметомъ судебнаго доказательства и примѣненіе ихъ обусловливается заявленіемъ о томъ тяжущихся сторонъ, причемъ сторона, ссылающаяся на примѣненіе обычая, обязана доказать существованіе онаго. Нельзя, конечно, не согласиться, что этотъ способъ признанія за обычаемъ силы дѣйствующаго въ странѣ права имѣетъ свои недостатки, ибо въ такомъ случаѣ для крестьянъ устанавливается исключительное и болѣе тяжелое положеніе на судѣ сравнительно съ прочими тяжущимися, такъ какъ послѣднимъ приходится доказывать одни только факты, а крестьянамъ, кромѣ того, самое существованіе обычая, если они на него ссылаются. Но подобное стѣсненіе, по нашему мнѣнію, далеко не можетъ сравниться съ тѣми невыгодными послѣдствіями, которыя явятся для крестьянъ въ случаѣ неудачной кодификаціи ихъ обычаевъ. Даже при полномъ успѣхѣ въ дѣлѣ кодификаціи нельзя упускать изъ виду того обстоятельства, что обычай, превращаясь въ законъ, утрачиваетъ одно изъ важнѣйшихъ своихъ достоинствъ, заключающееся въ своевременномъ и вѣрномъ приспособленіи къ вновь возникающимъ жизненнымъ отношеніямъ. Вышеупомянутое стѣсненіе не можетъ быть признано особенно обременительнымъ также и потому, что у насъ главная масса дѣлъ о наслѣдованіи крестьянъ разсматривается въ судахъ, рѣшающихъ эти дѣла *по обычаю*, т. е. въ волостныхъ судахъ. Слѣдовательно, доказывать существованіе обычая крестьянамъ приходиться лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда означенныя дѣла поступаютъ на разсмотрѣніе мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій. Но и здѣсь необходимость

доказыванія мѣстныхъ обычаевъ можетъ быть значительно ослаблена чрезъ сокращеніе, по отношенію къ крестьянскимъ наслѣдственнымъ дѣламъ, юрисдикціи мировыхъ и общихъ судебныхъ установленій и соотвѣтствующее расширеніе юрисдикціи волостныхъ судовъ. Впрочемъ, подробное разсмотрѣніе этого послѣдняго вопроса не входитъ въ нашу задачу и можетъ быть предметомъ самостоятельнаго изслѣдованія въ виду тѣсной его связи съ устройствомъ у насъ волостныхъ судовъ вообще и предполагаемой реформой этихъ судовъ (*).

Независимо отъ изложеннаго, примѣненіе мѣстныхъ обычаевъ къ дѣламъ о наслѣдованіи крестьянъ, вмѣсто общаго закона, не всегда представляется вмѣстѣ съ тѣмъ безусловно необходимымъ и должно имѣть, по нашему мнѣнію, свои естественные *предѣлы*. Исключенія могутъ касаться какъ личности наслѣдниковъ, такъ и имущества, входящаго въ составъ наслѣдства. Нѣтъ, напр., основанія руководствоваться въ спорахъ о наслѣдствѣ крестьянскими обычаями въ тѣхъ случаяхъ, когда наслѣдниками послѣ умершаго крестьянина окажутся лица, не принадлежащія къ сословію сельскихъ обывателей. Что касается имущества, входящаго въ составъ наслѣдства, то въ этомъ отношеніи необходимо имѣть въ виду, что самое изъятіе изъ общаго порядка наслѣдованія, въ смыслѣ примѣненія мѣстныхъ обычаевъ, допускается для крестьянъ главнымъ образомъ по причинѣ своеобразныхъ условій ихъ хозяйственнаго быта. Крестьянское же хозяйство, не говоря о личномъ трудѣ членовъ крестьянской семьи, слагается изъ подвижимаго

(*) *Кронидъ Малышевъ.* Курсъ гражд. судопр., т. 3. *М. П. Зарудный.* Законы и жизнь. Итоги изслѣдованія крест. судовъ. 1874 г. *А. П. Языковъ.* О преобразованіи волостнаго суда (рефератъ). 1885 г. *Петръ Скоробогатый.* Очерки крест. суда 1882 г. *П. Тютрюмовъ.* Къ вопросу о реформѣ крест. суда—Юрид. Вѣстникъ, 1886 г., ноябрь.

и движимаго имущества, причемъ перваго рода имущество ограничивается обыкновенно предѣлами крестьянскаго надѣла, а второе образуется изъ совокупности вещей и предметовъ, составляющихъ большею частію необходимое подспорье и принадлежность сельскаго хозяйства.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что примѣненіе наслѣдственныхъ обычаевъ къ подобному составу крестьянскаго наслѣдства, т. е. когда таковое состоитъ изъ надѣла и принадлежащаго къ оному движимаго имущества, безотносительно къ пространству и цѣнности, представляется вполнѣ цѣлесообразнымъ. Но недостаточность крестьянскихъ надѣловъ для сколько-нибудь успѣшнаго веденія сельскаго хозяйства сдѣлалась въ настоящее время почти аксіомой (*). Извѣстно также, что для содѣйствія крестьянамъ въ покупкѣ земли правительство учредило въ 1882 г. крестьянскій поземельный банкъ, который съ этою цѣлію выдаетъ крестьянамъ денежныя ссуды, причемъ наибольшій размѣръ выдаваемой ссуды опредѣляется въ 125 руб. на каждую наличную душу мужскаго пола въ сельскомъ обществѣ или товариществѣ крестьянъ, при общинномъ пользованіи землею, и въ 500 руб. на каждаго домохозяина при подворномъ владѣніи (полож. о крест. позем. банкѣ, 18 мая 1882 г., ст. 17). Этою мѣрою облегчается для крестьянскаго хозяйства возможность восполнить свои земельные недостатки, такъ что теперь, благодаря весьма значительной суммѣ выданныхъ ссудъ, оно во многихъ мѣстностяхъ переступаетъ уже границы обыкновеннаго крестьянскаго надѣла. Отсюда слѣдуетъ,

(*) См. напр. статью г. *Немировскаго*: Крестьянскій поземельный банкъ въ связи съ современнымъ положеніемъ крестьянскаго хозяйства—Юрид. Вѣстникъ за 1886 г., іюнь и іюль.

что правило о примѣненіи мѣстныхъ обычаевъ къ дѣламъ о крестьянскомъ наслѣдствѣ должно быть распространено до извѣстной нормы и на подвижимое имущество, пріобрѣтаемое крестьянами внѣ отведеннаго имъ надѣла. Указать предѣлы подобнаго распространенія можно, конечно, только приблизительно, соображаясь съ потребностями и стоимостію крестьянскаго хозяйства средней руки. За основаніе оцѣнки, пожалуй, можно было бы принять наивысшій размѣръ выдаваемой крестьянскимъ банкомъ на каждаго домохозяина, при подворномъ владѣніи ссуды, т. е. 500 руб. Но указанный размѣръ ссуды далеко не всегда совпадаетъ со стоимостію пріобрѣтаемой крестьянами при содѣйствіи банка земли, и предполагаетъ доплату со стороны покупщиковъ въ тѣхъ случаяхъ, когда обусловленная продавцемъ цѣна превышаетъ размѣръ могущей быть полученной изъ банка ссуды (полож., ст. 19). Кромѣ того, необходимо также принять въ соображеніе, что стоимость земли за послѣднее время значительно возросла и что цѣна оной въ разныхъ мѣстностяхъ весьма не одинакова. Въ виду этого предѣльная оцѣнка въ 500 руб. для пріобрѣтаемой въ подспорье надѣлу внѣнадѣльной земли едвали можетъ быть признана достаточной въ сравненіи съ тѣмъ количествомъ земли, которое въ дѣйствительности потребно для правильнаго и успѣшнаго веденія хозяйства средней величины. Поэтому въ примѣненіи къ разсматриваемому вопросу оцѣнка пріобрѣтаемаго крестьянами внѣ надѣла недвижимаго имущества можетъ быть увеличена и доведена, примѣрно, до стоимости втрое большей, т. е. 1500 руб., въ особенности если принять въ расчетъ сложную организацію крестьянскихъ семей, при которой хозяйственныя силы семьи бываютъ иногда весьма значительны (*).

(*) До какихъ размѣровъ доходитъ иногда крестьянское хо-

Само собою разумѣется, что все сказанное не должно относиться къ такому недвижимому имуществу, которое пріобрѣтено крестьянами *въ предѣлахъ городской черты*, такъ какъ между подобнымъ имуществомъ и потребностями сельскаго крестьянскаго хозяйства не существуетъ прямой, непосредственной связи. Наслѣдованіе въ такого рода недвижимыхъ имуществахъ во всякомъ случаѣ должно подчиняться общему законному порядку, какова бы ни была стоимость самаго имущества.

Что касается движимости, не составляющей принадлежности крестьянскаго надѣла, то и въ этомъ отношеніи полезно расширить рамки примѣненія обычаевъ вмѣсто закона, причемъ размѣръ стоимости такого движимаго имущества можно опредѣлить уравнительно съ предѣльною цѣною недвижимаго имущества, пріобрѣтеннаго внѣ надѣла.

И такъ, правило о примѣненіи къ дѣламъ о наслѣдованіи послѣ лицъ крестьянскаго состоянія мѣстныхъ обычаевъ ограничивается слѣдующими предѣлами:

зяйство при сложныхъ формахъ семьи можно видѣть изъ слѣдующаго примѣра. Въ дер. Раевкѣ, Никольск. у., Самарск. губ. проживала семья крестьянъ Фортушныхъ, состоявшая изъ большака Михайлы, его женатыхъ братьевъ, сыновей и внуковъ, которая владѣла земельнымъ участкомъ въ нѣсколько сотъ десятинъ, изъ коихъ 500 дес. были куплены еще отцомъ Михайлы, Иваномъ, у бывшей своей помѣщицы (*П. Матвѣевъ.* Очерки нар. юрид. быта Сам. губ., стр. 9). Считая среднимъ числомъ по 40 руб. за десятину, оказывается, что означенная семья владѣла недвижимою собственностію на сумму свыше 20000 руб. Правда, приведенный случай есть довольно рѣдкое явленіе даже для прошлаго времени, но въ виду послѣдовавшаго ограниченія свободы семейныхъ раздѣловъ у крестьянъ, сосредоточеніе болѣе или менѣе значительной недвижимой собственности во владѣніи одной семьи, при нераздѣльномъ хозяйствѣ, представляется въ будущемъ весьма возможнымъ.

оно не распространяется на тѣ случаи, когда по наслѣдству переходитъ: во 1-хъ) *недвижимое имущество, находящееся въ чертѣ города или пріобрѣтенное вне крестьянскаго надѣла, цѣною свыше 1500 руб.* и во 2-хъ) *движимое имущество, не составляющее принадлежности крестьянскаго надѣла, стоимостію свыше 1500 руб.*

Въ заключеніе намъ остается сказать нѣсколько словъ о средствахъ, коими стороны, ссылающіяся на примѣненіе крестьянскихъ наслѣдственныхъ обычаевъ, могутъ удостовѣрить передъ судомъ существованіе и содержаніе таковыхъ. Въ уставѣ гражд. суд. не имѣется точнаго указанія относительно того, какія приводимыя сторонами данныя должны быть признаваемы достаточными для засвидѣтельствованія существованія обычая на судѣ. Постановленіе 130 ст. уст. гражд. суд., дозволяющее мировому судьѣ при постановленіи рѣшенія руководствоваться общеизвѣстными мѣстными обычаями по ссылкѣ одной или обѣихъ тяжущихся сторонъ, представляется по отношенію къ разсматриваемому вопросу не совсѣмъ яснымъ и недостаточнымъ. Оно неясно—вслѣдствіе употребленнаго въ немъ неопредѣленнаго выраженія „общеизвѣстные“ обычаи, и недостаточно—по причинѣ отсутствія въ немъ указанія, какъ слѣдуетъ поступать, когда обычай, на который ссылается сторона, не принадлежитъ къ категоріи общеизвѣстныхъ. По мысли редакторовъ судебныхъ уставовъ мировой судья, какъ мѣстный землевладѣлецъ и коренной житель, долженъ знать существующіе въ его мѣстностяхъ обычаи. Поэтому, коль скоро одна изъ сторонъ ссылается на обычай, существованіе котораго мировому судьѣ извѣстно, то онъ можетъ примѣнить обычай къ рѣшенію дѣла безъ всякихъ дальнѣйшихъ доказательствъ существованія сего обычая со стороны

самихъ тяжущихся. Въ этомъ смыслѣ и употреблено, какъ намъ кажется, въ законѣ выраженіе „общеизвѣстные мѣстные обычаи". Если же обычай недостаточно извѣстенъ мировому судьѣ, то, по предположенію редакторовъ, мировой судья въ этомъ случаѣ обязанъ былъ, для провѣрки заявленія сторонъ о существованіи такого обычая, пригласить отъ трехъ до шести заслуживающихъ довѣрія мѣстныхъ жителей. Это предположеніе, однакоже, не вошло въ законъ, такъ какъ было отвергнуто при обсужденіи проекта устава гражд. судопроизводства въ государственномъ совѣтѣ, который нашелъ, что правило о вмѣненіи мировому судьѣ въ обязанность при рѣшеніи дѣла на основаніи обычая приглашать для подтвержденія таковаго мѣстныхъ жителей можетъ повести на практикѣ къ напрасному усложненію и замедленію производства мироваго судьи, *которому, какъ мѣстному жителю, самому извѣстны главнѣйшіе обычаи, существующіе въ его мѣстности*, а также къ обремененію обывателей, которые, при существованіи такого правила, будутъ отвлекаемы отъ собственныхъ дѣлъ (Судебные уставы 20-го ноября 1864 г. съ излож. разсужд., на коихъ они основаны. Изд. госуд. канцеляріи. Уст. гражд. суд., стр. 73).

Отсюда, повидимому, можно заключить, что ст. 130 уст. гражд. суд. устраняетъ даже самое право сторонъ доказывать тѣмъ или другимъ способомъ существованіе обычая, на примѣненіе коего онѣ ссылаются, такъ какъ законъ дозволяетъ руководствоваться только „общеизвѣстными мѣстными" обычаями, т. е. такими, которые хорошо извѣстны мѣстному мировому судьѣ, разсматривающему дѣло, и которые посему не подлежатъ ни дальнѣйшему удостовѣренію, ни опроверженію, если одна изъ сторонъ отрицаетъ существованіе обычая. Между тѣмъ ст. 38

общ. полож. о крестьянахъ, предоставляющая послѣднимъ въ дѣлахъ о наслѣдованіи руководствоваться мѣстными своими обычаями, имѣетъ значеніе категорическаго правила, примѣненіе котораго къ разрѣшенію означенныхъ дѣлъ является для суда обязательнымъ независимо отъ того, извѣстны ли ему мѣстные наслѣдственные крестьянскіе обычаи или неизвѣстны. Такимъ образомъ отсутствіе точныхъ и ясныхъ правилъ о доказательствахъ существованія юридическихъ обычаевъ составляетъ нѣкоторый пробѣлъ въ нашемъ законодательствѣ, который легко можетъ вызвать на практикѣ различныя недоразумѣнія, весьма невыгодныя по своимъ послѣдствіямъ для тяжущихся. „Мы пытались, говоритъ г. *Дашкевичъ*, въ доказательство обычая представлять приговоры крестьянъ о существованіи у нихъ обычая для разрѣшенія спорнаго дѣла, но наши общія судебныя мѣста всегда отвергаютъ такое доказательство, какъ заключающее въ себѣ внѣсудебныя показанія группы лицъ“ (*). Между тѣмъ приговоры сельскаго схода о существующихъ въ извѣстной мѣстности юридическихъ обычаяхъ слѣдуетъ признать, при современномъ состояніи у насъ обычнаго права, однимъ изъ лучшихъ и вѣрнѣйшихъ способовъ удостовѣренія обычаевъ на судѣ. Поэтому установленіе въ законѣ положительнаго правила о томъ, какія изъ представляемыхъ сторонами данныхъ должны быть принимаемы судомъ въ доказательство существованія мѣстнаго обычая, является крайне необходимымъ какъ въ интересахъ тяжущихся сторонъ, такъ и для руководства самихъ судей.

Въ частности по отношенію къ наслѣдственному праву упомянутые выше *приговоры сельскаго схода* слѣ-

(*) Будущее гражданское уложеніе и народные обычаи. Юрид. Вѣстникъ, 1886 г., августъ, стр. 500.

дуетъ признать самымъ достовѣрнымъ и надежнѣйшимъ доказательствомъ мѣстныхъ наслѣдственныхъ обычаевъ крестьянъ, такъ какъ на практикѣ сельскіе сходы составляютъ нерѣдко первую и ближайшую мѣстную инстанцію, разсматривающую дѣла о крестьянскомъ наслѣдствѣ по связи таковыхъ съ семейными раздѣлами (*). Напротивъ, нельзя полагаться на удостовѣреніе обычая волостнымъ правленіемъ, ибо легко возможно, что подобныя удостовѣренія будутъ фабриковаться волостными писарями за плату, отражая въ себѣ не столько народныя правовыя воззрѣнія, сколько личную фантазію авторовъ. Кромѣ приговоровъ сельскаго схода въ доказательство существованія обычая могутъ быть принимаемы свидѣтельскія показанія, а также рѣшенія мѣстныхъ судовъ, постановленныя по однороднымъ дѣламъ на основаніи обычая. Что касается сборниковъ обычнаго права, то послѣдніе, по нашему мнѣнію, въ такомъ только случаѣ могутъ считаться безспорнымъ доказательствомъ мѣстныхъ обычаевъ, если они дѣйствительно будутъ служить практическимъ руководствомъ въ судахъ, рѣшающихъ дѣла по обычаю. Сборниковъ обычнаго права съ подобнымъ значеніемъ у насъ пока не существуетъ, но можно надѣяться, что они появятся при надлежащемъ преобразованіи волостнаго суда и съ введеніемъ въ личный составъ его образованнаго юридическаго элемента, что по многимъ соображеніямъ представляется весьма желательнымъ.

(*) См. *Е. Якушкинъ.* Обычное право, XXV. *С. В. Пахманъ.* Обычное гражданское право въ Россіи, т. 1, стр. 386.

ПЕРЕЧЕНЬ МАТЕРІАЛОВЪ, СОЧИНЕНІЙ, СТАТЕЙ И ЗАМѢТОКЪ ПО ОБЫЧНОМУ КРЕСТЬЯНСКОМУ ПРАВУ, НА КОТОРЫЕ СДѢЛАНЫ ССЫЛКИ ВЪ ТЕКСТѢ И ПРИМѢЧАНІЯХЪ.

1) Труды коммисіи по преобразованію волостныхъ судовъ, 1873—1874 г. въ 7 томахъ.

2) Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край. Томъ VI. Здѣсь между прочимъ помѣщены собранныя г. *Чубинскимъ* рѣшенія волостныхъ судовъ Кіевской, Волынской, Подольской, Полтавской, Гродненской, Минской и Бессарабской губерній, по дѣламъ уголовнымъ и гражданскимъ. Послѣднія, числомъ 258, занимаютъ 3-ю часть тома.

3) Извлеченія изъ рѣшеній волостныхъ судовъ Сергачскаго и Балахнинскаго уѣздовъ Нижегородской губерніи (съ 1861 по 1870 г. включительно), сдѣланныя *П. А. Мулловымъ*. Помѣщены въ приложеніи ко 2 тому „Обычнаго гражд. права въ Россіи“ С. В. Пахмана, стр. 375—400.

4) *С. В. Пахманъ*. Обычное гражд. право въ Россіи. Юридическіе очерки. Спб. 1877—1879 г., 2 тома.

5) *Кронидъ Малышевъ*. Отзывъ о сочиненіи С. В. Пахмана „Обычное гражд. право въ Россіи.“ Спб. 1879 г.

6) *Е. Якушкинъ.* Обычное право. Выпускъ первый. Матеріалы для библіографіи обычнаго права. Ярославль. 1875 г.

7) *П. С. Ефименко.* Сборникъ народныхъ юридическихъ обычаевъ Архангельской губерніи.

8) *Его же:* Придапое по обычному праву крестьянъ Архангельской губерніи. – Записки русс. географ. общества по отд. этнографіи, 1873 г., т. 3, стр. 1—114.

9) *Его же:* Семья архангельскаго крестьянина по обычному праву.—Судебный Журналъ, 1873 г., кн. 4, стр. 32—114.

10) *Александра Ефименко.* Изслѣдованія народной жизни. Выпускъ первый. Москва. 1884 г.

11) *И. Г. Оршанскій.* Изслѣдованія по русскому праву обычному и брачному. Спб. 1879 г. Народный судъ и народное право, стр. 1—210.

12) *Владиміръ Майновъ.* Очеркъ юридическаго быта мордвы. Спб. 1885 г. (267 стр.).

13) *П. Чубинскій.* Очерки народныхъ юридическихъ обычаевъ и понятій въМалороссіи.--Записки русс. географ. общества по отд. этнографіи, 1869 г., т. 2, стр. 679—715.

14) *Его же:* Краткій очеркъ народныхъ юрид. обычаевъ, составленный на основаніи прилагаемыхъ гражданскихъ рѣшеній.—Труды этнографическо-статистической экспедиціи въ западно-русскій край, т. VI, стр. 29—80.

15) *М. Харузинъ.* Свѣдѣнія о казацкихъ общинахъ на Дону. Выпускъ первый. Москва. 1885 г. (388 стр.).

16) *Его же:* Очерки юридическаго быта народностей Сарапульскаго уѣзда Вятской губерніи. Москва. 1883 г. (38 стр.).

17) *П. Матвѣевъ.* Очерки народнаго юридическаго быта Самарской губерніи. Спб. 1877 г. (38 стр.).

18) *Его же*: Что сдѣлано у насъ по обычному праву.—Записки русс. геогр. общ. по отд. этнографіи, 1867 г., т. 1, стр. 637—652.

19) *І. Иллюстровъ.* Юридическія пословицы и поговорки русскаго народа. Москва. 1885 г.

20) *И. Снегиревъ.* Обозрѣніе юридическаго быта въ продолженіи древняго и средняго періода русской жизни. (Отсюда заимствована нами пословица, служащая эпиграфомъ къ сочиненію).—Юрид. Записки П. Рѣдкина. Москва. 1842 г., кн. 2, стр. 263—305.

21) *А. М. Еврѣинова.* О значеніи и предѣлахъ обычнаго права при разработкѣ отдѣльныхъ институтовъ гражданскаго уложенія.(Рефератъ, доложенный въ засѣд. гражд. отд. Спб. юрид. общества, 12 февр. 1883 г.)

22) *И. В. Калачовъ.* Объ отношеніи обычнаго права къ законодательству. Докладъ и пренія по докладу. Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 г. Москва. 1882 г., стр. 119—150.

23) *Его же*: Юридическіе обычаи въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ.—Архивъ историко-юрид. свѣдѣній Калачова, 1859 г., кн. 2, стр. 15—28.

24) *И. Тибашниковъ.* Желательное отношеніе будущаго гражданскаго уложенія къ обычному праву.—Журналъ Гражд. и Уголовн. права, 1885 г., кн. 3.

25) *П. Данкевичъ.* Будущее гражданское уложеніе и народные обычаи.—Юридическій Вѣстникъ, 1886 г., кн. 8.

26) *Князь И. Костровъ.* Юридическіе обычаи крестьянъ-старожиловъ Томской губерніи. Томскъ. 1886 г. (117 стр.).

27) *Василій Преображенскій.* Описаніе Тверской губерніи въ сельско-хозяйственномъ отношеніи. (Поря-

докъ наслѣдованія между госуд. поселянами Тверской губ. по мѣстнымъ обычаямъ, стр. 91 и слѣд.) Спб. 1854 г.

28) Священникъ *А. Архангельскій.* Село Давшино Ярославской губ., Пошехонскаго уѣзда.—Этнографическій сборникъ географ. общества, 1854 г., вып. 2, стр. 20 и слѣд.

29) Свящ. *П. Троицкій.* Село Лишицы и его окрестности (Тульской губ. Каширскаго уѣзда).—Этногр. сборникъ геогр. общ., 1854 г., вып. 2, стр. 89 и слѣд.

30) Свящ. *А. Рудневъ.* Село Голунь и Новомихайловское Тульской губерніи, Новосильскаго уѣзда.—Этногр. сборникъ геогр. общ. 1854 г., вып. 2, стр. 100 и слѣд.

31) *Аннемелле.* Бытъ Бѣлорусскихъ крестьянъ.—Этногр. сборн. геогр. общ., 1854 г. вып. 2.

32) Свящ. *И. Лебедевъ.* Бытъ крестьянъ Тверской губерніи, Тверскаго уѣзда.—Этнограф. сборникъ географ. общ., 1853 г., вып. 1, стр. 186 и слѣд.

33) Свящ. *М. Доброзраковъ.* Село Ульяновка (Лукояновск. у., Нижегор. губ.).—Этнограф. сборникъ географ. общ., 1853 г., вып. 1, стр. 44 и слѣд.

34) Свящ. *А. Преображенскій.* Волость Покрово-Сицкая (Ярославской губ., Мологск. уѣзда).—Этнограф. сборникъ географ. общ., 1853 г., вып. 1.

35) *Ѳ. К—въ.* О народныхъ юридич. обычаяхъ въ Царевококшайскомъ уѣздѣ.—Труды Казанскаго Статистическаго Комитета, 1869 г., вып. 1.

36) *М. В. Бравинъ.* Село Олепино и селенія, составляющія Олепинскую волость Горбатовскаго уѣзда, Нижегородской губерніи.—Нижегородскій Сборникъ, издаваемый губ. стат. комитетомъ, т. V. Нижній Новгородъ, 1875 г.

37) Свящ. *Т. Доброзраковъ.* Село Борисовское съ его приходскими селеніями Нижегородскаго уѣзда.—Нижегородскій Сборникъ, т. V, 1875 г.

38) Свящ. *Троицкій.* Нѣкоторыя особенности въ обычаяхъ ветлужскихъ жителей.—Нижегородскій Сборникъ, т. III, 1870 г.

39) Свящ. *А. Кордатовъ.* Самокрутка.—Нижегородскій Сборникъ, т. III, 1870 г.

40) Свящ. *А. Борисовскій.* Примѣты, обычаи и пословицы въ пяти волостяхъ Нижегородскаго уѣзда.—Нижегородскій Сборникъ, т. III, 1870 г.

41) Свящ. *Селезневъ.* Этнографическія свѣдѣнія о Рязанской губерніи. Народныя юридическія обычаи, существующіе въ Зарайскомъ уѣздѣ Рязанской губерніи. Рязань. 1871 г.

42) *И. Тимощенковъ.* Общественный бытъ и народные юрид. обычаи Казанской станицы.—Труды областнаго войска Донскаго стат. комитета, вып. 2. Новочеркаскъ. 1874 г.

43) *Н. Данильченко.* Этнографическія свѣдѣнія о Подольской губерніи. Выпускъ 1. Народныя юрид. обычаи и народн. вѣрованія, суевѣрья и предразсудки въ Литинскомъ уѣздѣ. Каменецъ-Подольскъ, 1869 г.

44) *В. Горбуновъ.* Сѣверо-восточная часть Городищенскаго уѣзда. Статис. очеркъ. Памятная книжка Пензенской губ. за 1870 г.

45) *М. Арнольдовъ.* Отъ Симбирска до Ногаткина. Симбирскія губернск. вѣдомости. 1868 г., №№ 45 и 46.

46) *В. Ю.* (*Юрловъ*). Описаніе пригородныхъ селеній Симбирскаго уѣзда. Замѣтки о народныхъ юрид. обычаяхъ. Симбирскія губ. вѣд. 1868 г., № 70.

47) Наблюденія мироваго посредника о нѣкоторыхъ юридическихъ обычаяхъ у крестьянъ Полтавской губ.,

Кременчугскаго уѣзда. Основа, 1862 г., февраль. стр. 17—34.

48) *В. Тарновскій.* Юридическій бытъ Малороссіи.— Юрид. Записки, изд. П. Рѣдкинымъ. Москва. 1842 г., кн. 2.

49) Свящ. *С. Котырло.* Юридическіе обычаи при бракахъ и раздѣлахъ (въ с. Русакахъ Горецкаго уѣзда). Могилевскія губ. вѣд. 1868 г., № 3, ч. неоф.

50) *И. Сердюковъ.* Крестьянская жизнь и обычаи въ Мстиславскомъ уѣздѣ. Могилевскія губ. вѣд. 1867 г., №№ 30, 50—52; 1868 г., № 14.

51) Свящ. *Тихонъ Успенскій.* Очеркъ юго-западной половины Шадринскаго уѣзда.—Пермскій Сборникъ, 1859 г., книга 1. Москва.

52) *И. Дерюжневъ* (госуд. крестьянинъ). Описаніе села Сосновки (Бугурусланскаго у. Сосновской вол.). Памятная книжка Самарской губ. за 1863—64 г.

53) *С. Постниковъ.* Кеврола (изъ путевыхъ замѣтокъ). Архангельскія губ. вѣд. 1865 г., №№ 26 и 28.

54) *Х. Мозель.* Матеріалы для географіи и статистики Россіи, собранные офицерами генеральнаго штаба. Пермская губернія. Спб. 1864 г.

55) Право наслѣдованія между крестьянами. Н. К. Воронежскій Телеграфъ. 1874 г., № 25.

56) Свящ. *Сергій Чучкинъ.* О народныхъ юрид. обычаяхъ, существующихъ въ подгородныхъ, города Михайлова Рязанской губерніи, Козловской, Щетинской и Прудской слободахъ. Рязанскія губ. вѣд. 1871 г., № 70.

57) *Е. Соловьевъ.* Юридическія формы отношеній между членами семьи въ Тетюшскомъ уѣздѣ. Казанскія губ. вѣд. 1875 г., №№ 26, 37, 46 и 47.

58) *Его же*: Отношенія между родственниками у крестьянъ Тетюшскаго уѣзда съ юридической точки зрѣнія. Казанскія губ. вѣд. 1874 г., №№ 97 и 99.

59) Свящ. *М. Макаровъ*. Юридическіе обычаи жителей Шенкурскаго уѣзда, Тулгасскаго прихода. Архангельскія губ. вѣд. 1868 г., №№ 42 и 44.

60) *П. Никулинъ*. Народные юрид. обычаи Донскихъ казаковъ 2 округа. Донская Газета, 1875 г., №№ 81, 82 и 84—87; 1876 г., №№ 40, 41 43 и 45.

61) Слобода Трехъизбянская (Старобѣльск. у. Харьков. губ.).—Этнограф. сборникъ географ. общ. 1858 г., вып. 3.

62) *И. Лядовъ*. Юридическіе народные обычаи крестьянъ Шуйскаго уѣзда.—Ежегодникъ Владимірскаго губ. статис. комитета, 1877 г., т. 1, вып. 2.

63) *И. Исаіевъ*. Слобода Уточка (Бирюченск. уѣзда). Воронежскія губ. вѣд. 1866 г., № 21.

64) Свящ. *Темперовъ*. Замѣтки о гражданскихъ юрид. обычаяхъ въ средѣ крестьянъ. Уфимскія губ. вѣд. 1866 г., № 5, часть неофиц.

65) Прозвища незаконнорожденныхъ. Z. Судебная Газета, 1883 г., № 6.

66) Свящ. *Г. Гуляевъ*. Финансовая сторона крестьянской свадьбы въ селѣ Васильевомъ Майданѣ.—Нижегородскій Сборникъ, 1875 г., т. V.

67) *А. Износковъ*. Обычаи горныхъ Черемисъ. Памятная книга Казанской губерніи на $18^{68/69}$ г. Казань. 1868 г.

68) О юридическихъ обычаяхъ нѣкоторыхъ слободъ Черкасскаго и Міусскаго округовъ. Донскія областныя вѣдомости, 1875 г., №№ 27 и 38.

69) Обычное право крестьянъ Архангельской губерніи. А-л-ъ. Архангельскія губ. вѣд. 1869 г., №№ 76 и 78.

70) *В. Магнитскій.* Очеркъ юридическаго быта чувашъ Ядринскаго, Козьмодемьянскаго и Чебоксарскаго уѣздовъ. Казан. губ. вѣд. 1868 г., №№ 82, 83, 85—89 и 93.

71) *А. Мартыновъ.* Село Богородское. Нижегородскія губ. вѣд. 1863 г., №№ 15 и 16.

72) *Н. Н—чъ.* Народные юрид. обычаи у татаръ Казанской губ.—Труды Казанскаго губер. статис. комитета. Казань. 1869 г., вып. 3.

73) Свящ. *Іоаннъ Архангельскій.* Народные обычаи въ с. Краковѣ Самарскаго уѣзда. Самарскія епархіальныя вѣд. 1875 г., №№ 3, 4, 9 и 15, 1876 г., №№ 6, 11, 19, 22.

74) *Ѳ. Барыковъ.* Обычаи наслѣдованія у государственныхъ крестьянъ, по свѣдѣніямъ, собраннымъ Министерствомъ государственныхъ имуществъ. Журналъ мин. госуд. имущ. 1862 г., №№ 9—12.

75) *М. Н. Харузинъ.* Программа для собиранія свѣдѣній объ юридическихъ обычаяхъ. Москва. 1887 г. (335 стр. и XXVII).

76) *И. Тютрюмовъ.* Крестьянская семья. Очеркъ обычнаго права. Русская рѣчь, 1879 г., №№ 4, 7, 10.

77) *Его же*: Крестьянское наслѣдственное право. Очеркъ народно-обычнаго права. Слово, 1881 г., кн. 1 и 2.

78) *Его же*: Крестьянскій судъ и начала народно-обычнаго права. Русское Богатство, 1883 г., кн. 9.

79) *Его же*: Къ вопросу о реформѣ крестьянскаго суда. Юридическій Вѣстникъ, 1886 г., ноябрь.

80) *А. Филиппов*. Современныя записи обычнаго права, Сѣверный Вѣстникъ, 1887 г., № 7.

81) Бытъ малорусскаго крестьянина.—Этнографическій сборникъ геогр. общ. 1858 г., вып. 3.

82) *Петръ Скоробогатый*. Очерки крестьянскаго суда. Москва. 1882 г. (101 стр.).

83) *П. Костылевъ*. До раздѣла и послѣ раздѣла. Архангельскія губ. вѣд. 1869 г., №№ 27 и 28.

84) *Алекс. Смирновъ*. Очерки семейныхъ отношеній по обычному праву русскаго народа. Вып. 1. Москва. 1878 г. (259 стр.).

85) *Я. Предтеченскій*. О свадебныхъ обрядахъ города Чердыни.—Пермскій Сборникъ, 1859 г., кн. I.

86) *И. Шрагъ*. Крестьянскіе суды Владимірской и Московской губ. Юридическій Вѣстникъ, 1877 г., сентябрь и октябрь.

87) *Е. Поповъ*. Изъ быта донецкаго станичника. Донская Газета, 1876 г., № 100.

88) *Ив. Хрущовъ*. Замѣтки о русскихъ жителяхъ береговъ рѣки Ояти.—Записки рус. геогр. общ. по отд. этнографіи, 1869 г., т. 2, стр. 51—75.—Статья эта не указана въ изложеніи, но въ ней можно найти любопытныя свѣдѣнія отъ участіи женщины наравнѣ съ мужчиной въ промысловомъ трудѣ, именно въ рубкѣ лѣса и вывозкѣ изъ лѣсу дровъ. Кромѣ того здѣсь имѣется описаніе свадебныхъ обрядовъ и исчисляется стоимость крестьянской свадьбы.

332

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Вступленіе . . . . . 3.

Основанія обычнаго права наслѣдованія. Опроверженіе теоріи трудоваго начала. Организація семьи въ крестьянскомъ быту. Имущественныя отношенія между членами семьи. Семейная собственность и вытекающія изъ нея послѣдствія для права наслѣдованія . . . . 12.

Порядокъ обычнаго наслѣдованія . . . . 111.

I. *Наслѣдованіе нисходящихъ* . . . . 112.

А. Наслѣдованіе нисходящихъ послѣ матери . 113.

Б. Наслѣдованіе нисходящихъ послѣ отца . 119.

1) Наслѣдованіе дочерей . . . 120.

2) Наслѣдованіе сыновей . . . 153.

II. *Наслѣдованіе особыхъ членовъ семьи* . . . 168.

III. *Наслѣдованіе восходящихъ родственниковъ и въ частности родителей* . . . . . 201.

1) Наслѣдованіе родителей послѣ сына . 203.

2) Наслѣдованіе родителей послѣ дочери . 209.

IV. *Наслѣдованіе боковыхъ родственниковъ* . . . 228.

V. *Наслѣдованіе супруговъ* . . . . . 243.

А) Наслѣдованіе жены послѣ мужа . . . 243.

1) Наслѣдованіе вдовы при дѣтяхъ . . 253.

2) Наслѣдованіе бездѣтной вдовы . . 268.

3) Наслѣдованіе снохи . . . . 276.

Б) Наслѣдованіе мужа послѣ жены . . . 284.

Заключеніе . . . . . 302.

Перечень матеріаловъ . . . . . 323.

2007058214